

ИСТОРИЯ
РОДА
МИХАЛКОВЫХ
XV–XVII века

И пь палнчннсѣ по е поды по е ланго лоду .
полоу хпипти мо фтк е п л . лнн бл дддд
гоу ндо ро па по е ланн вбо
лшен нпа
нчннсѣ
пам
реже
опа
опа

**ИСТОРИЯ
РОДА
МИХАЛКОВЫХ
XV–XVII века**

«Старая Басманная»
2020

Б. Н. Морозов

**ИСТОРИЯ
РОДА
МИХАЛКОВЫХ
XV–XVII века**

Москва
2020

УДК 929.52
ББК 63.2
М 801

*Издание осуществлено при поддержке
Российского Фонда Культуры*

Морозов Б.Н.

История рода Михалковых. XV–XVII века. – М.: Старая Басманная, 2020. – 328 с.: ил.

Автор книги, известный историк Б.Н. Морозов, впервые написал древнюю историю известного дворянского рода Михалковых. В основе книги — большое количество источников XV–XVII вв. Это — русские летописи, в том числе Лицевой (иллюстрированный) летописный свод XVI в., земельные акты, документы правительственных учреждений XVI–XVII вв., а также уникальные родословные записи, сохранившиеся в родовом архиве Михалковых. В результате исследования автору удалось доказать более древние корни рода — Михалковы являются потомками не только тверских бояр XIV–XV вв., но и древнейших вотчинников Переяславского княжества. В XVI в. представители рода Михалковых вошли в придворную элиту, а в начале XVII в., будучи в родстве с новой царской династией Романовых, приложили много усилий для восстановления разоренного дворцового хозяйства. Автором впервые вводятся в научный оборот сведения о роли Михалковых и их родичей Салтыковых в развитие русской культуры в 1610-е гг., в том числе в возрождение русского книгопечатания в Московском Кремле. Разнообразные документы из архива Михалковых второй половины XVII в., в том числе частные письма — «грамотки», позволили Б.Н. Морозову подробно описать участие стольника Д.В. Михалкова (предка ныне живущих представителей рода) во всех военных походах того времени, а также — его частную, семейную жизнь.

Книга предназначена как для специалистов по древнерусской истории, культуре и генеалогии, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей известных фамилий России.

На титуле герб работы художника-вitraжиста
Владимира Валерьевича Михайлова

© ООО «Российский фонд культуры», 2020.

© Благотворительный фонд «12», 2020.

© Морозов Б.Н., текст, 2020.

© «Исторический музей», иллюстрации, 2020.

© «Музеи Московского Кремля», иллюстрации, 2020.

© Баранов С.В., Благов В.В., Миронов С.Ю., Никитин А.А.,
Оверченко В.Е., Серегин В.Н., Сушенок А.М., иллюстрации, 2020.

© ООО «Старая Басманная», оформление, 2020.

ISBN 978-5-907169-36-4

Книга о древнем роде Михалковых

Сегодня в России фамилия Михалковых прежде всего ассоциируется с поэтом, автором гимна страны Сергеем Владимировичем Михалковым и его сыновьями Андреем Сергеевичем и Никитой Сергеевичем — кинорежиссерами, классиками российского кино. История их старинного рода ранее изучалась, но сейчас пришло время более подробных исследований. Благодаря счастливому стечению обстоятельств и энтузиазму Никиты Сергеевича Михалкова за работу взялся известный историк, археограф и генеалог Борис Николаевич Морозов.

Результат изучения Б. Н. Морозовым памятников отечественной письменности превзошел все ожидания. История дворянского рода Михалковых до XVIII в. превратилась в самостоятельную книгу, в которой жизнь и деятельность его представителей на протяжении многих веков неизменно переплетается с ключевыми событиями истории России.

Особую роль в изучении рода Михалковых сыграли документы Российского государственного архива древних актов, среди которых следует выделить разъезжую грамоту конца XV в., собственноручно подписанную родоначальником фамилии Михалковых — Федором Михайловичем (сыном Михаила-Михалки). Но корни рода гораздо глубже: исследование их землевладения привело к выводу о том, что предки Михалковых — древнейшие русские вотчинники, сохранявшие свои переяславские села с конца XIII в. до эпохи Ивана Грозного.

Дальнейшее вхождение Михалковых в правящую элиту Московского государства было непростым. Вокруг московского великого князя к началу XV в. уже сложился тесный круг фамилий старомосковского боярства. Чтобы попасть в него, потомкам тверских бояр Михалковым пришлось начинать со службы великокняжескими судьями и приставами в родном Переяславском уезде, а также — у удельных князей. Однако некоторые представители рода следующего поколения уже с середины XVI в. служили при дворе Ивана IV. Речь идет о двух братьях — Андрее и Полуекте Тимофеевичах Михалковых — участниках многочисленных военных походов времен покорения Казанского царства и Ливонской войны.

В книге впервые исследована связь Михалковых с самым известным памятником русской книжной культуры XVI в. — Лицевым летописным сводом. Среди сотен миниатюр, которые освещают все значимые события русской истории, автором найдены миниатюры, посвященные военным походам, в которых принимали участие Андрей и Полуект Михалковы. Так, одна из миниатюр Летописного свода определенно показывает Полуекта Тимофеевича Михалкова, согласно летописному тексту, в 1554 г. преследовавшего в Каспийском море свергнутого астраханского хана. Столь точная «расшифровка» изображения в Лицевом своде — редчайший случай в современной исторической науке.

Михалковых вызывали во дворец и для переговоров с иностранными державами. В критический момент войны с Речью Посполитой в 1579 г. именно Андрей Михалков был отправлен гонцом к польскому королю Стефану Баторию, с которым Иван Грозный пытался вести переговоры о мире. Гонец был задержан и стал польским пленником. Царь Иван упоминал Андрея Михалкова в своем послании Баторию 1581 г., которое известно как яркий литературный памятник. Но в истории рода Михалковых ранее это послание не упоминалось.

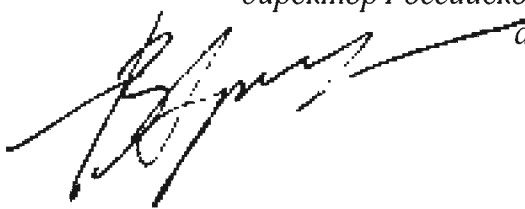
Деятельность следующего видного представителя рода — Константина Ивановича Михалкова — рассматривается автором в обширной главе, посвященной Смутному времени и России при первом Романове. Между владелицами соседних костромских родовых сел Домнино и Молвитино — теткой Константина Екатериной Андреевной Михалковой (в замужестве Салтыковой) и Ксенией Ивановной Шестовой, матерью царя Михаила Романова — существовала давняя личная дружба, подкрепленная годами преодоления тягот Смуты. Достаточно сказать, что Иван Сусанин, отводя отряд поляков от села Домнино, спасал не только Михаила Романова с матерью, но и сопровождавших их братьев Салтыковых (детей Екатерины Андреевны) и Константина Михалкова. Опекая молодого царя, они уже в Костроме образовали своеобразное «временное правительство»: Борис Салтыков стал дворецким, управляющим обширным царским хозяйством, Михаил Салтыков — оружничим Кремля, а их двоюродный брат Константин Михалков — постельничим, ведавшим личным обиходом царя и его охраной, и печатником — хранителем государственной печати, которой запечатывались все жалованные грамоты новой власти.

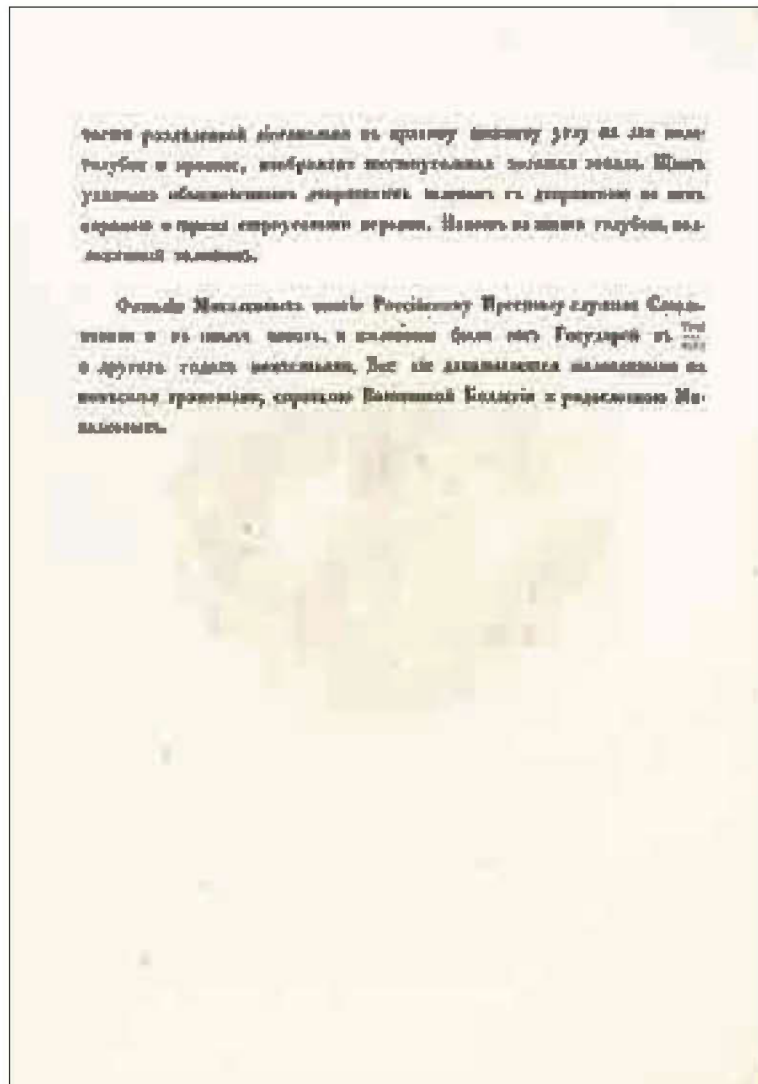
Новаторской является и глава, посвященная возрождению и развитию представителями рода Михалковых книжной культуры в разоренном Смутой Российском государстве. По их приказам в Кремле в 1615 г. было восстановлено русское книгопечатание, основана специальная типография. На основе Травника-Лечебника из библиотеки Ивана Грозного, чудом сохранившегося в Кремле в годы Смуты, в 1616 г. был создан уникальный иллюстрированный справочник по лекарственным растениям «Благопрохладный вертоград здравью», который лег в основу всей отечественной медицины (этот шедевр русской книжности также хранится в Архиве древних актов).

Если в первой четверти XVII в. история рода Михалковых представляет собой макроисторию возрождения страны после Смутного времени, то во второй половине столетия рассказ о жизни рода — это рассказ о жизни стольника Дмитрия Васильевича Михалкова (ум. 1684), представителя служилого сословия России. Дмитрий Васильевич оставил обширный архив, из которого мы узнаем как об его участии во всех крупных походах русской армии, так и о частной жизни: он бережно сохранил брачные документы и переписку с женой, где основное внимание уделено им ведению хозяйства.

Раскрывая историю славного рода Михалковых в контексте истории России, автор создал основанный на источниках фундаментальный научный труд, который наверняка вызовет живой интерес всех, кто неравнодушен к истории нашего Отечества, труд, который станет настольной книгой для специалистов по русской генеалогии.

В.А. Аракчеев
доктор исторических наук,
директор Российского государственного
архива древних актов

Дворянские гербы появились в России только в XVIII в. — после указа Петра Великого 1722 г. о создании Герольдии. Важнейшим этапом отечественной геральдики был указ императора Павла I от 20 (31) января об учреждении «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской империи» — свода гербов российских дворянских родов, тома которого стали регулярно издаваться. Всего в 1798–1836 гг. было опубликовано только 10 его частей из 22.

Герб Михалковых был включен под № 64 в Часть V «Общего Гербовника», которая была утверждена императором Павлом I 22 октября 1800 г. и издана в том же году.

Среди гербов ч. V «Общего Гербовника» гербы самых родовитых русских фамилий — князей Горчаковых, Кропоткиных, Львовых, графов Головиных, дворянских родов Бакуниных, Бердяевых, Воронцовых-Вельяминовых, Глинок, Головиных, Державиных, Ермоловых, Кутузовых, Огаревых, Писемских, Пушкиных, Радищевых, Уваровых и др. Есть там и гербы родственников Михалковым фамилий — Васильчиковых, Глебовых, Телепневых, Тихменевых. Но нас интересует Герб рода Михалковых. Вот как он описан в Гербовнике:

Часть V. «Общего Гербовника». № 64.

«Щит разделен перпендикулярно на две части, из коих в первой, в красном поле, виден до половины вылетающий белый орел с распростертым крылом, держащий в лапе серебряную шпагу, обвитую лаврами, и над орлом серебряная шестиугольная звезда. В левой части, разделенной диагонально к правому нижнему углу на два поля, голубое и красное, изображена шестиугольная золотая звезда. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложен золотом.

Фамилии Михалковых многие Российскому Престолу служили Стольниками и в иных чинах, и жалованы были от Государей в 1721/1763 и в других годах поместьями. Все сие доказывается жалованными на поместья грамотами, справкою Вотчинной Коллегии и родословной Михалковых».

Трудно сказать, почему в Герб Михалковых попал орел подобного вида («виден до половины»). Такой орел есть в многих гербах русских родов, например, у потомков бояр Вельяминовых и Плещеевых. В «Общем гербовнике» служба рода Михалковых отмечается с 1613 г. — года воцарения Романовых, хотя она началась более чем на век ранее.

Глава 1

Память рода МИХАЛКОВЫХ XVI–XVII века

Одно из первых упоминаний **Михалковых** как единого рода находим в **Синодике-помяннике** 1660 года **Троице-Сергиева монастыря** (РГБ. Фонд 304.I. № 814. Л. 83). Там помещена общая поминальная запись шестнадцати имен (в том числе — пяти женских). Запись полностью расшифрована (кроме одного женского имени). В ней упоминается и прямой предок всех ныне живущих Михалковых — **Василий Меньшой Федорович**, стольник патриарха Филарета и царя Михаила Романова.

Рукопись этого, как и других Синодиков, отражает историю сословий Российского государства. В ней содержатся поминания русских великих князей, начиная с князя Владимира Святого и кончая Александром Невским, — тоже предков Михалковых (через князей Ухтомских и Голицыных). Далее — поминания царей, митрополитов и патриархов, а также — местных архиереев, московских бояр и провинциальных дворян, купцов и крестьян. Запись в церковные Синодики не зависела от того, к какой социальной группе принадлежит поминаемый человек — перед Богом все равны. В монастырские Синодики записывались как роды, представители которых делали крупные вклады (деньгами, недвижимым или движимым имуществом), так и отдельные лица, зачастую дававшие только платье или утварь.

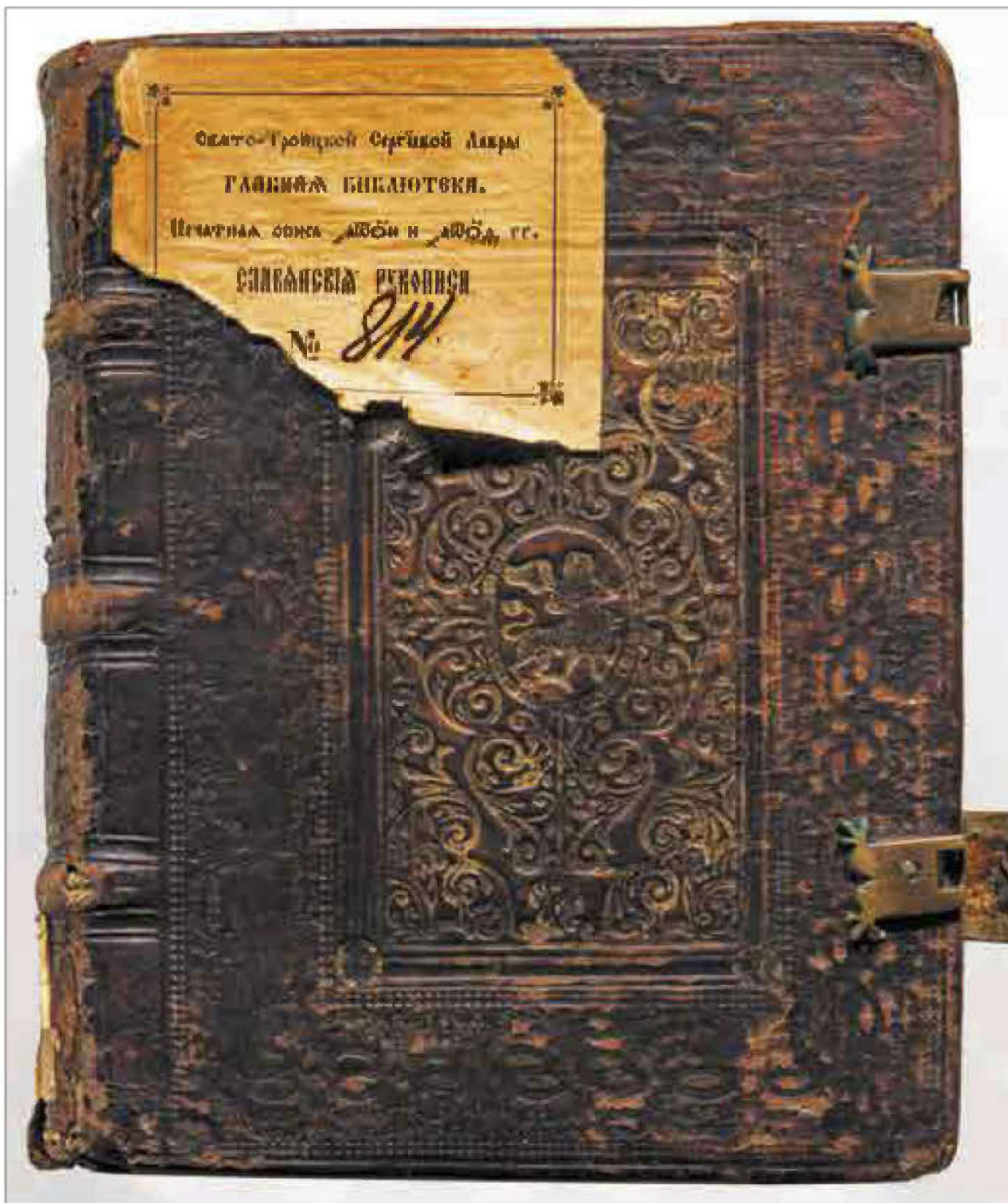
О том, что члены рода Михалковых делали Троице-Сергиеву монастырю щедрые пожертвования (даже целые села), было известно давно. Михалковы в XVI — первой половине XVII в. пожертвовали монастырю два села и, в общей сложности, вкладов на 1000 рублей — огромную по тем временам сумму.

Некоторые из Михалковых в конце жизни становились иноками Троице-Сергиева монастыря и там погребены. Их имена и имена их родичей, записанные в Синодики, в течение столетий звучали на службах в монастырских храмах. Также в монастыре для памяти родов крупных вкладчиков проводились специальные поминальные трапезы — «кормы», по Михалковым — 13 февраля. Все указанные в Синодике 1660 г. члены рода отмечены в специальной Кормовой книге 1674 г.¹

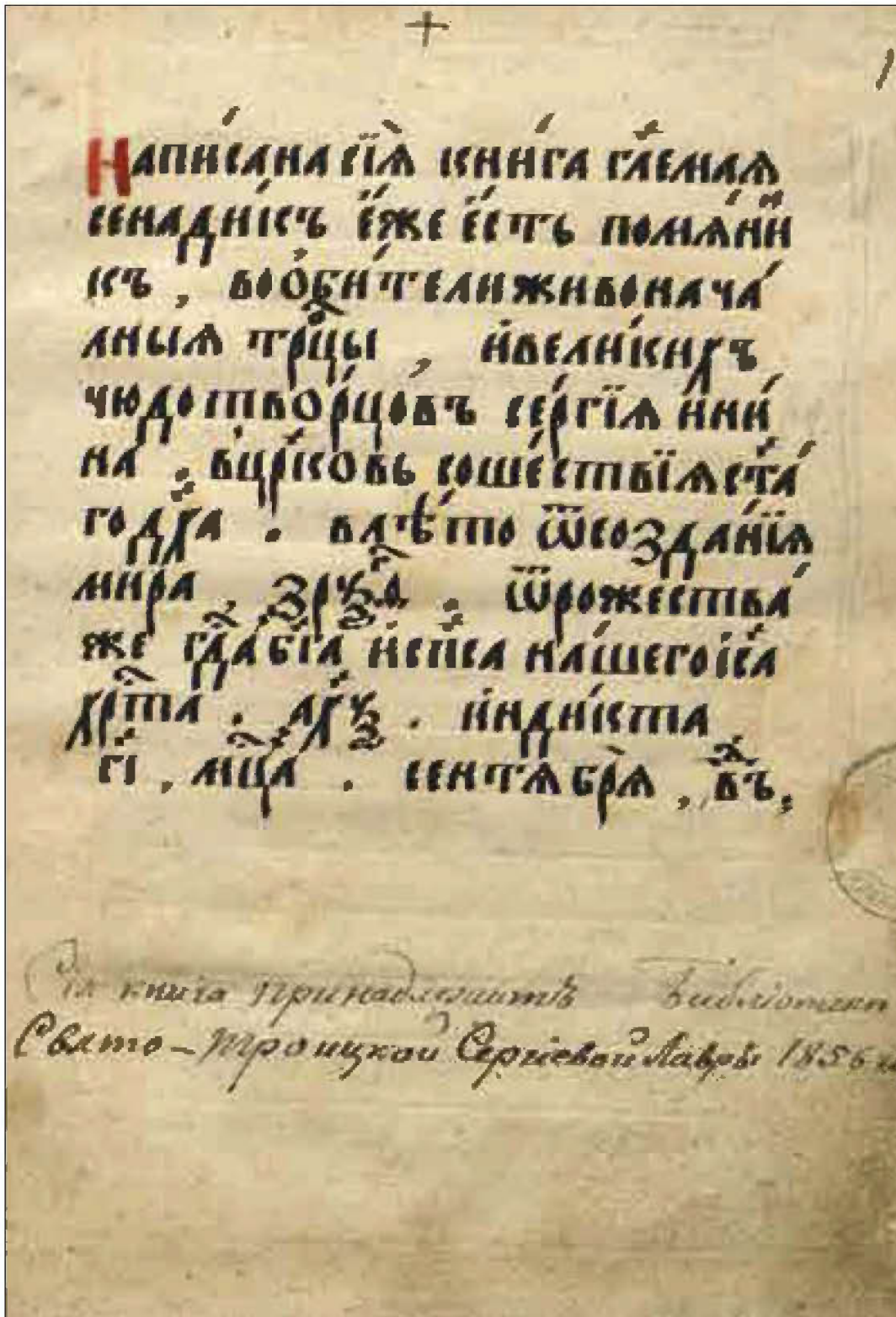
Записи о поминании отдельных членов рода Михалковых есть и в других Синодиках Троице-Сергиева монастыря. В Синодике, написанном на пергамене в 1575 г., есть, например, указание, что один из родоначальников — **Федор Михайлов-Михалков** скончался между 1498 и 1509 гг. (РГБ. Ф. 304.III (Ризница Троице-Сергиевой лавры). № 25. Л. 137). В Синодике 1630-х гг. (РГБ. Ф. 304.I. № 818. Л. 92) есть поминание, составленное от имени братьев **Андрея и Полуекта Тимофеевичей Михалковых**, называющее и легендарных родоначальников, но не поддающееся до конца расшифровке.

¹ Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 173.

Синодик Троице-Сергиева монастыря 1660 г. с поминанием рода Михалковых

РГБ. Фонд 304.1. № 814. Переплет —
доски в коже с тиснением золотом.
В середине изображение кентавра.

Написана сия книга, глаголемая Сенадик, еже есть Помянник, во обители Живоначалныя Троицы и великих чудотворцов Сергия и Ни[ко]на в церковь Сошества Святаго Духа в лето от Создания мира 7169-го, от Рожества же Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа 1660, индикта 13, месяца сентября в ... день

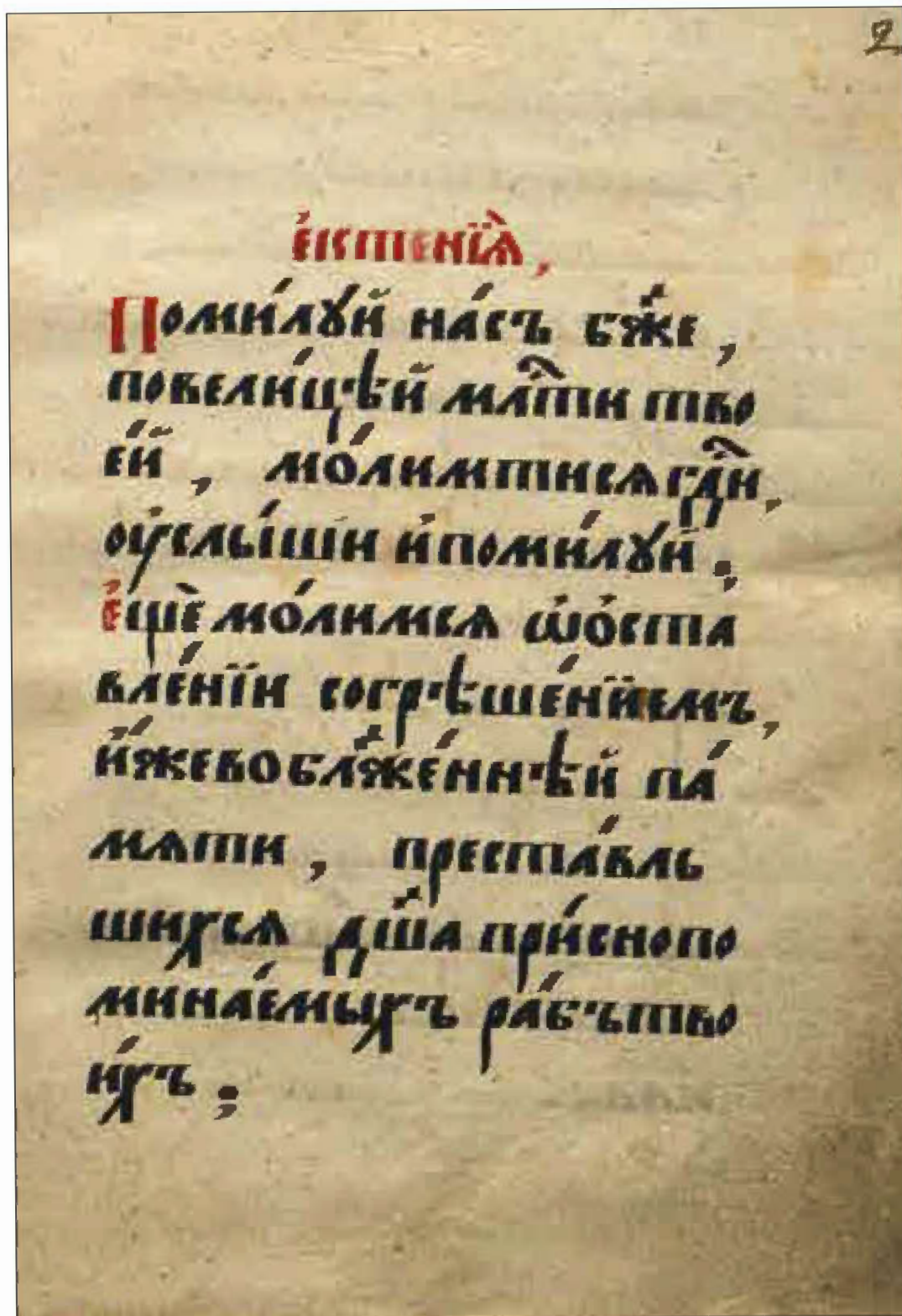
Ся книга принадлежит Библиотеке Свято-Троицкой Сергиевой лавры 1856 года

Синодик Троице-Сергиева монастыря
 1660 г.
 Выходная запись (л. 1).

ЕКТЕНИЯ

Помилуй нас, Боже,
по велицей милости Твоей,
молим Ти ся, Господи,
услыши и помилуй.

Еще молимся о оставлении
согрешением, иже
во блаженной памяти,
преставльшихся душа
приснопоминаемых
раб Твоих

Синодик Троице-Сергиева монастыря
1660 г.
Ектения — молитва о почивших (л. 2).

Благоверныхъ великихъ
кнѣзей .

Великаго князя Владимѣра,
нареченнаго во
спомѣнѣ крещеніи въ
кнѣзя .

Великаго князя Георгіа
Ярослава .

Великаго князя Всево
лода, нареченнаго во
спомѣнѣ крещеніи Гаврі
ила ;

Благоверныхъ великихъ князей

Великаго князя Владимера,
нареченнаго во святом
крещении Василя.

Великаго князя Георгия
Ярослава [Мудрого].

Великаго князя Всеволода,
нареченнаго во святом
крещении Гавриила.

Синодик Троице-Сергиева монастыря
1660 г.
Поминание русских великих князей
(л. 2 об.)

Великого князя Владимира
Манамаха.

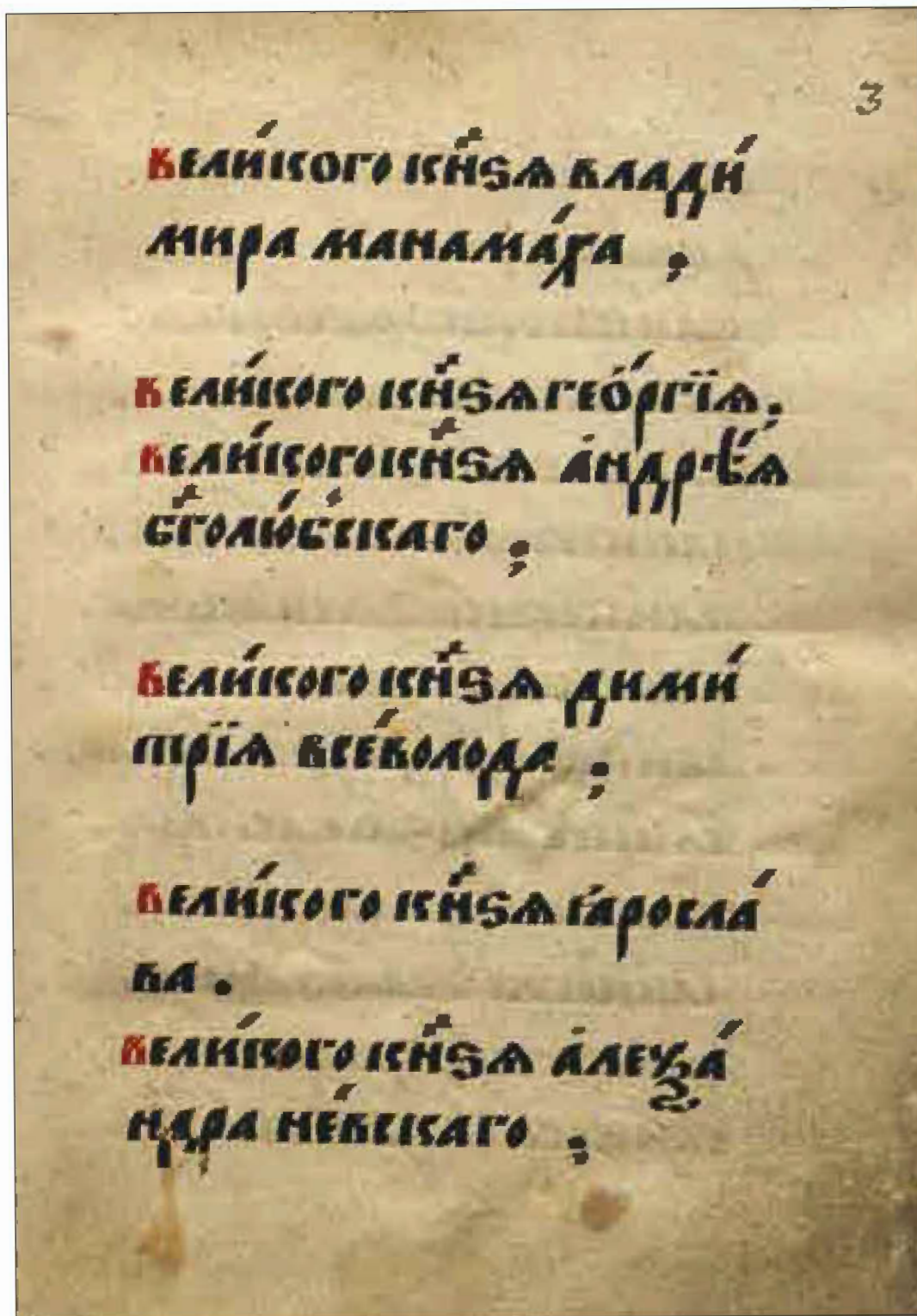
Великого князя Георгия
[Юрия Долгорукого].

Великого князя Андрея
Боголюбского.

Великого князя Дмитрия
Всеволода [Большое Гнездо].

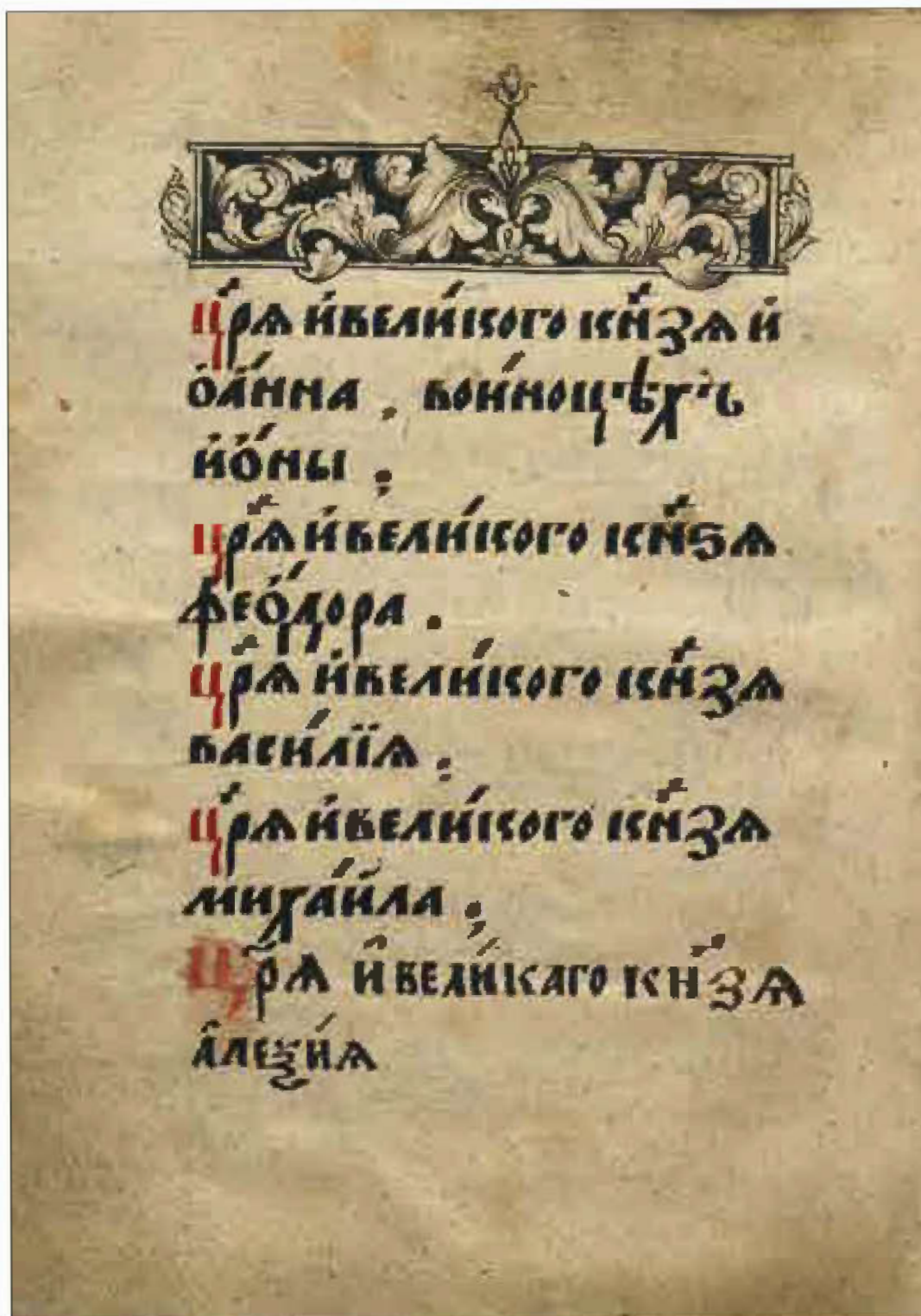
Великого князя Ярослава.

Великого князя Александра
Невского.

Синодик Троице-Сергиева монастыря
1660 г.

Поминание русских великих князей (л. 3)

Синодик Троице-Сергиева монастыря
1660 г.
Поминание русских царей (л. 3 об.).

Царя и великого князя
Иоанна, во иноцех Ионы.
[царя Ивана Васильевича IV
Грозного — 1533–1584]

Царя и великого князя
Феодора.
[царя Федора Ивановича —
1584–1598]

*[царя Бориса Федоровича
Годунова — 1598–1605 — нет!]*

Царя и великого князя
Василия.
[царя Василия Ивановича
Шуйского — 1605–1610]

Царя и великого князя
Михаила.
[царя Михаила Федоровича
Романова — 1613–1645]

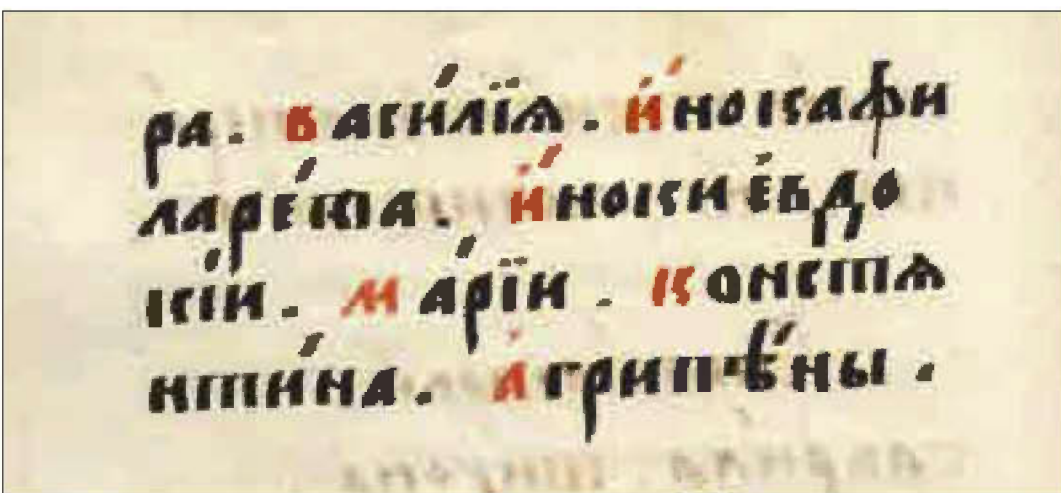
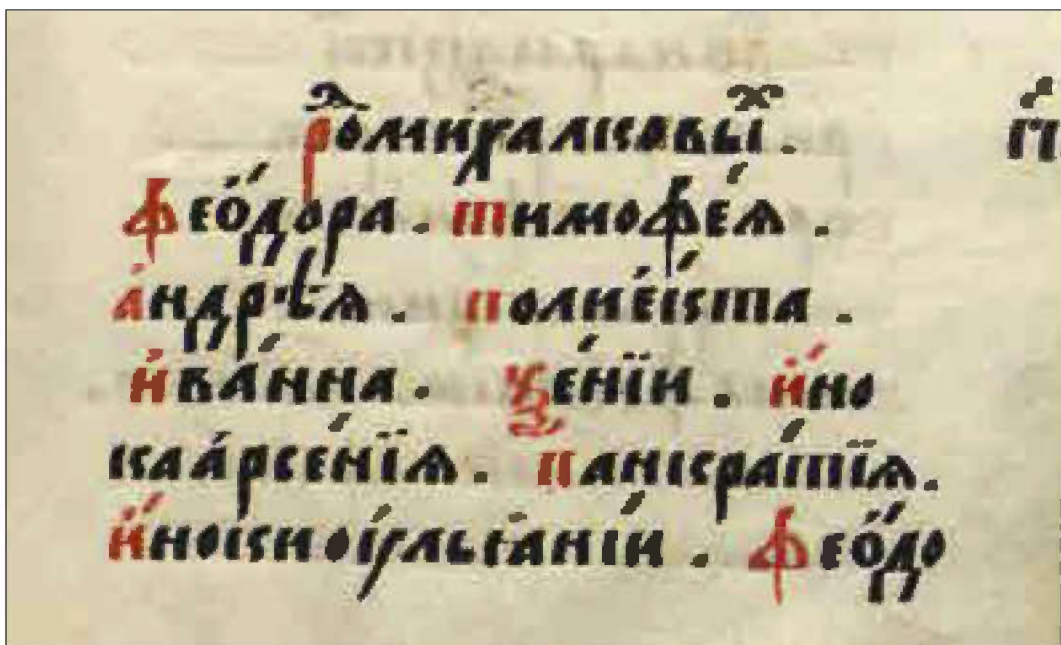
Царя и великого князя
Алексия
[царя Алексея Михайловича
Романова — 1645–1676]

Приписка другим почерком.

МЕСЕЦ ФЕВРАЛЬ

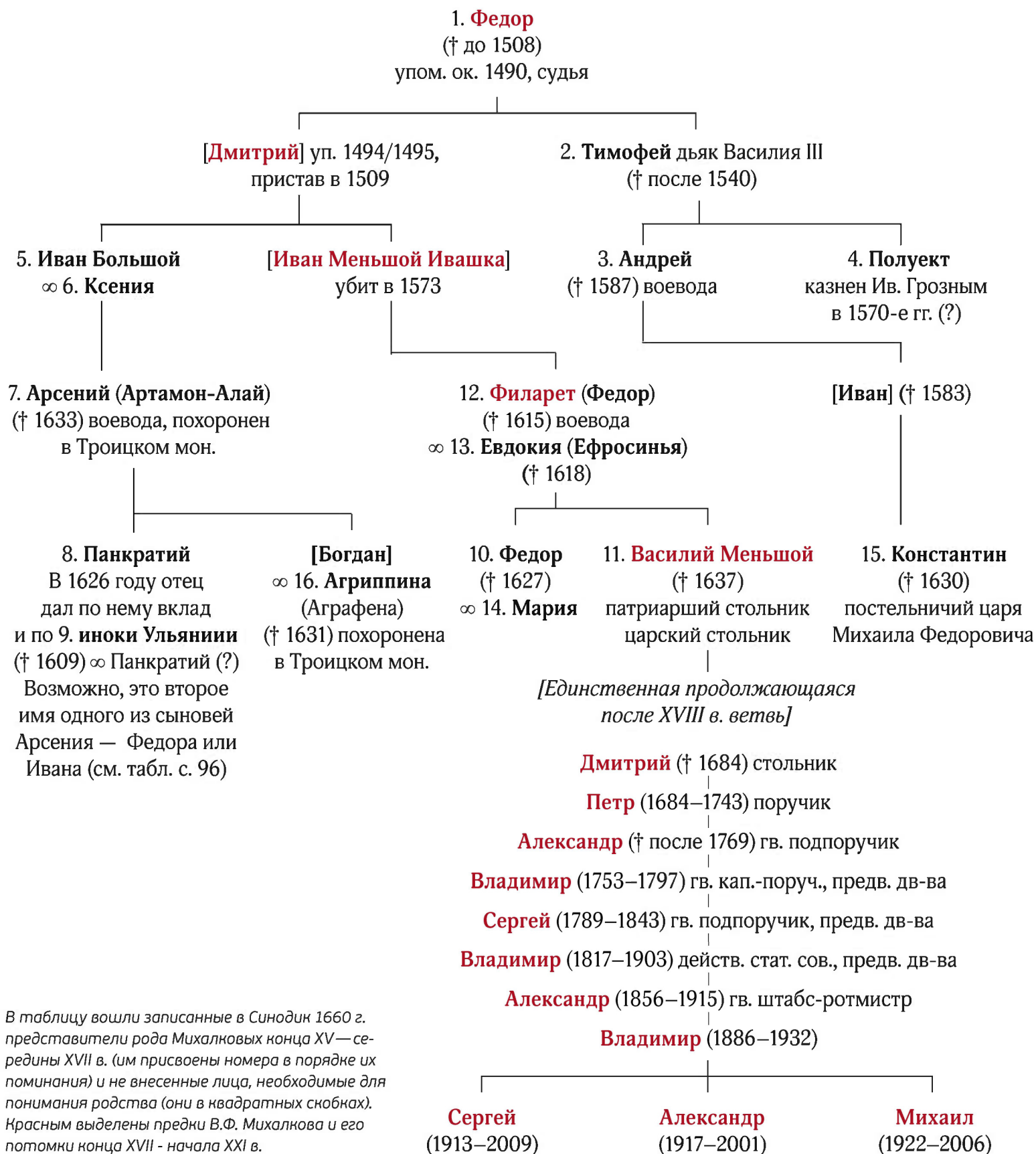
Род Михалковых 13 [февраля]

- (1) **Ф**еодора.
- (2) **Т**имофея.
- (3) **А**ндрея.
- (4) **П**олиекта.
- (5) **И**ванна.
- (6) **К**сении.
- (7) **и**нока Арсения.
- (8) **П**анкратия.
- (9) **и**ноки Ульянии.
- (10) **Ф**еодо//ра.
- (11). **В**асилия.
- (12) **и**нока Филарета.
- (13) **и**ноки Евдокии.
- (14) **М**арии.
- (15) **К**онстантина.
- (16) **А**грипены

Поминание рода Михалковых
в Синодике Троице-Сергиева монастыря
1660 г.
(л. 78, 83, 83 об.)

Род Михалковых в Синодике Троице-Сергиева монастыря 1660 г.

В таблицу вошли записанные в Синодик 1660 г. представители рода Михалковых конца XV—середины XVII в. (им присвоены номера в порядке их поминания) и не внесенные лица, необходимые для понимания родства (они в квадратных скобках). Красным выделены предки В.Ф. Михалкова и его потомки конца XVII - начала XXI в.

*Церковь Сошествия Святого Духа
Троице-Сергиевой лавры XV в.,
в которой поминали Михалковых
по Синодику 1660 г.
Фото А.Б. Морозова. 2020 г.*

Родословия XVII века

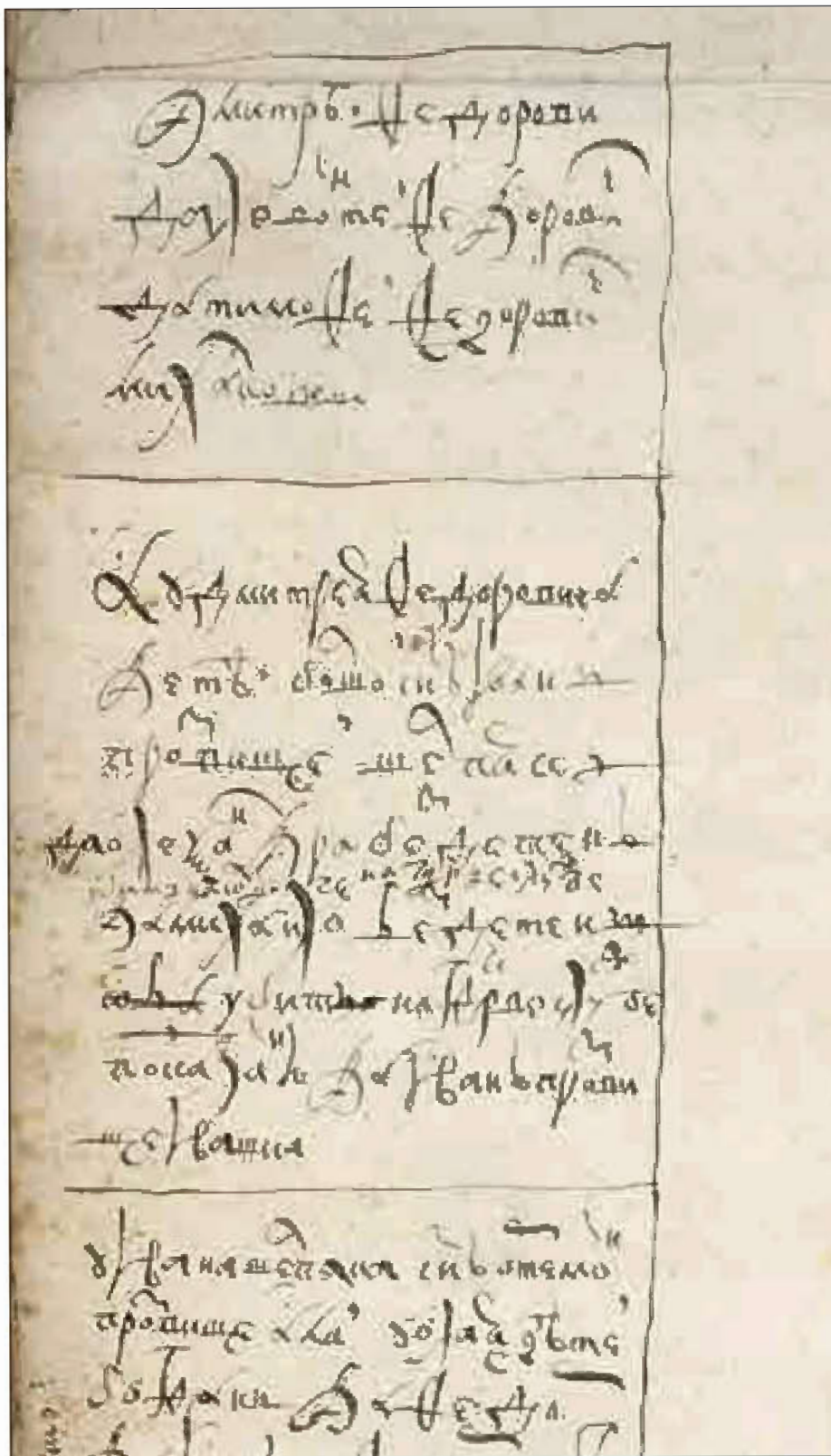
- ² Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Фонд 546 (Собрание грамот А. С. Орлова — Архив Михалковых). № 1. Л. 1. Почему-то это родословие не было включено графом С. Д. Шереметевым в публикацию 1914 г. «Из Архива Михалковых». Опубликовано Б. Н. Морозовым в 1982 г. в приложении III к работе «Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (к постановке вопроса)». (Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1982. С. 95–97).
- ³ РНБ. Ф. 546. № 3. Л. 1. Особая каллиграфическая скоропись середины XVII в. (?). Водяной знак — Голова шута, очень маленькая, с пятью бубенцами. Опубликовано графом С. Д. Шереметевым: Из Архива Михалковых // Старина и Новизна. 1914. Кн. 17. № II/2. С. 15–16.
- ⁴ Опубликовано там же. № 18. С. 16–18.

Поколенная таблица рода Михалковых середины XVII в.² может служить образцом подробной родословной росписи в оригинальной для того времени форме таблицы. В ней имеются сведения о смерти представителей рода в походах Ивана IV и в Смутное время.

Дополняет сведения этой родословной документ из архива Михалковых под названием *«Память родительская, как которого не стало и в которое время помянуть ево»*. Он составлен приблизительно в то же время, что и табличная роспись, но не связан с ней текстуально³.

В «Памяти родительской» упомянуто только потомство **Ивана Дмитриевича Михалкова** («Ивана-Ивашки» в росписи, причем указано, что он убит под Пайдою). Там же уточняется время гибели **Василия Большого Михалкова** — «убиен от казаков лета 7122 (1613) декабря в 17 день». Однако эти сведения **Поколенной таблицы** не вошли в **Родословную роспись** Михалковых, готовившуюся для подачи в Разрядный приказ в 1680-е гг.⁴ Она составлена на основе выписки из родословной книги, точнее — из одной главы с **Родословием Коробовых и Киндыревых** (к которым Михалковы себя возводили — отсюда много исправлений и неточностей).

Родословная таблица Михалковых Середина XVII в., с добавлением 1680-х гг.

РНБ. Ф. 546. № 1. Л. 1.

Дмитрей Федорови[ч],
да Левонтей Федорович,
да Тимофей Федорович
Михалковы

А у Дмитрея Федоровича
детей: Большой сын
Иван, прозвище Шелпьяк,
да Олександра (так!) –
бездетен, убит на Солдоге
на государеве службе⁵,

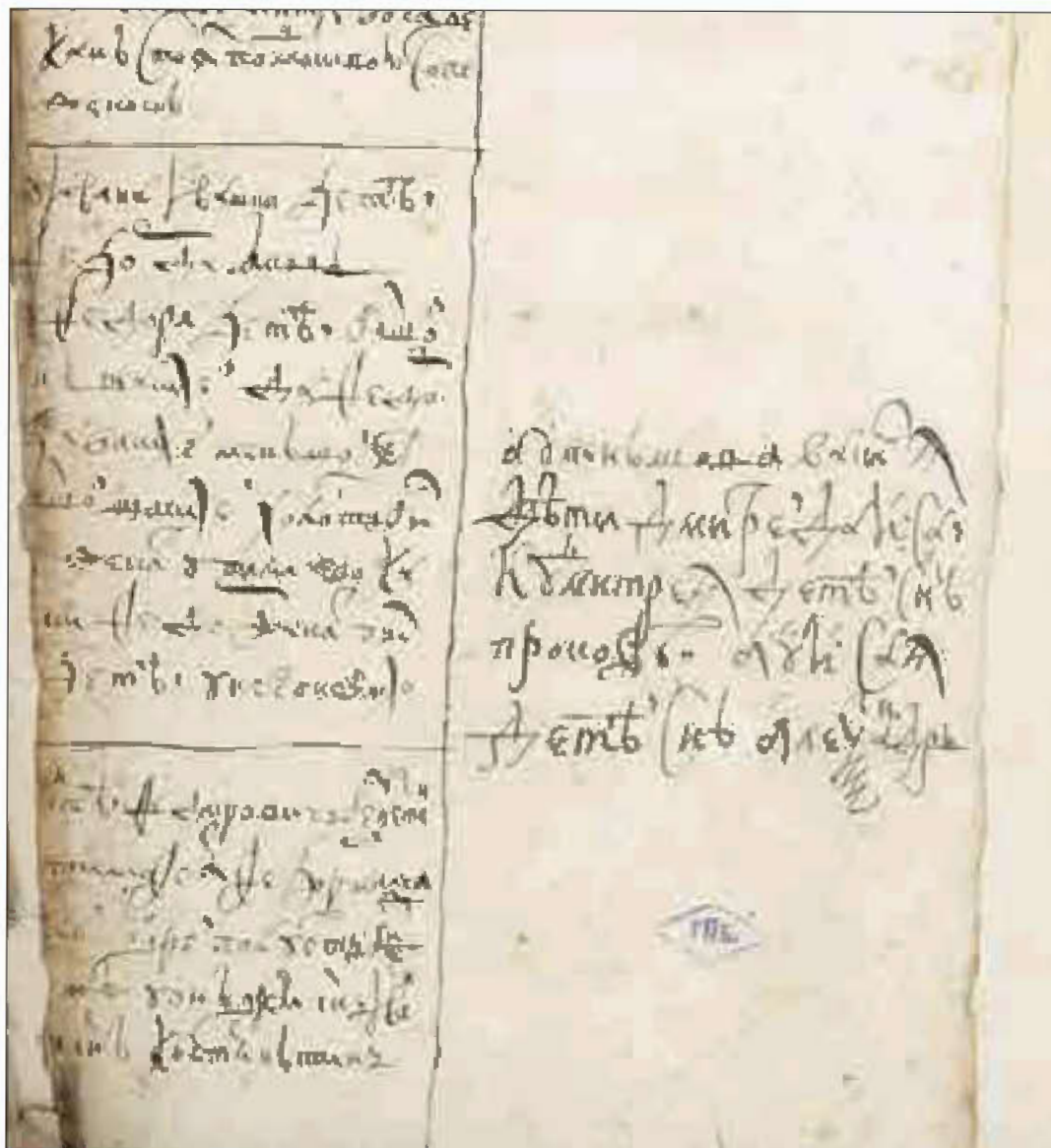
да Михайло — бездетен, убит⁶
на государеве службе под
Казанью, да Иван, прозвище
Ивашка.

У Ивана Шелпьяка сын
Ортемон, прозвище Алай.
У Олая детей: Богдан,
да Федор, да Иван. И Федор
убит в Цареве Займище
на государеве службе ...етман
Желтовской⁷. А Иван убит
у Живоначальной Троицы
в Сергиеве монастыре,
в осаде, как стоял под
Москвою Сопеженок.

⁵ Приписано над строкой (тем же почерком, что и основной текст?).

⁶ Впереди зачеркнуто слово «оба», а в конце слова «убит» было зачеркнуто первоначальное «ы», то есть сначала было указано, что Александр и Михаил «оба убиты» под Казанью.

⁷ Написано по левому полю, перпендикулярно тексту. В тексте после слова «службе» стоит знак вставки, но начало самой вставки утрачено из-за механического повреждения.

Родословная таблица Михалковых
Середина XVII в., с добавлением
1680-х гг.

У Ивана Ивашки детей:
Федор да Яков. У Федора
детей: Большой сын Василей,
да Федор, да Василей
Меньшой⁸. [Бо]льшой
Василей — холост был [не]
женат, убили ево ка[за]ки.
Федор — женат был, детей
у него не было

[Ле]онтей Федорович —
бездетен.

[У] Тимофея Федоровича
[де]тей: Андрей, Полуехт —
бездетен. У Ондreja сын Иван.
У [Иван]а сын Костянтин.

А у Меньшова Василия дети:
Дмитрей да Исая.

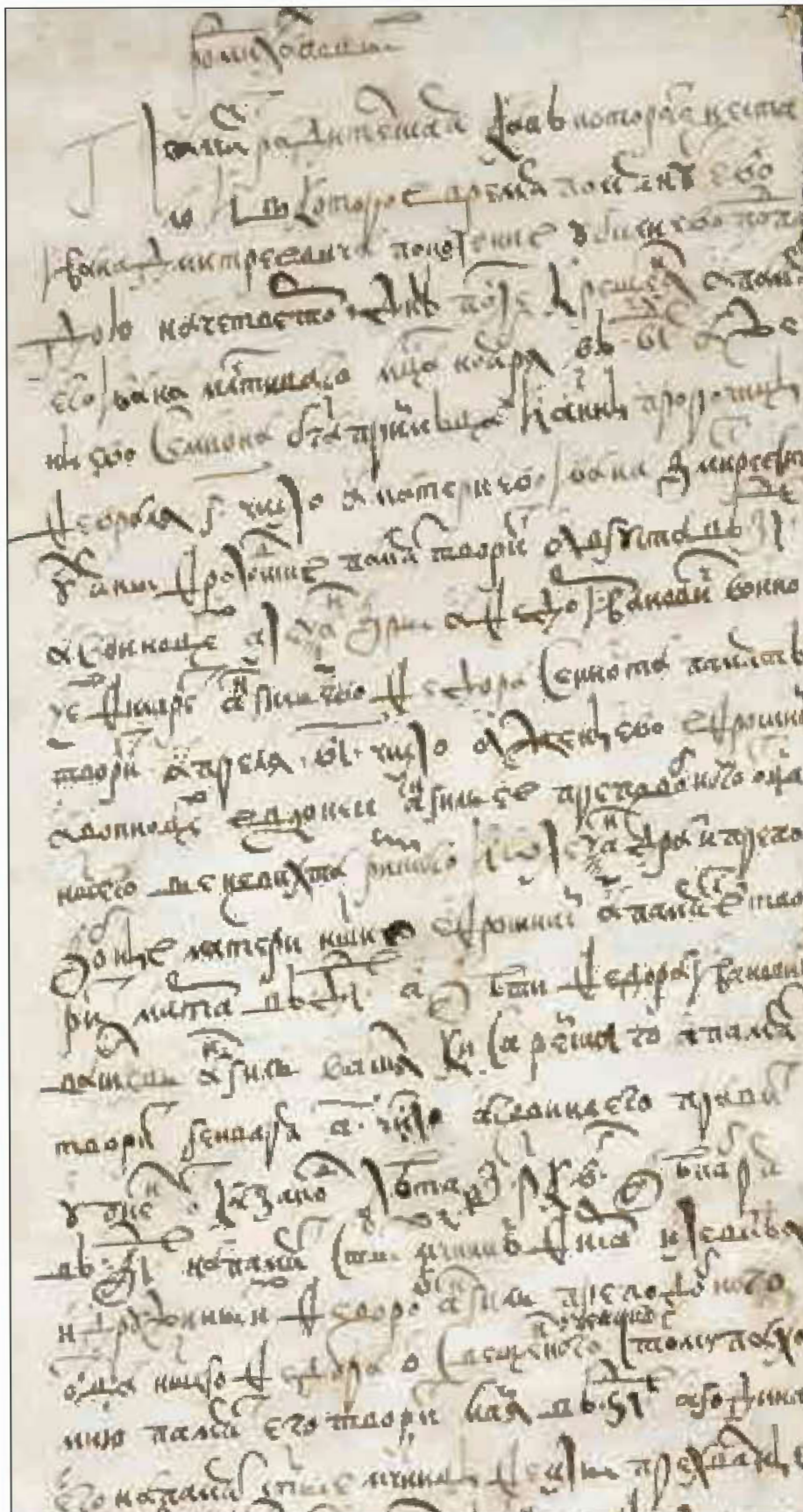
И у Дмитрея детей — сын
Прокофей.

А у Исая детей — сын
Александр⁹.

⁸ Далее вписан знак вставки – крест в круге.

⁹ Запись 1680-х гг. Ср. почерк черновика
родословной росписи, готовившейся для
подачи в Разрядный приказ после отмены
местничества и указа о сборе росписей
(РНБ. Ф. 546. № 2).

«Память родительская» рода Михалковых. Середина XVII в.

Род Михалковых.

Память родительская, как которого не стало и в которое время помянуть его.

Ивана Дмитриевича поколение, убили его под Па[й]дою на четвертой день после Крещения, а память его — Ивана Милостиваго месяца ноября в 12 день. А жены его — Семиона Богаприимъца и Анны Пророчицы февраля 3 число. А матери его, Ивана Дмитриевича, Ульяны Фроловские, память творить августа в 17 день, а во иноцех Александры.

А Федор Иванович во иноцех Филарет, ангил (так!) его — Федора Секиота, память творить апреля 12 число. А жены его Ефросинии, а во иноцех Евдокеи, ангил ея — преподобного отца нашего Венедикта Римского, и Олександра, и преподобные матери наши Ефросинии, а память ей творить марта в 14 день.

А дети Федора Ивановича, Васильев ангил — Василья Кисарейскаго, а память творить генваря 1 число, а година его править, убиен от казаков лета 7122-го (1613) декабря в 14 день, на память святых мученик Фирса и Левкея и дружины их.

РНБ. Ф. 546. № 3. Л. 1–2.

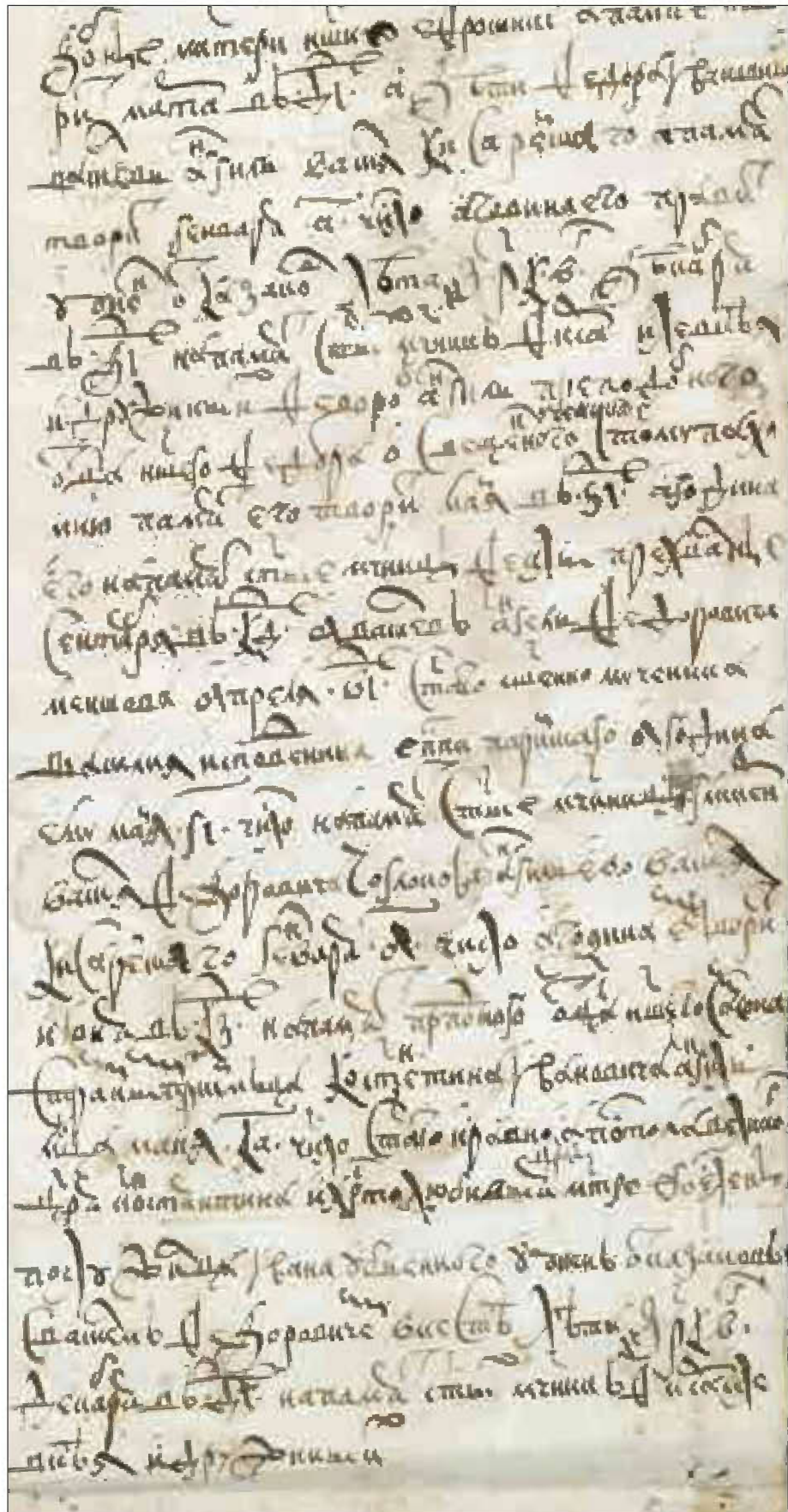
Федоров ангил — преподобного отца нашего Федора Освещенного ученика святому Пахомию, память его творить мая в 16 день, а година его на память святые мученицы Феклы Прехвальные сентября в 24 день.

А Васильев ангел Федоровича Меншова апреля 12 день — святого священномученика Василия Исповедника епископа Парийского, а година ему мая 13 число на память святые мученицы Гликерии.

Василия Федоровича Чоглокова, ангил ево — Василия Кисарейского генваря 1 число, а година ему творить июня в 27 день на память преподобного отца нашего Самсона Страннымприимъца.

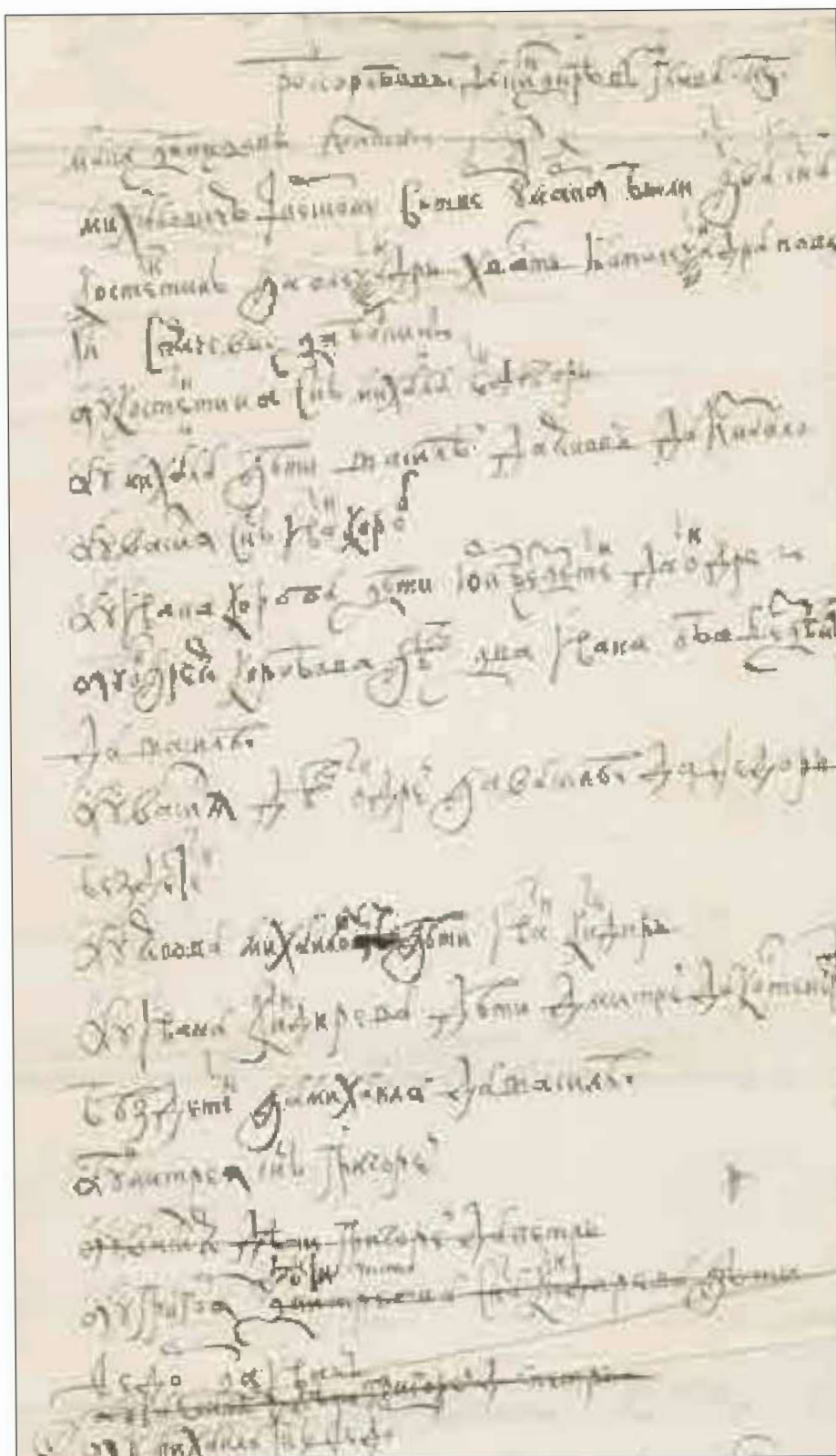
Костентина Ивановича ангил месяца мая 21 число — святого и равноапостола (так!) великого царя Константина и христоролюбивыя царицы матери его Елены; //

(л. 2) Послужильца Ивана уьенного, убиен от казаков с Василием Федоровичем вместе лета 7122-го (1613) декабря в 14 день на память святых мученик Фирса и Левкея и дружины их.

РНБ. Ф. 546. № 3. Л. 1–2.

Родословная рода Михалковых (общая с родами Коробовых и Киндыревых). Черновик росписи для подачи в Разрядный приказ 1680-х гг.

РНБ. Ф. 546. № 2. Л. 1–4.

Род Коробовых да Киндыревых, глава 46.

Марка Демидов из Литвы приехал к великому князю Ивану Михайловичю Тверскому во Тверь. У Марка были два сына: Костентин да Олександр Хвасть. И от Олександра повелись Спячевы да Бобкины.

А у Костентина сын Михайла Ендегор.

А у Михайла дети: Василей, да Яков, да Измайло.

А у Василья сын Иван Короб.

А у Ивана Короба дети: Юрьи — бездетен, да Ондрей.

А у Ондreja Коробова дети: два Ивана — оба бездетны, да Василей.

А ¹⁰у Василья дети Ондрей, да Василей, да Федор — бездетен¹⁰.

А у Якова Михайлова¹¹ дети (так!) Иван Киндырь.

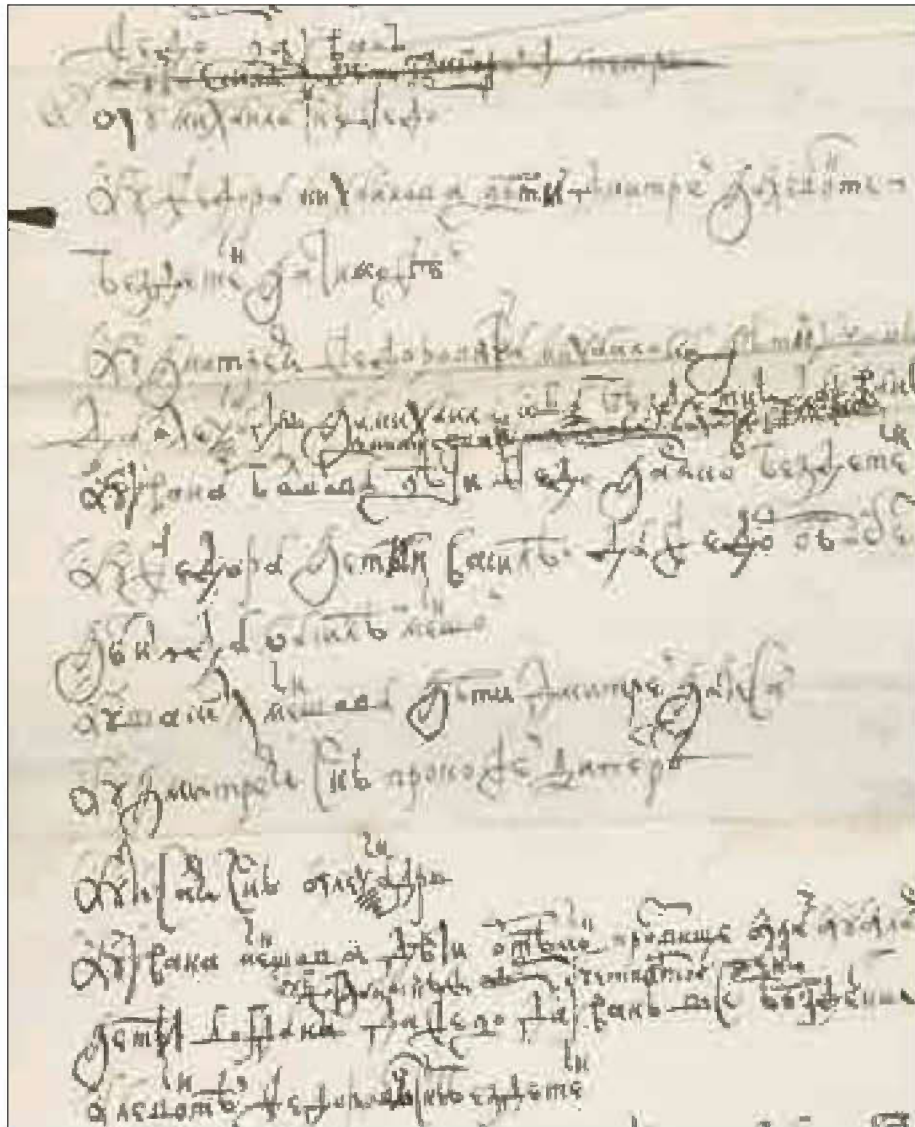
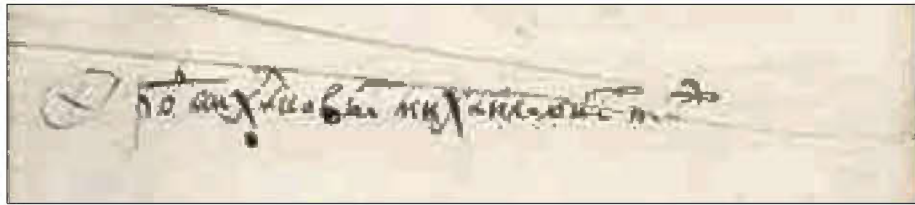
А у Ивана Киндырева дети: Дмитрей, да Костентин — бездетен, да Михайла, да Василей.

А у Дмитрея сын Григорей¹².

А ¹³у Василя дети: Григорей да Петр¹³.

А у Григория¹⁴ дети¹⁵ Дмитре-ева ¹⁶сына Киндырева дети¹⁶: Федор да Иван¹⁷.

РНБ. Ф. 546. № 2. Л. 1 об., 1, 2

- 10–10** Этой фразы нет в опубликованных родословиях Коробовых: 1) в Родословной книге из собрания князя М. А. Оболенского — так называемой «Редакции в 43 главы с приписными», то есть Государева родословца середины XVI с дополнениями второй половины XVI в. и XVII в. (см. Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 136). В этой редакции у этой главы номер 52, а данный номер 46 есть в списках «Патриаршей», «Разрядной» и «Начала XVII в.» редакций родословных книг (см.: Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 190, 194–195, 198). 2) в Синодальном списке ГИМ № 860 (редакция «Начала XVII в.», но с номером главы 57. Опубл.: Временник ОИДР. М., 1856. Т. 10. С. 116–117). См. далее с. 29, прим. 29.
- 11** Далее одно короткое слово (часть слова?) зачеркнуто. Окончание отчества «Михайлова» — буквы «ва» написаны над строкой.
- 12** В списке князя М. А. Оболенского: «А у Дмитрея дети Андрей да Василей. А у Михаила сын Григорей».
- 13–13** Зачеркнуто, но под строкой написано: «чисто», что, очевидно, относится и к зачеркиванию в следующей строке.
- 14** В списке князя М. А. Оболенского и в Синодальном № 860: «А у Василя».
- 15** Написано над строкой.
- 16–16** Зачеркнуто, но над строкой написано: «чисто», что, очевидно, относится и к зачеркиванию в предыдущей строке.
- 17** Далее зачеркнуто: «А у Василя дети: Григорей да Петр».
- 18–18** Написано на обороте л. 1 со знаком вставки (крест в круге).
- 19–19** Впереди знак вставки (крест в круге) для внесения заголовка, написанного на обороте свитка. В списке князя М. А. Оболенского: «А у Михаила сын Григорей» и эта фраза стоит впереди фразы: «А у Василя дети: Григорей да Петр».
- 20–20** Написано над строкой и в этой приписке первоначально было: «сына Михалкова, Михайлова тож», а затем исправлено: «Михалкова» зачеркнуто, и снова вписано над приписной строкой после «Михайлова».
- 21** Исправлено из «детей».
- 22–22** Приписано другим (?) почерком, более темными чернилами. (См. главу 6. С. 316)

Род¹⁸ Михалковы, Михайловы тож¹⁸.

А¹⁹ у Михаила сын Федор¹⁹.

А у Федора Михайлова дети: Дмитрий да Левонтей — бездетен, да Тимофей.

А у Дмитрея Федорова сына Михайлова (так!) дети: Иван, да Олександр, да Михайла — оба бездетны, да Иван.

А у Ивана Большова Дмитреева²⁰ сына

Михайлова — Михалкова тож²⁰ дети: Федор да Яков — бездетен.

А у Федора дети²¹: Василей да Федор — оба бездетны, да Василей Меньшой.

А у Василя Меньшова дети: Дмитрий да Исая. А у Дмитрия сын (так!) Прокофей да²² Петр²². //

(л. 2) А у Исая сын Александр.

РНБ. ф. 546. № 2. Л. 2, 2 об., 3

А у Ивана Меньшова дети:
Ортемон прозвище Алай.

А у Алая дети²³: Богдан,
да Федор, да Иван — все без-
детны.

А ²⁴у Богдана сын Федор —
от четвертой жены²⁴.

А Левонтей Федоров сын —
бездетен.

А у Тимофея Федорова сына
дети²⁵: Ондрей да Полуехт —
бездетен.

А у Ондрея сын Иван.

А у Ивана сын Костентин —
бездетен²⁶, у государя царя
и великого князя Михаила
Федоровича всеа Руси был
постельничей и намесник
Трети Московские Костентин
Иванович Михалков — Михай-
лов тож.

А ²⁷у Василя дети: Григорий
да Петр²⁷. //

А ²⁸Измайловы, и Полтинины,
и Сумыны свое (так!) поколе-
нию роспись сами принесут²⁸.

(л. 3) А у Измайла дети: Игна-
тей да Лев.

А у Игнатия дети: Иван Хо-
ромза, да Юрьи, да Олександр
да Григорей.

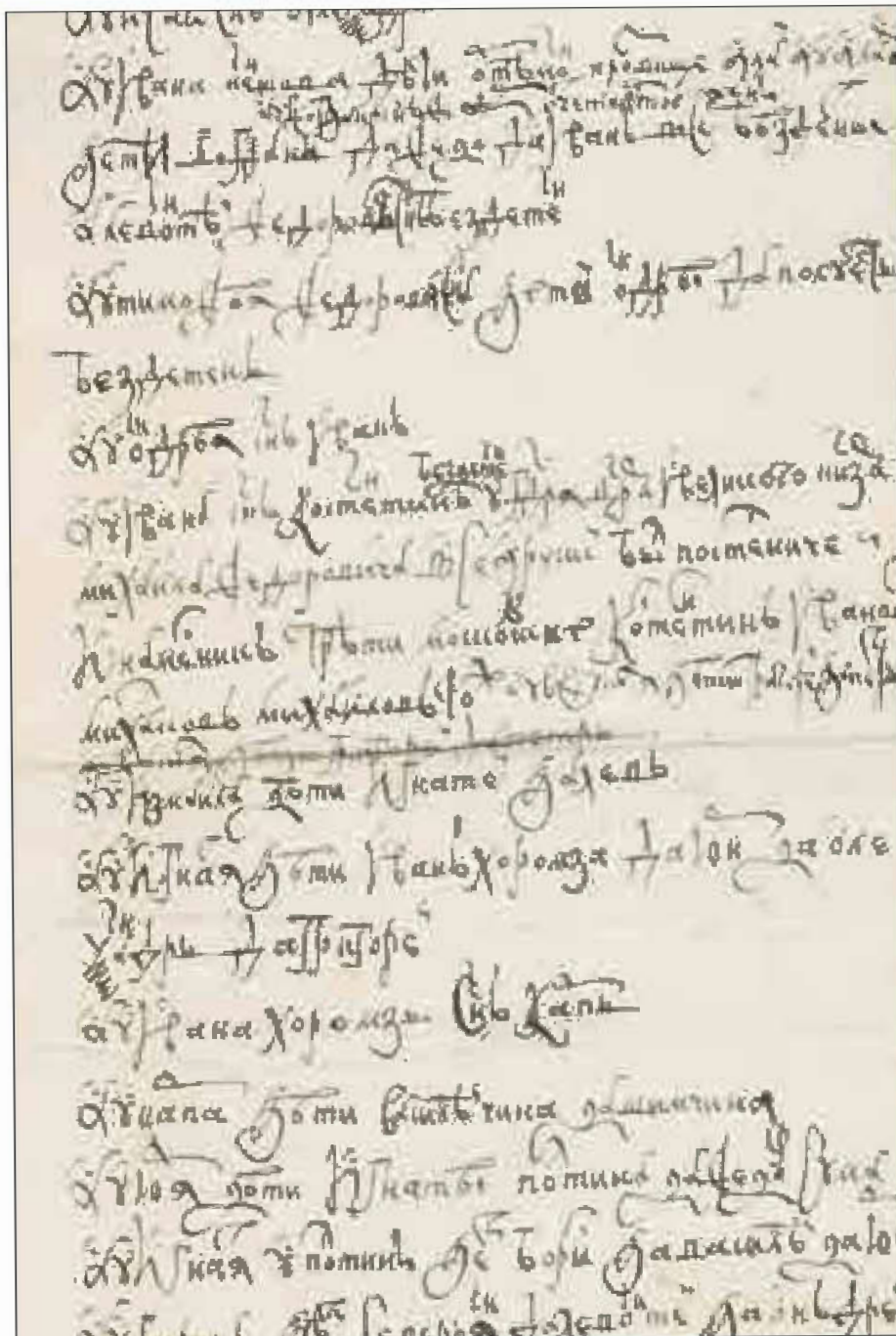
А у Ивана Хоромзы сын Карп.

А у Карпа дети: Василей Чина
да Шимчина (так!).

А у Юрья дети: Игнатей Пол-
тина да Федор Сума.

А у Игнатия у Полтины дети:
Борис, да Василей, да Юрьи.

А у Бориса дети: Северьян,
да Левонтей, да Ондрей,
да Петр, да Дмитрей.

²³ Исправлено из «детей».

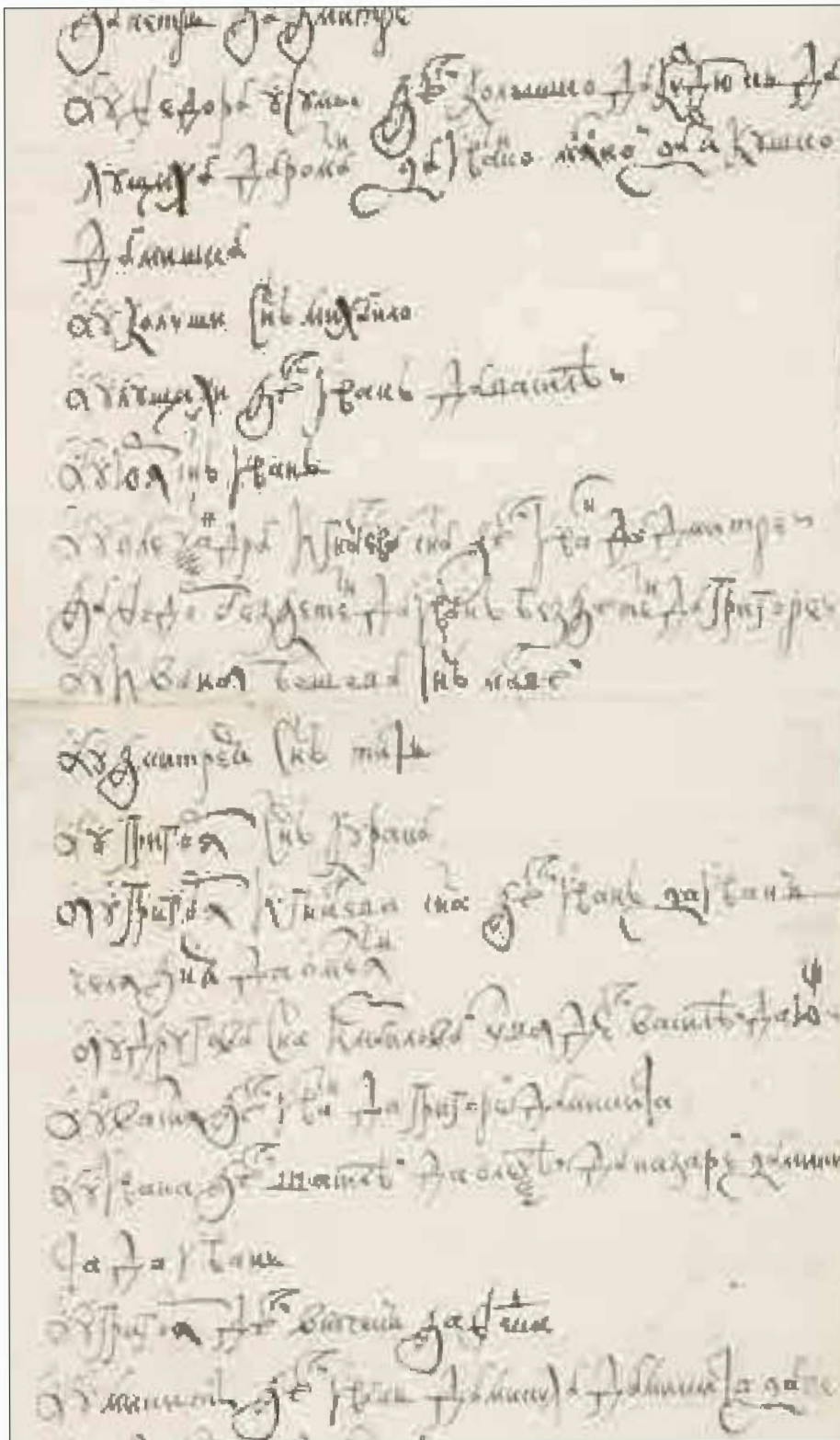
²⁴⁻²⁴ Приписано над строкой.

²⁵ Исправлено из «детей».

²⁶ Приписано над строкой.

²⁷⁻²⁷ Приписано к окончанию предыдущей фразы более мелким почерком. Та же фраза была написана далее с начала строки, но затем зачеркнута (ее начало частично ушло в склейку). Над ней был написан знак вставки (крест в круге), причем, повторенная более мелким почерком, эта же фраза была приписана после вставки этого знака и его огибает.

²⁸⁻²⁸ Написано на обороте листа 3 со знаком вставки.

РНБ. Ф. 546. № 2. Л. 3, 4

А у Федора у Сумы дети:
Колышко, да Курдюк,
да Луциха, да Роман
да Иванко Мясной, да Якушко,
да Мишка.

А у Колуши (так!) сын
Михайло.

Ау Луцихи дети: Иван
да Василей.

А у Юрья сын Иван.

А у Олександра Игнатъева
сына дети: Иван, да Дмитрей,
да Федор — бездетен,
да Иван — бездетен,
да Григорей.

А у Ивана Большова сын
Матвей. //

(л. 4) А у Дмитрея сын Тит.

А у Григория сын Курака.

А у Григорья Игнатъева сына
дети: Иван, да Иван Челядня,
да Омельян.

А у другова сына Измайлова,
у Льва дети: Василей
да Юрий.

А у Василя дети: Иван,
да Григорей, да Микита.

А у Ивана дети: Василей,
да Олексей, да Назарей,
да Микита, да Иван.

А у Григория дети: Внучек
да Федька.

А у Микиты дети: Иван,
да Микула, да Микита,
да Петр, да Сергей, да Семен.

А у Юрья дети»²⁹.

²⁹ Продолжения нет. Родословие Коробовых в рукописи князя М.А. Оболенского (см. прим. 10) также кончается на этом имени. В родословной росписи Измайловых и других потомков тверских бояр, поданной в Разрядной приказ в 1686 г. (она упомянута Михалковыми на л. 3 об.), указано, что Юрий Львович Измайлов был бездетен (см.: Шабаетов Л.Е. Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века. С. 197–198).

***

Эти уникальные документы позволяют нам восстановить историю Михалковых, начиная с XV века. Хорошо видно особое внимание членов рода к памяти своих предков: подготовка для записи в Синодик большого перечня лиц, а также составление в середине XVII в. особой таблицы и «Памяти родительской». При таком отношении удивительным и загадочным остается факт, что готовившееся, очевидно, Дмитрием Васильевичем Михалковым в 1680-е гг. родословие для официального утверждения древнего происхождения Михалковых так и не было подано им в Разрядный приказ, где в это время готовили новую Родословную книгу служилых родов. Вероятно, это произошло из-за его смерти в 1684 г., а жившие в это время его единственные родичи — брат Исая Васильевич и троюродный племянник Федор Богданович Михалковы (он был еще очень молод) почему-то не продолжили эту работу (см. далее главу «Михалковы во второй половине XVII в.», с. 316)

Глава 2

Корни рода МИХАЛКОВЫХ. XIII–XV века

*Спасо-Преображенский собор
Переславля-Залесского
и памятник Александру Невскому*

Михалковы — потомки тверских бояр XIV в.

Известна легенда, имеющаяся в родословных книгах конца XVI–XVII вв. (в главе о родах Коробовых и Киндыревых, от которых происходят Михалковы): «Марко Демидов из Литвы приехал к великому князю Ивану Михайловичю во Тверь»¹.

Эта легенда была изучена современными историками, и ее хронология пересмотрена в сторону более древнего происхождения родов Коробовых и Киндыревых и, соответственно, Михалковых, потому что указанный в ней **Марк Демидович** жил гораздо раньше, чем князь Иван Михайлович, правивший в Твери в 1399–1425 гг.².

Сын Марка Демидовича — **Александр Маркович**, по прозвищу Хвост, очевидно, тождественен Олексе Марковичу — боярину тверского великого князя Михаила Ярославича (1285–1318), прадеда князя Ивана Михайловича. В Тверской летописи указано, что в 1318 г. князь Михаил Ярославич послал «Олексу Марковича на Москву посольствомъ о любви», где «уби его Юрии князь»³. Вскоре в Орде мученически погиб и сам князь Михаил Ярославич (канонизирован в 1549 г.).

Племянник Александра Марковича Хвоста — **Михаил Константинович Ендогур** в 1374 г. упомянут в договорной грамоте в качестве посла в Новгород от следующего тверского великого князя Михаила Александровича (1367–1399)⁴. Именно его правнук **Михаил-Михалко Иванович Киндырев** — родоначальник **Михалковых**. Так из его уменьшительного имени Михалко возникла фамилия Михалковы.

Возвращаясь к родословной легенде:

Марк Демидович — отец Александра Хвоста и дед Михаила Ендогура, служивших тверским князьям в начале и во второй половине XIV в. — никак не мог выехать к князю Ивану Михайловичу, действовавшему в первой четверти XV в. Следовательно, корни **Михалковых**, происходящих от тверских бояр **Коробовых** и **Киндыревых**, несомненно, восходят к XIII в. — времени, когда Тверское княжество только формировалось.

В исследованиях, где в качестве аргументов использовались названия сел и деревень Тверской земли XVI в., произошедшие от имен и прозвищ родоначальников и потомков указанных фа-

1 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 181 (Рукописный отдел библиотеки Московского главного архива МИД). № 174/280. Л. 105. Эта родословная роспись, в данном и в других списках особого извода Родословных книг редакции в «43 главы с приписными» открывает родословные древних тверских боярских фамилий под заголовком: «Приписные роды, которых в Государеве родословце нет». См. выше черновик родословия Михалковых конца XVII в. (с. 26–29).

2 Попов С. Н. Тверские бояре Коробовы и Киндыревы на Московской государевой службе в конце XV — первой половине XVI в. // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук. 300 лет со дня рождения И. И. Бецкого. Сб. научных статей. СПб., 2004. С. 7–9; Он же. Тверская знать на московской государевой службе в конце XV — первой половине XVI вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2006; Кузьмин А. В. Из истории боярства Твери конца XIII — XV вв.: (Род Коробовых, Киндыревых, Измайловых, Спячевых, и Бабкиных) // Вторые исторические чтения «Молодая наука». Сб. статей. М., 2005. С. 22–32; Он же. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 264–271.

3 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 38. Л. 266.

4 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 18. С. 33.

⁵ В сохранившейся в родовом архиве Михалковых выписке из рукописной родословной книги Ивана Хлопова (у Михалковых с Хлоповыми — родственниками первой невесты царя Михаила Романова — особые отношения) под заголовком «Глава 46. Род Коробовых да Киндыревых» имя Федора Михалкова и его потомство было приписано другим почерком. Сделано это было в конце XVII в., когда Михалковы готовили свою родословную роспись для подачи в Разрядный приказ после отмены местничества в 1682 г. (сама эта роспись в архиве Разрядного приказа не сохранилась) — РНБ. Ф. 546, № 2. Л. 1. Опубликовано: «Из Архива Михалковых» (№ II/2) — см. выше с. 26–29

⁶ Акты Русского государства. 1505–1526. М., 1975. № 53. С. 55–56.

милий (Марково, Хвостово, Ендогурово, Спячево, Коробово, Киндырево), ни фамилия Михалковых, ни принадлежавшие им земли не упоминаются. Видимо, ни родоначальник Михалковых — **Михаил-Михалко Иванович Киндырев (Кондырев)**, ни его сын **Федор Михайлович Михалков**, жившие во второй половине XV в., не занимали видных должностей в Тверском княжестве. Не показан у Михаила-Михалки Ивановича Киндырева сын Федор и в родословных книгах конца XVI–XVII вв.⁵ Известна только его дочь Елена, выдавая которую в 1509/1510 гг. замуж за Андрея Давыдова, Михаил Иванович Киндырев дал в приданое — наряду с шубами и драгоценностями — сельцо Полукарпово Тверского уезда⁶.

Михалковы — древнейшие переяславские вотчинники. XV–XVI вв.⁷.

Изучение землевладения рода Михалковых позволило не только подтвердить их связь с тверскими боярскими родами, но и поставить их в ряд с древнейшими вотчинниками Северо-Восточной Руси, землевладения которых располагались на территории Переяславль-Залесского княжества, образованного в конце XII в. сыном князя Юрия Долгорукого Всеволодом Большое Гнездо. Его внук Ярослав Ярославич и основал Тверское княжество на землях, выделенных ему из общего Переяславского княжества. После возвышения Твери часть переяславских бояр переселилась в более безопасные от татарских нападений тверские земли, сохранив свои владения в Переяславском уезде.

Были переяславские вотчины и у Михалковых, но сведения о них относятся к XV–XVI векам. Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря читаем: «82-го году (1573/1574 г.) Андрей же да Полиект Михалковы дали вкладу вотчину свою в Переславском уезде Залеского усадище Полиносово, да в усадище двор»⁸.

В родовом архиве Михалковых сохранился современный подлиннику список этой вкладной грамоты, где вкладчики названы по первоначальному написанию их фамилии:

«Се яз, Ондрей и Полуехт Тимофеевичи Михайлова, дали есмя в Дом Живоначальной Троицы и Пречистой Богородице и великим и преподобным чудотворцом Сергию и Никону архимариту Варламу збратъею, или хто по нем иные архимариты будут, вочину (так!) свою в Переславском уезде в Верхдубенском стану усадище Полиносово, а в нем двор, а к усадищу пустоши и заросли и со всеми угодьи, куды истари ходила соха, и коса, и топор по старым межам тое вотчины Полиносовой, впрок без выкупа, по собе и по своих родителях...»

Да архимариту же Варламу, или хто по нем иные архимариты будут, пожаловати нас после нашего живота велети написати в вечный Сенаник...»⁹.

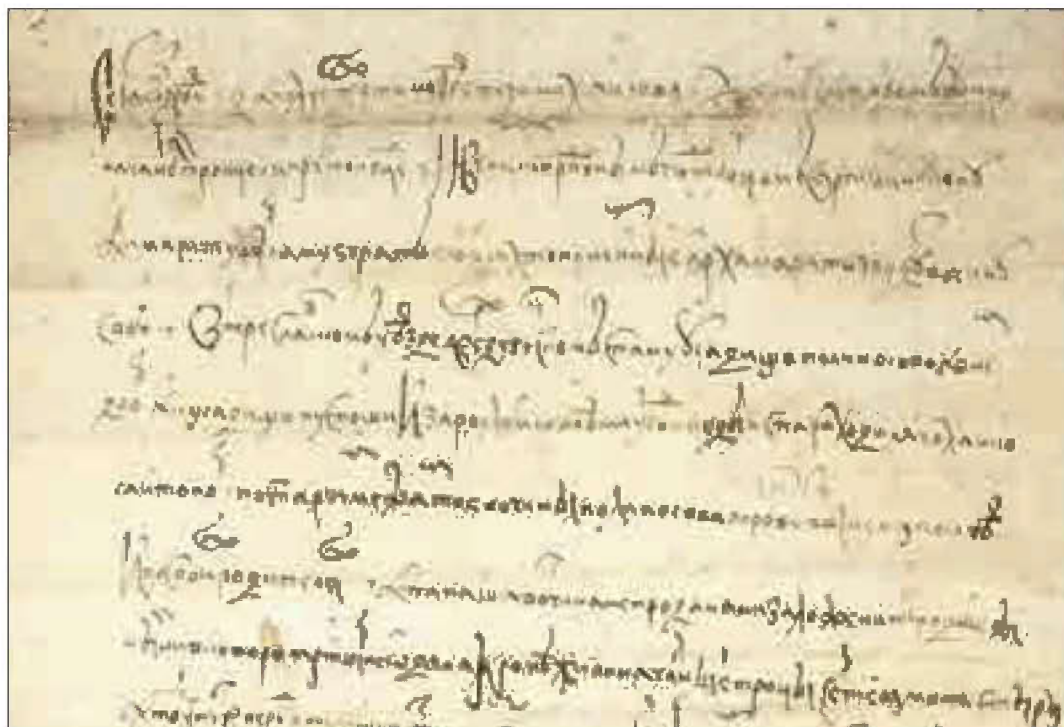
Верхдубенский стан Переяславского уезда, как следует из его названия, располагался по верховьям реки Дубны. Деревня же Полиносово сохранилась до наших дней, находится она недалеко

⁷ В основе этого текста публикация в сборнике «Известия Русского генеалогического общества». СПб., 2017. Вып. 32. В честь И.В. Сахарова по случаю его 85-летия. С. 225–232.

⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. М., 1987. С. 64–65.

⁹ РНБ. Ф. 546. № 5. Опубликовано: Владимирские епархиальные ведомости. 1877. № 3–4.

от станции Арсаки Ярославской железной дороги — первой станции от Москвы во Владимирской области. В Полиносове остались руины храма Николая Чудотворца конца XVIII в. А рядом — возрожденная Смоленская Зосимова мужская пустынь, основанная преподобным Зосимой в конце XVII в.¹⁰

1573/1574 г. Данная (вкладная) грамота А.Т. и П.Т. Михалковых в Троице-Сергиев монастырь. Список XVI в. РНБ. Ф. 546. № 5. Л. 1 (начало).

Сложнее установить местоположение вотчинных земель Михалковых «в Переславском уезде Залеского сельцо Назимово Судиславль тоже», указанных в записи о вкладе другого представителя рода Михалковых — **Артамона-Алая Ивановича Михалкова**, сделанной им в 1573/1574 гг.¹¹

Но одно несомненно — владение представителями разных ветвей **рода Михалковых** вотчинами в одном регионе означает, что эти земли принадлежали их общим предкам.

Находим и прямое указание на древность одной из этих вотчин в духовной грамоте (завещании) **Андрея Тимофеевича Михалкова** 1586/1587 гг. (она сохранилась в родовом архиве Михалковых)¹²:

«А што моя вотчина прадеда моего и деда моего и отца моего благословение в Переславском уезде в Верходубенском стану да в Рузском уезде в Вовленикове стану — в Переславле село Палиносово с деревнями, а в Рузе село Новое с деревнями, и теми вотчинами благословил нас, меня Ондreja да брата моего Полуекта, отец наш Тимофей Федорович».

То есть воевода Андрей Михалков утверждает, что вотчины в Переславском уезде принадлежали еще основателю их фамилии **Михайлу-Михалку Ивановичу Киндыреву (Кондыреву)** во второй половине XV в.

В работе О.В. Щербачева «К вопросу о происхождении рода Михалковых»¹³ было отмечено, что в конце XV в. в поземельных актах

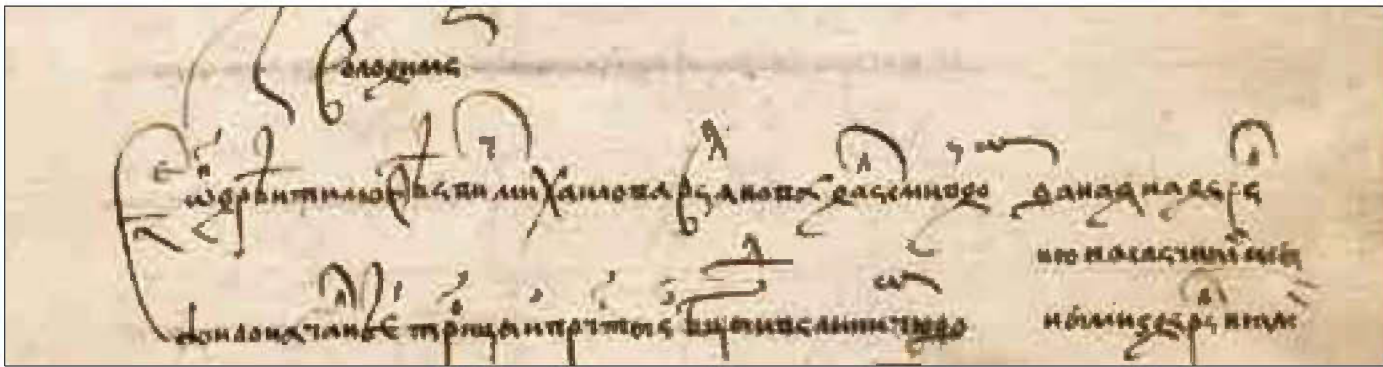
¹⁰ См.: Олег Пэнэжко, протоиерей. Храмы г. Александрова и окрестностей. Владимир, 2003. С. 83.

¹¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 64. Сельцо было расположено в Новосельском стане Переяславского уезда (Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси. XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 194). См. с. 118.

¹² ОР РНБ Ф. 546. № 6. Л. 1–5. Грамота дважды публиковалась: первый раз графом С.Д. Шереметевым: «Из Архива Михалковых» (№ 1) и второй раз в 1998 г. сотрудником РГАДА. А.В. Антоновым во 2-м томе «Актов служилых землевладельцев XV–XVII века» (М., 1998. С. 255–259).

упоминается **Федор Михайлович Вельяминов**. Это — не кто иной, как отец **Дмитрия** и **Тимофея Федоровичей Михалковых** и дед воеводы **Андрея Михалкова** (во вкладной грамоте 1570/1571 гг. назвал себя «**Се яз, Ондрей Тимофеевич Михайлова Вел(ь)я(ми)нова**»).

Вероятно, один из предков Михалковых имел второе христианское имя Вениамин-Вельямин, которое начало превращаться в прозвище-фамилию его потомков, но было все же вытеснено фамилией **Михайловы-Михалковы**. Примечательно, что в поминании Михалковых в Троицком Синодике 1630-х гг. есть имя «Вениамин», но оно записано отдельно¹⁴.

В архиве Троице-Сергиева монастыря сохранились две грамоты с упоминанием **Федора Михайловича Михалкова-Вельяминова**, в которых указаны его должности на великокняжеской службе, свидетельствующие об определенном статусе рода среди переяславских землевладельцев во время правления Ивана III. В грамоте, датированной 1490–1505 гг., «Федор Михайлов сын Вельяминова» выступает первым среди трех «**приказчиков**» (администраторов, получивших приказ) великого князя, которым поручено «разъехать» (разделить и размежевать) в Переяславском уезде земли села Тимофеевского с землей Троице-Сергиева монастыря и других землевладельцев¹⁵. В другой грамоте, 1498 г., написанной от имени сына Ивана III — князя Юрия Ивановича, «Федор Михайлов Вельяминова» значится **вторым судьей** в решении спорного земельного дела между властями Киржачского Благовещенского монастыря (приписанного в Троице) и переяславскими крестьянами¹⁶.

Особого внимания для окончательного определения принадлежности **Федора Михайловича Вельяминова** к роду Михалковых требует древнерусский частный акт «1494/95 г. Полюбовная разъезжая Кузьмы Федорова с Дмитрием Михайловым на их земли Кедриковскую и Онаньинскую (в Переяславском уезде)»¹⁷, где Федор Михайлович выступает свидетелем в земельном споре своего сына **Дмитрия Михалкова («Михайлова»)** с соседом Кузьмой Федоровым (Редриковым — см. с. 128) и подписывается как **Федор Михайлов**. Но в тексте грамоты его имя объединяется в одной строке с Матвеем и Иваном Григорьевыми Вельяминова — вероятно, дальними родичами.

Запись начала текста вкладной грамоты А. Т. Михалкова-Вельяминова 1570/1571 г. по духовной его родича В. В. Коробова на его владимирскую вотчину в Копийной книге Троице-Сергиева монастыря 1586/1587 г. РГБ. Ф. 303. № 522. Л. 132.

¹³ *Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. 1997. № 4–5 (48–49). С. 114–116.*

¹⁴ *РГБ. Ф. 304.1. (Основное собр. рукописей Троице-Сергиевой лавры). № 818. Л. 92.*

¹⁵ *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ). М., 1952. № 560. С. 437–438.*

¹⁶ *Там же. № 617. С. 529–530.*

¹⁷ *Там же. № 577. С. 456. Хотя в заголовке грамоты Переяславский уезд стоит под вопросом, но в комментариях в том же издании на с. 631 академик С. Б. Веселовский писал, что «спорные земли находились в восточной части Кинельского стана, на границе с Марининой слободой», то есть в Переяславском уезде.*

Сохранность акта XV в. в подлиннике — большая редкость! Вот его текст:

«Се яз, Куз(ь)ма Федоров, да яз, Дмитреи Михаилов: что яз Куз(ь)ма възводил суд(ь)ю великого князя Ивана Баланду на Кедриковскую землю с Онан(ь)иньскою землею на межю на пут(ь), ино нам та межа не в межю. И яз Куз(ь)ма пообыскался, что то земля Кедриковская Дмитреева, а не моя. И мы собе обыскали промеж собя старую межю Скиндеревског(о) лугу: взнож(ь)ю (?) по гранем да по ямам, да поперег пожни в Одулковскую водоточ(ь) да и Кедриковскую, то нам с Куз(ь)мою и межа. А за суд(ь)ю и за пристава яз, Куз(ь)ма, поимался за своего, а яз, Дмитреи, поимался за своего пристава.

А на роз(ъ)езде были: Федоръ Михаилов, да Матфеи, да Иван Бекет Григореевы дети Вел(ь)яминова, да Иван Вешняк Иванов сынъ Скрипцина, да Семен да Ондреи Васил(ь)евы дети Редрикова, да Петръ Григорьевъ с(ы)нъ Сумороков.

А роз(ъ)ежжие писал Олешка Борисов с(ы)нъ Враникова, лет(а) сем(ь) тысящъ трет(ь)яго. (7003–1494/1495).

А роз(ъ)ежжие без печати».

Грамота написана скорописью второй половины XV в., которая в это время начинает заменять в деловых документах древнее книжное письмо «полуустав». В конце текста указаны свидетели межевания, на обороте имеются их рукоприкладства:

«По сеи розъезжои я[з], Федоръ, послухъ и руку есми свою приложил.

По сеи розъезжои язъ, Семень, послух и руку свою приложил.

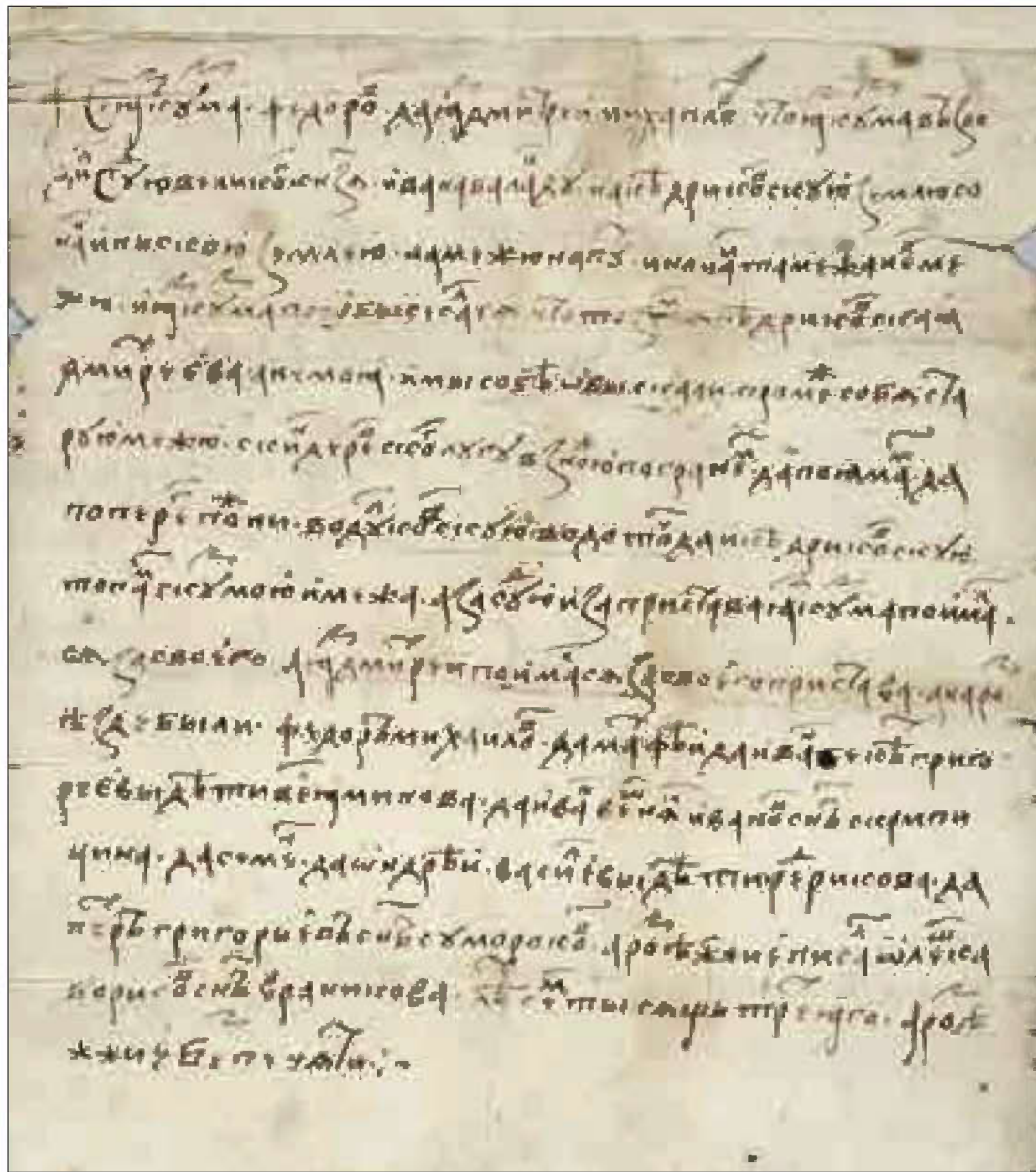
К сеи розеежои язъ, Грида Кузминъ с(ы)нъ Федоров, руку свою приложил (это сын К. Федорова, с которым Д. Михайлов межевал землю)».

Следует обратить внимание на собственноручную подпись **Федора Михайловича Михалкова-Вельяминова**, стоящую первой на обороте разъезжей грамоты 1494/1495 гг. Таких подлинных документов со столь древним автографом предка, возможно, не имеет ни один дворянский род, продолжающийся до нашего времени!

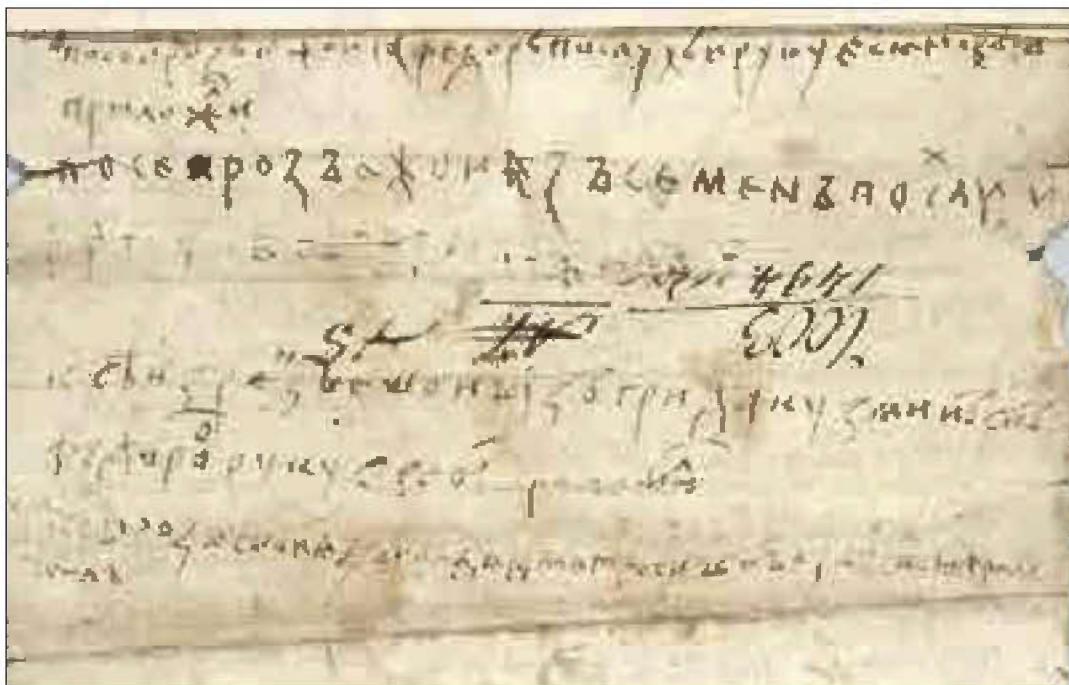
Подписи в разъезжей сделаны людьми не просто грамотными (то есть умевшими читать), каковыми были многие землевладельцы того времени, но и умевшими писать, что им, однако, приходилось делать редко. Поэтому их письмо больше восходит к полууставу церковных книг.

Дело в том, что обычай просить свидетелей земельных сделок ставить свои подписи на актах возник в самом конце XV — начале XVI в., при Иване III. Тогда значительно увеличилось служилое землевладение, как вотчинное, так и поместное.

Помимо всего прочего, данная грамота подтверждает наличие у Михалковых землевладения в древнем Переяславском княжестве. Таким образом, история рода Михалковых связана с древнейшими родами не только Твери, но и Владимиро-Суздальской Руси.

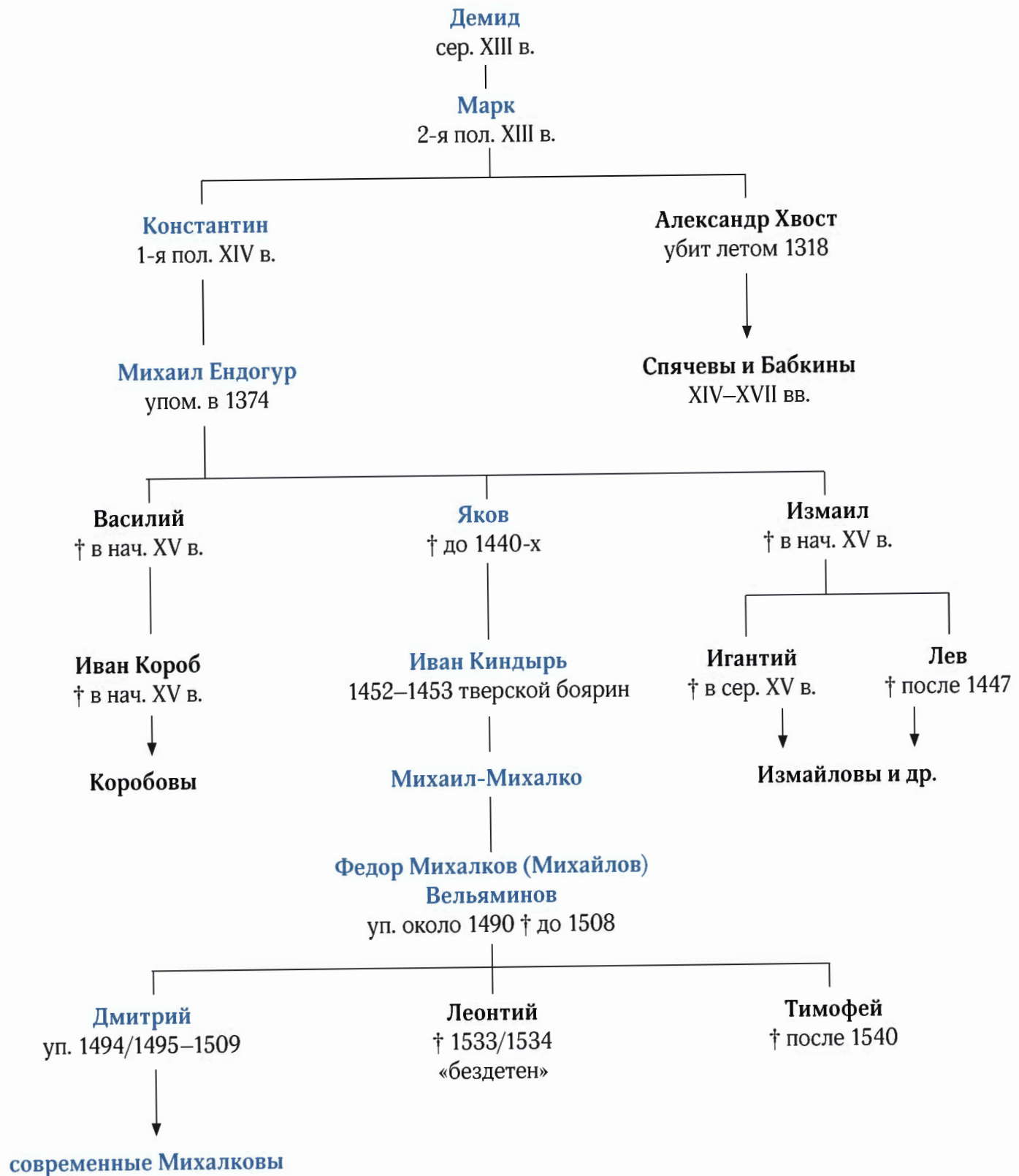
1494/1495 г. Полюбовная разъезжая грамота Кузьмы Федорова (Редрикова) с Дмитрием Михалковым («Михайловым») на их земли Кедриковскую и Онаньинскую в Переяславском уезде. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), Переяславль-Залесский. № 39/8763. Л. 1.

1494/1495 г. Полюбовная разъезжая грамота Кузьмы Федорова с Дмитрием Михалковым (л. 1 об.). Вверху подпись Ф. М. Михалкова-Вельяминова.

Начало родословия тверских боярских родов и рода Михалковых

Глава 3

МИХАЛКОВЫ

в XVI веке

*На службе московских
великих князей и царей
Василия III, Ивана IV,
Федора Ивановича*

В эпоху завершения образования Российского централизованного государства (с начала XVI в.) складывается иерархия окружающих государя советников, воинов и слуг. Они четко разделялись на:

- **боярство** (членов Боярской думы, имевших чины собственно бояр, *окольничих* и — с середины XVI в. — *думных дворян*);
- **высшие дворцовые чины** — *дворецкий* (обычно всегда боярин), *кравчий*, *постельничий*, *ловчий* и др. (все они также входили в состав Думы);
- **московское дворянство**, часть которого имела придворные чины — *стольников* и *стряпчих* (хотя придворными были только *комнатные стольники* — обычно дети бояр, служившие в царских покоях), а другая часть имела чин «*дворянина московского*».

Все указанные выше чины числились на военной службе.

Основную же массу конной русской армии составляли провинциальные дворяне, называвшиеся «*детьми боярскими*» (из них потомками старых московских боярских родов были только получившие первые поместья в обширной Новгородской земле после ее присоединения к Москве в конце XV в.).

Провинциальное дворянство в XVI–XVII вв. было привязано к определенному городу (уезду), поэтому называлось **городовое дворянство**.

Вся эта система чинов была достаточно подвижна, особенно в XVII в., когда определенная часть провинциальных дворян стала получать чины «дворян московских», а затем и придворные чины, дававшие им возможность продвигаться по службе (получать низшие командные должности в армии или становиться воеводами в небольших городах).

Но в число **московской элиты** (сейчас историки стали часто употреблять этот термин) попадали немногие.

Элита эта состояла не только из лиц, имевших думные и дворцовые чины, но также из определенного круга родов, традиционно получавших высшие военные должности **полковых воевод** (полки тогда равнялись целым соединениям, и воевод назначалось в них несколько).

Русская дворянская конница XVI в.
Гравюра из книги имперского посла
в Россию Сигизмунда Герберштейна
«Записки о Московии». Вена, 1556 г.

Вооружение русской дворянской конницы в XVI в. состояло из сабли, копья и саадака (лука с колчаном и стрелами). Только в конце XVI столетия было введено огнестрельное оружие. Из защитного вооружения использовались кольчуги, панцири (доспехи с плоскими кольцами и частым плетением). С конца XVI в. уже две трети помещичьей конницы имели металлические доспехи. На гравюре русские всадники одеты в самое простое защитное снаряжение — тагилы — стеганные кафтаны с короткими рукавами и высокими воротниками.

Назначения в XVI в. определялись не только царской волей, но и своеобразным древнерусским институтом — **местничеством**, то есть распределением назначений на воеводство, а также — на придворные церемонии (царские свадьбы, приемы послов и т.д.). Эти назначения зависели от знатности рода и службы предков.

Для использования в местнических спорах уже к середине XVI в. были составлены государственные **Разрядные книги** (с описанием всех военных походов и с перечнями назначенных на воеводские должности лиц) и **Родословные книги** (с родословиями княжеских, боярских и других знатных родов). Они копировались и дополнялись в каждом служилом роде и теперь стали ценнейшими историческими источниками.

Иерархия родов на Руси имеет давнюю историю. Основная часть думных чинов всегда состояла из представителей так называемых «старомосковских» нетитулованных боярских родов, служивших великим князьям еще с XIV в. Эти рода объединяли легендарные предки: **варяг Симон** (Вельяминовы и Воронцовы), **Ратша** (Пушкины и Бутурлины), **новгородец Миша Прушанин** (Морозовы и Салтыковы) и др. Постепенно на службу Москве переходили и потомки владетельных князей: Рюриковичи (князья Воротынские, Одоевские, Оболенские, Ростовские, Шуйские и др.), Гедиминовичи (князья Голицыны, Трубецкие, Хованские).

С объединением вокруг Москвы в конце XV — начале XVI в. княжеств Ярославского, Тверского, Рязанского, где были свои бояре и многочисленные мелкие удельные князья, далеко не все из них вошли в московскую элиту. Достаточно сказать, что многочисленные князата, даже сохранив свои мелкие родовые вотчины, служили в составе провинциального дворянства, а многие были «испомещены» уже Иваном Грозным на других территориях (например, рязанскими помещиками стали ярославские князья Дуловы, Шаховские, Щетинины).

Михалковы — потомки древних переяславских вотчинников и тверских бояр — не сразу нашли свое место в московской элите. Среди современных историков вообще существовало представление, что **Михалковы** — дьяческий род, и его родоначальником был великокняжеский дьяк **Тимофей (Тиша) Федорович Михалков**. Академик С. Б. Веселовский высказал это предположение, комментируя местнический спор 1583 г. между Андреем Тимофеевичем Михалковым и Евстафием Михайловичем Пушкиным¹.

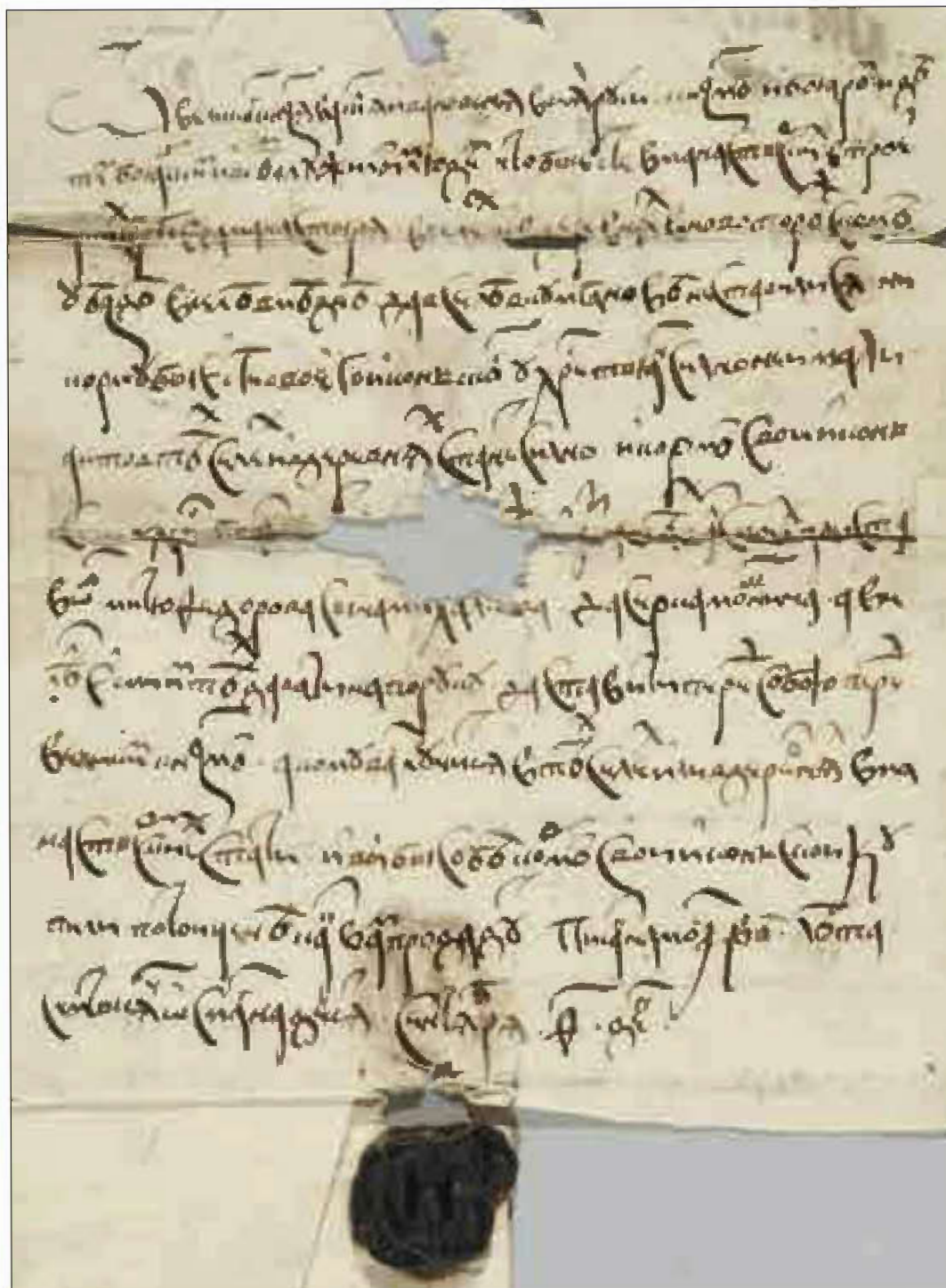
Дьяки (руководители княжеских и царских канцелярий) и **подьячие** (рядовые писцы, затем получавшие ответственные назначения) — особый слой служилого сословия, сыгравшего свою роль в формировании российского дворянства. Служившие по «гражданскому ведомству», они были создателями и руководителями первых российских ведомств — **Приказов**: Разрядного (военного), Посольского, Поместного и многих других. В конце XV — первой половине XVI в. дьяков было совсем немного (меньше, чем членов Боярской думы). Большинство из них было высокообразованными людьми, именно они стали первыми послами Ивана III в европейские страны и сопровождали за границу представителей знати. Великокняжеские дьяки Мамыревы нашли и сохранили рукопись «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, создали серию необычно оформленных рукописных книг, где мотивы византийского и восточного орнамента и каллиграфии сочетались с сюжетами западноевропейской миниатюры и гравюры². Постепенно дьяков становилось все больше. Но на протяжении XVI в. дьячество формировалось за счет служилых дворянских родов. Не случайно среди них были такие, что служили то дьяками, то воеводами.

Но все же дьяческая служба считалась не такой престижной («честной»), как дворянская (хотя дьяки обладали такими же местными окладами, как и московские дворяне).

Поэтому предположение о службе **Тимофея Федоровича Михалкова** (сведения о ней относятся к 1520-м гг.) — потомка древнего боярского рода (хотя и не московского) — в качестве дьяка требует специальных комментариев. Анализ грамоты 1509 г. из архива Троице-Сергиева монастыря (которая остается самым ранним документом о начале московской службы **Михалковых**) позволяет высказать новые соображения о статусе **Михалковых** в начале XVI в.

- ¹ См.: Веселовский С. Б. 1) Род и предки А. С. Пушкина в истории // Новый мир. 1969. № 1–2; 2) То же // Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 104; 3) То же. М., 1990. С. 132. В своем известном справочнике «Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии» С. Б. Веселовский под фамилией «Михалков» назвал не только дьяка Тимофея Федоровича, но указал и на прозвища двух других Михалковых — «Алай» и «Шелпак», не отметив, что это племянник и внучатый племянник дьяка, происходящие из другой, не дьяческой ветви рода (М., 1974. С. 11, 200, 364).
- ² См.: Морозов Б. Н. Памятники книжности XIV — начала XVIII вв. из скрипториев и библиотек Московского Кремля в собраниях РГБ (к постановке вопроса) // Румянцевские чтения — 2016. М., 2016. С. 387.

1509 г. сентября 9. Указная грамота великого князя Василия III с первым известным упоминанием о службе представителя рода Михалковых — пристава Дмитрия Федоровича Михалкова. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии), Новый Торжок, № 3/8331.

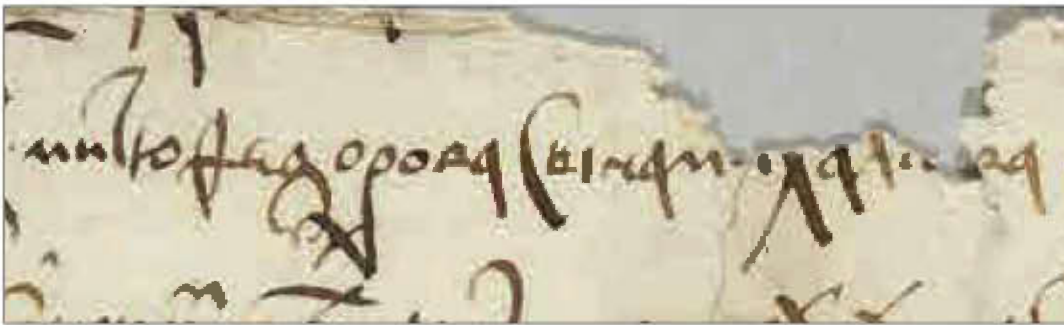

На черновосковской печати изображен человек, натягивающий лук. Вероятно, принадлежит дьяку, скрепившему грамоту на обороте именем великого князя.

Этот документ, впервые опубликованный 180 лет назад³, почти не использовался историками и генеалогами при изучении рода. А ведь он содержит и древнейшее написание фамилии в форме **Михалков**, а не **Михайлов**. В современном академическом издании троицких документов «Акты Русского государства 1505–1526 гг.» (М., 1975. С. 55. № 52) его заголовки и текст (приведен нами в упрощенной орфографии) выглядят так:

1509 г. сентября 9. Указная грамота великого князя Василия Ивановича (Василия III) князьям, боярам, детям боярским и всем служилым людям о запрещении насильственно ставиться в селах

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 151.

Митю Федорова
сына Михалк[о]ва

Троице-Сергиева монастыря Медне и Кумганово в Новоторжском уезде.

*«От великого князя Василья Ивановичя всея Руси князем, и бояром, и детем боярским и всем служилым людем, чтобы есте в манастырских в Троецких Сергеева манастыря селех и в деревнях в Новоторжском уезде в селе в Медне да в селе Кумганове не ставилися, ни корму бы есте своего и коньского у хрестьян силно не имали. А кто в тех селех и в деревнях станет силно и корм свой и коньской у крестьян учнут имати силно ж, и яз (великий князь) на тех дал своих приставов **Митю Федорова сына Михалк[о]ва** да Серка Мошнина, а велел есми им тех давати на поруку да ставити перед собою перед великим князем. А кому [у] вас лучится в тех селех или в деревнях в манастырских стати, и вы б себе корм свой и коньской купили по той цене, как вам продадут.*

Писана на Москве, лета сем тысяч осмагонадесять, сентября 9 день».

На обороте: «Князь великий всея Руси» (запись почерком, отличным от текста грамоты, но, естественно, не самого Василия III, а великокняжеского дьяка). На обороте также были сделаны записи о подтверждении этой иммунитетной грамоты:

В 1534 г. — от имени малолетнего великого князя Ивана Васильевича (подписана дьяком Афанасием Курицыным).

В 1551 г. — от него же, ставшего царем Иваном IV Васильевичем (пока еще не Грозным).

Грамота в настоящее время хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фонде «Грамоты Коллегии экономии». Подлинная грамота (что уже редкость!) написана на бумаге. Ее сохранность не очень хорошая — дыра в центре затронула текст, в том числе на фамилии Михалков, но почти все буквы сохранились и могут быть проверены по имеющимся монастырским копиям XVI–XVII вв.

Итак, **Дмитрий Федорович Михалков** (старший брат будущего дьяка Тимофея Федоровича) служит **приставом**. Он назначен Московским великим князем для защиты новых владений Троице-Сергиева монастыря и обладает полномочиями «*давати на поруку да ставити перед собою перед великим князем*» (то есть — приводить к суду нарушителей монастырского иммунитета, даже представителей высших слоев — князей и бояр).

В комментариях к публикации этой грамоты в «Актах Русского государства. 1505–1526 гг.» (с. 307) читаем: *«Данными приставами назначались лица из местных мелких землевладельцев, находившихся иногда в тесных сношениях с монастырями...»* Комментаторы ничего не пишут о первом приставе Д. Ф. Михалкове, но нам известно, что Михалковы были местными вотчинниками. Об этом свидетельствует и рассмотренная выше грамота 1494/1495 г. (см. с. 27–29), и опубликованная в издании «Акты Русского государства. 1505–1526 гг.» (№ 54. С. 56) «данная грамота» Владимира Семеновича Племянникова в Троице-Сергиев монастырь 1509/1510 г. на деревню Белавино. Эту деревню он купил «у Тимофея у Михайлова» — то есть у брата Дмитрия Михалкова — будущего дьяка Тимофея Федоровича Михалкова. Грамота Племянникова никогда не использовалась при изучении истории рода Михалковых. Располагалась деревня Белавино там же, где были владения второго пристава Мошнина. Вотчинники Мошнины были соседями Михалковых и поэтому, вероятно, назначены вместе приставами для защиты монастырских интересов.

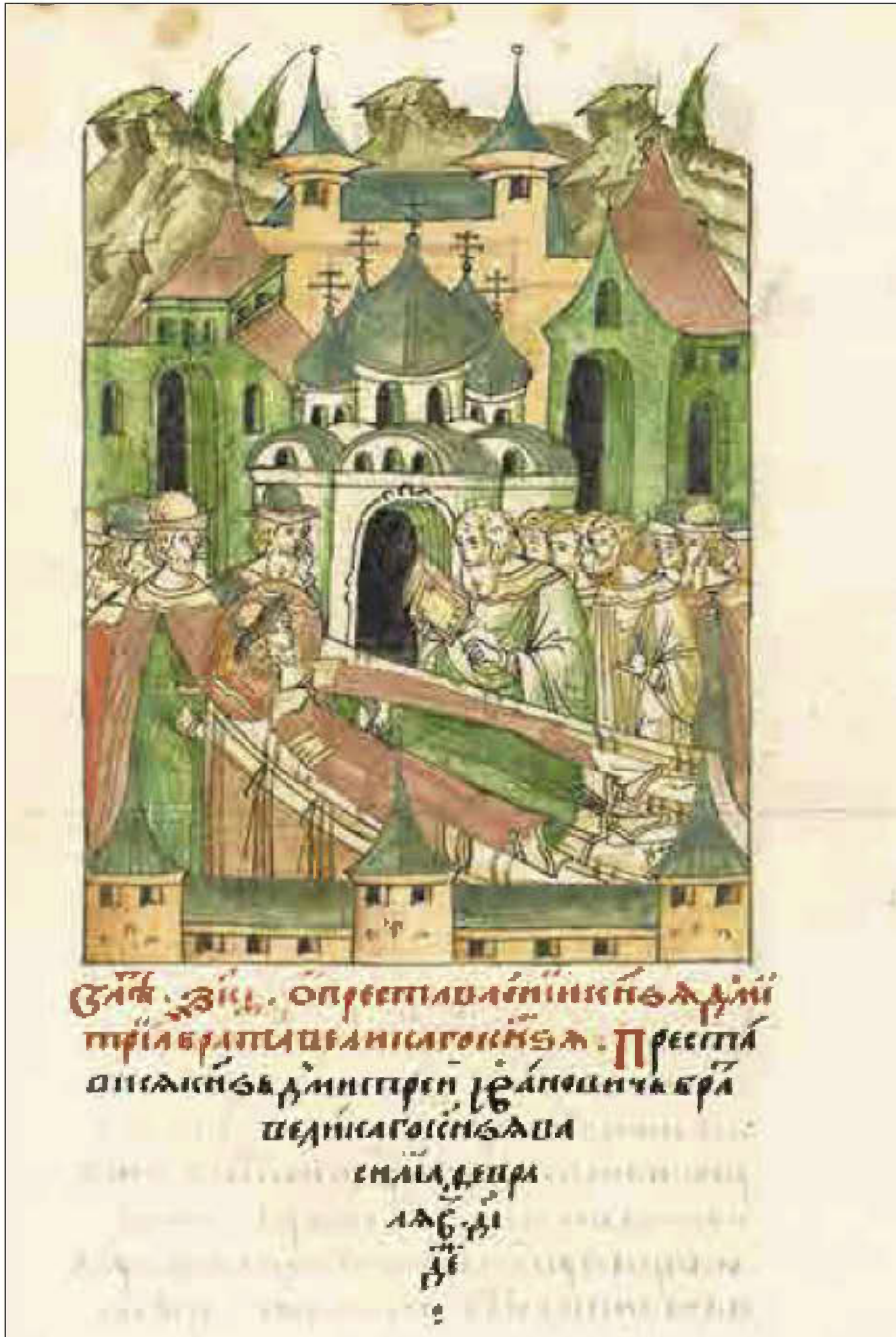
О связях Михалковых с Троицей свидетельствуют поминальные записи рода в монастырских Синодиках XVI–XVII вв. (их публикация и комментарии в первой главе).

Почему же все-таки **Михалковы** в начале XVI в. выбирают административную и хозяйственную деятельность, а не стремятся на военную службу? Вероятно, это определялось их статусом независимых землевладельцев — вотчинников, потомков тверских бояр Коробовых и Киндыревых, которые не сделали карьеру в Тверском великом княжестве, но сохранили свои древнейшие переяславские вотчины, восходящие к временам, когда еще и Тверского княжества не существовало.

Впрочем, отсутствие сведений об иной службе **Дмитрия Федоровича Михалкова** может объясняться и крайней малочисленностью исторических источников этого времени вообще, а службу **дьяком** его младшего брата **Тимофея Федоровича** можно объяснить его склонностью (и, конечно, способностью) к письменным занятиям, что, видимо, уже тогда было семейной традицией.

Впервые **Тимофей Федорович Михалков** упоминается в качестве казенного дьяка в «духовной грамоте» (завещании) угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки — родного брата великого князя Василия III. Грамота датируется в последнем ее научном издании «1521 г. ранее февраля 14» — то есть временем, когда в летописи было записано о смерти князя⁴ (понятно, что позднее грамота не могла быть составлена, но иногда завещания составлялись и заранее). Следовательно, мы не знаем, когда точно **Тимофей Михалков** начал служить у брата Московского великого князя, но то, что он выбрал себе именно этого сюзерена, не случайно. Как пишет исследователь В. Д. Назаров: «Немногие

4 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ) / Подгот. к печати Л. В. Черепниным. М.; Л. 1950. № 99. С. 409–414. В предыдущих изданиях грамота ошибочно датировалась 1509 г. (ее путали с завещанием внука Ивана III), отсюда во всех справочниках неверно датировалось и начало службы Т. Ф. Михалкова.

«В лет(о) 7029 (1521).
 О преставленіи кн(я)зя Дмитрія
 брата великаго кн(я)зя».

Погребение князя Дмитрия Ивановича
 Угличского.

Миниатюра из Лицевого летописного
 свода XVI в. (РНБ. Ф. 550. F.IV.232.
 Л. 830).

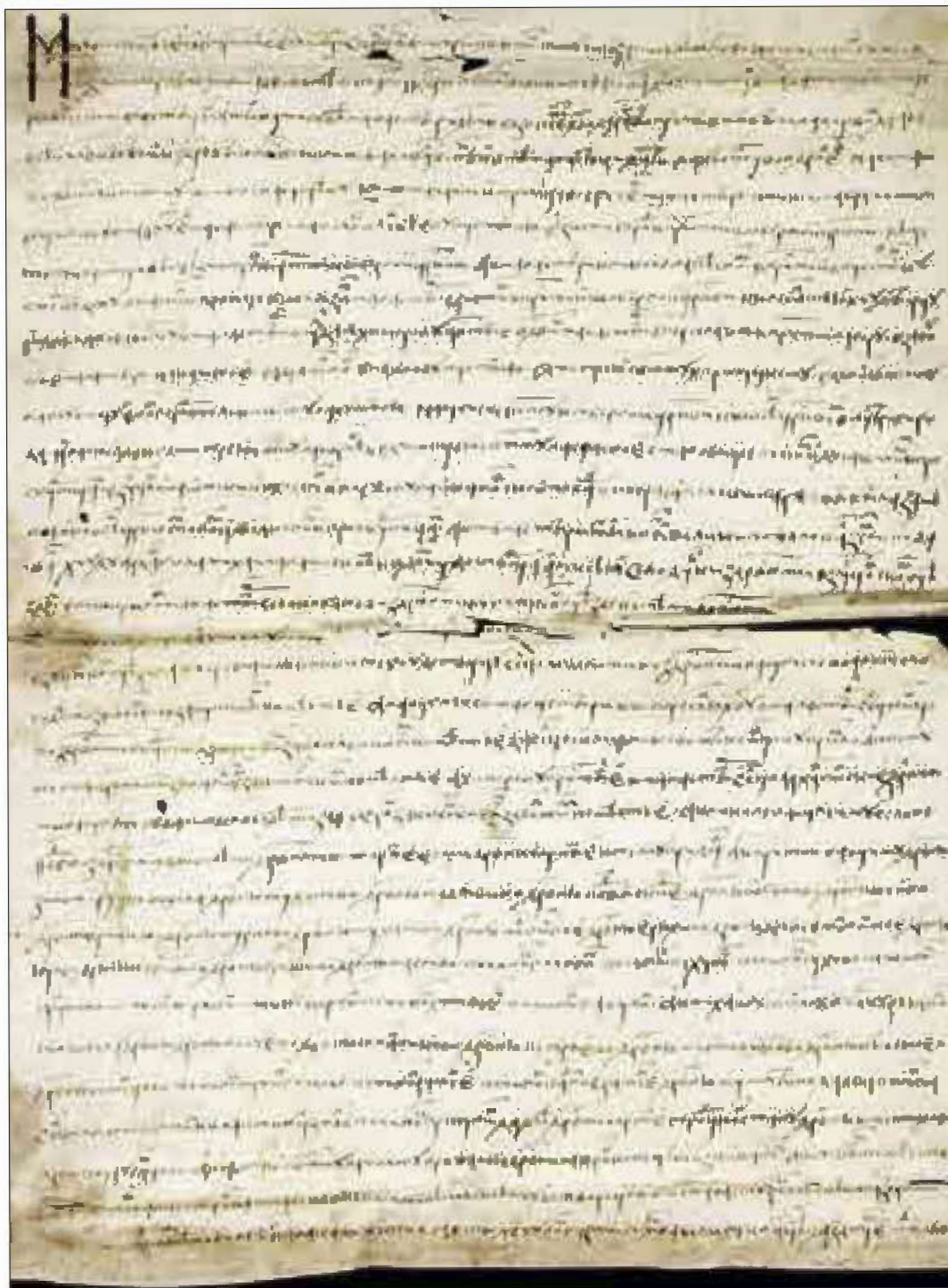
Среди лиц, стоящих за гробом князя,
 можно представить Тимофея Федоро-
 вича Михалкова

уцелевшие документы из удела Дмитрия Ивановича — прежде всего, завещание князя — рисуют его рачительным хозяином, твердо защищавшим интересы служивших ему лиц и населения его удела»⁵.

Подданные князя ценили это. Их любовь проявилась сразу после смерти великого князя Дмитрия Ивановича. Тело скончавшегося князя было положено в каменный гроб, установленный в Спасо-Преображенском соборе Углича. Когда в Углич по приказу Василия III прибыл боярин С. Ф. Воронцов с намерением доставить гроб с телом Дмитрия Ивановича для захоронения в Архангельском соборе Московского Кремля, члены княжеского двора (в том числе и **Тимофей Михалков**) не хотели отдавать его. А потом «несли на головах» местные дети боярские в сопровождении

⁵ Назаров В. Д. Дмитрий Иванович Жилка // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 442–445.

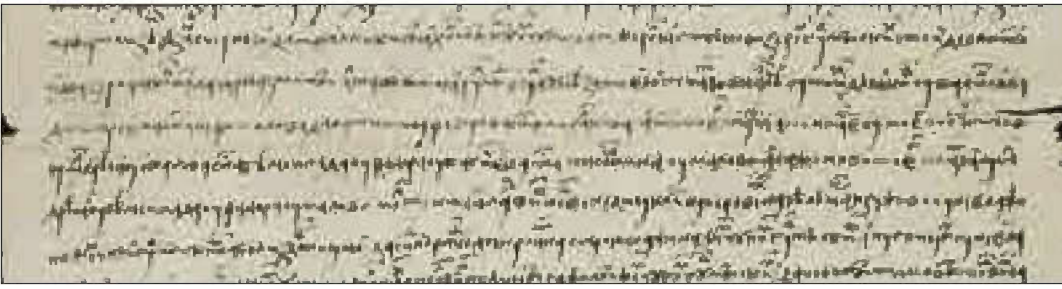
[1521 г.] Духовная грамота угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки с указанием на первую известную службу Тимофея Федоровича Михалкова.

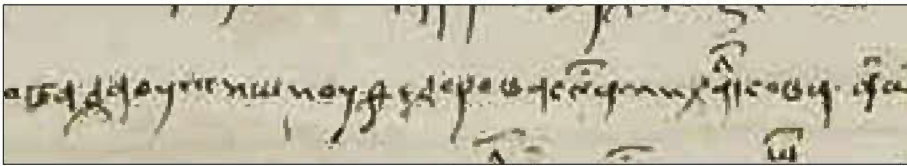
Грамота хранилась в «Государственном древлехранилище хартий и рукописей», созданном в 1851 г. в качестве особого отделения Оружейной палаты — ныне в РГАДА. Ф. 135. Отделение 1, рубрика I, № 35. Л. 1–5. Здесь воспроизведен л. 1. Писал грамоту еще один дьяк князя Дмитрия Ивановича — Небогатый Исаков Дубровин. Опубликовано: ДДГ. М., 1950. № 99. С. 409–414.

всего угличского духовенства и горожан пять верст от города. В Троице-Сергиевом монастыре была отслужена заупокойная служба, во время которой гроб князя стоял рядом с ракой преподобного Сергия.

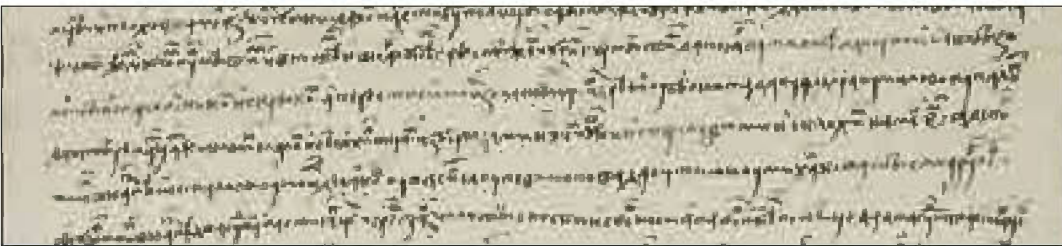
Княжеский дьяк и казначей **Тимофей Михалков**, очевидно, участвовал в составлении духовной грамоты Дмитрия Ивановича. Она содержит пространный перечень казны — драгоценности, серебряная и золотая посуда, утварь, парадная одежда. В казне хранилась также 1 тысяча рублей — большая по меркам той эпохи сумма свободных денег, за сохранение которой отвечал **Тимофей Михалков**.

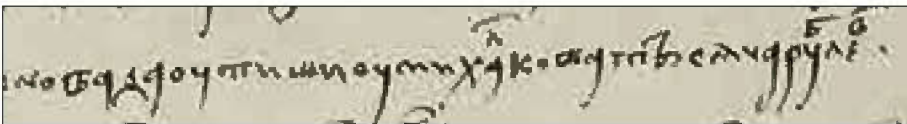
«... А та вся моя рухлядь в сундуке за моею печатью в казне у моих дьяков у Василья / у Дмитриева сына Нефимонова да у Тиши у Федорова сына Михалкова...» (л. 2).

«... да оу (= у) Тиши оу Федорова с(ы)на Михалкова»

«... А денег / моих в казне осталось у моих дьяков у Василья у Нефимонова да у Тиши у Михалкова тысяча рублей» (л. 2 ниже).

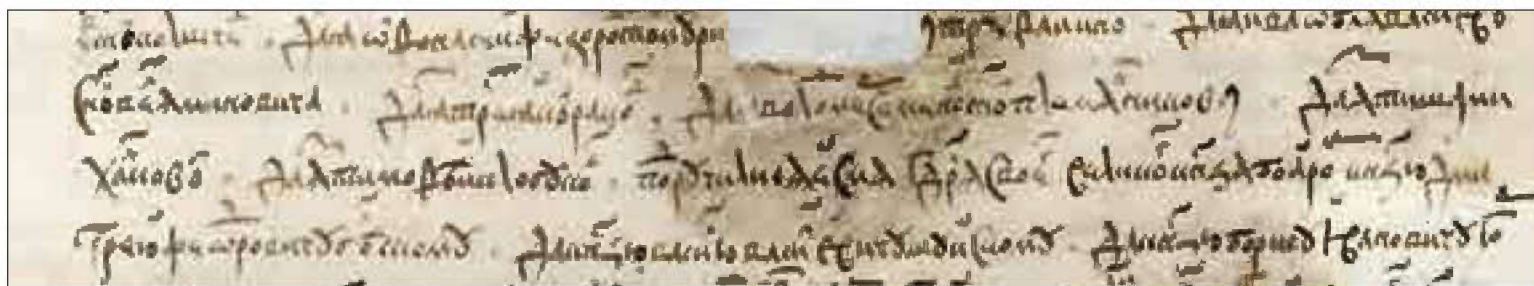

«... да оу Тиши оу Михалкова тысяча рублей».

После смерти угличского удельного князя, не имевшего наследников (Василий III запрещал своим братьям жениться до появления собственного сына), **Тимофей Федорович Михалков** должен был искать новую службу. И он попал в состав великокняжеского двора Василия III. Представители даже знатных боярских фамилий после службы удельным князьям не могли занять такого положения при московском дворе. **Тимофей Михалков** — смог, чему способствовало, вероятно, покровительство и рекомендации влиятельных лиц из числа великокняжеских дьяков (см. ниже).

О положении **Тимофея Михалкова** в кругу московской элиты ярко свидетельствуют **поручные записи** 1520-х гг., которые Василий III велел подписывать для создания круговой поруки тем своим вельможам и воеводам, которым он имел основание не доверять.

В феврале 1527 г. была составлена **поручная запись** по знаменитому воеводе князе Михаиле Львовиче Глинском. Князь Глинский — военачальник и государственный деятель Великого княжества Литовского. После того, как в 1508 г. провалился его мятеж против польского короля, он перешел на службу Москве и возглавил русские полки против своих же соотечественников. Но когда в 1514 г. Василий III с его помощью взял Смоленск, Глинский, рассчитывая получить город в свое владение и просчитавшись, решил снова вернуться на службу к королю. Уличенный в измене (была

«... [Иван Лошак Василь]ев сын Колычев, да яз Офонасей Федоров сын Кури[цына, да яз] Трифан Ильин, да яз Иван Облаз Васильев сын Вельяминовича, да яз Третьяк Раков, да яз Володимер Семенов сын Племникова, **да яз Тиша Михалков**, да яз Тимофей Клобуков подручилися есмя государя своего великого князя бояром, князю Дми[трею Федоровичу Бельскому...].»

РГАДА. Ф. 135. Отделение III, рубрика II, № 1. Л. 1. На обороте поручная бояр Василию III, в ней в числе «подручников» также указан Т.Ф. Михалков. Опубликовано: Древняя Российская Вифлиофика (ДРВ). М., 1788. Ч. 3. № 134. С. 53–58; СГГД. Ч. 1. № 155. С. 428–430.

1527 г. февраль. Поручная («подручная») запись 47 князей, бояр, детей боярских и дьяков, поручившихся боярам и князьям Д.Ф. Бельскому, В.В. Шуйскому, А.Б. Горбтому по князю М.Л. Глинскому. Первое упоминание Тимофея Федоровича Михалкова в качестве великокняжеского дьяка.

захвачена переписка Глинского с Сигизмундом I), воевода в око-вах был отправлен в Москву и провел в заточении свыше 10 лет. Когда же в 1526 г. женой Василия III стала княжна Елены Глинская (племянница заточенного воеводы, будущая мать Ивана Грозного), встал вопрос об освобождении опального воеводы и возвращении ему высокого положения. Василий III, справедливо опасаясь дальнейших измен князя Михаила Глинского, не мог довольствоваться традиционным крестоцелованием, а повелел оформить по нему особую двустепенную поруку (вероятно, эта схема разработана его приближенными дьяками). Главными («головными») поручателями перед великим князем выступали знатнейшие бояре — князья Д. Ф. Бельский, В. В. Шуйский, А. Б. Горбатый. А уже им поручались («подручались») 47 видных княжат, бояр и детей боярских. В случае бегства князя Глинского поручившиеся должны были выплатить в царскую казну 5 тысяч рублей. В эту группу поручителей, которую историк А. А. Зимин назвал «цветом московской знати»⁶, входил и **Тимофей Федорович Михалков**.

Интересные наблюдения позволяет сделать перечень дьяков, помещенных в конце «подручной»:

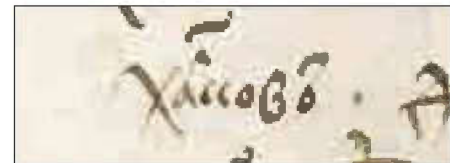
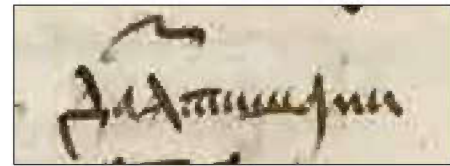
Среди 5 дьяков, вместе с **Т. Ф. Михалковым** участвовавших в поручительстве по князю М. Л. Глинскому (А. Ф. Курицын, Т. Ильин, Т. Раков, В. С. Племянников, Т. Клобуков), есть лица, прямо или косвенно связанные с родом **Михалковых**. А. Ф. Курицын в 1534 г. подписал грамоту о назначении Д. Ф. Михалкова приставом. Показанный в перечне «подручителей» первым, он был приближенным Василия III.

Дьяк В. С. Племянников — сосед Михалковых по землям в Кинельском стане Переяславского уезда, волости Воре и в Корзневом стане Московского уезда, где он ранее в 1509/1510 гг. купил деревню у Т. Ф. Михалкова.

Среди других дьяков-«подручников» можно увидеть и представителя древнейшей боярской фамилии «Ивана Облаза Васильева сына Вельяминовича» (сына Василия Федоровича Вельяминова, окольного Ивана III). Иван Облаз служил воеводой удельных князей, в том числе в 1507–1512 гг. у князя угличского Дмитрия Ивановича Жилки и, соответственно, мог хорошо знать Тимофея Федоровича Михалкова.

Таким образом, попадание удельного дьяка **Тимофея Федоровича Михалкова** в ближний круг московских придворных Василия III не случайно. Прослеживаются его непосредственные связи с дьяками из таких же, как и он, вотчинников региона, окружающего Троице-Сергиев монастырь. Принадлежность к этому кругу определила судьбу потомков и родичей **Тимофея Михалкова**.

Через год, в июне 1528 г., **Тимофей Федорович Михалков** также участвовал в поручительстве по знатнейшим князьям Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским, которые «отъехали» служить брату Василию III, дмитровскому удельному князю Юрию

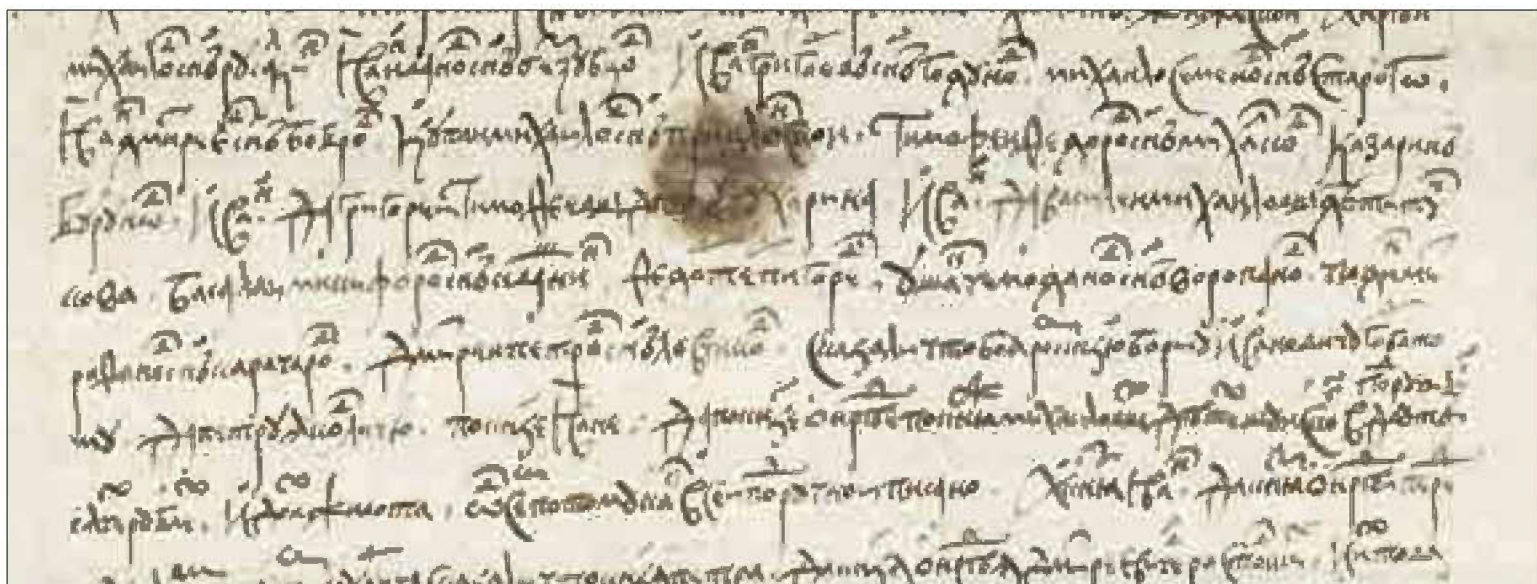
«...да яз Тиша Ми/халковъ...»

⁶ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 314.

1528 г. июнь. Поручная («подручная») запись 30 князей, бояр, детей боярских и дьяков, в том числе Т.Ф. Михалкова, поручившихся боярам князю Б.И. Горбатову и П.Я. Захарьину по князьям И.М. и А.М. Шуйским.

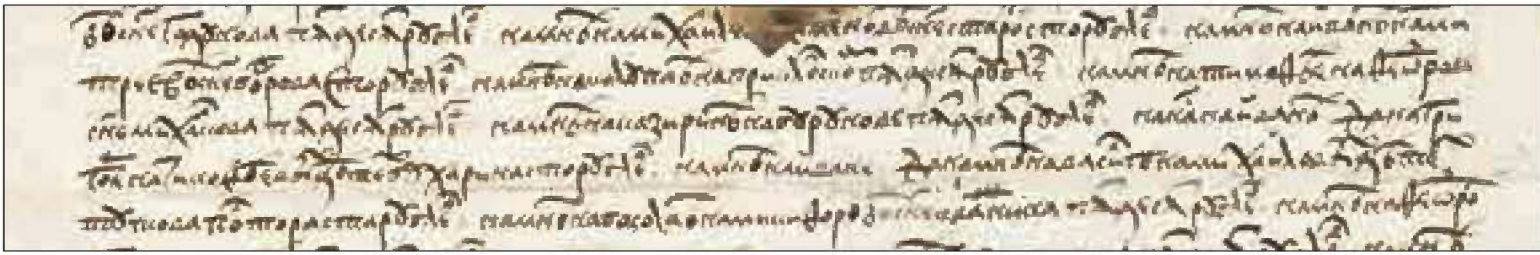
РГАДА. Ф. 135 Отделение III, рубрика II, № 11. Л. 1. На обороте поручная бояр Василию III, в ней в числе «подручников» также указан Т.Ф. Михалков и указана его сумма. Опубликовано: ДРВ. М., 1788. Ч. 3. № 135. С. 58–63; СГД. Ч. 1. № 156. С. 430–432.

«Иван Дмитриев сын Бобров, К(ол)упай Михайлов сын Приклонской, **Тимофей Федоров сын Михалков**, Казарин / Бурунов, Иван да Григорей Тимофеевы дети Бухарина, Иван да Василей Михайловы

дети Туч/кова, Басалай Микифоров сын Квашнин, Федор Терпигорев, Ушак Чемоданов Воропанов, Чюдин Митрофанов сын Карачаров, Дмитрий Петров сын Ловчиков сказали, что бояром князю Борису Ива-

новичу Горбатову да Петру Яковлевичю по князе Иване да по князе Ондрее по княж Михайловых детех Шуйского подручилились в две тысячех рублев...» (л. 1).

Ивановичу. Великий князь счел это изменой, и Шуйские попали в заточение. Их «выручили» 30 князей, дворян и великокняжеских дьяков, «подручившихся» главным поручителям — боярам Б. И. Горбатову и П. Я. Захарьину. **Т. Ф. Михалков** значится третьим, после дьяка и постельничего Василия III И. Д. Боборова и дьяка К. М. Приклонского. Общая сумма поручительства была определена в 2000 рублей, но были указаны и конкретные суммы для каждого поручителя — по 150, 100 и 50 рублей, независимо от знатности лица и его места в списке. Т. Ф. Михалков поручался в 50 рублей.

Служба **Т. Ф. Михалкова** в качестве дьяка в 1532–1534 гг. связана с утверждением земельных актов. В 1540 г. (а может, и ранее) он уже был дьяком великокняжеского Большого дворца и подписывал 17 марта приговор суда о спорных вотчинах Московского Симонова монастыря в Бежецком уезде. На сохранившемся подлиннике приговора можно увидеть его подпись: «Подписал дьяк Тимофей Федоров сын Михайлов»⁷.

После этого года источники со сведениями о **Т. Ф. Михалкове** неизвестны. В сентябре 1532 г. Тимофей Федорович дал в Троице-Сергиев монастырь 50 рублей «на вечное поминовение», а через 31 год — в октябре 1563 г. — его сыновья **Андрей и Полуект Михалковы** дали в Троицу 100 рублей. Но во вкладной книге не уточняется, что этот вклад мог быть по отцу, который скончался, вероятно, задолго до этого⁸.

«На мне на Иване на Дмит/рееве сыне Боброва сто рублей, на мне на Колупае на Приклонском пятьдесят рублей, **на мне на Тимофее на Федорове/ сыне Михалкова пятьдесят рублей**, на мне на Казарине на Бурунове пятьдесят рублей, на нас на Иване да на Григорье на Тимофеевых детех Бухарина сто рублей, на мне на Иване да на мне на Василье на Михайловых детех / Тучнова полтора ста рублей...» (л. 1 об).

⁷ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Том I. № 53. С. 74 (То же. АФЗХ. М., 1983. № 63. С. 72).

⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 64.

Дети и племянники дьяка Тимофея Михалкова

Тимофей Федорович Михалков ввел в кремлевский круг и своих сыновей. Самое раннее упоминание **об Андрее и Полуекте Тимофеевичах Михалковых**, вероятно, еще молодых людях, но уже, очевидно, записанных в службу (такая процедура обязательна к середине XVI в.), находится в **поручной записи** 1547 г. (уже после венчания на царство Ивана IV Васильевича).

На этот раз гарантия верности потребовалась для знатного потомка удельных рязанских князей боярина Ивана Ивановича Турунта-Пронского — в 1547 г. он с князем Михаилом Васильевичем Глинским (племянником князя Михаила Львовича Глинского) решили бежать в Литву, но были схвачены на границе. Царь вынужден был простить изменников — ведь князь Михаил Васильевич был его родным дядей (братом матери), а за Турунта-Пронского ходатайствовал сам митрополит Макарий. Список из 34 поручателей возглавляют бояре — князь Федор Иванович Шуйской (Скопин) и Данило Романович Юрьев (брат недавно ставшей женой царя Ивана Анастасии Романовны). Дети дьяка **Тимофея Михалкова Андрей и Полуект** записаны среди московских дворян, соответственно, на 19-м и 20-м месте (этот счет мест был важен). Как и в поручительствах 1527 и 1528 гг., где участвовал их отец, в конце поручной 1547 г. записано всего 5 дьяков (дьяка **Тимофея Михалкова** среди них нет, возможно, он был уже в отставке).

Участие молодых дворян **Андрея и Полуекта Тимофеевичей Михалковых** в этом поручительстве свидетельствовало не только об определенном положении при царском дворе. Такое поручительство — большая ответственность, ведь поручались «по князе Турунтае-Пронском» суммой в 10 000 рублей. Причем, залогом являлась вся собственность поручителей — в случае измены князя все они (по крайней мере, рядовые дворяне) лишились бы своих вотчин.

Одним из важных мероприятий периода **реформ Ивана Грозного** была так называемая «**Тысячная реформа**» — царский указ 1550 г.:

«Лета 7059-го октября царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил з бояры учинить в Московском уезде,

И ц(а)рь и великій кн(я)зь после того вину их сыскаль и для о(т)ца своего Макария митрополита ихъ пожаловаль, вину имъ отдалъ и велель ихъ подавати на поруки, занеже от неразумения тот бегъ учинили были, обложася страхомъ княже Юрьева убійства Глиньскаго

Это последняя из 6 миниатюр свода, посвященных победе и поимке князей М. В. Глинского и И. И. Турунтая-Пронского. Тексту «подавати на поруки» соответствует поручная запись, в которой среди поручителей дворян были А. Т. и П. Т. Михалковы.

1547 г. декабрь. Участие Андрея и Полуекта Тимофеевичей Михалковых в поручительстве по опальному князю Ивану Ивановичу Турунтаю-Пронскому. Лицевой летописный свод XVI в. (ГИМ. Син. № 149. Л. 310).

да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде... от Москвы верст за 60 и 70, помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек.

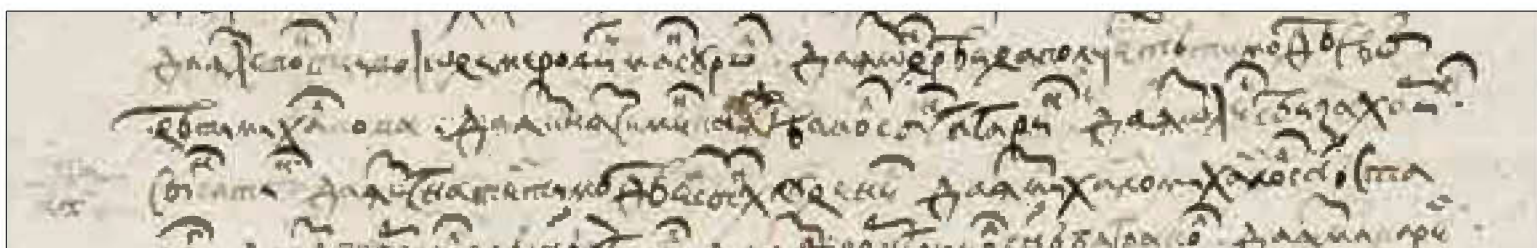
А которым бояром и окольным быти готовым в посылки, а поместий и вотчин в Московском уезде у них не будет, — и бояром и окольным дати поместья в Московском уезде до 200 чети, а детям боярским — в 1-й статье дати поместья по 200 ж чети, а в другой статье детям боярским дати поместья по 150 чети, а в третьей статье дати детям боярским поместья по 100 чети... А за которыми бояры и за детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в ыном городе, которые блиско Москвы верст за 50 и за 60 — и тем поместья не давати»⁹.

⁹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. А. А. Зумин. М.; Л., 1950. С. 53.

РГАДА. Ф. 135. Отделение III, рубрика II, № 17. Л. 1. Приказная скоропись XVI в. — писец подьячий Степанец Самойлов сын Леонтьева. Внизу остатки черновосковой печати боярина И.Г. Морозова, который принимал это поручительство. Опубликовано: Продолжение Древней Российской Вивлиофики. М., 1790. Ч. 6. № 166. С. 5–11; СГД. Ч. 1. № 166. С. 458–459.

1547 г. декабрь. Поручная запись 34 князей, бояр, дворян, детей боярских и дьяков, поручившихся по боярину князю И.И. Турунтаю-Пронскому. Первое упоминание Андрея Тимофеевича и Полуекта Тимофеевича Михалковых в качестве членов Государева двора.

«да яз Левонтей Володимерович Мансуров, да яз **Ондрей да Полуехтъ Тимофеевы / дети Михалкова**, да яз князь Семен княж Иванов сын Гагарин, да яз Олексей Захар(ь)ин / сын Сатин...»

Итогом исполнения этого указа стало создание «**Тысячной книги 1550 года**», в которой было записано 1078 человек — от членов Боярской думы до наиболее видных новгородских помещиков (в основном потомков старых княжеских и боярских родов). Они и составили новый царский «Двор» — ближайшее окружение царя, своеобразную «номенклатуру», из которой черпались основные кадры для командного состава армии, административных должностей, как в центре, так и на местах. «**Тысячная книга**» является важнейшим источником по истории формирования отечественной элиты и ее иерархии, ведь включение в состав кни-

ги той или иной фамилии определило положение данного рода, по крайней мере, на полтора столетия.

Историки много спорили о том, получили ли все «тысячники» поместья под Москвой, хотел ли молодой царь Иван (точнее, его правительство) опереться на широкие круги дворянства?

На основе «**Тысячной книги в 1550-е гг.**» была составлена так называемая **Дворовая тетрадь**, куда вошли почти все «тысячники», а также более широкий круг провинциального дворянства (всего свыше 4000 человек). Их назначения и смерти (гибель в сражениях) записывались в данной тетради и учитывались в Разрядном приказе до 1560-х гг.

Иметь предков, записанных в **Дворовую тетрадь**, было престижно для служилых людей и в конце XVII в., когда началось массовое составление родословных росписей для подачи в Палату родословных дел Разрядного приказа. Но «тысячниками» гордились особенно.

Михалковы были записаны в **Тысячную книгу** и в **Дворовую тетрадь** как «дети боярские по Переславлю» (в **Дворовой тетради** — по «Переславлю Залескому») ¹⁰. Надо иметь в виду, что разделение по городам в **Тысячной книге** во многом было условным. После членов Боярской думы, оружничего и казначеев в 1-й статье были записаны знатные князья Оболенские, Ярославские, Стародубские. А затем, под заголовком «Переславль», — записаны молодые представители знатнейших московских боярских родов Воронцовых, Плещеевых, Басмановых и князья Куракины.

Такая же структура была и во 2-й статье, где «Переславль» следовал сразу за заголовком «Москва», и под ним были записаны представители тех же князей Куракиных, князей Вяземских, а также московских боярских фамилий — но не только «старомосковских» Бутурлиных и Чоботовых — а и давно служивших в Москве тверских **Коробовых** и Нагих. **Коробовы** — однородцы **Михалковых** — также имели родовые вотчины в Переяславском уезде (**Андрей Михалков** был душеприказчиком одного из них).

Михалковы были записаны под заголовком «Переславль» в более многочисленной 3-й статье, где вместе с ними в качестве «детей боярских» снова фигурируют московские фамилии: Бутурлины, Замыцкие, Лодыгины, Слизневы, Упины.

В **Тысячной книге** и в **Дворовой тетради** записаны представители обеих ветвей рода **Михалковых**. Причем представители младшей ветви — братья **Андрей** и **Полукт Тимофеевичи Михалковы** — помещены выше по списку, чем их двоюродный брат **Иван** (в книге и тетради — «**Ивашка**») **Дмитриевич Михалков** — сын Дмитрия Федоровича (пристава в 1509 г.), старшего брата дьяка Тимофея Федоровича. Очевидно, московская служба отца поставила их выше родовой традиции.

Но мы будем в своем рассказе следовать этой традиции — тем более, что представители старшей ветви (продолжающейся доныне) первыми вступили на военное поприще.

¹⁰ Там же. С. 68, 140.

Замок Вейсенштайн. XIII в. Эстония.
Местное эстонское наименование:
Paede u Paide.
Фото Modris Putns, 2010 г.

У Ивана-Ивашки Дмитриевича Михалкова была три старших брата — Иван Большой по прозвищу Шелпак, Александр и Михаил Дмитриевичи.

В семейной родословной Михалковых середины XVII в., имеющей форму таблицы (см. с. 21–23), указано, что Александра Дмитриевича Михалкова «убили на Салдоге на государеве службе»¹¹. В марте 1540 г. русское войско во главе с воеводами князьями А.Б. Горбатым и А.И. Холмским настигло у волжского селения Солдога 8-тысячное войско казанского полководца Чуры Нарыкова, «воевавшего костромские места». В кровопролитном сражении противник отбился и ушел. Тогда погибли не только многие русские воины, но и воеводы Борис Сисеев и Василий Кожин-Замыцкий.

Про Михаила Дмитриевича Михалкова в родословной таблице сказано, что он «убит на государеве службе под Казанью». В опубликованной в 1898 г. в «Дворянском календаре» родословной Михалковых сказано, что Михаил Дмитриевич «убит в 1573 г. под Казанью, в походе на луговую и горную Черемису»¹².

Это ошибка — дата и описание события были, вероятно, механически перенесены из размещенной на той же странице биографии Андрея Тимофеевича Михалкова. Его двоюродный брат Михаил Дмитриевич, очевидно, погиб раньше, иначе он был бы помещен вместе с братом в Тысячную книгу и Дворовую тетрадь. Соответственно, невозможно и его участие во взятии Казани в 1552 г. Наверное, здесь помещены сохраненные в родовой памяти известия о походах русских войск на Казань до ее взятия: 1547–1548 и 1549–1550 гг. В первом из этих неудачных, но важ-

¹¹ См. Морозов Б.Н. Службные и родословные документы в частных архивах XVII в. С. 95–96.

¹² Михалковы // Дворянский адрес-календарь на 1898 год. СПб., 1898. С. 183.

ных для последующих событий походов войсками командовал тот же князь А. Б. Горбатый, во втором — сам царь Иван IV.

Их младший брат **Иван-Ивашка Дмитриевич Михалков**, вероятно, участвовал в многочисленных походах русской армии третьей четверти XVI в. в небольших чинах, поэтому его имени нет в Разрядных книгах. Известно только о его гибели в Ливонской войне — во время штурма в январе 1573 г. русской армией во главе с Иваном Грозным мощной ливонской крепости Пайда (Вейссенштайн или Виттенштайн).

Штурм Пайды оставил особый след в русской истории. Тогда погиб Малюта Скуратов (неофициальный глава опричнины, которая, впрочем, была ликвидирована за два года до этого). В ливонской Хронике Рюссова описана жестокость, с которой Иван Грозный казнил пленных немцев и шведов из гарнизона Пайды¹³ — вероятно, из-за гибели своего любимца (что подтверждается летописью: «Лета 7081-го (1573 г.) поход царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси под Пайду. И взя Пайду не во многи дни и немец изсече всех, и на огне жгоша. И тут у приступа убили ближнего царева и думнаго дворянина Малюту Скуратова»)¹⁴.

Известием о смерти **Ивана-Ивашки Дмитриевича Михалкова** открывается особый документ из родового архива Михалковых, относящийся к середине XVII в.: «Род Михалковых. Память родительская, как которого не стало и в которое время помянуть его. Ивана Дмитриевича поколение, убили его под Па[й]дою на четвертый день после Крещенья, а память его Ивана Милостиваго месяца ноября в 12 день...» (см. с. 24).

Военная и дипломатическая служба братьев **Андрея Тимофеевича и Полуекта Тимофеевича Михалковых** в эпоху Ивана Грозного отражена в ряде официальных источников. Иногда они назначались на службу вместе, но можно проследить тенденцию по большей близости **Полуекта Тимофеевича** ко Двору (что, возможно, и привело его к гибели). Очевидны также военные способности и заслуги **Андрея Тимофеевича**, продолжавшего служить воеводой и при царе Федоре Ивановиче в 1580-е гг. Подробные комментарии к каждому походу, в которых они участвовали, привели бы к изложению всей внешнеполитической истории России второй половины XVI в. Поэтому мы составим некий общий послужной список **братьев Михалковых**.

Первым в Разрядных книгах появляется имя **Полуекта Михалкова**. Запись в **официальном Военном разряде** — уже большая честь для рода, первые представители которого только начинают военную карьеру. В 1549–1550 гг. **Полуект Михалков** находится в царской свите «у коня» во втором походе Ивана IV на Казань¹⁵ (возможно, в этом походе погиб его родственник **Михаил Михалков** — см. выше).

В 1554 г. **Полуект Михалков** в качестве «головы» принимал участие в походе русского войска под командованием князя Ю. И. Шемякина-Пронского на Астрахань — для замены хана

¹³ Рюссов Бальтазар. Хроника провинции Ливония // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 217–218.

¹⁴ Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 192.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. В. И. Буганов. М., 1966. С. 123. Л. 114 об.

1549 г. ноябрь — 1550 г. март. Участие Полуекта Тимофеевича Михалкова во втором походе Ивана IV на Казань в составе царской свиты — был «у коня».

А сам ц(а)рь и великий кн(я)зь поиде из городу Володимера генваря 7 во вторникъ. А в Нижній град пришелъ ц(а)рь и великий кн(я)зь генваря 18

Всего описание похода включает 28 миниатюр, из них несколько изображают конную свиту царя, в составе которой и был **Полуект Михалков** в качестве церемониального хранителя царского коня. В качестве примера выбраны две миниатюры (ГИМ. Син. № 149. Л. 338 об. и 340). На первой из них — в походе

Ц(а)рь и великий кн(я)зь пришелъ к Казани со всемъ воинствомъ и велелъ стати около града Казани

видны сначала всадники с бородой (бояре и воеводы), а затем молодые придворные без бороды, все в шапках; на второй — перед штурмом все всадники в шлемах и со щитами (иерархия бород уже не важна). Возможно, в этом походе (или в предыдущем 1548/1549 г.) участвовал и погиб **Михаил Дмитриевич Михалков**.

А в Ыванчюкъ воеводы послали голову Полуехта Тимофеева. А кн(я)зя Д(а)в(ы)да Гундорова послали в Болшей Иванчюкъ на море же.

В летописном тексте **Полуект Тимофеевич Михалков** назван «Полуехт Тимофеев», так его (и его брата Андрея) изредка называли в документах XVI в. (см. с. 64–66, 68). Он изображен внизу в парусно-гребном судне (ушкуне?), в красном плаще, без бороды. Другой «голова» — князь Гундоров — вверху. В центре сцена их назначения — справа главные воеводы (ГИМ. Син. № 962. Л. 129).

1554 г. март — октябрь. Астраханский поход.

Посылка «голов» Полуекта Михалкова и князя Давыда Гундорова.

Единственное изображение члена рода в Лицевом летописном своде.

Ямгурчя на московского союзника хана Дервиш-Али. Этот поход и участие **Полуекта Михалкова** в его событиях подробно описаны в летописи и проиллюстрированы в Лицевом летописном своде многими миниатюрами.

В 1559 г. **Полуект Михалков** назначен в военный поход против крымцев пятым «головой» в передовой полк воеводы боярина И. П. Яковля¹⁶.

Первая же служба **Андрея Михалкова** завершается его награждением «деньгой золотой» (монеты — единственные награды в то время) за участие в качестве «головы» (командира отряда в составе полка) в походе русской армии под командованием князя С. И. Микулинского зимой 1553–1554 гг. в «Арские места» на подавление восстания «луговой черемисы» (марийцев)¹⁷.

¹⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 181. Л. 207. Поход не состоялся. Крымцы ушли.

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. I. Часть III. С. 464. Л. 293.

С начала *Ливонской войны* в 1558 г. **Андрей Михалков** — в постоянных походах. Осенью этого года — в походе русских войск под командованием князя М. П. Репнина, посланных для деблокады русского гарнизона крепости «Рынгол» (Ринген — Якобштадт в Латвии). **Андрей Михалков** — в передовом полку, возглавляет отряд служилых татар (казанских князей и мурз из разных городов)¹⁸. Поход окончился для русских войск неудачно¹⁹.

Зимой 1558/1559 г. он возглавляет отряд «новокрещеных» татар в полку воевод Ю.И. Кашина и И. В. Меньшого Шереметева в зимнем походе «на ливонские немцы»²⁰.

В январе 1560 г. **Андрей Михалков** назначен первым «головой», а его брат **Полукт Михалков** — вторым «головой» при воеводе И. В. Меньшом Шереметеве в передовом полку большой русской армии. Полк участвовал в походе русской армии из Пскова на ливонские «на порубежные города»²¹.

Андрей Михалков продолжал свою военную карьеру, когда в 1569 г. Ливонская война превратилась в войну с Великим княжеством Литовским.

Подробное описание не только командного состава армии, но и всего походного Двора Ивана Грозного содержится в специально составленной Книге Полоцкого похода 1563 г. Она ярко характеризует изменения в структуре Государева Двора — появляются новые чины: *стольники, стряпчие, жильцы*.

Андрей Тимофеевич Михалков как опытный воин (но еще сравнительно молодой человек) был назначен в отряд из 41 «*дозорщика*», которые осуществляли реальную, а не парадную (типа «*рынд*») охрану государя, а также разведку (вероятно, в подчинении у них были еще рядовые воины). Примечательно, что его имя записано в Книгу Полоцкого похода в устаревшей форме: «*Андрей Тишин сын Михайлова*»²² (возможно, так написали дворцовые дьяки, знавшие еще его отца). За «Полоцкую службу» царем была пожалована ему соболья шуба — упомянута в завещании **А. Т. Михалкова** 1587 г.

Имя же **Полукта Тимофеевича Михалкова** в разных описаниях взятия Полоцка будто специально замаскировано — он назван «*Полухтом Тимофеевым*»²³. Если бы историки и генеалоги смогли раньше определить, что за этой простой фамилией, хотя и с довольно редким именем, скрывается представитель известного уже рода, то о Михалковых в эпоху Ивана Грозного были бы написаны специальные исследования (а не только краткие комментарии академика С. Б. Веселовского). Дело в том, что во время легендарного Полоцкого похода **Полукт Тимофеевич Михалков** попал в ближайшее окружение царя — в список из 12 человек, назначенных в свиту «*за государем ездити*»²⁴.

Там были и молодые знатные суздальские князья П. А. Горбатовый, И. П. Шуйский, и потомок обедневших тверских князей Тимофей Телятевский, представитель «старомосковских» бояр Плещеевых Федор Басманов, и совсем не знатные дворяне. По-

18 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Часть I. С. 33. Л. 337 об.

19 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Первая половина. С. 313.

20 Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 176. Л. 199.

21 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Часть I. С. 64. Л. 354; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 185. Л. 213 об.

22 Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Подгот. К. В. Петров. СПб., 2004. С. 48.

23 Но так — «Андреем Тимофеевым» — иногда называли и Андрея Тимофеевича Михалкова, например, в разряде похода 1564 г., в росписи воевод и голов Смоленска 1580 г. (об этих назначениях см. далее) — Разрядная книга 1550–1636 гг. С. 128, 307.

24 Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 47; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Часть I. С. 119. Л. 384.

Бомбардировка города осадной артиллерией.
Гравюра из «Военной книги»
Л. Фронспергера, 1573 г.

Русская артиллерия XVI в. не уступала европейской ни по техническим характеристикам орудий, ни по подготовке артиллеристов («пушкарей»).

нятно, что их объединяла особая близость к царю Ивану. Четверо из них через несколько лет будут определять политическую обстановку в стране — станут руководителями опричнины. Федор Басманов (его отец, боярин А. Д. Басманов, был организатором опричнины), Петр Зайцев (стал думным дворянином, отбирал первых опричников), Игнатий Блудов (из провинциальных дворян, станет опричным воеводой), Иван Черемисинов (еще до 1563 г. был опытным воеводой и дипломатом, именно ему царь поручил вести переговоры о сдаче Полоцка, затем — опричный думный дворянин). Но **Полуект Тимофеевич Михалков** опричником, очевидно, не стал.

В **Разрядной книге** 1475–1605 гг. отмечено ответственное и опасное поручение, данное царем под Полоцком **Полуекту Михалкову** (опять под именем «**Полухта Тимофеева**»). Перед началом штурма царь Иван Грозный решил провести особое действие перед стенами осажденного города:

«А царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, вышед на поле к Егорию Стратотерпцу (храму) против города Полоцка, велел поставить свой полк, и велел развертети знамя. И владыке Коломенскому и архимариту Чудовскому и игумену Осиповскому со всем собором велел государь пети молебны и милости у Бога и Пречистые Богородицы и великих чюдотворцев просил. И стоял царь и великий князь на поле и весь день и за два часа до вечера пошел на стан и стал в монастыре у Бориса и Глеба (то есть вернулся в свою походную резиденцию, оставив полк). И учили ис Полоцка и из острогу на царя и великого князя полк стрелять ис пушек.

*И царь и великий князь приказал поставить от своего стану пять пищалей полуторных да пищаль большую и велел по острогу стрелять, ис которых мест оне стреляют; а приказывал пушкарю Ивану Бурлову (в др. рукописях: «Бурцову»), а стоять у них велел дворенину **Полухту Тимофееву**²⁵.*

В официальной же летописи этих событий есть интересные подробности, но имени **Полукта Михалкова** нет.

После молебна царь повелел в своем полку «в сурны играть и трубити и по накром (барабанам) бити, а в ту пору велел кошт (угощение) устраивать... Многие же пушечные ядра летяху в монастырь, и в сени перед пеколню (пекарню) между дворян государьских паде ядро... И царева и великого князя пушкари и стрельцы из наряду с острогу пушкарей сбили и литовских людей многих побили в остроге»²⁶.

После взятия Полоцка встал вопрос о перемирии. В конце 1563 — начале 1564 г. в Москве проходили напряженные переговоры с литовскими послами Ю. Хоткевичем, Г. Воловичем и дьяком М. Гарабурдой. Переговоры закончились провалом, формально причиной раздоров было непризнание королем царского титула Ивана IV, в действительности — взаимные территориальные претензии.

В приеме послов принимал участие и **Полукт Тимофеевич Михалков**. На заключительном обеде в царском дворце он сидел за столом вместе с посольской свитой²⁷. У него был уже опыт участия в дипломатических церемониях. Накануне Полоцкого похода, зимой 1562–1563 гг., в Москву приезжал посланник от епископа Виленского князя Валериана и от воеводы Виленского князя Николая Радзивилла Семен Алексеев. Принимать его по этикету должен был не царь, а митрополит Макарий и бояре во главе с князем И. Д. Бельским. Естественно, все переговоры контролировал Иван Грозный, но этикет соблюдался, и когда посланник встречался с боярами, то его должен был представлять «человек» князя Бельского. Им и был царский дворянин **Полукт Михалков**²⁸.

После удачного начала войны с Великими княжеством Литовским — взятия Полоцка, Ивану Грозному не удалось заключить перемирия на выгодных для себя условиях (в приеме послов участвует Полукт Михалков — см. текст) и он решает послать в глубь «Литовской земли» большую армию под командованием князя П. И. Шуйского и полки под командованием князей В. С. и П. С. Серебряных (с которыми был назначен А. Т. Михалков). Полки князя Шуйского были разбиты до соединения с полками князей Серебряных — крупное поражение русских в Ливонской войне. Полки князей Серебряных выполнили свою задачу

После военных успехов 1563 г. наступили неудачи: 26 января 1564 г. в Битве при Чашниках (*Битве при р. Уле*) князь Николай Радзивилл разгромил застигнутые врасплох полки воеводы князя

²⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Часть I. С. 117. Л. 283.

²⁶ ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. С. 353–354.

²⁷ Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. — Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. / Подгот. Б. Н. Морозов. Москва; Варшава, 1997. Т. 2. С. 317.

²⁸ Там же. С. 229.

Того же месяца декабря в 5 день пришли к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси из Литвы от Жигмонта Августа короля Полского краичей его великого княжества Литовского и староста Белский пан Юри Александрович Хеткевич да староста Слонимский пан Григорей Богданович Воловин да дьяк Михайло Галабурда, а с ним королевских дворян 70 человек, а людей с ними 2000 человек.

(Вверху над первой миниатюрой известие о кончине казанского архиепископа Гурия)

После взятия Полоцка Иван Грозный был готов заключить перемирие, но, естественно, на выгодных для себя условиях, с сохранением не только Полоцка, но и окружающей его территории. Царь хотел сохранить пока за собой и захваченные города в Ливонии. Долгие споры велись вокруг

1563 г. декабрь — 1564 г. февраль. Участие Полуекта Тимофеевича Михалкова в приеме польско-литовских послов Ю.А. Хоткевича, Г.Б. Воловича, М. Гарабурды. Лицевой летописный свод XVI в. (ГИМ. Син. № 962. Л. 512, 512 об.).

конкретных населенных пунктов и деталей размежевания. Документы (свитки и межевые книги), на основе которых определялись границы, показаны на столе на второй миниатюре. В правом углу этих двух миниатюр изображен король, дававший наставления послам.

1564 г. январь — февраль. Участие
Андрея Тимофеевича Михалкова
в походе в «Литовскую землю»
большого русского войска.
Лицевой летописный свод XVI в.
(ГИМ. Син. № 962. Л. 506 об., 507)

Тот же зимы генваря ходили воеводы в Литовскую землю и Полотцка, бояре и воеводы князь Петр Иванович Шуйской, Семен Васильевич Яковля и иные воеводы и полковники со многими людьми.

Петра Шуйского, который был убит (его тело похоронено литовцами в Вильне со всеми почестями).

В этот же поход с князем Шуйским были назначены передовой полк во главе с боярином и воеводой князем В. С. Серебряным и другие полки. В разрядной росписи записано: «А головам быти з городов в походе: ...С ногайскими мурзами, что ново привезли из Ногаю с послом, голова **Ондрей Тимофеев сын Михалков**». Примечательно, что здесь же записан однокоренный Михалковых:

Из Вязмы бояре и воеводы князь Василей да князь Петр Семеновичи Серебряные Оболенские со многими людьми.

«С ногайскими мурзами, с Тахтарюю с товарищи голова Василей Ондреев сын Коробов». В конце этого разряда указано: «И тогда воеводам из Полоцка и из Смоленска поход был, а вместе воеводы не сошлись, потому что князя Петра Шуйсково с товарищи литовские люди побили»²⁹.

Историк Р.Г. Скрынников выдвигал гипотезу, что сведения о передвижениях войска Петра Шуйского мог передать литовцам князь Андрей Курбский. 30 апреля 1564 г. этот видный воевода изменяет царю и бежит через границу. И уже осенью, во главе отряда русских перебежчиков и литовцев, совершает набеги на Полоцк и Великие Луки, чтобы окончательно получить доверие короля Сигизмунда II.

В декабре 1564 г. царь Иван Грозный покидает Москву и устанавливает **опричнину**. В этот трагический период истории России (1565–1571 гг.), когда страна разделена территориально, социально и нравственно, **Михалковы** вообще не получают назначений. По крайней мере, в основных сохранившихся источниках (правда, немногочисленных) по дворовому и военному учету их нет. Но важнейший исторический документ, в котором упоминаются вместе **братья Андрей и Полуект Тимофеевичи Михалковы**, определенно свидетельствует, что в первое время существования опричнины они не были с ней связаны. Мы говорим о **Приговоре Земского собора 1566 г.** (единственный сохранившийся соборный акт этих собраний эпохи Ивана Грозного).

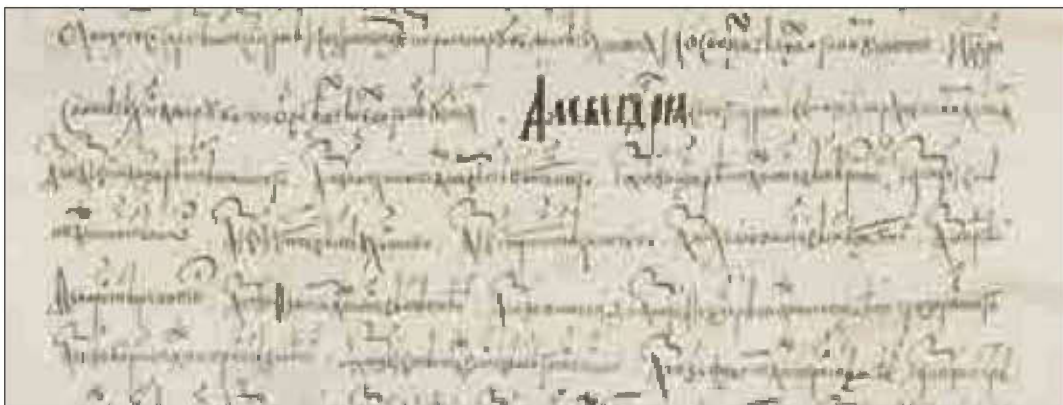
На том **Соборе** решался важнейший вопрос о продолжении Ливонских походов, которые превратились в полномасштабную войну с Великим княжеством Литовским. Иван Грозный понимал, что для такой войны требуется мобилизация сил всего государства, и, несмотря на его разделение и фактически введение чрезвычайного положения (опричнины), решил заручиться формальной поддержкой земщины — на случай провала мирных переговоров, которые шли в это время. В **Соборе** традиционно принимала участие земская **Боярская дума**: бояре, окольничие, казначеи, печатники; **Освященный собор**: архиепископы и епископы (митрополит Афанасий был в это время сведен, а Филиппа выбрали позже), а также архимандриты, игумены, старцы ряда монастырей; дворянство 1-й и 2-й статей, дьяки. «Третье сословие» было представлено верхушкой купечества — членами «гостинной сотни» и «суконной сотни», а также купцами-«смолянами», которые вели торговлю с Европой через Литву.

Записанные в 1-ю статью дворяне представляли собой верхушку московского дворянства, назначенного на Земский собор самим царем. И если в 1550 г. в **Тысячной книге Михалковы** были записаны в 3-ю статью, то в 1566 г. **братья Андрей и Полуект Михалковы** числятся дворянами 1-й статьи, список которых открывался детьми знатнейших бояр:

²⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Часть I. С. 149. Л. 399 об.— 400.

«... **А мы государя** своего царя и великого князя дворяне Первая статья: / яз князь Иван князь Ондреев сын Шуйского, яз Михайло княж Юрьев сын Оболенского, яз князь Ондреев княж Васильев сын Репнин, яз князь Иван / княж Иванов сын Лыков ...».

Фрагмент приговорной грамоты Земского собора 1566 г. Л. 5.

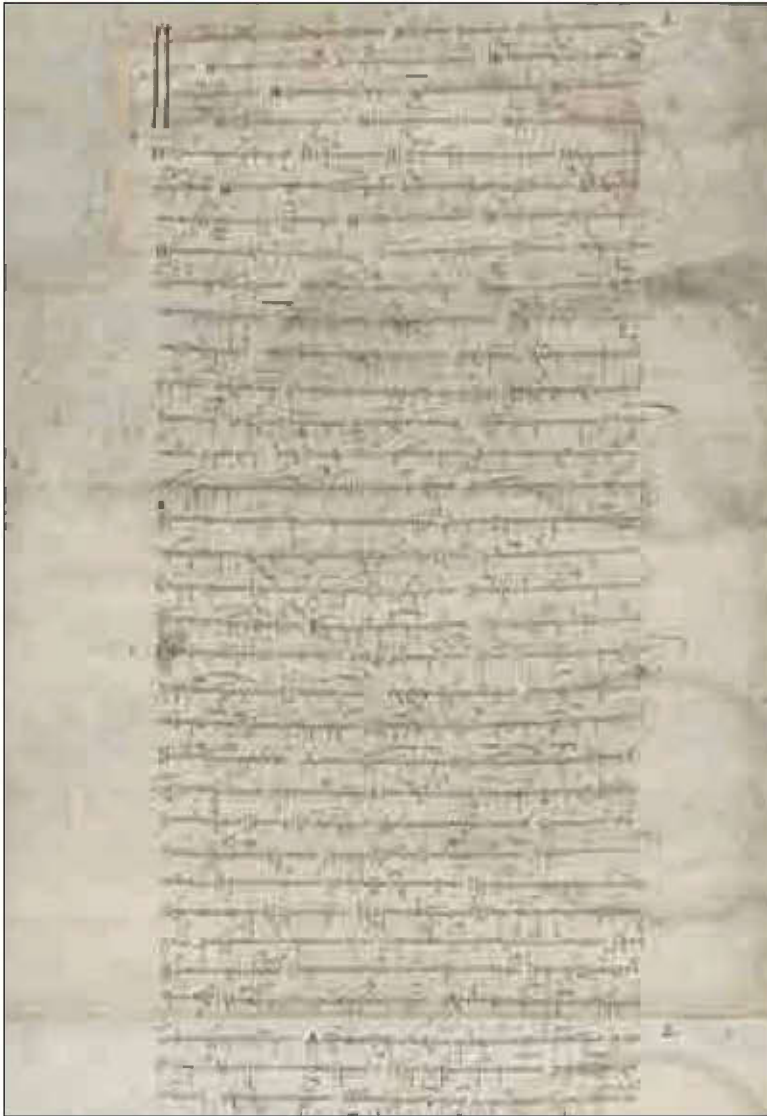
Имена Михалковых написаны на 10-й строке после начала перечня дворян 1-й статьи (их всего было 196 человек, братья Михалковы — на 32-м и 33-м местах). Их ближайшие «соседи» по списку — носители боярских фамилий Ф. И. Бутурлин, Г. И. и Ю. Ф. Нагие, И. Г. Зюзин (так же как и Нагие, из тверских бояр) и выдвинувшиеся из дворян военные деятели и дипломаты Г. И. Кафтырев, Р. М. Пивов. Примечательно, что двое из них — Г. И. Нагой и Г. И. Кафтырев — были с Михалковыми при взятии ливонского города Алыста в 1560 г.

«Яз Григорей Иванов сынъ Нагово, **яз Ондрей да яз Полуехтъ Тимофеевы дети Михалкова**, яз Григорей Иванов сынъ Кафтырев, яз Федоръ / Иванов сынъ Бутурлин, яз Юрий Федоров сынъ Нагой, яз Иванис Григорьев сынъ Зюзин, яз Роман Михайлов сынъ Пивов, яз Володимерь Васильев сын Лошкинь-Карповъ ...» (л. 5).

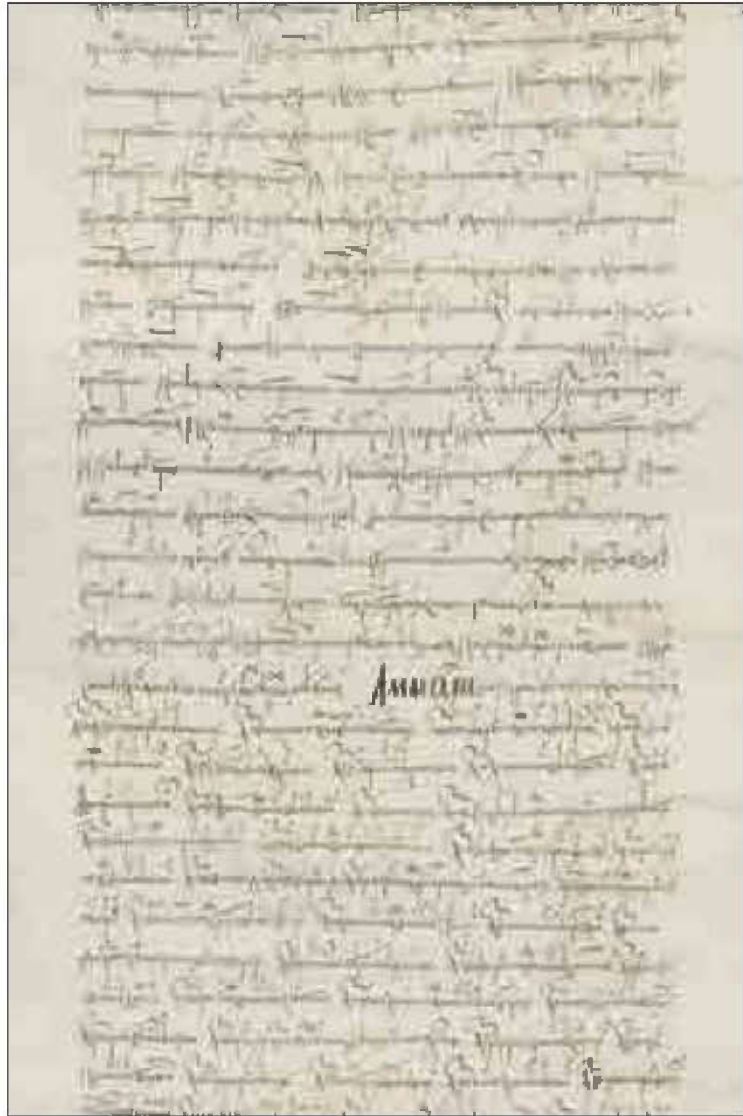

Важно отметить, что данные списки участников **Собора 1566 г.** являются основной частью текста **Приговорной грамоты**, поскольку содержат обязательства поддержать царя в решении продолжать войну. Так, дворяне 1-й статьи (в том числе **Михалковы**) заявили:

«По государя своего царя и великого князя приказу о литовском деле и о ливонских городех, которые держит король во обереганье, говорили есмя. И мысль наша то: Ведает Бог и да государь, как ему, государю, годно, так и нам, холопом его. А нам ся видит: Не отдаст государю нашему царю и великому князю король х Полотцку Полотцких поветов за Дивною рекою... перемирью быти ненельзе. ... Да мы же, государские дворяне, говорили про Ливонскую землю: Начало Ливонской земле положил государь наш царь и великий князь. И как города ливонские, Юрьев и иные города многие, государь наш примал, и ливонские немцы, видячи свое безсилие и тесноту от государя нашего, почали закладываться за короля ... и король чрез перемирные грамоты до урочных лет в Ливонскую землю вступился и многие города за себя поимал, и в том ко государю нашему царю и великому князю королева великая неправда... А нам ся видит, холопом его: Что государю нашему пригоже, за то за все стояти. А наша

1566 г. июля 2. Приговорная грамота Земского собора, в котором участвовали Андрей Тимофеевич и Полуект Тимофеевич Михалковы.

РГАДА. Фонд 135 (Государственное древлехранилище хартий и рукописей). Приложение, рубрика III, № 28. Л. 1, 5 (всего 9 л. большого формата — так называемых «Александрйских» листов бумаги). Опубликовано: СГГД. Ч. 1. № 192. С. 545–556.

должная, холопей его, за него государя и за его государеву правду служить ему, государю своему, до самой смерти»³⁰.

То же подтвердили и дворяне 2-й статьи, а торопецкие помещики заявили: «...мы, холопи его государевы, и за одну десятину земли Полотцкого и Озерищского повету головы положим, чем нам в Полотцке помереть запертым. А мы, холопи его государские, ныне на конех сидим, и мы за его государское с коня помрем»³¹.

Но если дворяне, как столичные, так и провинциальные, поддержали внешнюю политику Ивана Грозного (присоединение западнорусских (белорусских) земель, продвижение к Балтике), то внутренняя политика — разделение государства, массовые переселения служилых людей из одних частей страны, взятых в опричнину, в другие — земщину, не могла не вызвать недоволь-

³⁰ СГГД. Ч. 1. № 192. С. 550–551.

³¹ Там же. С. 552.

1566 г. июнь — июль. Участие Андрея Тимофеевича и Полуекта Тимофеевича Михалковых в Земском соборе. (стр. 73)

ство. Об этом недовольстве, вылившемся в прямое выступление дворян — членов **Земского собора 1566 г.**, писали и русские неофициальные летописцы, и современники-иностранцы. В «Пискаревском летописце» приведено достаточно краткое известие без даты: «И бысть в людех ненависть на царя от всех людей. И биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему бытии»³². Что в этом участвовали члены **Земского собора 1566 г.**, можно заключить из свидетельства пленного немца Альберта Шлихтинга, служившего переводчиком у царского врача:

«В 1566 году сошлись вместе многие знатные лица, даже придворные самого тирана, число которых превышало 300 человек, для переговоров с ним и держали к нему такую речь: «Пресветлейший царь, господин наш. Зачем велишь ты убивать наших невинных братьев? Все мы верно тебе служим, проливаем кровь нашу за тебя. Ты же за заслуги воздаешь нам такую благодарность. Ты приставил к шеям нашим своих телохранителей, которые из среды нашей вырывают братьев и кровных наших, чинят обиды, бьют, режут, давят, под конец и убивают». Тиран в гневе ввергает всех в тюрьму; там их держат пять дней. После этого он велит их вывести, и одним из них отрезал языки, другим вместе ноги и руки, третьих бьет палками, а четвертых отпускает»³³.

Историки установили, что сначала Иван Грозный казнил трех человек, которых он считал зачинщиками дворянского выступления, — князя В. Ф. Пронского, И. М. Карамышева и К. С. Бундова. А остальных 200–250 человек отпустил без наказания — очевидно, по ходатайству новоизбранного митрополита Филиппа³⁴. Среди освобожденных, возможно, были и **Михалковы**, если они участвовали в подаче челобитной царю. Но уже в следующем 1567 году были казнены еще 23 участника **Собора**, подвергшихся опале по так называемому «Делу боярина И. П. Федорова». Его царь считал главой земской оппозиции, готовой перейти на польско-литовскую сторону³⁵. Среди казненных был и дворянин 1-й статьи Г. И. Кафтырев, записанный рядом с братьями **Андреем и Полуектом Михалковыми** в Приговорной грамоте собора, представитель старого служилого рода³⁶. Но незнатный дворянин Р. М. Пивов, записанный также в 1-й статье рядом с Михалковыми, впоследствии стал опричником, а уже в составе «Особого Двора» Ивана Грозного в 1570-е гг. — думным дворянином³⁷. Не ясно до конца и положение **Михалковых** в это время, но отсутствие сведений об их назначениях может говорить о том, что они не стремились воспользоваться чрезвычайной обстановкой в стране для собственного продвижения по службе.

32 ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 190.

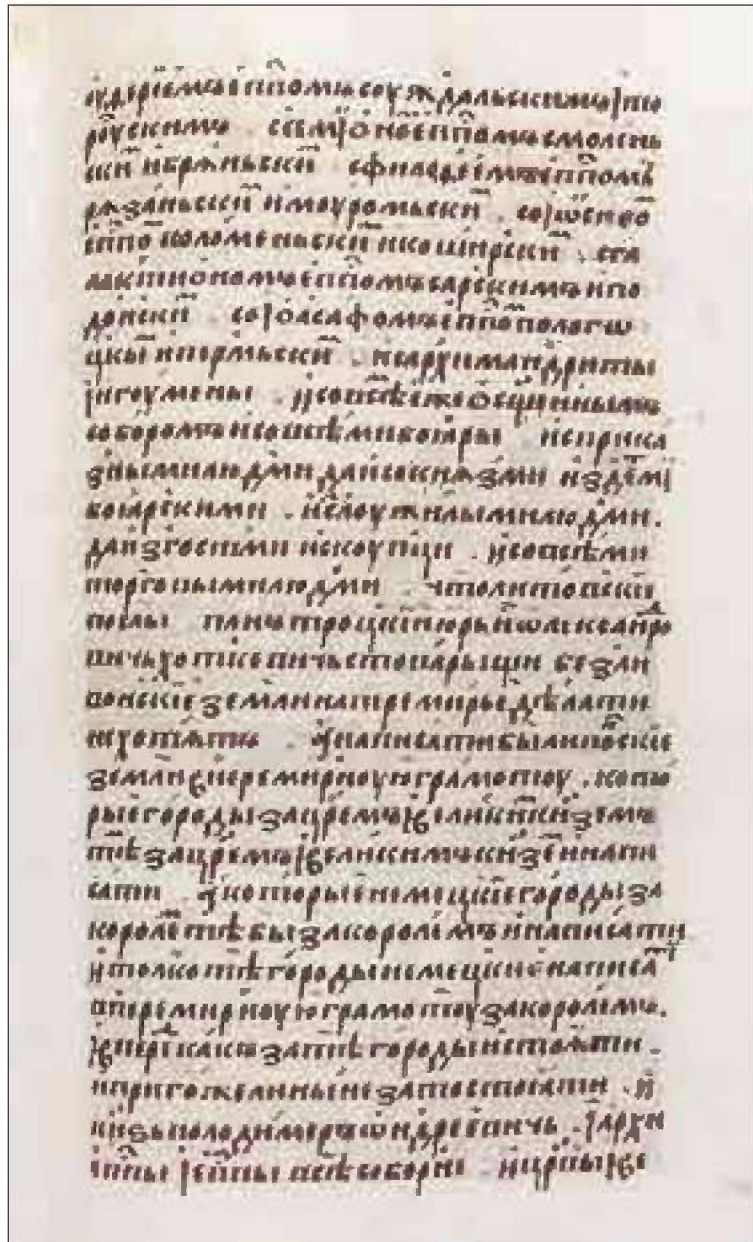
33 Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 38–39.

34 Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 294.

35 Там же. С. 295.

36 Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного, часть I: стрелецкий голова Григорий Иванов сын Кафтырев [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 42–83. <http://www.milhist.info/2012/07/28/penskoy> (28.07.2012).

37 Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 55–57.

Того же лета месяца июня в 28 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси говорил со князем Володимером Ондреевичем и с своими богомольцы с архиепископы и епископы: с Пимином архиепископом Великого Новаграда и Пскова, з Германом архиепископом Казанским и Свяжским, с Никандром архиепископом Ростовским и Ярославским, с Елеуферием епископом Суздальским и Торусским, с Семеном епископом Смоленским и Брянским,

с Филофеем епископом Рязанским и Муромским, со Иосифом епископом Вологоцким и Пермским, и с архимандриты и игумены и со всем же освященным собором, и со всеми бояры и с приказными людьми, да со князи и с детми боярскими и с служилыми людьми, да с гостыми и с купцы и со всеми торговыми людьми, что Литовские послы, пан Тротцкий Юрьи Александровичь Хоткевичь с товарищи, без Ливонские земли на перемирье делати

не хотят. А написати бы Ливонские земли в перемирную грамоту: которые города за царем и великим князем, те за царем и великим князем и написати. И только те города Немецкие написати в перемерную грамоту за королем, и вперед как за те города и стояти, и пригоже ли ныне за то стояти. И князь Володимер Ондреевич, и архиепископы, и епископы все соборне, и царевы и ве/ (Продолжение над миниатюрой на след. листе).

На первой миниатюре изображена предыстория Собора — вверху прием царем польских послов, так и иерархия его участников, как бы обращающихся к Ивану Грозному: впереди князь Владимир Андреевич Старицкий (в княжеской шапке), члены «освященного собора» и светские участники (показаны лица только двоих — с бородой и без). На второй — царь читает уже готовую соборную грамоту, согласно летописи подписанную только представителями церкви, но сохранившийся акт имеет и подписи членов Боярской думы. Другие же участники Собора, в знак своего согласия с политикой царя, «крест целовали» — он изображен на аналое, а вокруг стоят участники этой церемонии, в том числе **Андрей и Полуект Тимофеевичи Михалковы**.

ликого князя бояре, и приказные люди, и князи, и дети боярские и гости и купцы и все торговые люди приговорили, что царю и великому князю Ливонские земли городов Полскому королю никак не поступатися и за то крепко стояти. На том архиепископы и епископы и архимандриты и игумены к приговорному списку руки свои приложили.

А бояре, и приказные люди, и князи, и дети боярские, и гости, и купцы на своих речех государю крест целовали.

1566 г. июнь–июль. Участие Андрея Тимофеевича и Полуекта Тимофеевича Михалковых в Земском соборе. (ГИМ. Син. № 962. Л. 590 об. — 592).

А митрополиту у того приговору не было, что Офонасей митрополит в то время митрополию оставил.

Того же лета, месяца июля в 17 день, царь и великий князь послов Юрья Александровича Хоткевича с товарищи [отпустил в Литву х королю].

Загадочно и известие о казни Полуекта Тимофеевича Михалкова при «закате» опричнины.

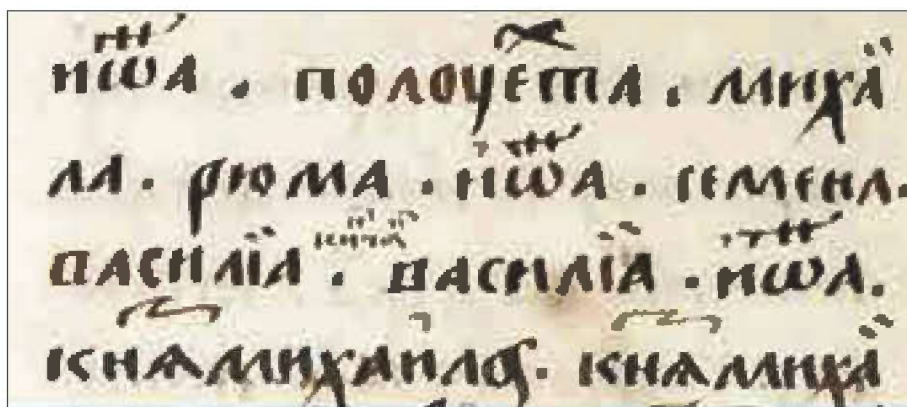
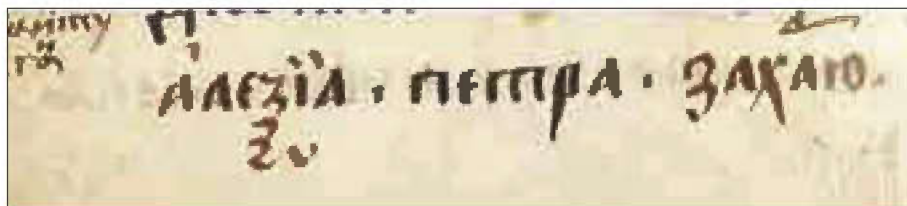
Главным источником сведений о масштабах репрессий в России в третьей четверти XVI в. является «Синодик опальных царя Ивана Грозного» — списки имен, составленные по царскому указу в конце его жизни (около 1583 г.), когда Грозный решил покаяться и объявил прощение всем казненным в годы опричнины, от бояр до «простых». Во многие монастыри царем были сделаны щедрые пожертвования и отправлены эти списки — для включения в специальные богослужебные Синодики и вечного поминовения указанных в них лиц. Как это было принято, все имена писались подряд, без указания отчеств и фамилий, но над некоторыми именами фамилии и прозвища проставлялись. «Синодик опальных», сохранился в составе больших монастырских Синодиков, которые переписываясь, в большинстве случаев, с ветхих рукописей уже в XVII в., дополнялись монастырскими властями записями о фамилиях, а, в некоторых случаях, и о должностях и занятиях казненных при Иване Грозном. И эта дополнительная информация очень важна для понимания трагических событий этого времени.

Еще академик С. Б. Веселовский сделал предположение, что в основе «Синодика опальных» царя Ивана Грозного лежат подлинные следственные дела и донесения опричников о совершенных экзекуциях (опричные архивы погибли в XVII в.). С. Б. Веселовский считал, что итоговый список имен, разосланный по монастырям, не полон, погибших за 15-летний период массовых казней было гораздо больше.

Известный специалист по истории эпохи Ивана Грозного Р. Г. Скрынников, наоборот, пришел к выводу, что в «Синодик опальных» включено большинство репрессированных (в ряде случаев количество убитых было указано суммарно, например: «Пскович с женами и 3 детьми на Медне 190 человек»). Скрынников разделил списки погибших по отдельным «делам» и периодам репрессий («Дело» боярина И. П. Федорова, «Дело» Старицких, Новгородский «погром» и др.). Все эти группы имен в «Синодике опальных» были расположены по хронологии казней — с ноября 1567 г. по 16 августа 1570 г. Но затем в конце «Синодика опальных» Скрынниковым были выделены группы имен, расположенные без хронологического порядка с 1564 (до начала опричнины) по 1575 г. (уже после ее отмены).

Начинаются эти группы с перечня лиц, которым Р. Г. Скрынников дал заголовок «Казни в опричнине» (то есть казни самих опричников). Первое имя этого поминания — боярин А. Д. Басманов, один из основателей и руководителей опричнины, заподозренный царем в измене и убитый летом 1570 г. вместе с сыном и родичами, имена которых указаны далее: «[сын его] Петра [Басмановы]», «Захарью, Иона [Плещеевы]»³⁸. Далее следует имя «Полуехта». В списке XVI в. «Синодика опальных» Нижегородского Печерского монастыря это имя было без

³⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 404, 543.

Записи имен казенных в опричнину в Синодике Нижегородского Печерского монастыря 1559 г.

уточнений. Но в монастырских Синодиках, переписанных уже в XVII в., к этому имени имеются пояснения. В Синодике Московского Богоявленского монастыря — «Полухет Михайлов», а в Синодиках Кирилло-Белозерского и Кремлевского Чудова монастырей — «Полухет Тещин». Нет сомнений, что авторы этих пояснений имели в виду Полукета Тимофеевича Михалкова. Слово «Тещин» является искажением отчества «Тишин» — от часто приводившегося в документах уменьшительного имени отца Полукета — дьяка Тимофея (Тиши) Федоровича Михалкова.

Так или иначе, ни С.Б. Веселовский, ни Р.Г. Скрынников не отождествили эту запись с Полукетом Михалковым, несмотря на то, что форма написания его фамилии как «Михайлов» могла быть им знакома.

«Алексиа, Петра, Захарью, / Иона [Басмановы-Плещеевы], Полухета [Тишина-Тимофеева Михайлова-Михалкова] ... Василиа, Иона [Петровичи Яковлевы] / князя Михаила [Темрюковича Черкасского], князя Михаи[ла Репнина]...»³⁹.

Князь Михаил Темрюкович Черкасский — один из столпов опричнины, брат второй жены Ивана Грозного Марии Темрюковны — стал терять свои позиции после смерти сестры-царицы в 1569 г. и был убит в мае 1571 г. по тайному приказу Ивана Грозного. В то же время (но, вероятно, позднее) — в начале лета 1571 г. убили и записанных в данном списке перед князем Михаилом Черкасским опричных бояр и воевод Василия и Ивана Петровичей Яковлевых.

Однако, если принять заключение Р.Г. Скрынникова, что группа опричников была казнена в период с лета 1570 г. (Басмановы) до лета 1571 г. (князь Черкасский, Яковлевы), то Полукет Михалков не должен был в ней находиться. Он был жив в 1573/1574 г.,

³⁹ Государственный архив Нижегородской обл. Ф. 2013. Оп. 602а, № 161. Л. 94 об.–95. Полуустав XVI в. Факсимильная публикация: Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1552 г. Синодик опальных царя Иоанна Грозного. Н. Новгород, 2008. С. 198, 199, 238.

когда вместе с братом **Андреем Михалковым** сделал крупный земельный вклад в Троице-Сергиев монастырь (об этом см. во второй главе).

Очевидно, эти записи имен в «Синодике опальных» (с упоминанием имени **Полукта Михалкова**) не составляют единого целого. Сразу после имени князя Михаила Черкасского записан также «князь Михаил», но с пояснением в большинстве списков Синодика — «Репнин». Это знаменитый князь М. П. Репнин, убитый 31 января 1564 г. (за год до введения опричнины) за отказ надеть маску скомороха на царском пиру (согласно рассказу князя Курбского). Дальнейшая хронология имен для поминания «казненных в опричнине» полностью сбивается⁴⁰. Вероятно, имя **Полукта Тимофеевича Михалкова** было записано в «Синодике опальных» царя Ивана Грозного не по хронологии, **Полукт Михалков** был казнен уже после отмены опричнины (после 1573/1574 г. нигде не упоминался). И к ней, скорее всего, не принадлежал.

То, что братья Михалковы не были в опричнине, может подтвердить и факт, что часть вотчин **Андрея Тимофеевича Михалкова** подверглась конфискации. Он сам пишет об этом в своей духовной грамоте 1586/1587 г.:

*«А что написал **тесть мой Григорий Михайлович Шестов** ... ино его вотчина в Костромском уезде село Молвятино да в Углицком уезде село Климотина и с деревнями, благословил дочь свою Марью, а мою Ондрееву жену, да шурина моего Сидора. И шурина моего Сидора не стало, и Сидор написал по приказу отца своего и по духовной своей памяти те все обе свои вотчины Костромскую и Углицкую своей сестре Марье, а моей Ондрееве жене, и те вотчины во опришнину были взяты и розданы в роздачу. И я о тех вотчинах бил челом Государю, что я за те вотчины по духовной тестя своего и шурьев своих дать по их душам 300 рублей. И Государь теми вотчинами меня пожаловал, и в грамоте велел написать, что те вотчины мне и сыну моему Ивану и в род мой неподвижна за мою за Литовскую службу, что я был послан в Литву»⁴¹.*

Костромской уезд был взят Иваном Грозным в опричнину в феврале — марте 1567 г. Царь считал, что оттуда происходили зачинщики выступления дворянства в 1566 г. Угличский уезд целиком взят не был, но в нем проводились конфискации земель. **Андрею Михалкову** удалось вернуть свои земли только через 13 лет, уже в конце царствования Грозного. Историки отмечали, что сам факт возвращения ему вотчин свидетельствовал о том, что опалы на нем не было. Вотчины забирались у земских для роздачи опричникам в уездах, взятых царем в собственный «удел»⁴².

Что же случилось в 1570-е гг. с **Полуктом Михалковым**, который был еще в 1563 г. близок к царскому окружению? Мы не можем дать точный ответ. Во времена Ивана Грозного случалось, что один брат был в приближении, а другой — в опале. В действи-

⁴⁰ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 543–544.

⁴¹ Из Архива Михалковых. С. 13.

⁴² Курукин И. В., Булычев А. А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. Гл. 2. Опричные земли.

ях этого русского самодержца, стремившегося к неограниченной власти, было много противоречий. После отмены опричнины в августе 1572 г. (к этому решению царя подтолкнула полная неспособность опричного войска защитить Москву от крымского хана в 1571 г.) существование царского «удела» внутри государства продолжалось. Репрессии продолжались, хотя и не в таком масштабе, как в опричнину, но отличались еще большей необъяснимостью. В начале 1574 г. были отозваны из похода и казнены крупнейшие русские воеводы князь М. И. Воротынский — победитель татар в 1572 г. в битве при Молодях, князь Н. Р. Одоевский. Причем Воротынский много лет был главой Земской думы и не подвергался опале (царь даже вернул ему в 1572 г. удел предков), а Одоевский был знатнейший боярин в опричнине. К этому тревожному времени (1573/1574 г.) относятся и упоминавшиеся земельные вклады **Михалковых (Андрея и Полуекта Тимофеевичей и Ивана Дмитриевича)** в Троице-Сергиев монастырь.

Но, несмотря на неустойчивое положение верхних слоев русской военной элиты, большие военные походы на Восток и Запад продолжались. После десятилетнего перерыва мы встречаем в разрядах этих походов и имя **Андрея Тимофеевича Михалкова**. Опытный воин, раньше служивший «головою» в полках, теперь стал получать **воеводские должности**, хотя и небольшие, но поднимавшие престиж рода.

После сожжения Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 г., рассчитывая на ослабление русских сил, снова восстали «луговые и горные черемисы» (марийцы) — началась так называемая «Вторая Черемисская война». Перед Иваном Грозным встала задача нового завоевания Казанского края. В октябре 1572 г. царь послал «на изменников на казанских людей» большое войско из пяти полков во главе с главным воеводой боярином князем Н. Р. Одоевским. С этими полками должны были взаимодействовать воинские гарнизоны из Казани и новых крепостей Свияжска, Чебоксар, Алатыря и Арзамаса. Во главе гарнизона Алатыря стояли воеводы князь Иван Андреевич Рюмин-Звенигородский и **Андрей Тимофеевич Михалков**⁴³. Им было назначено присоединиться к «большому полку» князя Н. Р. Одоевского⁴⁴.

Кровопролитная «Вторая Черемисская война» закончилась только к 1574 г., когда «казанские люди, татаровя и чермися государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси доби́ли челом по его государской воле, договор учинили с бояры»⁴⁵.

А. Т. Михалков закончил свою военную карьеру сразу после окончания «Третьей Черемисской войны» в Козьмодемьянске — новой русской крепости на усмирённой Марийской земле (см. далее).

В последней четверти XVI в. членов Государева Двора записывали в **Боярские списки**. Такие списки давали представление о численном составе дворянства и местонахождении его (для оперативных назначений на службу). В XVII в., в эпоху Романовых, они составлялись ежегодно. При Иване Грозном — реже. До нас

⁴³ Разрядная книга 1550–1636 гг. С. 202.

⁴⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 335.

⁴⁵ Там же. С. 220.

дошел единственный **Боярский список**, датированный 1577 годом. Он сохранился с утратами, но в начале перечня московских дворян можно увидеть имя **Андрея Тимофеевича Михалкова**⁴⁶. Вскоре, летом 1578 г., **А. Т. Михалков** получил следующее назначение:

*«Того же году приговоря государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с сыном своим с царевичем со князем Иваном Ивановичем и со всеми бояры по своему государьскому розсмотренью, как по Оке реке от Угорского устья Окою по Московское устье **быти крепостям, велел делати** князю Михаилу Федоровичю Борятинскому да с ним **головам** Юрью Иванову сыну Оксакову, Дмитрею Замыцкому, князю Ивану княж Васильеву сыну Мосалскому ... **Ондрею Михалкову** ... А велеть князю Михаилу большим и другим главам делати подва человека, росписав их по местом, и над ними смотреть»⁴⁷.*

Через полгода, в январе 1579 г., **Андрей Тимофеевич Михалков** получает дипломатическую миссию — ехать гонцом к новому польско-литовскому королю Стефану Баторию. Став королем в 1576 г., воинственный трансильванский князь готов был отвоевать захваченные Иваном Грозным литовские (белорусские) земли и лифляндские замки. Царь же, стремившийся закрепить достигнутые в 1577 г. успехи, хотел мира. Поэтому в мае 1578 г. в Польско-Литовское государство было отправлено посольство — воевода М.Д. Карпов, казначей П. И. Головин и дьяк Т.Г. Грамотин. Карпов умер по дороге. Как писал потом Иван Грозный в Послании к Стефану Баторию: *«Нашего большого посла ... не стало неведомо какими обычаем»*.

При аудиенции в декабре 1578 г. польско-литовский король, сознательно желая оскорбить Ивана Грозного, нарушил этикет: не встал при произнесении послами приветствия от имени царя и не спросил, как это было принято, о его здоровье. Посол П. И. Головин отказался вести переговоры и был арестован. Грозный писал: *«Наших послов обесчестя, посадил еси их за сторожи, як вязней, в великой нуже»*.

В ответ на это в Москве был задержан польско-литовский гонец П. Гарабурда. Но вскоре Иван Грозный, узнав о военных приготовлениях короля (Стефан Баторий стал собирать наемников по всей Европе), решил продолжить переговоры, отпустил польского посла и отправил Баторию послание: *«И нам учинилося ведомо, что ты на рать подвижен. И мы твоего гонца Петра Гарабурду к тебе отпустили, а с ним к тебе отпустили своего гонца **Ондрея Михалкова** з грамотою»*.

Андрей Тимофеевич Михалков успешно выполнил свою миссию — передал королю царскую грамоту, но тоже был арестован поляками. Стефан Баторий отпустил русских дипломатов через полгода, в июне 1579 г., после того, как подготовился к войне и попытался оправдать ее в своих посланиях к царю.

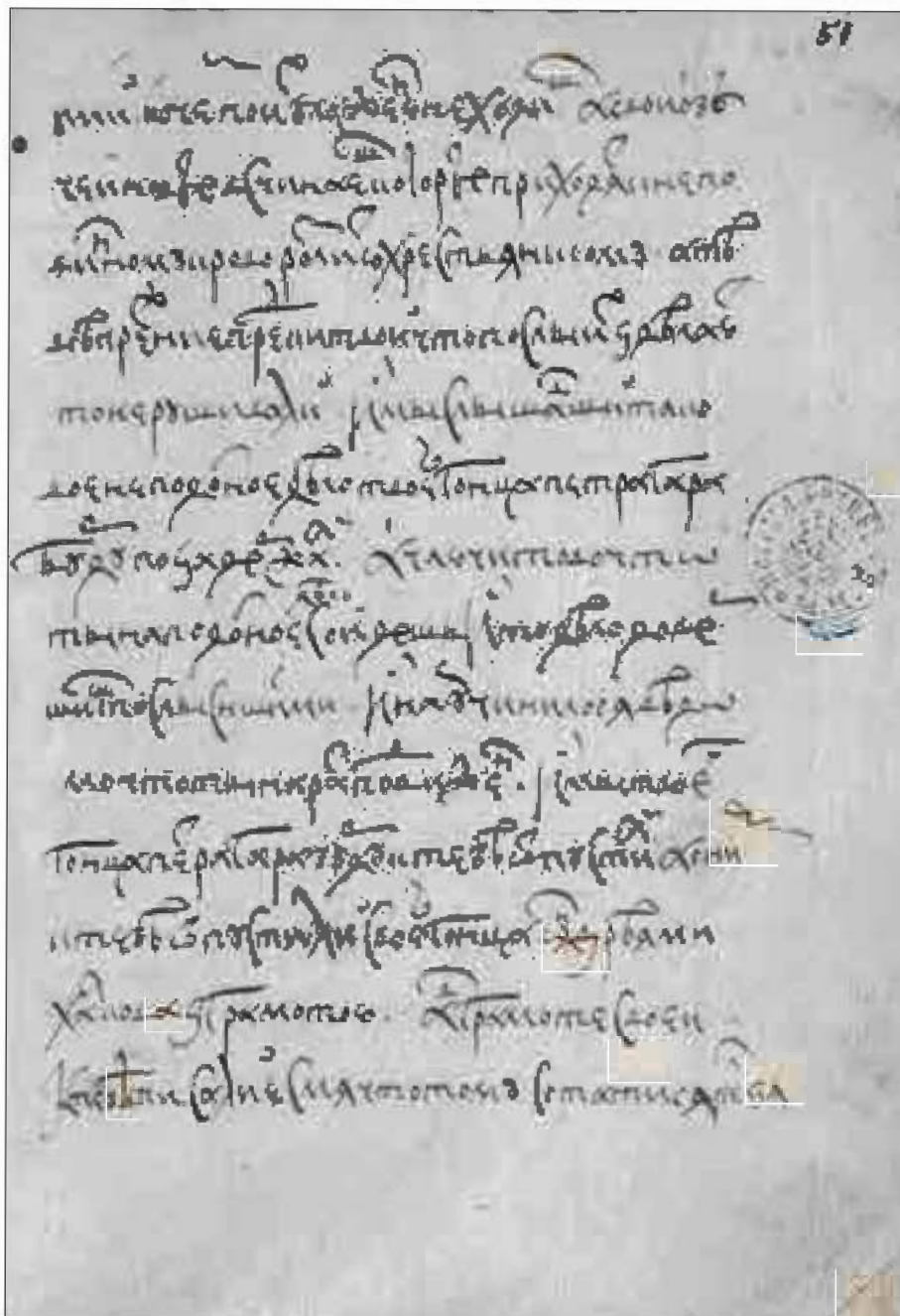
⁴⁶ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 194.

⁴⁷ Разрядная книга 1550–1636 гг. С. 277. Л. 145–145 об.

1581 г. Послание царя Ивана IV Васильевича польскому королю Стефану Баторию с упоминанием о поездке к королю и возвращении в 1579 г. гонца Андрея Тимофеевича Михалкова.

В этом послании Иван Грозный унижает избранного короля, напоминая, что он, Иван, — «царь и великий князь всеа Руси ... по Божью изволенью, а не по многомятежному человечества хотению». На этом листе он пишет королю (последние пять строк): «И мы твоего гонца Петра Гарабурду к тебе отпустили, а с ним к тебе отпустили своего гонца **Ондreja Михалкова** з грамотою. А в грамоте свое к тебе писал есмь, что того статися нельзя...» (см. выше).

РГАДА. Ф. 79 (Посольский приказ. «Сношения России с Польшей»). Описание 1. № 13. Л. 51. Подлинная посольская книга 1581–1582 гг. Приказная скоропись XVI в.

Иван Грозный в ответ ему писал: «А в грамоте своей (посланной с А. Т. Михалковым. — Б. М.) к тебе писали есмь, что тому статися нельзя, что, порушив крестное целованье, да изнова делати; и ты б то дело с нашими послы доделал, как твои послы приговорили с нашими бояры, а о Лифлянской земле слал бы еси к нам иных своих послов, и мы с ними велим бояром своим делати как пригож.

И ты тово не послушав, больма на ярость подвигся еси и, зламав присягу послов своих, наших еси послов выбил из своей земли кабы злодеев, не дав им своих очей видети. А за ними вборзе прислал еси к нам гонца своего Венцлава Лопатинского з грамотою, а в ней про наше государство многие неправые слова писал еси и нас укоряя, о них же несть нам потреба писати подробно, а после того **гонца нашего**

Взятие Смоленска Василием III в 1514 г.
(РНБ. Ф. 550. F.IV.232. Л. 740 об.)

Ондрея к нам отпустил еси, а с ним свою грамоту прислал еси так же яряся»⁴⁸.

С началом военных действий в августе 1579 г. Стефан Баторий все усилия своей армии сосредоточил на возвращении Полоцка — главной потери Великого княжества Литовского. После упорной трехнедельной осады город был взят поляками. В следующем 1580 году он напал на Великие Луки — мощную русскую крепость на оборонной линии крепостей между Смоленском и Псковом. В результате двухмесячной осады противник крепость взял, но потерял множество живой силы. И уже в ходе героической обороны Пскова с августа 1581 по февраль 1582 г. (несмотря на все усилия, Баторий не смог его взять) в декабре 1581 г. начались мирные переговоры, завершившиеся Ям-Запольским миром в начале 1582 г.

В этот период **Андрей Тимофеевич Михалков** назначается в число командиров гарнизонов русских пограничных крепостей. В 1580–1582 гг. он — среди воевод, оборонявших крепость **Смоленск**.

Взятие Смоленска в 1514 г. и присоединение Смоленской земли к Москве было одним из важнейших событий правления

⁴⁸ Послания Ивана Грозного / Подгот. Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье. М., 1951. С. 216, 218.

великого князя Василия III. В дальнейшем литовские войска неоднократно подходили к Смоленску. В 1554 г., по повелению царя Ивана IV, старая Смоленская крепость была перестроена и увеличена, но осталась деревянной (каменные стены и башни вокруг города были сооружены уже при Борисе Годунове в конце XVI — начале XVII в. замечательным русским зодчим Федором Конем).

Наступление на Смоленск входило в планы Стефана Батория, и после взятия Великих Лук часть польско-литовских войск двинулась в сторону западного русского форпоста. Но в октябре 1580 г. была разбита русскими полками во главе с воеводами И. М. Бутурлиным и М. Г. Салтыковым в семи верстах от города. Весной 1581 г. русские войска двинулись из Смоленска в тыл польско-литовской армии, выиграли сражение под Шкловом, сожгли посады Могилева и вернулись обратно в Россию.

В Разрядной книге 1475–1605 гг. приведено несколько записей о воеводах, защищавших Смоленск. Среди летних и осенних разрядов 1580 г. (год на Руси тогда начинался в сентябре, в данном случае — 7090 год от Сотворения Мира) помещена первая подробная роспись о назначении нового смоленского воеводы Д. А. Ногтева-Суздальского, где **А. Т. Михалков** записан как **«Ондрей Тимофеев»**: *«А быти в Большом Старом городе воеводам князю Данилу Нохтеву да Ивану Бутурлину, да головы Ондрей Тимофеев, Яков Вельяминов, Репчюк Клементьев.*

В Новом Большом городе воевода Остафей Пушкин да Игнатей Блудов, да с ними головы Федор Писемской да Ондрей Давыдов.

У Ворот за Торги против Селецкие горы головы князь Василей Мещерской, Микифор Олександров сын Давыдов;

У Пятницких ворот головы Василей Коуров да Микифор Степанов сын Давыдов.

Да по вестям прибыльные воеводы Михаило Глебович Салтыков да Петр Офонасьев сын Нащокин да голова Гур Вердеревской; а бытъ им в Земляном городе сверх росписи.

А воеводам Остафью Пушкину да Игнатью Блудову и головам, которые в Земляном городе, промышляти с воеводами вместе, с Михаилом Салтыковым и с Петром Нащокиным, заодин. Таковы же воеводы 89-го году в Смоленске»⁴⁹.

Возможно, от этого назначения «головой» в архиве А. Т. Михалкова сохранился уникальный документ XVI в.: *«Дети боярские, быти им на съезде с Ондреем Тимофеевичем Михалкова»*. В этот список включены 21 помещик (указаны даже их оклады) из Смоленска, Ржева, Торопца, Великих Лук⁵⁰.

В разряде 1582 г. Андрей Тимофеевич записан как обычно: *«голова Ондрей Михалков»⁵¹*. Летом 1582 г. **Андрей Тимофеевич Михалков** значится в разрядах с почетной должностью **«наместника» Тулы**. Одновременно с **А. Т. Михалковым** в Тулу назначены воеводами знатные военачальники — князь И. М. Воро-

⁴⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. III. Часть I. С. 141. Л. 710 об.— 711. Тот же разряд под 7089 (1580/1581) г.: Там же. С. 159. Л. 722. Здесь же на с. 177–178 описание разгрома литовских войск, подошедших к Смоленску, и о присылке царем наград — золотых монет. Но имени А. Т. Михалкова здесь отдельно не указано.

⁵⁰ Из Архива Михалковых. № VII. С. 24.

⁵¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. III. Часть II. С. 214. Л. 757.

Тульский кремль. 1518–1521 гг.
Фото Л.И. Гавриленко, 2020 г.

тынский (сын казненного боярина) и князь М. В. Ноздреватый-Звенигородский. Вскоре они встали во главе полков, собирающихся в Туле для обороны от татар, возможных союзников польского короля⁵².

Весной 1583 г. произошло событие, знаковое для служебного статуса всего **рода Михалковы в XVI–XVII вв.** Назначенный после окончания войны судьей для ведения переговоров по определению границы между Россией и Великим княжеством Литовским **Андрей Тимофеевич Михалков** впервые затеял **местнический спор**. Он посчитал, что его воинские заслуги не позволяют быть третьим по счету судьей, когда вторым судьей был назначен **Евстафий Михайлович Пушкин**. Вот как об этом было записано в Разрядном приказе, который фиксировал все местнические дела и докладывал о них царю (за ним оставалось право решения спора и назначения наказания проигравшему):

«На Белой наместник Левонтей Окунев. Да в судьях на рубеже о спорных землях с литовскими послы были на съезде князь Василей Иванович Ростовской Почуй, да Остафей Михай-

⁵² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Часть II. С. 211 (помещено перед Смоленским разрядом, который вероятно стоит не на месте). Л. 755 об.; С. 221. Л. 761.

Царь Иван Грозный.
Копенгагенский портрет. XVII в. (?)

лов сын Пушкин, да Ондрей Тимофеев сын Михалков, да дьяк Степан Трегубов, подьячий Захарей Свиязев.

Бил челом государю Ондрей Михалков на Остафья Пушкина, что ему у того дела меньше Остафья Пушкина быть нельзя. И государь велел у того дела Ондрею... с Остафьем Пушкиным быть без мест, а как служба минетца и тогда ему с Остафьем дать щот. А в иных розрядах пишет: были в судьях о спорных землях князь Василей Ростовской с товарищи на Себежи, а не на Белой»⁵³.

Как это неоднократно бывало, царь, чтобы не задерживать важные переговоры, объявил данную службу «без мест», но по ее окончании все-таки велел произвести разбирательство («дать щот») о родовом и служебном старшинстве **А. М. Михалкова** и **Е. М. Пушкина**. Суд этот так и не состоялся, очевидно, в связи со смертью Ивана Грозного в марте следующего 1584 г.

Но что же побудило **Михалкова** выступить против представителя одного из знатнейших старомосковских боярских родов, и как могло повернуться это дело?

Дело в том, что Пушкины в XVI в. не принадлежали к московской служилой элите. Первым из всех многочисленных носителей фамилии получил чин думного дворянина как раз Е. М. Пушкин уже при Борисе Годунове в 1600 г. Он и его братья сделали карьеру через опричнину и не потеряли доверие Ивана Грозного после ее отмены (именно Евстафий Пушкин привез в 1573 г. из Пайды тело убитого Малюты Скуратова для погребения и сделал от имени царя (!) огромный денежный вклад на помин его души).

Соперничество **А. Т. Михалкова** с **Е. М. Пушкиным**, очевидно, началось еще раньше, когда они в 1580 г. вместе были назначены на службу в Смоленск, но Пушкин получил должность воеводы, а **Михалков**, который начал служить лет на 20 раньше Пушкина, так и остался «головой». Но тогда местничество было невозможно. Теперь же, когда они получили одинаковые должности судей, спор из-за места был уместен, и у Михалкова был шанс на выигрыш, поскольку ни отец, ни дед Е. М. Пушкина никогда не занимали никаких должностей. Несмотря на то, что спор был не решен, сам факт местничества Михалковых с Пушкиными был занесен в так называемый «Местнический справочник», составленный в XVII в., когда Пушкины были уже членами Боярской думы первых Романовых⁵⁴.

К началу царствования Федора Ивановича относится, очевидно, исполнение давнего желания **Андрея Тимофеевича Михалкова**. После 30-летней службы царю он был, наконец, назначен на воеводскую должность, равную полковому воеводе. Произошло это в том же Смоленске. В **Разрядной книге** лаконичное указание на смену царей (официального летописания в это время уже не было) и запись о назначении воевод в Смоленск оказались символически соединенными:

⁵³ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1987. Т. III. Часть II. С. 13. Л. 775.

Очень странно, что в своей работе о роде Пушкиных (см. выше с. 45) С. Б. Веселовский написал, что «бил челом» царю на Михалкова Пушкин, а не наоборот. Пушкин не должен был спорить, поскольку был назначен выше Михалкова. При этом Веселовский сделал интересное замечание, что А. Т. Михалков за «многие годы службы... успел породниться с Морозовыми (имелась в виду его жена Шестова) и занять место среди родовитых людей». Между тем это местническое дело было хорошо известно как старым, так и современным историкам. См.: Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1883. Список местнических случаев. С. CVII; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 78. № 378.

⁵⁴ Местнический справочник XVII века / Издан Ю. В. Татищевым. Вильна, 1910. С. 59.

«Тово же году (7092–1584) марта во 18 день в среду за три часа до вечера, преставися благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.

И тово же году мая в 7 день сел на Московском государстве после царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии его, государев, государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руские земли.

Тово же году в Великое Говенье (Пасха в 1584 г. была 18 апреля.— Б.М.), как государя (царя Ивана) не стало, послал государь (царь Федор) в Смоленск воевод своих по росписи: В Большом городе боярин и воеводы: князь Василей Юрьевич Булгаков Голицын да воеводы князь Василей Шиш Костентинович Пронской, да окольников князь Федор Михайлович Троекуров, да Микита Иванович Очин Плещеев, да князь Федор Иванович Литвинов Мосальской Гнусин. Да вылозные воеводы в Смоленске же в Новом Земляном городе воеводы Иван Михайлович Бутурлин да князь Ондрей Дмитриевич Звенигородской...»

В конце же этой разрядной записи было указано:

«И тово же году взят из Смоленска к Москве для послов князь Федор Троекуров да Иван Бутурлин, а на Иваново место Бутурлина велено быть в Земляном городе воеводам князю Василью да князю Федору Васильевичам Тюфякиным, да князю Ондрею Звенигородскому.

А Миките Плещееву Очину велено быти в Москве городе на князь Федорове место Троекурова»⁵⁵.

Новое правительство царя Федора Ивановича, которое еще не возглавлял царский шурина Борис Годунов, стремилось скорее объявить Европе о смене власти в Москве. И посольство отозванного из Смоленска князя Ф. М. Троекурова было отправлено к королю Стефану Баторию в Варшаву — для ведения переговоров по обмену пленными и заключению нового перемирия. В Смоленск же были посланы дополнительные воеводы. Их имена перечислены в новом Разряде — именно в нем впервые названо имя **Андрея Тимофеевича Михалкова** вместе с «большими воеводами»:

«Тово же году в Смоленску были воеводы: в Большом городе боярин князь Василей Юрьевич Голицын, да воеводы князь Василей князь Васильев сын Тюфякин, да князь Федор князь Иванов сын Мосальской, да Ондрей Тимофеев сын Михалков. В Новом городе воеводы: Микита Иванович Очин Плещеев, да князь Федор князь Васильев сын Тюфякин, да князь Ондрей князь Дмитриев сын Звенигородской...»⁵⁶.

Царь Федор Иванович.
Парсуна 1630-х гг.

⁵⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. М., 1984. С. 32–34.

⁵⁶ Там же. С. 39.

А. Т. Михалков в начале правления Бориса Годунова

Борис Годунов уже в первые годы царствования Федора Ивановича, а особенно после смерти в 1585 г. дяди царя Никиты Романовича Юрьева — главы **Верховной думы** (регентского совета при не способном к самостоятельным решениям государе) начал борьбу с враждебными ему боярскими группировками. В 1586 г. он разрушил заговор князей Шуйских, которые попытались развести царя Федора Ивановича с царицей Ириной — сестрой Бориса Годунова (якобы из-за ее бесплодия, но в 1592 г. она родила дочь Федосию, вскоре умершую).

Герой обороны Пскова от войск Батория князь И. П. Шуйский был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, насильно пострижен и в 1588 г. умер (по слухам, «задушен дымом»).

Еще раньше, в 1586 г., в том же монастыре умер другой член «**Верховной думы**» князь И. Ф. Мстиславский.

Князь А. И. Шуйский в 1587 г. сослан в Каргополь, где был убит через два года.

В 1587 г. был низложен митрополит Дионисий. Он скончался в том же году в новгородском Хутынском монастыре.

В своей трагедии А. С. Пушкин словами своего предка ярко рисует положение московской элиты в эпоху Бориса Годунова:

Пушкин

Такой грозе, что вряд царю Борису
Сдержать венец на умной голове.
И поделом ему! он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребают углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля.

Портрет Ивана Грозного из собрания князей Шаховских.
Впервые опубликован в книге
Л. Морозовой и Б. Морозова
«Иван Грозный и его жены» (М., 2004).

Поэт вложил эти слова в уста не существовавшего Афанасия Пушкина, но историки и литературоведы пришли к мнению, что он имел в виду Евстафия Пушкина, с которым **Андрей Михалков** местничался в 1583 г. Е. М. Пушкин сам был сослан и умер в Тобольске в 1603 г.

Позднейшее «Сказание о Гришке Отрепьеве» повествует, что после расправы с Шуйскими Борис Годунов «многих дворян и служилых людей, и приказных, и гостей, и воинских людей разослал в Поморские города, и в Сибирь, и на Волгу, и на Терек, и в Пермь Великую в темницы и в пусты места»⁵⁷.

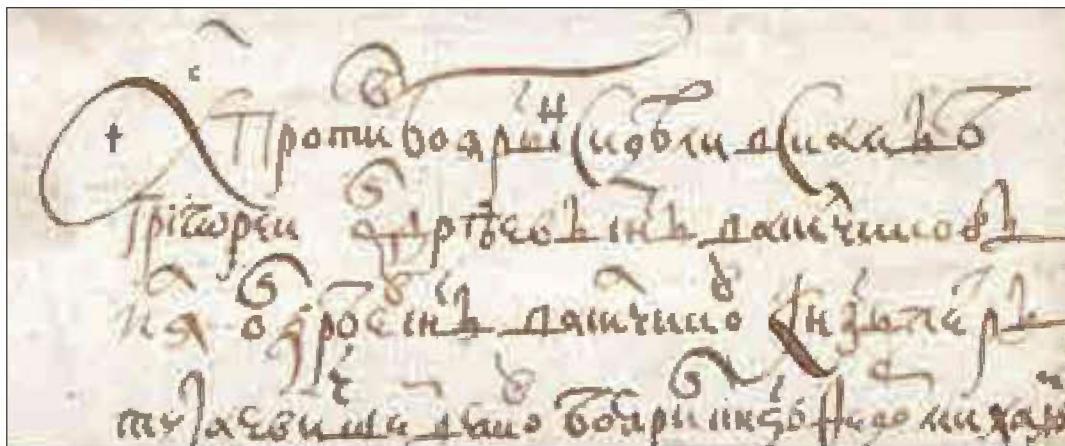
Андрей Тимофеевич Михалков мог в глазах будущего царя Бориса входить во враждебные ему круги. Жена **А. Т. Михалкова Мария Григорьевна Шестова** была двоюродной сестрой Ксении Ивановны Шестовой — жены боярина Федора Никитича Романова, двоюродного брата царя Федора Ивановича. **Романовы** — главные конкуренты Годунова на пути к власти, но при жизни царя Федора он, конечно, не мог с ними бороться и разгромил Романовский клан в 1601 г., уже после своего воцарения.

Свою дочь **Екатерину Андрей Тимофеевич Михалков** выдал за окольного **Михаила Михайловича Салтыкова** (чьи старшие

⁵⁷ Русская историческая библиотека.
Т. 13. Стб. 716–717.

«А против боярынь сидели в скамье: Григорей Ондреев сын Васильчиков, Илья Ондреев сын Васильчиков (тесть Ивана Андреевича Михалкова), князь Петр Тутаевич Шейдяков, боярин князь Федор Михайло[вич Трубецкой]...»

Запись в свадебном чине 1574/1575 г. о «местах» отца и дяди царицы Анны Васильчиковой. Список 1624 г. РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отделение IV, рубрика II. № 11. Л. 19.

родичи, бояре Салтыковы, были казнены при Иване Грозном), лояльного и даже приближенного к царю Борису⁵⁸.

Сын **Андрея Тимофеевича** — **Иван Андреевич Михалков** женился на дочери **Ильи Васильчикова** — **Авдотье Ильиничне**. Ивана Михалкова к моменту составления его отцом духовной в 1586/1587 г. уже не было в живых, о его службе ничего не известно — вероятно, он умер совсем молодым, но оставил сына **Константина Ивановича Михалкова** (Андрей Тимофеевич неоднократно упоминает в завещании невестку Авдотью и внука).

Брак с Васильчиковой был заключен в конце 1570-х — начале 1580-х гг. В это время жили два Ильи Васильчикова — **брат пятой жены царя Ивана Грозного Анны Григорьевны** — **Илья Григорьевич Васильчиков** и ее дядя — **Илья Андреевич Васильчиков**. В 1900 г. их потомок А. А. Васильчиков опубликовал официальный чин (разряд) этой свадьбы⁵⁹, происходившей в Александровой слободе в конце 1574 г. или в 1575 г. На царской свадьбе отец царицы Григорий Андреевич и его брат Илья Андреевич Васильчиковы сидели за столом «выше» бояр. Свадьба была в «узком кругу» царских приближенных; царским «дружкой» был молодой Борис Годунов, он и брат царицы Никита Васильчиков были назначены мыться с царем — особая честь. Очевидно, **Илья Андреевич Васильчиков** и был отцом жены **Ивана Андреевича Михалкова**.

У потомков же дипломата конца XVI в. Григория Борисовича Васильчикова до наших дней сохранился портрет Ивана Грозного, по преданию, подаренный царем невесте Анне (в действительности это копия XVIII в. парсуны XVII в.)⁶⁰.

Заканчивает же **Андрей Тимофеевич Михалков** свою военную карьеру и земную жизнь через несколько лет, около 1590 г., в далеком от Москвы городе — Козьмодемьянском остроге, на землях непокорных марийцев, с усмирения которых и началась в 1553/1554 г. его военная служба. Козьмодемьянский острог был возведен в 1583 г. в ходе Третьей Черемисской войны 1581–1585 гг. **Андрей Тимофеевич** участвовал в двух предыдущих войнах и, естественно, хорошо знал местные условия. Но было ли его назначение — уже весьма пожилого по меркам того времени

⁵⁸ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 196.

⁵⁹ Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. III. С. 1–13.

⁶⁰ Морозов Б. Н. Князья и дворяне Васильчиковы // Дворянские роды Российской империи. СПб., 1995. С. 115–121; Морозова Л., Морозов Б. Иван Грозный и его жены. М., 2004. С. 221.

Открытка начала XX в.:
«Козмодемьянскъ. Видъ с горы».
На этой горе, очевидно, и располагался
острог XVI–XVII вв.

человека и заслуженного воеводы — обусловлено этим обстоятельством, или это было удаление из Москвы? Об этом его назначении записей в **Разрядных книгах** нет, и мы знаем о пребывании и смерти **А. Т. Михалкова** в Козьмодемьянске только из его завещания, написанного «на государственной службе в Кузмодемьянском городе» и датированного «7095» – 1586/1587 г.

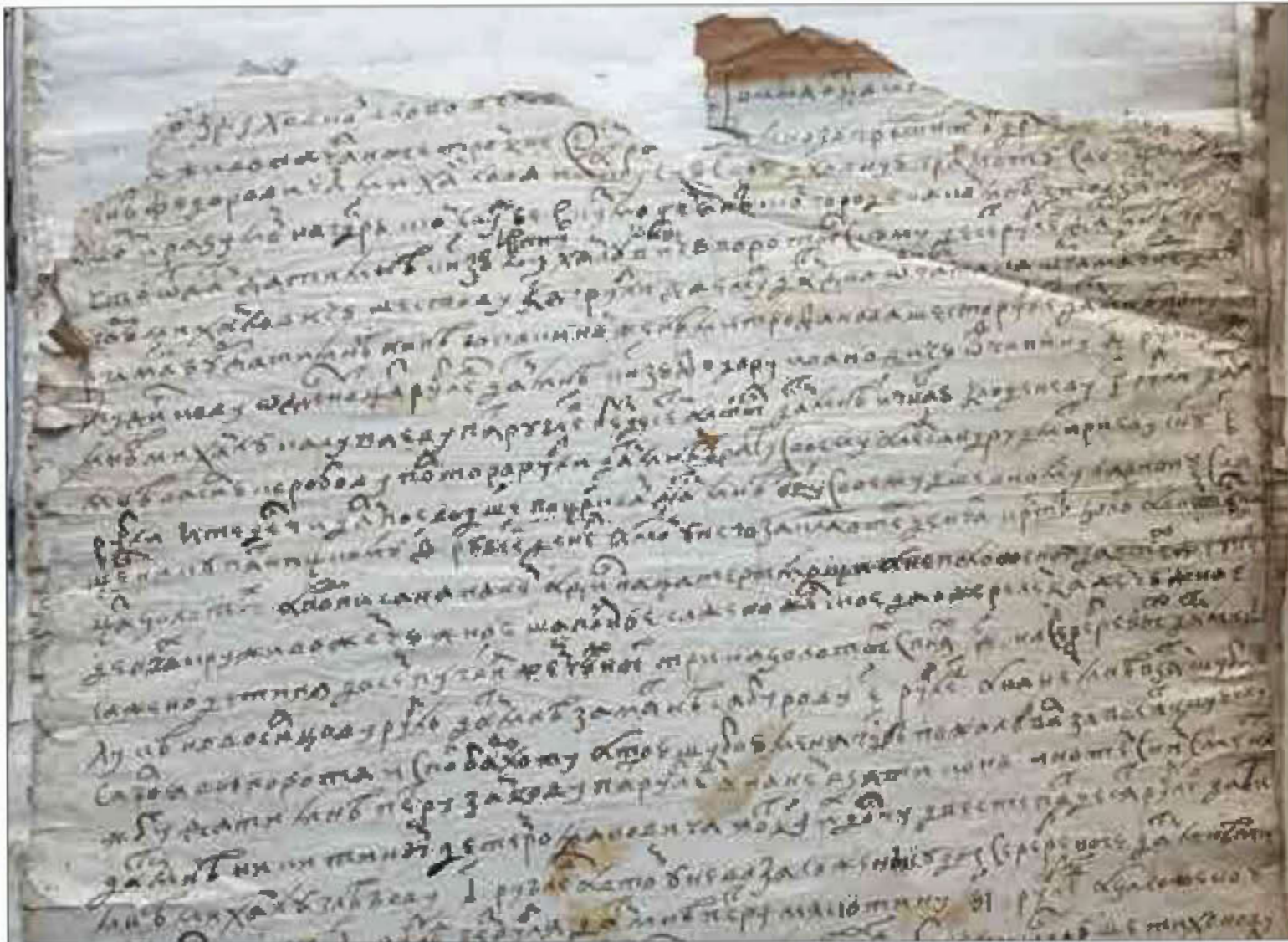
Свою «**Духовную грамоту**» он начал готовить еще в Москве, как следует из показаний его душеприказчиков князя И. А. Звенигородского, М. М. Салтыкова (зятя) и А. Ф. Загряжского, утвердивших завещание у патриарха Иова в августе 1590 г., уже после того, как тело **А. Т. Михалкова** привезли из Козьмодемьянска и похоронили в Троице-Сергиевом монастыре...

Духовная грамота Андрея Тимофеевича Михалкова 1586/1587 г.

Этот документ несет в себе еще много информации о родственниках, приятелях-душеприказчиках **Андрея Тимофеевича**, его должниках и кредиторах не только из высшей знати, но из широкого круга московского дворянства, а также о его слугах, драгоценностях и домашнем имуществе. Подобные завещания как бы открывают нам «окно в мир» людей XVI в., о жизни которых иных документов почти не сохранилось (в отличие от обширных архивов XVII в.). Завещаниям XVI в. историки посвящали специальные исследования, проведение которого по духовной **А. Т. Михалкова**, упоминающего десятки известных лиц, еще впереди (см. прим. 41). Но можно отметить некоторые важные для нас факты, в нем содержащиеся.

Первым из кредиторов («кому мне что отдати») указан знатнейший русский князь — глава Боярской думы Михаил Иванович Воротынский. Эта запись была сделана, вероятно, из соображений престижа, ведь князь М. И. Воротынский был казнен за 12 лет до составления духовной и долг был относительно небольшой — 10 рублей (его так никто и не получил, хотя в это время был жив сын казненного — князь И. М. Воротынский, недавний воинский начальник А. Т. Михалкова, см. выше с. 82).

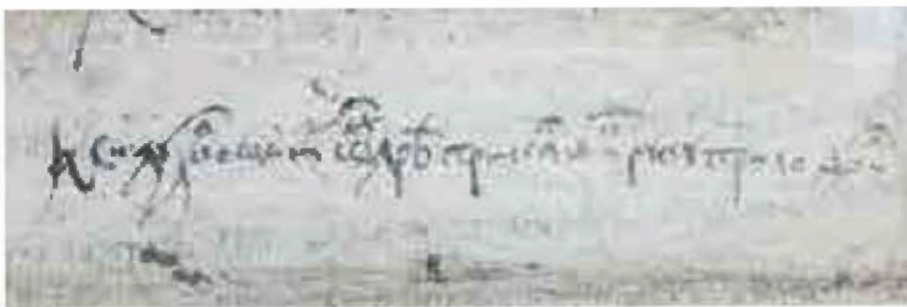
Вообще перечни долгов, своих и чужих — основное содержание древнерусских духовных грамот, хотя в них бывали и богословские рассуждения. В духовной пожилого воеводы **Михалкова** десятки имен в обеих позициях («отдати» и «взятии»), мы выбрали лишь несколько примеров: 24 рубля Андрей Тимофеевич был должен своему тестю Г. М. Шестову, «да ему же дати два оргамака (коня) — оргамак гнед, да оргамак бур», полтора рубля — дальнему родичу Василию Коробову и т. д. А вот родичам своей жены — «*Никитиным детям Романовича и отца их*» **А. Т. Михалков** был должен огромную сумму — 250 рублей! И эта сумма была частично выплачена — на обороте духовной были сделаны об этом собственноручные записи одного из «Никитиных детей» — боярина Федора Никитича Романова, отца будущего царя Михаила Федоровича. Причем сначала Ф. Н. Романов получил 60 рублей, в том числе «*взял щит за 30 рублей*», а в другой раз — 100 рублей и отметил, что «*не дошло [до] меня 90 рублей*». А еще один

«Список с духовной слово
в слово. Во имя Отца и Сына
[и Святого Духа, Святыя]
Живоначальныя Троицы,
се аз раб Божий
многогрешный Ондрей
Тимофеев сын Федоровича

Михайлова пишу сию свою
духовную грамоту своим
целым умом и разумом
на государственной службе
в Кузмодемьянском городе,
на ком мне что взяти, кому
мне что отдати... »

*Духовная грамота А. Т. Михалкова
1586/1587 г.
РНБ. Ф. 546. № 6. Л. 1 (всего 6 л. большо-
го формата).
Список, современный подлиннику.*

«К сей духовной яз, Ондрей,
приказщик руку приложил».

*Собственноручная подпись
А. Т. Михалкова — душеприказчика
своего однородца В.В. Корובה
(последнего в роде) на обороте его
духовной грамоты 1569/1570 г.
РНБ. Ф. 546. № 4. Л. 1 об.*

член клана Романовых — кабардинский князь и российский боярин Борис Канбулатович Черкасский (муж сестры Ф. Н. Романова) расписался в получении сполна своего долга в 4 рубля. Все это ярко свидетельствует о том, что Андрей Тимофеевич Михалков пользовался доверием и был своим человеком в кругу высшей московской знати.

Не забыл воевода **А. Т. Михалков** и своих родичей старшей ветви рода. На смертном одре он вспомнил, что был должен, но не успел отдать 2 рубля двоюродному брату **Александру Михалкову**, погибшему в бою с татарами почти полвека назад (!), и распорядился *«те деньги дати по его душе по церквам»*.

Конечно, основная забота **А. Т. Михалкова** была об обеспечении своих близких: жены Марии Григорьевны (урожденной Шестовой), дочери Екатерины Андреевны (хотя она была уже замужем за М. М. Салтыковым) и малолетнего внука Константина. Ведь его отец, сын Андрея Тимофеевича — Иван Андреевич Михалков — ко времени составления духовной скончался. В завещании подробно расписано, какие вотчины они получают — родовые и жалованные, а также полученные от тестя Г. М. Шестова. Распределение этих вотчин сопровождалось указаниями о вкладах в Троице-Сергиев монастырь. Вдове сына — «снохе Авдотье Ивановой жене» полагалось не земли, *«а что моего живота после меня останется, лошадей и платья и доспехов и домашняя рухляди и погребной и поваренной»*.

Холопы же после смерти господина традиционно отпускались на волю.

Положение рода Михалковых к концу XVI века

В целом, подводя итоги положению рода Михалковых к концу XVI в., следует отметить, что, несмотря на успехи в служебной карьере **Андрея и Полуекта Михалковых**, их детям было не суждено закрепить и развить успех отцов. Часто тому виной объективные причины. Отсутствие данных о чине и службе единственного сына Андрея Тимофеевича — **Ивана Андреевича Михалкова** объясняется его ранней смертью. Что касается **Полуекта Тимофеевича**, то согласно Родословной Михалковых, основанной на документах родового архива и семейных преданиях, у него было два сына, умерших в раннем возрасте⁶¹. В Синодике Троице-Сергиева монастыря 1575 г. записана память его жене Пелагее, умершей в 1553/1554 г.⁶²

Представители же старшей ветви рода **Михалковых** (потомки пристава **Дмитрия Федоровича**), потерявшие при Иване Грозном остатки родовых переяславских вотчин, были испомещены в другие уезды и начали служить «с городом». В конце XVI в. они входили в верхний слой уездного дворянства, составлявший так называемый «выбор», то есть являлись членами **Государева Двора** при царе Федоре Ивановиче.

Внуки **Дмитрия Михалкова** — братья **Федор Иванович** и **Яков Иванович Михалковы** значатся в Боярском списке 1588–1589 гг. первыми среди «выборных дворян» из волжского (ярославского) города Романова с поместным земельным окладом в 300 четвертей (примерно 150 гектаров земли, пригодной для посевов).

В это время в Новгороде проходил сбор русских полков для участия в Русско-шведской войне 1590–1596 гг. Но над именем **Ф. И. Михалкова** стоит помета: «Нет». Это могло означать и отмену для него этого назначения, и просто его отсутствие в городе (уезде) в это время. Имя его брата **Якова Ивановича** зачеркнуто с пометой: «97-го (7097–1588/1589 г.) умре»⁶³.

Нет данных о службе в конце XVI в. двоюродного брата Федора и Якова Михалковых — **Артамона-Алая Ивановича Михалкова**. В конце 1573 или в следующем 1574 г. **Артамон Иванович Михалков** сделал крупный вклад в Троице-Сергиев монастырь «по отце своем да по матери своей Ксении и по себе». Он отдал

⁶¹ Дворянский адрес-календарь на 1898 год. СПб., 1898. С. 183.

⁶² РГБ. Ф. 304. III. № 25. Л. 212.

⁶³ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. С. 232.

свою вотчину «в Переславском уезде Залесского сельцо Назимово Судиславль то же да 2 пустоши со всеми угодьями»⁶⁴. Даже если предположить, что в 1573/1574 г. — в момент дачи от его имени земельного вклада за умерших родителей в Троице-Сергиев монастырь — он был еще ребенком, то почему о нем нет никаких сведений до начала XVII в., когда **Алай Михалков** начинает получать весьма ответственные назначения?

Эта запись важна для решения генеалогической проблемы в этой ветви Михалковых.

Дело в том, что в табличной родословной росписи середины XVII в. указано, что **Артамон-Алай — сын Ивана-Шелпака Старшего Дмитриевича Михалкова**. А в черновике росписи конца XVII в. для подачи в Палату родословных дел Разрядного приказа — что **Артамон-Алай — сын Ивана-Ивашки Меньшова Дмитриевича Михалкова** (см. главу «Память рода Михалковых». С. 22). Причем в табличной росписи гибель под Пайдою Ивана-Ивашки Младшего не отмечена, тогда как там есть специальные известия о гибели его братьев Александра и Михаила. Если предположить, что Артамон-Алай делал в 1573/1574 г. вклад «по отце Иване Дмитриевиче» в связи с его гибелью под Пайдою в 1573 г., то он, очевидно, сын младшего из братьев — Ивана-Ивашки. То, что участвовал в Ливонской войне именно Иван-Ивашка, записанный в **Тысячную книгу и Дворовую тетрадь**, у нас сомнений нет. Его старший брат Иван-Шелпак Дмитриевич Михалков не был туда записан, очевидно, он уже не служил в это время.

Но **Артамон-Алай** мог сделать этот крупный земельный вклад и по той же причине, что и его двоюродные дяди **Андрей и Полуект Тимофеевичи Михалковы**. Они дали в 1574/1575 г. в монастырь свою переяславскую вотчину — усадище Полиносо (см. с. 35). Такие крупные вклады делали, когда над родом нависала опасность опалы. Опричнина закончилась, но разделение управления государством на две части — «Земщину» и «Двор» (фактически аналог опричнины) — сохранялось (о загадке опалы Полуекта Михалкова см. с. 75–77).

Но генеалогическая проблема, связанная с отцом **Алая Михалкова** и отцом его двоюродных братьев — **Федора и Якова** — может быть решена.

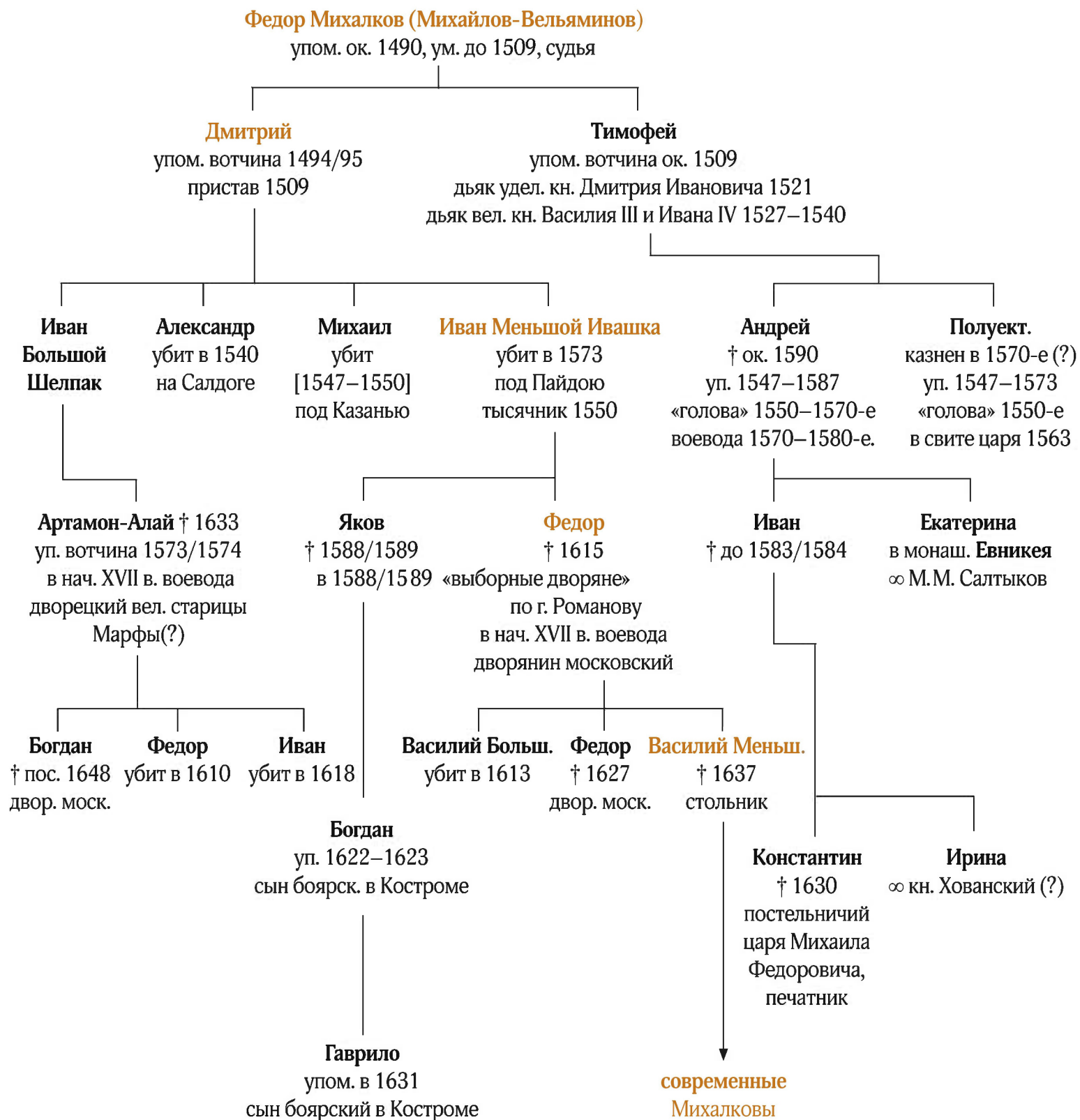
В разряде Серпуховского похода Бориса Годунова 1598 г. (см. далее с.) Федор Иванович Михалков записан в архаичной форме: «**Федор Михайлов сын Ивашкин...**». Вероятно, официальные разряды редактировались частными составителями, которые могли помнить его отца **Ивана-Ивашку Михалкова**, убитого под Пайдою в 1573 г. Это — важное свидетельство для разрешения генеалогической проблемы данной ветви рода. Именно Федор Иванович, а не Алай Иванович был сыном Ивана-Ивашки. Следовательно, от Ивана-Ивашки происходят все ныне живущие Михалковы.

⁶⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 64.

Алай Иванович Михалковы и Федор Иванович, хотя и не получили больших чинов, достойно представляли род в **Смутное время** и не пытались выслужиться при дворах Лжедмитриев.

Но и стремление **Андрея Тимофеевича Михалкова** к возвышению рода не прошло даром. В первые годы царствования Михаила Федоровича Романова, с избранием которого окончилась Русская Смута, потомки этого первого воеводы **из рода Михалковых** фактически возглавили московское правительство — об этом в следующем очерке.

Род Михалковых в конце XV — первой половине XVII в.

Глава 4

МИХАЛКОВЫ в Смутное время и в управлении страной при первом Романове

В самом начале 1598 г. скончался второй царь всея Руси Федор Иванович. У него не осталось наследников. Старший брат его Иван Иванович (несмотря на три брака, не оставивший потомства) умер в ноябре 1581 г. в Александровой слободе при неясных обстоятельствах. И потрясенный его смертью отец, первый российский царь Иван IV Васильевич никогда больше не посещал эту резиденцию — вплоть до своей смерти в марте 1584 г.

Младший сын Ивана Грозного от шестой жены Марии Нагой — царевич Дмитрий Иванович родился в 1582 г., и вскоре после смерти отца был удален с матерью в Углич, но не считался, как прежние великокняжеские братья, удельным князем и наследником престола. Его гибель 15 мая 1591 г. остается до сих пор одной из загадок русской истории.

Царь Федор было женат с 1575 г. на сестре Бориса Годунова — Ирине Федоровне, но в течение десяти лет у них не было потомства. Это позволило князьям Шуйским в 1586 г. устроить заговор с целью развода Ирины Годуновой с царем и удаления Годунова. После провала этого заговора был отправлен на дальнейшее воеводство и **Андрей Тимофеевич Михалков**. Наконец, в мае 1592 г. царица родила дочь Феодосию Федоровну, но через полтора года, в январе 1594 г., та скончалась. Как пишет «Новый летописец», ее рождение торжественно отмечалось, а смерть оплакивалась всем народом (ПСРЛ. Т. 14. С. 45).

Со смертью в 1598 г. царя Федора Ивановича прекращается 330-летнее правление династии московских Рюриковичей — потомков первого московского удельного князя Даниила Александровича, младшего сына Александра Невского.

После смерти царя во главе Российского государства становится фактический правитель страны и при царе Федоре — брат его жены Борис Годунов. Сакральность царской власти в глазах народа Московского православного царства нарушается¹. На Руси начинается Смутное время, принесшее неисчислимые беды стране и ее народу. Эту дату — 1598 г. — как начало Смутного времени сейчас принимает большинство историков (были и другие даты — смерть Ивана Грозного, голод и начало волнений при царе Борисе в 1600-е гг.). Династический кризис рассматривается

¹ См.: Антонов Д. А. Смута в культуре Средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009.

Титулярник 1672 г.
Царь Федор Иванович и Царь Борис
Годунов

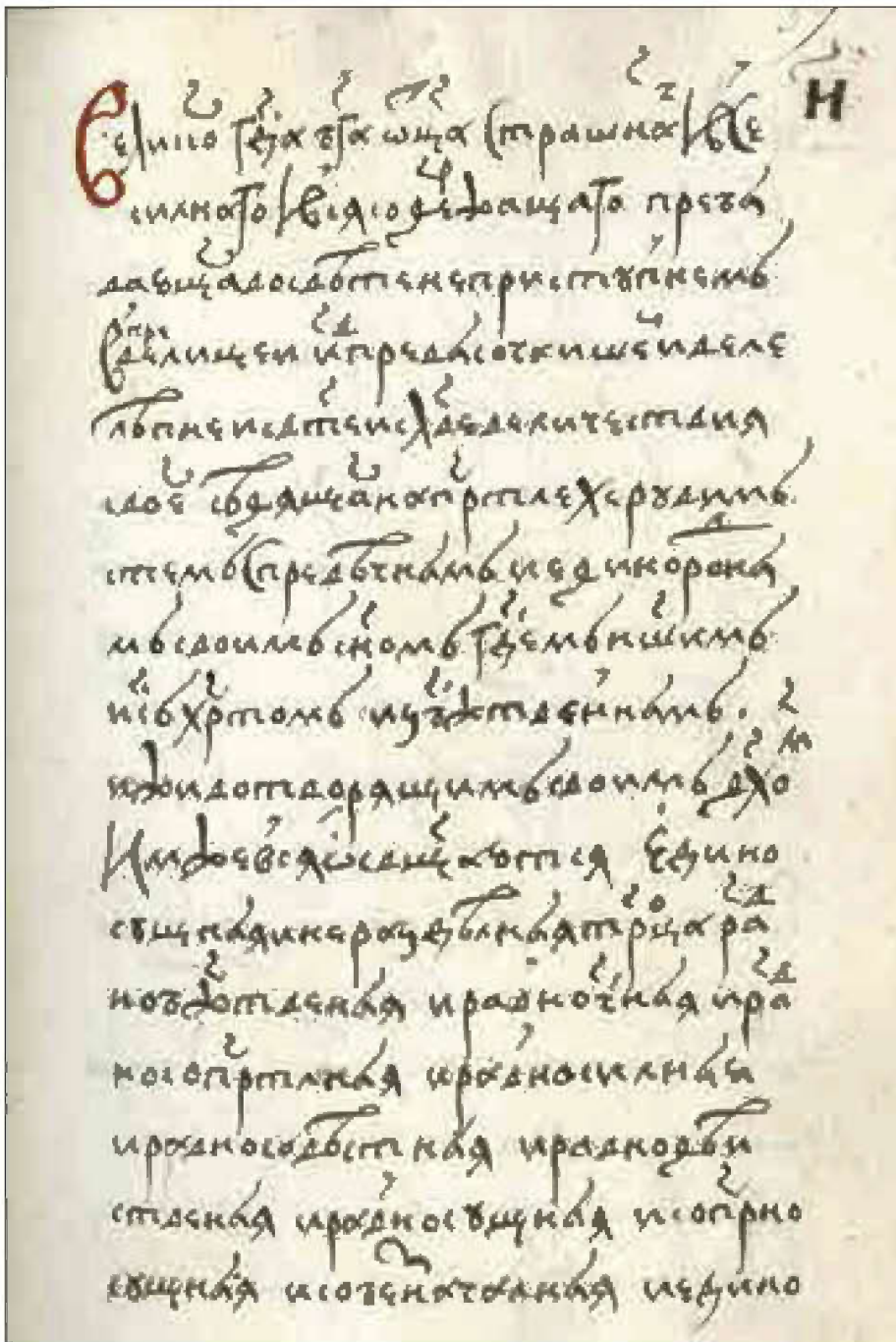
как главная причина Смуты, как «смута в головах» — недоверие к легитимно избранному, но не «природному» царю. Это привело к самозванческой интриге и гражданской войне — войне «всех против всех».

Возвращаясь от истории России и смены правящих династий к истории русского служилого дворянского **рода Михалковых**, можно заметить, что на протяжении XVI в. в нем также наблюдался демографический кризис, о чем мы кратко сказали выше.

Иван Андреевич Михалков, единственный сын заслуженного воеводы **Андрея Тимофеевича Михалкова**, умер еще при жизни отца. Но он успел оставить сына — **Константина Ивановича Михалкова**, упомянутого в завещании деда 1587 г. О его службе до завершения Смуты в 1610-е гг. есть только одно известие, что он был записан в члены Государева Двора. Забегая вперед, следует сказать, что он был женат, но не оставил потомства и скончался в 1630 г.

Также не оставил потомства и младший брат **Андрея Тимофеевича** — **Полукт Тимофеевич Михалков** (казненный в 1570-е гг. уже в немолодом возрасте). Согласно сведениям родословной Михалковых 1898 г., основанной на документах родового архива и семейных преданиях, у Полукта Тимофеевича было два сына, умерших в молодости.

Таким образом, успех, которого добились в течение XVI в. дети дьяка **Тимофея Михалкова** в приближении к царскому

Утвержденная грамота Земского собора 1598 г. об избрании царем Бориса Федоровича Годунова. Список Строгановых начала XVII в. (РНБ. О.IV.17. Л. 9.).

двору, получении воеводских должностей и, в итоге, во вхождении в состав московской элиты, в конце столетия некому было закрепить и продолжить. Однако, как и в случае с российскими царскими династиями, когда их преемственность определялась по женскому родству, именно женщины рода Михалковых поставили свой род в первые годы правления династии Романовых на высшую ступень близости к трону.

Речь идет о жене Андрея Тимофеевича Михалкова — Марии Григорьевне Шестовой, двоюродной тетке Ксении Ивановне Шестовой, матери Михаила Романова. Дочь Андрея Тимофеевича и Марии Григорьевны Михалковых — Екатерина Андреевна была выдана замуж (при жизни отца — упомянута в его завещании 1587 г.) за дальнего родича матери, воеводу Михаила

Михайловича Салтыкова. Он пользовался доверием Годунова и получил думный чин окольничего вскоре после его воцарения в феврале 1598 г. (с этим чином подписывает Утвержденную грамоту об избрании Бориса на царство)². Правда, боярином он не стал и умер в самый разгар Смуты в 1608 г.

После смерти мужа его вдова **Екатерина Андреевна Салтыкова (урожденная Михалкова)**, как это было принято в то время, уходит в монастырь. Ее взрослые дети — **Борис и Михаил Салтыковы (внуки А. Т. Михалкова)** уже служили стольниками при дворе царя Василия Ивановича Шуйского. Точно нельзя сказать, в каком монастыре она приняла постриг. Когда жена Федора Никитича Романова Ксения Ивановна, насильно постриженная в 1600 г. под именем Марфа, вернулась в 1613 г. в Москву с избранным на царский престол сыном Михаилом Федоровичем, они с Екатериной Андреевной обе оказываются в кремлевском Вознесенском монастыре — месте пострижения и погребения московских великих княжон, цариц и царевен. С этого времени великая старица Марфа Ивановна (Ксения Романова-Шестова) и монахиня **Евникея (Екатерина Михалкова-Салтыкова)** тесно сближаются. И — через своих сыновей — молодого царя Михаила Романова и ставших во главе его правительства **боярина Бориса и кравчего Михаила Салтыковых**, а также — постельничего и хранителя государственной печати **Константина Михалкова** — оказывают значительное влияние на ход дел в стране, только начавшей выходить из затяжного кризиса Смуты.

Очевидно, доверительные отношения этих двух женщин определялись не только родством (они — троюродные сестры, хотя и в научной, и в популярной литературе часто утверждается, что они — родные сестры, а Салтыковы — двоюродные братья царя Михаила), но и давним знакомством, и совместно пережитыми трудностями Смутного времени, поскольку владели соседними родовыми вотчинами.

Андрей Тимофеевич Михалков завещал внуку **Константину Ивановичу** и дочери **Екатерине Андреевне** (будущей монахини Евникее) доставшуюся ему в приданое костромскую вотчину Шестовых (село Молвитино с деревнями). Эта вотчина граничила с селом Домнино, вотчиной предков старицы Марфы. Именно туда уехала она с сыном Михаилом после снятия осады Кремля в конце 1612 г. Именно вокруг этих сел в марте 1613 г. разыгрались известные события, связанные с подвигом Ивана Сусанина, отдавшего «жизнь за царя». Об этой истории и о селе Молвитино, ставшем ныне райцентром Сусанино, о его роли в русской художественной культуре также будет рассказано далее.

На протяжении всего Смутного времени активным участником событий оказывается представитель старшей ветви рода **Федор Иванович Михалков** (прямой предок всех ныне живущих Михалковых). Как уже отмечалось в предыдущей главе, он, получив (вместе с умершим в 1588/1589 г. братом **Яковом Ивановичем**)

² Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 7. С. 42, 48.

Саврасов Алексей Кондратьевич. «Грачи прилетели». 1871 г.

Храм Воскресения Христова села Молвитино Костромской губернии построен в 1682–1690 гг. правнуком Андрея Тимофеевича Михалкова — боярином Петром Михайловичем Салтыковым, в память об убитом во время стрелецкого бунта 1682 г. сыне Федоре Петровиче Салтыкове. С конца XVI в. здесь же стояла деревянная церковь во имя царя Константина, построенная согласно воле А. Т. Михалкова в честь его внука Константина Ивановича Михалкова. В XX в. в Воскресенском храме был открыт музей Ивана Сусанина, а село названо его именем (см. с. 129–134).

чем) поместье в Романовском уезде, стал служить вместе с романовскими уездными дворянами, занял среди них самое высокое место и продолжал в конце XVI в. представлять Михалковых в Государевом дворе. Весной 1598 г. **Федор Иванович Михалков** получил ответственное назначение во время Серпуховского похода царя Бориса Годунова.

Годунов не спешил проводить торжественный обряд венчания шапкой Мономаха (как не спешил соглашаться на избрание царем после смерти царя Федора Ивановича). Опасаясь заговоров (были слухи о том, что его противники хотели посадить на трон Симеона Бекбулатовича — «маскарадного» царя при Иване Грозном), Годунов решил еще раз подтвердить свою власть, возглавив русскую армию. Такая возможность скоро представилась — пришли вести, что крымский хан Казы-Гирей с большим войском собирается идти на Москву. Борис Годунов собрал армию и двинулся с ней (и со своим двором) к берегам Оки — на традиционное место сбора полков против крымцев. Для придания большего

статуса своему войску Годунов формально поставил во главе полков татарских царевичей. В действительности реальное командование каждым полком осуществляли русские воеводы, а кроме того, к каждому татарскому «царевичу» были назначены специальные приставы. Одним из них и был **Ф. И. Михалков**, впервые за свою службу записанный в государственный военный разряд:

«И того же году мая в 7 день пошел царь и великий князь Борис Федорович всея Руси с Москвы на берег со всеми своими государевыми ратными людьми против своего недруга крымского царя Каза-Гирея в город Серпухов на прямое дело...»

А за государем в походе — царевич Арасланей Кайбулович, а у него пристав князь Федор Ковров Кривоборской; царевич Казацкие орды Ураз Махмет Анданович, у него пристав Родион Микитин сын Всеволоцкой; царевич Сибирской Мамметкул Алтоулович, пристав у него Михайло Пивов; царевич Шеморханской Шихим, у него пристав Федор Михайлов сын Ивашкин...»

Здесь имя **Ф. И. Михалкова** написано в архаичной форме — вероятно, официальные разряды редактировались их частными составителями, которые могли помнить его отца **Ивана-Ивашку Михалкова**, убитого под Пайдою в 1573 г. Это — важное свидетельство для разрешения генеалогической проблемы данной ветви рода (см. главу «Михалковы в XVI веке». С. 60, 94, 95). Но далее в росписи воевод по полкам имя Ф. И. Михалкова написано в обычной форме:

«В сторожевом полку — царевич Шеморханской Шихим, да боярин князь Тимофей Романович Трубецкой, да князь Федор Андреевич Ноготков, да князь Михайло Федорович Гвоздев-Ростовской; стояли на Коломне до государева приходу; да пристав у царевича у Шихима — Федор Иванов сын Михалков»³.

В ходе этого, скорее парадного, чем военного, похода (вести о том, что хан вышел из Крыма, не подтвердились) Борис Годунов в первую очередь раздал жалованье всем его участникам, чем, естественно, обеспечил себе полную поддержку со стороны армии. Это не мог не отметить даже официальный романовский «Новый летописец», составленный три десятилетия спустя, при патриархе Филарете, прежнем противнике Годунова:

«Того же году после Велика дни (Пасха в 1598 г. была 16 апреля. — Б.М.), не венчался еще царским венцем, пошел в Серпухов против Крымского царя со всеми ратными людьми; и приде в Серпухов и повеле со все земли бояром и воеводам с ратными людьми идти в сход, и подаяше ратным людям и всяким в Серпухове жалование и милость великую. Они же все видяше от него милость, возрадовались, чаяху и впредь себе от него такова жалованья» (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 2. С. 50).

Придя в Серпухов, огромное русское войско расположилось в шатрах «на лугах у Оки реки», причем из Москвы привезли специальный «полотняный город и поставили его круг шатров». В своем царском шатре Борис Годунов устраивал приемы-пиры для главных воевод. В Разрядной книге было записано:

³ Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина, под ред. В. И. Буганова. М., 1994. Т. IV. Ч. 1. С. 25, 33.

Аполлинарий Васнецов.
Древний Серпухов.

«И майя же в 14 день стол был у государя, ели царевичи: царевич Арасланей Кайбулович, да царевич Казацкие орды Ураз Маммет, да царевич Сибирские орды Маметкул, да царевич Шеморханской Шихим, а сидели в кривом столе»⁴.

Еще более пышные приемы были устроены для прибывшего в июне в Серпухов крымского посла. Ему продемонстрировали всю мощь русской армии — на семь верст на его пути стояли вооруженные воины и ездили всадники, всю ночь стреляли из пушек. Мирные переговоры были обеспечены. Новый царь Борис вернулся в Москву триумфатором.

Федор Михалков должен был везде сопровождать своего подопечного царевича Шихима и, таким образом, находиться в непосредственной близости от Бориса Годунова. Но особая придворная карьера у него после этого похода не прослеживается.

Исследователи времени правления Годунова обращают внимание на то, что он проявлял активный интерес к западной образованности. Наиболее яркий пример тому — отправка в 1601–1602 гг. в страны Европы 18 молодых русских людей для обучения наукам (но никто из них не вернулся на родину, охваченную гражданской войной). К царю Борису даже обращались иностранцы с предложением открыть в Москве университет. А. С. Пушкин написал трогательную сцену, когда Годунов наставляет сына царевича Федора Борисовича, рассматривающего «чертеж земли Московской»: *«Как хорошо! вот сладкий плод ученья! ... Учись, мой сын, и легче и яснее, Державный труд ты будешь постигать»*. Недавно найдена рукопись перевода рыцарской повести, которая, очевидно, готовилась по приказу царя как иллюстрированная книга для царевича Федора (подобные «потешные книги» делались уже в конце XVII в. для царевича Петра)⁵.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Морозов Б. Н. Повесть о Штильфриде (неизвестный перевод конца XVI — начала XVII века) // Славяноведение. 2004. № 4. С. 81–93.

Но русская действительность нарушила все планы царя Бориса Федоровича. В течение трех лет в стране происходили аномальные природные явления. Все лето 1601 г. шли проливные дожди, помешавшие созреванию хлеба, ранние (с конца августа) морозы окончательно погубили посевы. То же продолжилось и в 1602 г., а на следующий год крестьянам уже нечем было засеять поля. Начался страшный голод. Вот как пишет о начале этих потрясений неизвестный служилый человек в частном письме в марте 1603 г.: *«И рожь на Москве дорога нонеча, а сказывают, что будет рожь государева на прасухи (по летнему пути. — Б.М.) по полуполтине...»* Речь идет о мерах правительства Бориса Годунова по продаже государственных хлебных запасов по низкой цене, которые, как известно, не достигли цели — остановить голод после второго неурожая 1602 г. не удалось⁶.

Бояре не могли прокормить свою многочисленную челядь и просто выгоняли со дворов своих холопов. Многие из них, не зная другого ремесла, кроме боевого, собирались в банды разбойников и выходили на дороги грабить. Царю пришлось принимать меры. В этой борьбе с разбоями непосредственно участвовал и **Федор Иванович Михалков**.

Сведения об этом сохранились в «Подлинном» Боярском списке 1602–1603 гг., обнаруженном в фонде Разрядного приказа РГАДА. Как и в 1580-е гг., **Ф. И. Михалков** продолжает стоять в начале списка «выборных дворян» по городу Романову с земельным окладом в 300 четвертей. Против имени **Ф. И. Михалкова** стоит помета: *«Отос[лан] в обыск»*. Это означает, что он был послан *«за разбойники»*, *«на заставе»*, т.е. на борьбу с большими отрядами разбойников⁷.

Но вскоре, как писал «Новый летописец», пришла *«настоящая беда Московскому государству»* — появился Самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия Угличского.

Прежде чем подробно изложить официальную версию о том, что Лжедмитрием I был «расстрига» Гришка Отрепьев (галичский сын боярский, впоследствии монах, сбросивший с себя иноческий чин), летописец ярко и образно проповедует свое убеждение в Божием гневе на русских людей:

«Потом же всех бед нам [наказание] горчайшее, прекратил Бог у нас царский корень. Мы же, грешники, сие наказание Божие ни во что не поставили, но еще больше ко своим злым делам уклонились, зависти и гордости не лишились, но в еще большую пагубу впали. Бог же, видя наше неисправление, навел, грехов ради наших, наибольшую из всех бед беду... Как и в древности навел Бог окаянного Святополка на Русскую землю и на убийство братьев своих, так и на нашу православную христианскую землю, на Московские государство, навел [Бог] сего окаянного Гришку»⁸

Ни классики русской историографии XIX в., ни историки XX в., ни современные ученые так и не смогли до конца объяснить

6 Морозов Б. Н. Частное письмо начала XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 290.

7 Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 73, 359.

8 Новый Летописец. Глава 86 // Хроники Смутного времени / Сост. А. Либерман, Б. Морозов, С. Шокарев. М., 1998. С. 296.

русский феномен самозванчества, потрясавший государство два столетия. И у Степана Разина на его стругах был лжецаревич Алексей Алексеевич, не говоря уже про Емельяна Пугачева, который столь убедительно сыграл роль свергнутого и убитого императора Петра III. (Были еще и менее известные самозванцы и самозванки.)

Борис Годунов сразу понял опасность появления Лжедмитрия I на западных границах своего государства. Самозванец (версия о том, что это был Григорий Отрепьев, служивший и у Романовых, и у патриарха, и хорошо знавший придворный обиход, представляется вполне возможной), так и не получив официальной поддержки у польского короля, начал поход на Русь с кучкой авантюристов и отрядом запорожских казаков. Однако «дети боярские» пограничных крепостей открывали ему ворота и вливались в его войско. Неужели только недовольство московским правительством заставляло их поверить в «хорошего царя» Дмитрия Ивановича, несмотря на то, что он пришел из враждебной Речи Посполитой и был окружен чуждыми по вере и духу людьми?

Царю пришлось провести срочную мобилизацию дворянской армии по всей стране. В первую очередь проводился учет всем членам Государева двора, которые распределялись по полкам и назначались в качестве средних командиров — «голов». Среди выборных дворян по Романову первым указан **Федор Иванович Михалков**. Он был назначен вместе с другими «выборными дворянами» — романовцами «быть с воеводою со князем Лукою Щербатым»⁹. Из разрядов известно, что князь Л. О. Щербатый был затем вторым воеводой полка левой руки¹⁰.

Войско Лжедмитрия I было разбито правительственной армией в битве при Добрыничах в январе 1605 г. (очевидно, в сражении принимал участие и **Ф. И. Михалков**). Самозванец был осажден в Кромах и, казалось, был обречен. Но 13 апреля в Москве внезапно умирает царь Борис Годунов, и ситуация резко меняется в пользу беглого монаха и его сторонников — бояре решили свергнуть с его помощью наследника Годунова царевича Федора Борисовича, а затем — самого Самозванца, и потом уже решить, кто из них будет царем. В целом этот план удался, но «ложный царь» Дмитрий Иванович, торжественно въехав в Москву 20 июня 1605 г., правил страной почти год — издавал указы, назначал воевод и раздавал поместья. Он старался вести продуманную политику и, конечно, не собирался отдавать полякам обещанных Смоленска, Новгорода и Пскова, и уж тем более вводить католичество. Но вынужден был активизировать борьбу с Крымом и Турцией, к чему Россию давно призывали европейцы. Для этого новыми гарнизонами были усилены пограничные крепости, куда назначались опытные воеводы.

В это время и происходит первое воеводское назначение **Федора Ивановича Михалкова** — в город Михайлов (ныне в Рязанской области). Со времен Ивана Грозного Михайлов занял одно

⁹ Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. С. 372.

¹⁰ См.: Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. 7113–7121 гг. М., 1907. С. 28–29. Белокуров считал началом Смуты — 7113 (1604/1605) г.

*Лжедмитрий I и Марина Мнишек
Гравюры Ф. Снядецкого, около 1606 г.*

из ключевых мест в южной оборонной системе Российского государства — Большой засечной черте, включавшей в себя непрерывную систему укреплений между городами-крепостями и состоящую из засек — лесных завалов, чередовавшихся с частоколами, земляными валами и рвами в безлесных промежутках. Вероятно, **Ф. И. Михалков** был назначен вторым воеводой к князю Юрию Ивановичу Мещерскому (который раньше был единственным воеводой) — для совместного командования увеличенным воинским контингентом большого пограничного города¹¹.

Постепенно Лжедмитрий I стал терять поддержку у встретивших его первоначально с большим энтузиазмом московских горожан. А у его прежней опоры — провинциальных помещиков — из-за некоторого послабления крестьянам (восстановления выхода в Юрьев день). Бояре во главе с князем Василием Шуйским готовили заговор. Его осуществлению способствовала необычайно пышная, совершенно неуместная в глазах православных, свадьба Самозванца с Мариной Мнишек, прибывшей в Москву в апреле 1606 г. в сопровождении свиты в несколько тысяч человек. Неизбежные конфликты москвичей с людьми чуждой культуры перерастали в открытые столкновения. Накаленная обстановка в столице дала возможность заговорщикам направить 17 мая вооруженные толпы горожан (а оружием тогда обладали все слои населения) в Кремль с нелепым, но оказавшимся действенным призывом — спасти русского царя, которого хотят убить ненавистные поляки. В создавшейся суматохе Лжедмитрий I был убит, и уже через два дня, 19 мая 1606 г., на русский престол сел новый царь — давно стремившийся к нему знатнейший потомок суздальских князей Василий Иванович Шуйский.

¹¹ Там же. С. 40. Примечательно, что в Разрядных книгах копировались и использовались в дальнейшем при местнических спорах и назначения, сделанные при Самозванце.

Царь Василий Иванович Шуйский.
Неизвестный автор. Портрет XVIII в.

Но ни близость к династии московских Рюриковичей (князя Шуйские — потомки старшего брата Александра Невского), ни данные торжественно обязательства не принесли Шуйскому популярности. Его обвиняли в том, что он не был избран Земским собором, а «выкрикнут» сторонниками на Красной площади. И — главное — в двуличии и клятвopеступлениях: в 1591 г. Шуйский провел следствие в Угличе и доказал случайную смерть царевича Дмитрия, а вступив на престол, объявил его невинно убиенным святым мучеником; Шуйский же способствовал вступлению Лжедмитрия I на трон, а затем сверг и уличил в самозванстве. Тем не менее, за свое четырехлетнее царствование Василий Иванович Шуйский прилагал немало усилий для борьбы со Смутой и разрушением Русского государства внутренними и внешними врагами.

Уже в 1606 г. в стране разгорелась гражданская война, когда один русский город воевал против другого. Особенно ожесточенной она стала в 1608–1610 гг., при Лжедмитрии II, основавшем свою столицу (с думой и приказами) в подмосковном селе Тушине. Эта война окончательно расколола страну на два враждующих лагеря.

«От царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Руси на Романов воеводе нашему Федору Ивановичу Михайлову (так!). Велели есмя тебе быти на Тотьме, ведати город Тотьму и Тотемский уезд, а по чему тебе Тотьму ведати, о том послан к тебе наш наказ за приписью дьяка нашего Филипа Голенищева, а Романов велели ведати воеводе Оксентью Дашкову.

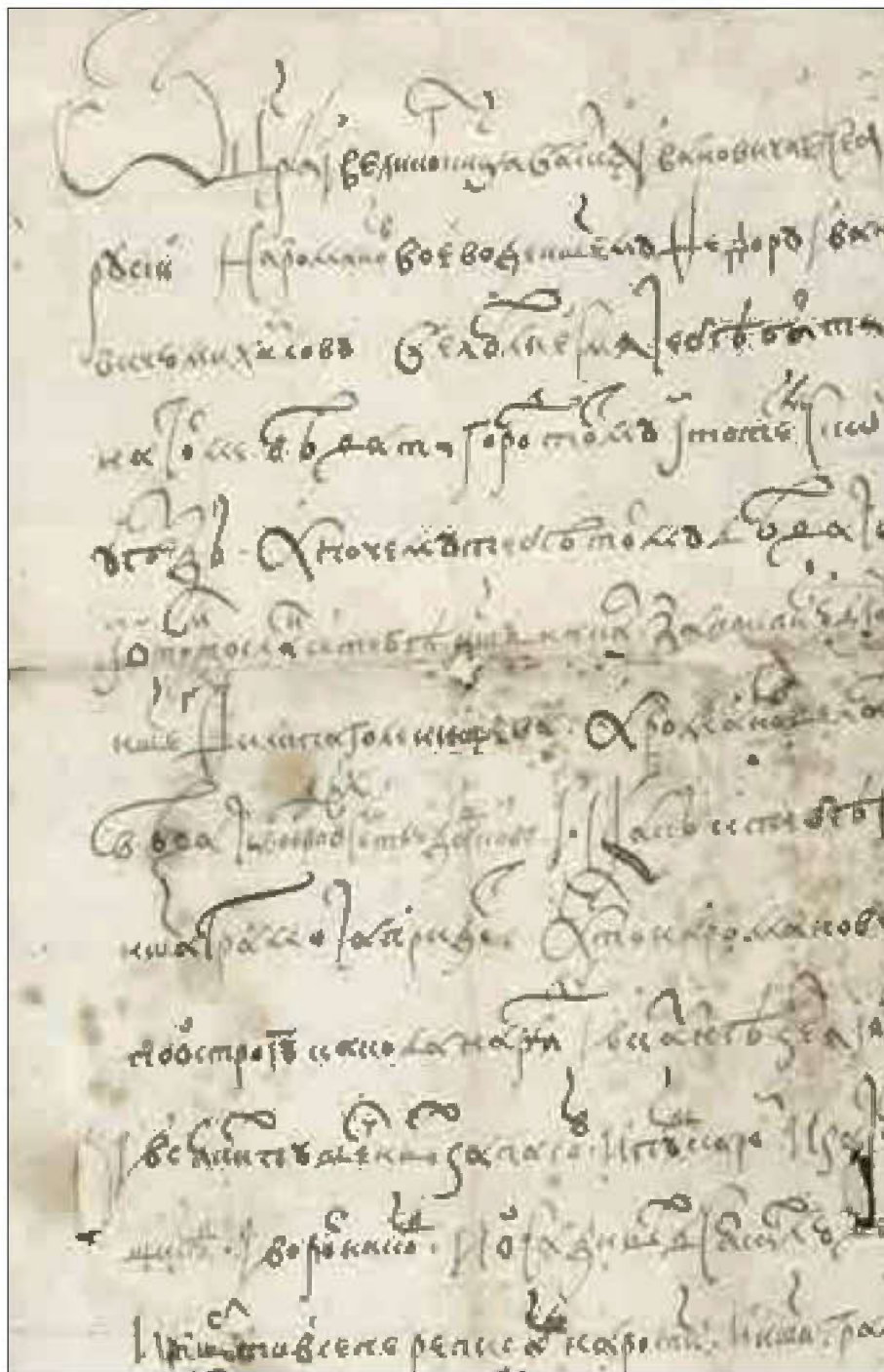
И как к тебе ся наша грамота придет, а что на Романове по острогу какова наряду, и в казне зелья, и ядер, и всяких пушечных запасов, и пушкарей, и затинчиков, и воротников, и осадных всяких людей, и ты б то все переписав на роспись, и наши грамоты, и всякия дела, и таможным и кабацким деньгам книги, и деньги, что у тебя по сю нашу грамоту в сборе, и кабацкие всякие запасы и суды отдал Оксентью (между строк приписано: «и посадские... гости»), да в том с ним росписався ехал на Тотьму.

А приехав взял бы еси у Кузьмы у Строгонова да у подъячаго у Дружины Степанова потому же городовую роспись, и всякие дела, и грамоты, и всяким доходам книги, и деньги, что у них по твой приезд каких денег в сборе будет, и кабацкие всякие запасы, и суды, да в том во всем с ними росписался.

А будет с Тотьмы с посаду и с волостей которые наши доходы 117 (1608/1609) и нынешняго 118 (1609/1610) году до твоего приезду не сполна выбраны, и ты б тем недоборным деньгам у Кузьмы да у подъячаго у Дружины взял роспись за их руками, да по той росписи велел те деньги на тех людях, которые тех денег не платили, правити нещадно через весь день, а на ночь их метати в тюрьму до тех мест, докуды на них те деньги доправят сполна.

Да те деньги и что возьмешь каких денег же у Кузьмы да у подъячаго у Дружины прислал к нам к Москве в Тотемскую четъ с целовальники.

Да и про то б еси к нам отписать, что каких дел, и денег, и всяких запасов на Романове Оксентью отдашь, и в котором месяце и числе на Тотьму приедешь, и что у Кузьмы и у подъячаго у Дружины денег, и каких дел

и кабацких запасов возьмешь, чтоб нам про то было ведомо.

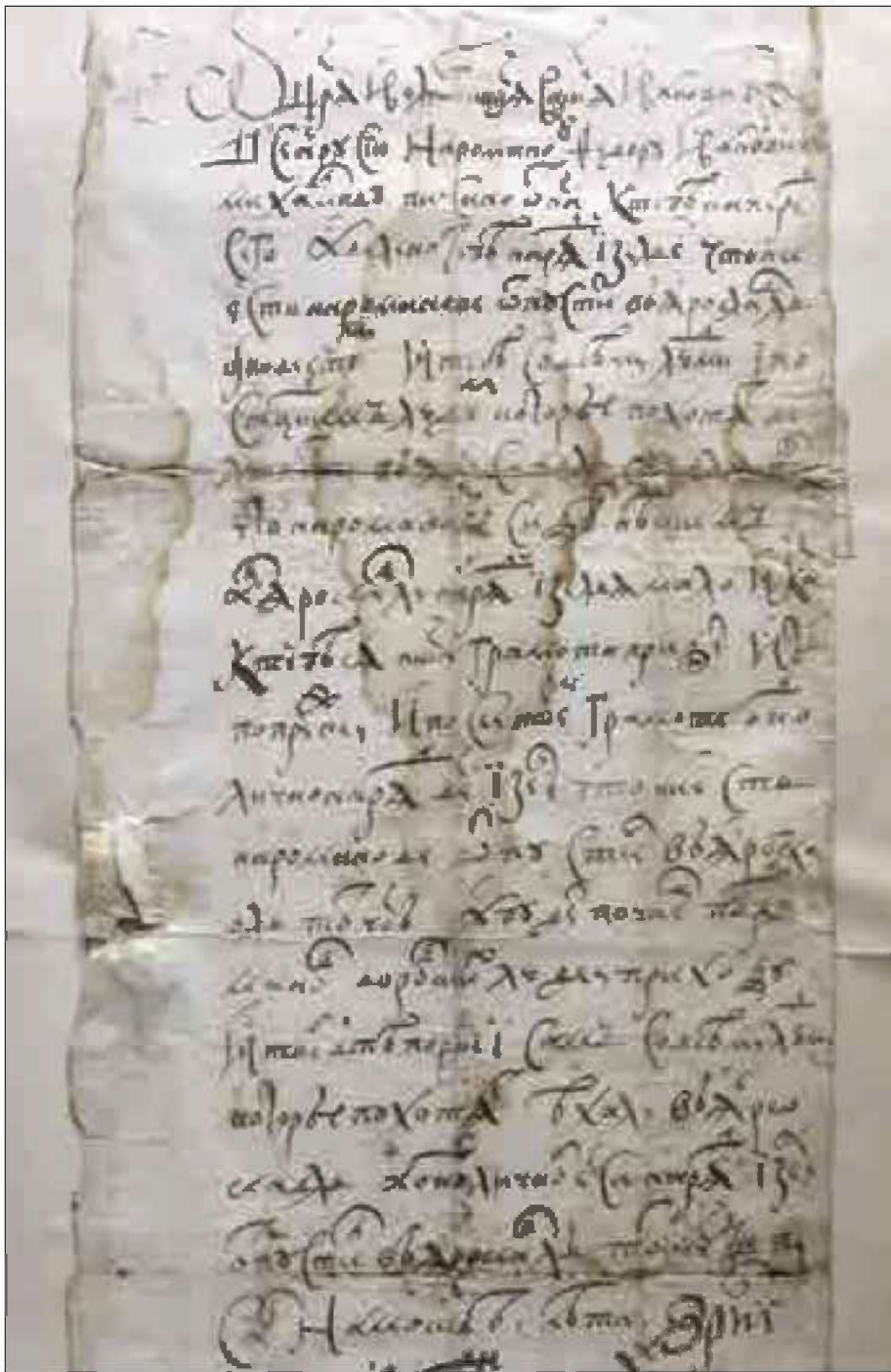
Писан на Москве лета 7118 (1610) Мая в 7 день».

На обороте записи:

- 1) скрепа: «Дьяк Филип Голенищев».
- 2) адрес: «На Романов воеводе нашему Федору Ивановичу Михайлову».
- 3) помета: «Привез государеву грамоту Архангельскаго города пушкаръ Роман Юрьев мая в 23 день».

Печать черного воска, частично утрачена.

1610 г. мая 7. Грамота царя Василья Ивановича Шуйского в Романов воеводе Федору Ивановичу Михалкову о назначении его воеводой в Тотьму, о сдаче дел новому романовскому воеводе Авксентию Яковлевичу Дашкову и о приеме дел у тотемского воеводы Кузьмы Даниловича Строганова. РНБ. Ф. 546. № 8. Л. 1.

1610 г. мая 11. Грамота царя Василия Шуйского Ф. И. Михалкову об эвакуации Романова. РНБ. Ф. 546 № 9. Л. 1.

«От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии на Романов Федору Ивановичу Михалкову.

Писано от нас к тебе наперед сего, а велено тебе наряд и зелье, что ни есть на Романове, отпустить в Ярославль. А по вестем и тебе со всеми людьми и посадцким людем, которые похотят, велено итти в Ярославль же, для того что на Романове сидеть не с ким, а в Ярославле наряду и зелья мало.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б по прежней и по сей нашей грамоте однолично наряд весь и зелье, что ни есть на Романове, отпустил в Ярославль тотчас. А будет почашь под Романов воровских людей приходу, и ты б в те поры и сам со всеми людьми, которые похотят, ехал в Ярославль, а однолично б еси наряд и зелье отпустил в Ярославль тотчас.

Писан на Москве лета 7118-го мая в 11 день».

На обороте адрес: «[Н]а Романов воеводе нашему Федору Ивановичу Михалкову».

Печать черного воска, частично утрачена.

Вероятно, Федор Иванович Михалков принимал участие в многочисленных военных походах и сражениях этого времени на стороне московского правительства, но большинство государственных архивов погибло в разоренном Кремле. Тем ценнее представляются подлинные грамоты, данные ему от имени царя Василия Шуйского в последний год правления и сохранившиеся в родовом архиве Михалковых.

Грамоты эти, касающиеся воеводства Ф. И. Михалкова в городах Романове и в Тотьме, были опубликованы гр. С. Д. Шереметевым в 1914 г., но без заголовков и комментариев¹², поэтому мы дадим их текст, сверенный с оригиналами, и постараемся показать их значение для изучения рода Михалковых во времена Смуты.

¹² Из Архива Михалковых. № III/1 и III/2. Оригиналы: РНБ. Ф. 546. № 8 и № 9. Каллиграфическая скоропись начала XVII в. Были сложены конвертами и запечатаны небольшими печатями (дыяческими?).

В исторической литературе считается, что институт городских воевод, которые не только возглавляли гарнизоны крепостей, но и осуществляли постоянную административную и судебную власть в относящемся к городу уезде, был введен именно при царе Василии Шуйском. Это была естественная мера в стране, регионы которой то подчинялись кремлевской власти, то присягали «тушинскому вору». Ценность этих грамот определяется и тем, что данных о первых постоянных городских воеводах сохранилось немного, и о воеводстве **Ф. И. Михалкова** в Романове и Тотьме сведений нет¹³. Вероятно, **Ф. И. Михалков** мог быть назначен в Романов после его освобождения от «тушинцев» и поляков вологодским ополчением в марте 1609 г. Понятно, что данное назначение было определено авторитетом **Михалкова**. Его перевод в Тотьму — один из крупнейших центров солеварения на Русском Севере, дававший значительные доходы государственной казне, возможно, был связан с проблемами, возникшими там при сборе налогов. В грамоте названы жесткие меры, к которым должен был прибегнуть новый воевода: *«На тех людях, которые тех денег не платили, правити нещадно через весь день, а на ночь их метати в тюрьму до тех мест, докуды на них те деньги доправят сполна»*. Но в Тотьме был нужен опытный администратор и проводник царской политики не только в финансовой сфере. **Дворянин московский Федор Михалков** должен был сменить Кузьму Строганова — одного из представителей могущественного клана северных промышленников. Строгановы делали ставку на Василия Шуйского, давали ему большие суммы на выплату жалованья служилым людям, сами организовывали воинские отряды для отправки в центр. Но в октябре 1608 г. «тотмичи *«от нужды со слезами крест целовали»*, ...присягнул вору и Козьма Данилович Строганов, но в то же время, собирая ночью детей боярских и лучших людей, читал им увещательные грамоты царя московского. Кого было слушать, на что решиться? Двадцать два города присягнули царю тушинскому, по большей части неволею, застигнутые врасплох, увлекаемые примером, в тяжком недоумении, на чьей стороне правда?»¹⁴.

Еще больший исторический интерес представляет вторая грамота **Ф. И. Михалкову**, написанная следом за первой. В ней романовскому воеводе предписано уже не ехать в Тотьму, а срочно двигаться в Ярославль, взяв с собою всю артиллерию, служилых людей и добровольцев из посадских. Очевидно, в Москву пришли вести об опасности потери контроля над регионом Верхней Волги, достигнутого с таким трудом благодаря решительным действиям выдающегося воеводы князя Михаила Скопина-Шуйского.

Но буквально за две недели до написания первой царской грамоты **Ф. И. Михалкову** — 23 апреля 1610 г. — произошла трагедия. На пиру у князя Воротынского Скопин-Шуйский почувствовал себя плохо и умер. Для Василия Шуйского гибель князя Скопина была потерей надежды удержать трон. Назначенный вместо

¹³ Их нет в известном справочнике А. П. Барсукова «Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: По напечатанным правительственным актам» (СПб., 1902. С. 520).

¹⁴ Соловьев С. М. *Истории России с древнейших времен*. М., 1989. Кн. IV. Т. 8. С. 502.

князя Скопина главой русской армии брат царя князь Дмитрий Шуйский не только не сумел снять осаду Смоленска, осажденного польским королем Сигизмундом III, но и проиграл 24 июня 1610 г. решительное сражение — Клушинскую битву.

Дни царя Василия были сочтены — с юга на Москву двинулись отряды Лжедмитрия II, после бегства из Тушина засевшего в Калуге. Поляки же предлагали московским боярам поддержку в борьбе с Самозванцем — при условии свержения Шуйского и присяги королевичу Владиславу. Царь Василий Иванович IV был свергнут с престола 17 июля 1610 г., насильно пострижен и, в итоге, оказался в польском плену. Начался новый этап Смуты — Семибоярщина.

Вторая грамота романовскому воеводе **Ф. И. Михалкову** содержит уникальные сведения об опасности «*под Романов воровских людей приходу*». О положении в этом регионе других документальных источников нет. Мы не знаем, провел ли воевода **Ф. И. Михалков** переброску вооружения и служилых людей из Романова в Ярославль, или положение стабилизировалось?

События Смутного времени в Ярославле и Романове отразились в двух местных памятниках древнерусской литературы: «Сказании о иконе Богоматери Казанской Ярославской» и «Повести о построении Нового девича монастыря в Ярославле»¹⁵. В них рассказывается, как Казанская икона (ранний список иконы 1579 г.) явилась в 1588 г. жителю Романова, и двадцать лет была одной из главных местных святынь (романовские землевладельцы **Михалковы** почитали ее, как и все местные жители). При отходе «литовцев и поляков» из разоренного Романова в 1609 г. икону захватил «литовец православного исповедания» (очевидно, белорус) поручик Якоб Любский и передал ее в Ярославле (по другим сведениям, продал) торговому человеку Василию Лыткину. В честь чудотворной иконы в Ярославле был основан женский Казанский монастырь. Но после освобождения Романова от тушинцев жители города, очевидно, поддержанные воеводой **Ф. И. Михалковым**, обратились к царю Василию Шуйскому с просьбой вернуть из Ярославля их местнотчимую икону. И получили положительное решение. Но окончательное решение было за патриархом Гермогеном, который принял решение оставить данный чудотворный список Казанской иконы в Ярославле, а для Романова — сделать новый. Это может служить косвенным подтверждением того, что никаких особых военных действий в это время не происходило. И «*воровских людей приходу*», об опасности которого писалось в царской грамоте **Ф. И. Михалкову**, не случилось. В тех же источниках указано, что список Романовско-Ярославской иконы был передан в Романов в марте 1611 г. Он сохранялся в Преображенско-Казанском храме до его закрытия в 1930-е гг. Образ Казанской Божией Матери стал, как известно, символом борьбы русского народа со Смутой и освобождения Москвы в конце 1612 г.

Князь М. В. Скопин-Шуйский.
Парсуна 1620–1630-х гг.

¹⁵ См.: Буланин Д. М. Сказание о иконе Богоматери Казанской Ярославской // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 4. Т-Я. Дополнения.* СПб., 2004. С. 570–572; Солодкин Я. Г. «Сказание вкратце о Новом девичьем монастыре, что в Ярославле в остроге Большой Осыпи, и о чудотворном образе Пречистой Богородицы» // *Там же.* Ч. 3. СПб., 1998. С. 385.

Клеймо Казанской иконы, изображающее сцену ее передачи Якобом Любским ярославскому торговому человеку Василию Лыткину

Об особом же почитании **Федором Ивановичем Михалковым** икон, в том числе новопрославленных святых, говорит особый документ конца XVI — начала XVII в., сохранившийся в его родовом архиве, — опись икон и книг, в Никольской церкви в одной из его вотчин (см. *ил. на с. 115*).

Каково же участие **Федора Ивановича Михалкова** в последних событиях Смуты? Отправился ли он на воеводство в **Тотьму**, когда угроза Ярославлю миновала? Сведения об этом воеводстве отмечены в Родословной Михалковых 1898 г., но они, очевидно, опираются на приведенную выше первую грамоту 7 мая 1610 г. Возможно, Ф.И. Михалков и был какое-то время в Тотьме (по крайней мере до свержения царя Василия Шуйского 17 июля того же 1610 г.), но затем он поддержал призывы патриарха Гермогена конца 1610 — начала 1611 г. по борьбе с польской интервенцией и присоединился к Первому земскому ополчению П.П. Ляпунова, И.М. Заруцкого и князя Д.Т. Трубецкого, вероятно, с каким-то контингентом местных служилых людей (тотемских или романовских, если он, не признав власть королевича Владислава, сразу уехал из Тотьмы в свои романовские вотчины).

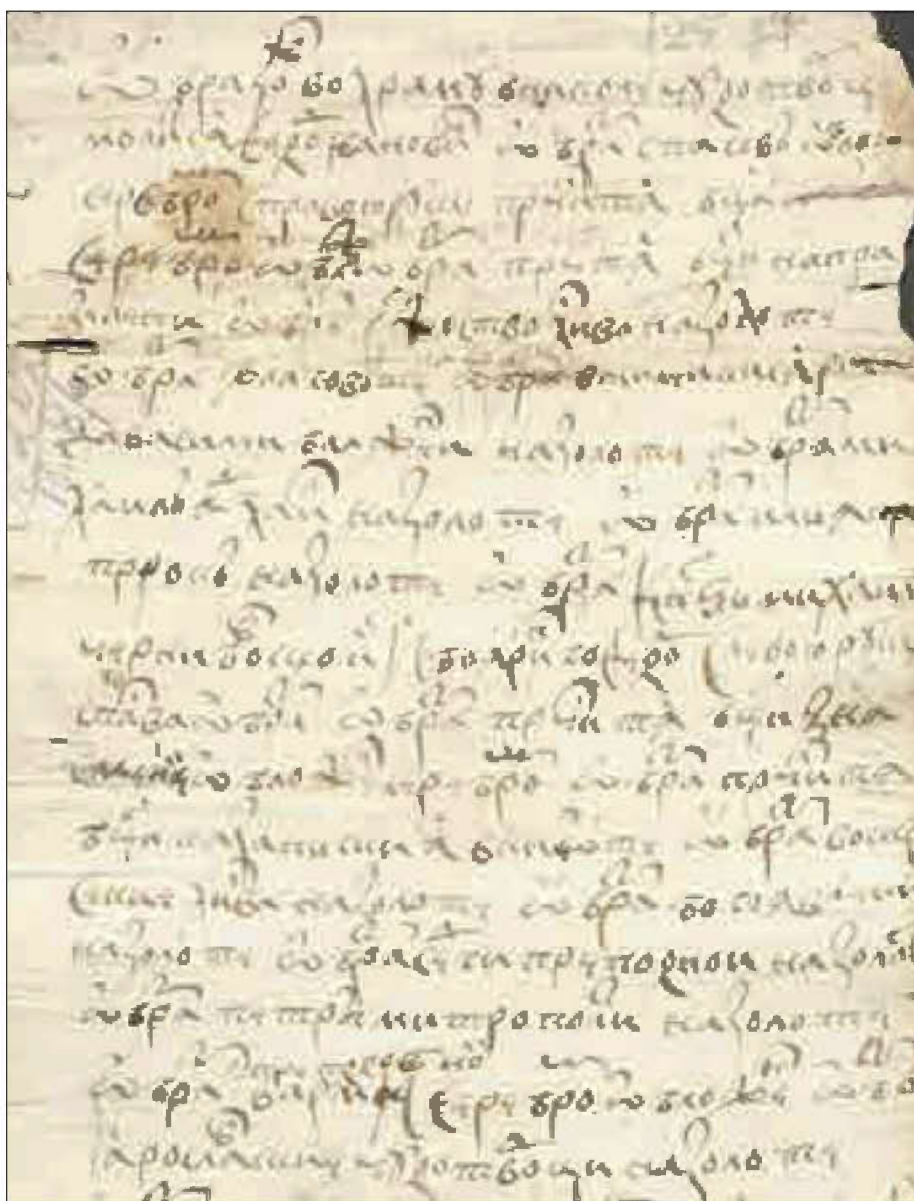
В связи с этим необходимо прокомментировать документ, согласно которому **Федор Иванович Михалков** повышается в чине и значится не «выборным дворянином по Романову», а «**дворянином московским**». Это Боярский список 1611 г.¹⁶ Ранее считалось, что этот документ учета службы всех членов Государева двора был составлен при Семибоярщине. Но недавно историк Д.В. Лисейцев доказал, что начавший составлять список в 1611 г. дьяк Разрядного приказа Марк Поздеев покинул Кремль и примкнул к Первому ополчению. Поэтому его пометы в списке отражают службу дворян именно в составе этого ополчения¹⁷.

16 Боярский список 1611 года. Издан Н.П. Лихачевым // Сборник Археологического института. Т. VI. СПб., 1895; Боярский список 7119 года // ЧОИДР. 1909. Кн. 3.

17 Лисейцев Д.В. К вопросу о времени и обстоятельствах составления Боярского списка 1611 г. // Исследования по источниковедению истории России. М., 2012. С. 50–58.

Преображенский-Казанский храм Романова (ныне г. Тулаев), где с 1611 г. находился список Казанской иконы.

«Образов во храму в Николе Чудотворца — молится Федор Иванович».

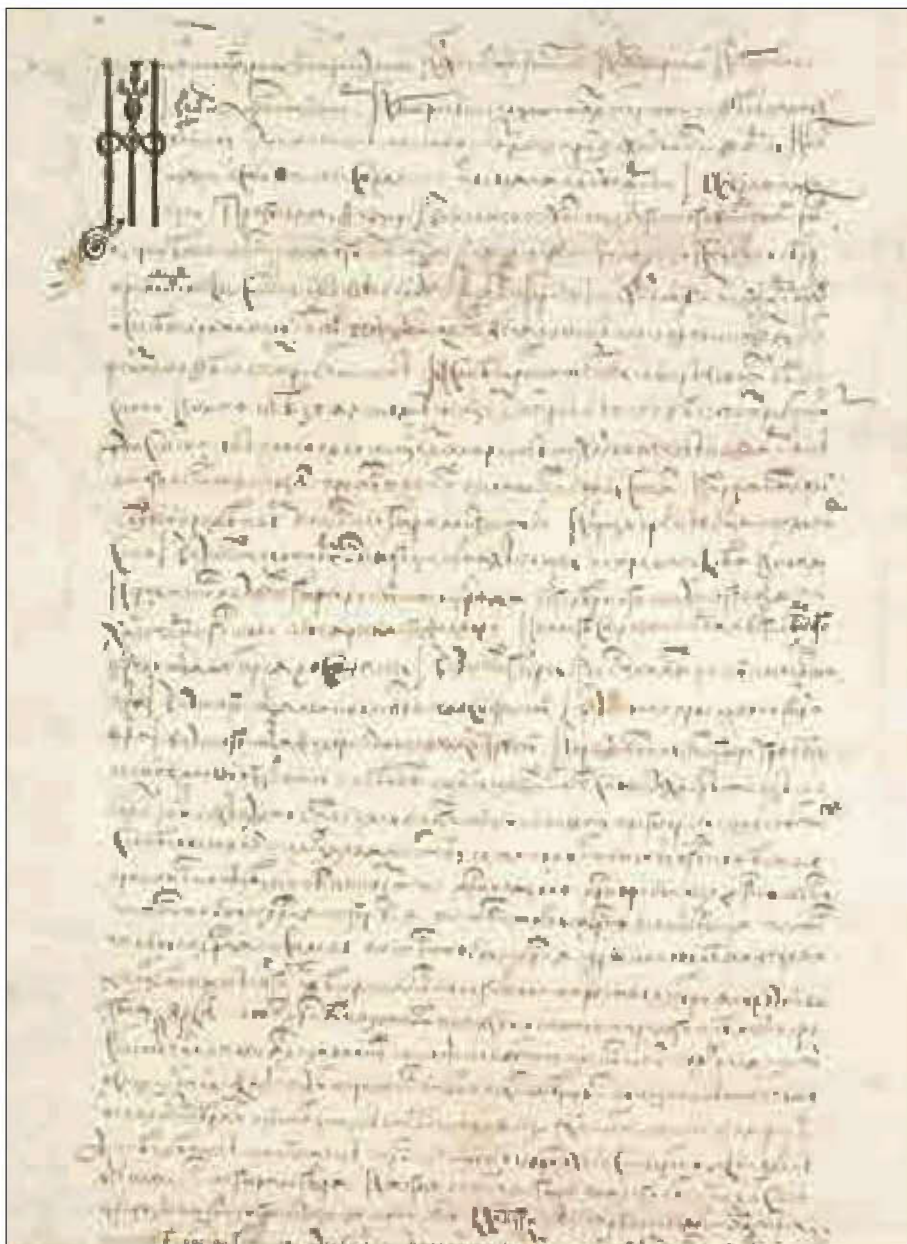
Среди икон указаны: «Образ Василия Кесарийского да Василия Блаженного на золоте» (5-я и 6-я строки). Василий Кесарийский (Василий Великий, IV в.) — «ангел» старшего сына Ф. И. Михалкова — Василия Большого (убит в 1613 г.), а Василий Блаженный (канонизирован в 1588 г.), возможно, небесный покровитель Василия Меньшого (умер в 1637 г.). На строках 9 и 10 — «Образ князя Михаила Черниговского и боярина его Федора» (канонизированы в 1547 г). Хотя «ангел» самого Федора Ивановича, указанный в «Памяти родительской» (см. с. 34) — Федор Секиот (VI в.), он также мог почитать и боярина Федора. На двух последних строках данного изображения указан «Образ Пречистая Богородиы Казанския в киоте», очевидно, связанный с описанными выше событиями. Данному документу, особенно редкому в плане перечня книг и рукописей, должно быть посвящено специальное исследование.

РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 125.

1613 г. февраля 13. Жалованная грамота Земского собора и воевод боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и стольника князя Дмитрия Михайловича Пожарского Федору Ивановичу Михалкову о переводе в вотчину части его поместья в Романовском уезде в Ильинском стане в деревнях Вязово, Рябинино, Кочерки с пустошами. ГИМ ОПИ. Ф. 388 (Жалованные грамоты), № 7. Большой формат.

«Московсково государства митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь Освященный собор, и боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской, и окольные, и стольники, и стряпчие, и дворяне, и дети боярские, и все ратные люди приговорили **Федору Ивановичю Михалкову** за его многие службы и за кровь, и за радение.

Что он, помня Бога и свою душу и православную христианскую истинную веру, пришед под Москву с стольником и воеводою со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и со всеми ратными людьми, положили совет з боярином и воеводою со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким и со всеми ратными людьми, которые стояли под Москвою и на Москве з боярином со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, да с стольником и воеводою со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, многую службу показал, против полских и литовских людей стоял. И их, ратных людей, службою и радением Московское государство очистилось. И образа Пречистые Богородицы Владимирские, и великих чудотворцов многоцелебных мощей Петра и Алексея и Ионы, и сродников великих государей Российсково царствия благовернаго и великого князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора, и новаго страстотерпца благовернаго царевича князя Дмитрея достигли. И великих государей боговенчаных Российсково царствия — царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, и великого и праведного государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси, и прежних великих государей гроботелесные дома очистили. И пленных и насилующих

от бед своим храбрством свободили. И полских и литовских людей многих побили и поимали.

Приговорили ему дать в вотчину с помесново ево окладу, з девятысот чети, со ста по дватцати чети, его же поместье в Рамановском уезде в ыльинском стану — деревню Вязово, деревню Ребинино, деревню Кочерки, пустошь, что была деревня Киселево, пустошь что была деревня Куряново со всеми угоды. А по отдельным книгам отделу романовсково губново старосты Дмитрея Коротяева лета 7121-го (1612/1613) в тех деревнях и пустошах написано пашни и перелогу и лесом поросло сто чети в поле, а в дву потому же. И не дошло ево в вотчину, против ево окладу —

девятысот чети — осмидесят чети. А как пошлют на Раманов болших писцов и мерщиков, и они за ним ту вотчину опишут и измеряют, и учинят за ним в той вотчине по указу. А та вотчина ему, Федору, и его жене, и его детем, и внучатом, и правнучатом, и в род их бесповоротно. А как даст Бог на Московское государство государя, и тогда велит ему государь на ту его вотчину дать свою царскую жаловальную грамоту за красною печатью.

К сей грамоте боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской велели земскую печать приложити. Лета [7121-го] февраля в 12 день».

В дальнейшем глава романовцев — вместе с Мининым и Пожарским.

Это подтверждает неизвестный ранее историкам источник — жалованная вотчинная грамота 13 февраля 1613 г. **Ф. И. Михалкову** «за его многие службы и за кровь, и за радение», что он «против полских и литовских людей стоял» и «Московское государство очистилось».

До настоящего времени была известна только одна подобная грамота, написанная в период избирательного Земского собора 1613 г., причем в позднейших копиях. Но и на основании той грамоты историки данного периода А. П. Павлов и В. Н. Козляков сделали выводы, что подобные грамоты могут «дать ключ к пониманию событий, происходивших на избирательном земском соборе после 7 февраля», когда на заседании собора произошел перерыв и чаша весов склонилась в пользу Михаила Романова¹⁸. Грамота о заслугах Ф. И. Михалкова подлинная, ее значение для науки велико.

Последнее назначение на воеводство **Федора Ивановича Михалкова** относится уже к первым месяцам царствования Михаила Романова. Оно зафиксировано в новых Разрядных книгах, опубликованных в XIX в. под названием «Дворцовые разряды». В них же описаны наречение Михаила Федоровича на царство, коронация 11 июля 1613 г., новые пожалования в думные и дворцовые чины, местнические споры (в том числе представителей рода Михалковых и их родичей Салтыковых).

Но тревожные вести приходили уже из центральных и северных городов:

«Того же (1614 г.) писали к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси из Замосковных и с Поморских городов воеводы и приказные люди, что собрався пришли в Замосковные и в Поморские города ж воры казаки многие люди. И в уездах, и по селам, и по деревням, и по дорогам, дворян, и детей боярских, и гостей торговых и уездных всяких людей, где кого наедут, побивают до смерти... животы (имущество. — Б.М.) грабят, и села и деревни жгут, и собрався к городом приступают, и к Москве ни с чем, не пропускают, и тесноту Московскому государству чинят великую... и ратным людям на жалованья денежных доходов и хлебных запасов собирать не дадут»¹⁹.

По этому поводу с 1 сентября 1614 г. в Москве заседал Земский собор, который принял решение об усилении борьбы с рецидивами Смуты. Сразу после известия об этом Соборе в «Дворцовых разрядах» идет список воевод по всем русским городам на протяжении 1613 и 1614 гг. Под заголовком «В Казанских пригородах» после Свяжска указаны рядом: «**В Чебоксарех воевода Федор Иванов сын Михалков. В Кузмодемьянском воевода Алай Иванов сын Михалков**»²⁰. Назначение в эти города, важные в военно-политическом отношении (местное на-

«Земская печать» — печать «Совета всея земли» — Временного правительства России в 1612–1613 гг.

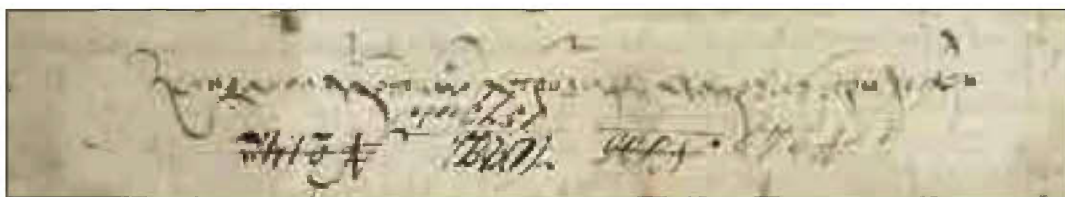
¹⁸ А. П. Павлов. Совет всея земли и избирательная борьба в 1613 г. // Смутное время и земские ополчения в начале XVII в. Рязань, 2011. С. 77–78; В. Н. Козляков. Избрание на царство Михаила Романова // Герои смуты. М., 2012. С. 273–301.

¹⁹ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. 1612–1628. Стб. 142–144. В своем архиве Ф. И. Михалков сохранил комплекс документов о воеводстве в Чебоксарах (ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 1). Они требуют научного издания.

²⁰ Там же. Стб. 152.

«К сей даной яз Артемон,
а прозвище Алай руку
приложил».

Подпись А. И. Михалкова на грамоте
1573/1574 г. (РГАДА. Ф. 281. Оп. 14.
№ 8980. Л. 1а об.).

селение — татары, чувашаи и марийцы — в 1612 г. влились в Ополчение Минина и Пожарского), было последним воеводством **Ф. И. Михалкова** и единственным известным воеводством **А. И. Михалкова**. **Федор Иванович Михалков** был на воеводстве в Чебоксарах недолго. Он скончался до 12 июня 1615 г. — вклад по его душе в Троице-Сергиев монастырь сделали **жена Ефросинья Васильевна** и дети **Федор и Василий Меньшой Михалковы**²¹. За этот вклад он был записан в монастырский Синодик уже с монашеским именем Филарет и погребен в монастыре. Где и когда происходило его пострижение, неизвестно. Вероятно, кончина немолодого воеводы могла быть ускорена переживаниями в связи с гибелью его старшего сына **Василия Большого Федоровича Михалкова** 14 декабря 1613 г. — «*убиенного от казаков*». Записано об этом в двух документах середины XVII в., сохранившихся в родовом архиве, — в «Памяти родительской, как которого не стало и в которое время помянуть его» (в ней указана точная дата), и — в родословии, выполненном в виде таблицы²². **Василий Большой Михалков** погиб в стычках с отрядами «воровских» казаков, выступления которых начались вскоре после воцарения Михаила Романова. Хотя казаки были одной из основных сил, его поддержавших, и правительство, нуждаясь в службе казаков, платило им немалое жалованье и даже верстало поместьями казачьих атаманов (то есть делало их дворянами), грабежи и разбои на Верхней Волге (где также были поместья Михалковых) продолжались. Как писал «Новый летописец» в главе «О воровстве и о побое на казаков и на черкас»: «*Бывшу же войне великой на Романове, на Угличе, в Пошехонье и в Бежецком Верху, в Кашине, на Белеозере, и в Новгородском уезде, и в Каргополе, и на Вологде, и на Ваге, и в ыных городах*» (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 2. С. 135).

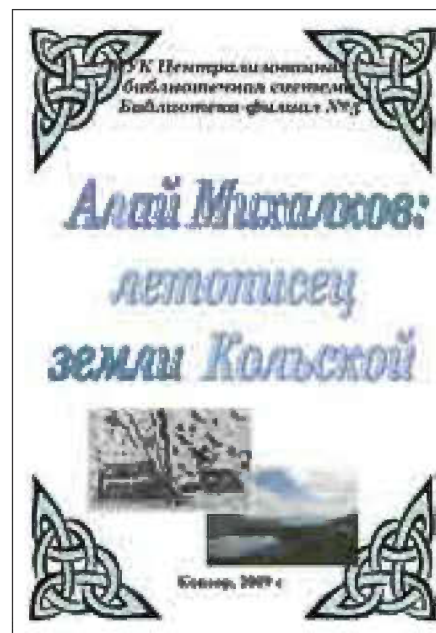
История службы двоюродного брата **Федора Ивановича Михалкова — Артамона-Алая Ивановича Михалкова**, назначенного в 1613/1614 г. вместе с ним воеводой в соседний город Козмодемьянск, несет в себе некоторые загадки. Он не был записан, как его двоюродные братья **Федор и Яков Ивановичи** в 1588–1589 гг., в «выборные дворяне» ни по Романову, ни по какому-то другому городу. Но в это время ему было больше 20 лет, ведь вкладную грамоту по отцу в 1573/1574 г. (см. с. 36, 94) он подписал собственноручно весьма умелой скорописью. Ясно, что у него были способности к обучению, но никак не могло быть меньше 10 лет, то есть Артамон-Алай родился в середине 1560-е гг.

21 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 64.

22 Из Архива Михалковых. № II/1. См. выше с. 23, 24, 36, 94.

Кольский острог в конце XVI века.
Гравюры из книги Г. Де-Веера
(Де-Фера) «Плавания Баренца».
Амстердам, 1598 г.

Издание библиотеки г. Ковдор Мурманской области, основанное на научной литературе.

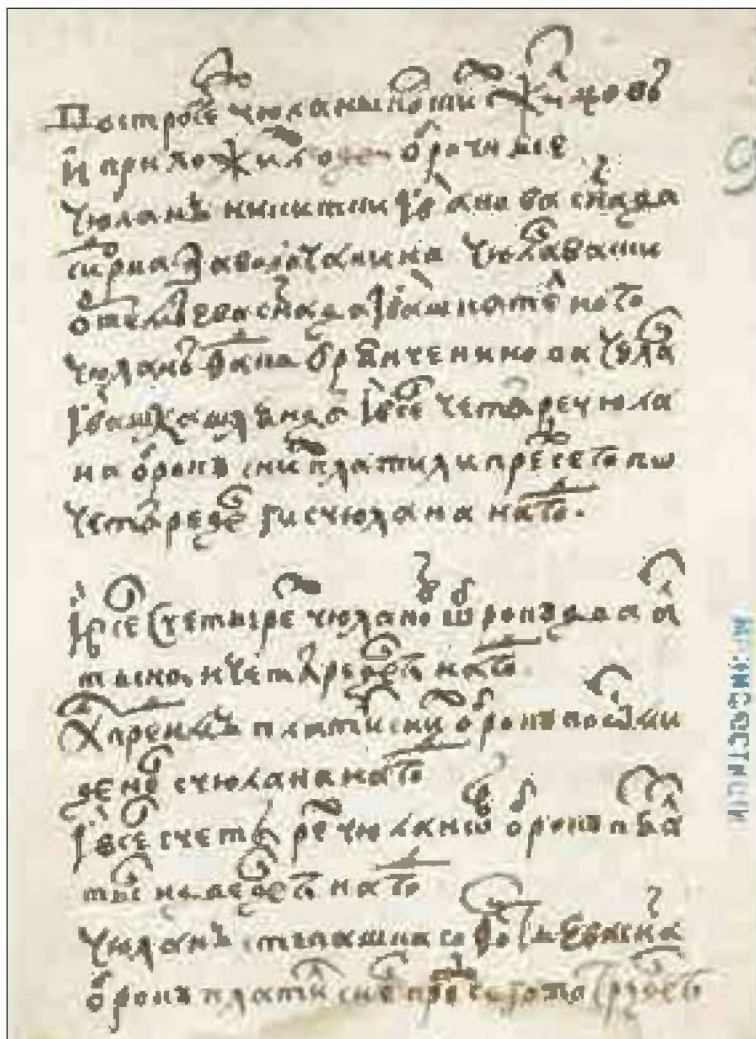
Его первая известная служба пришла на самые тяжелые 1608–1611 гг. Смутного времени. **А. И. Михалкову** было поручено вместе с подьячим Василием Мартемьяновым провести описание Кольского уезда и Мурманского берега — большой территории на крайнем Северо-Западе России, игравшей с конца XVI в. значительную роль в стране, после Ливонской войны отрезанной от выхода к морю на Балтике.

Составленная **Артамоном-Алаем Михалковым** в результате многолетней работы писцовая книга сохранилась в подлиннике в РГАДА, и является важнейшим историческим и географическим источником для изучения этого региона, а имя **Артамона-Алая Михалкова** прочно вошло в историю Русского Севера²³.

Описание, а также «дозор» (проверку прежнего описания) Кольского уезда, проведенные Алаем Михалковым и подьячим Василием Мартемьяновым, отличаются большой тщательностью и подробностью. Требовалось определить возможности получения дополнительных доходов с этого промыслового края, в которых так нуждалось правительство Василия Шуйского. Вероятно, у Алая Михалкова имелся определенный опыт в подобной службе — об этом говорит и почерк его рукоприкладства к подлиннику книги (вполне профессиональная скоропись). Однако его наименование в некоторых справочниках «думным дьяком» — явное преувеличение.

А. И. Михалков попытался вдвое увеличить подати в Кольском уезде, но встретил активное сопротивление местного населения. Оно отправило коллективную челобитную в Москву с обвинением Михалкова в требовании с них «посулов» (взятки)

²³ Харузин Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. Приложение 2. Выписка из Писцовой книги 1608–1611 гг.; Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854). Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960; Писцовые книги Русского Севера. М., 2001. Вып. 1. С. 287–290; Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. См. также интернет-ресурсы: «Кольская энциклопедия»; «Кольский Север. Энциклопедический лексикон».

Дозорная книга Кольского уезда
1608–1611 гг. По нижнему полю завери-
тельная подпись: «Алай / [Иванов сын] /
Михалков / [руку приложил]».
(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 208. Л. 9, 11).
На л. 9 продолжение описания Коль-
ского острога: «В остроге же чюланы
(лавки. — Б.М.) кольских жильцов, и при-
хожих людей оброчные... И всего с че-
тырех чюланов оброку два алтына две
деньги (это сведения прежнего описа-
ния. — Б.М.). А впредь им платить с них
оброку по осми денег с чюлана на год.
И всего с четырех чюланов оброку пять
алтын и две деньги на год».

за уменьшение оклада. Было ли это на самом деле или то была попытка смещения воеводы, не нашедшего общего языка с земством, неизвестно. Но в этом случае московские власти пошли на компромисс, оклад был уменьшен, но и **Михалков** не был отстранен и завершил описание. Большой исторический и этнографический интерес представляет сделанное им описание морских промыслов — становищ:

«А промышляют в них коляне и иногородцы... На море выезжают в карбасах удить треску и палтус... идет в государеву казну десятая большая рыба и с трескина сала десятина... а емлют... верные целовальники, которых выбирают в Коле посадские люди. И ту десятую рыбу... меняют с немецкими торговыми людьми, которые приезжают в Кольский острог на кораблях, на товар, на сукна и на ефимки (серебрянные талеры. — Б.М.) и на медь, и на олово, на питие...»

Особо описаны рыбные и охотничьи промыслы лопарей:

«В реке Ковде в заборе и на тонях ловят красную рыбу семгу волостью и по лешим озерам... Ловят белую рыбу, да на лесу зверь бьют и птиц ловят, и по пожням и на росчистях сено косят... А лук (промысловое угодьё. — Б.М.) купят промеж себя за 4 рубля».

В 1613/1614 г. **Артамон-Алай Иванович Михалков** был назначен воеводой в Козьмодемьянск (где в 1580-е гг. был воеводой и где скончался его двоюродный дядя **Андрей Тимофеевич Михалков**) и управлял этим центром «горных черемисов» лишь до 1615 г. (во Дворцовых разрядах этого года его уже нет). Но и за это короткое воеводство он отмечен в биографических справочниках Республики Марий Эл²⁴.

В 1617 г. **Алай Михалков** уже в Москве, при дворе, но не царском, а — царицы, великой старицы Марфы Ивановны. Причем имеет особый чин, введенный именно в это время, — «царицын сын боярский» (хотя в то же время был записан дворянином московским). Очевидно, его влиятельные родичи решили приблизить немолодого воеводу, служившего много лет на дальних окраинах государства.

Получил московский чин и его сын **Богдан Артамонович Михалков**, но о его придворной службе известно только с 1620-х гг. Два других сына Артамона-Алая Михалкова погибли при жизни отца. Как указано в табличной родословной Михалковых середины XVII в., **Федор Артамонович Михалков** «убит в Цареве Займище на государеве службе (далее сделана вставка:) *етман Желтовской*»²⁵. Речь — о действиях в июне 1610 г. русской армии, шедшей деблокировать осажденный поляками Смоленск. Шеститысячный отряд под командованием воевод князя Федора Елецкого и Григория Валуева был атакован превосходящими силами гетмана Жолкевского и 10 дней оборонял укрепленный лагерь («острожек») у селения Царево Займище. Очевидно, в этом отряде и служил сын **Артамона Михалкова Федор**.

Про **Ивана Артамоновича Михалкова** в той же родословной сказано: «Убит у Живоначальной Троицы в Сергиеве монастыре, как стоял под Москвою Сопеженок». Здесь имеется в виду попытка осадить Троице-Сергиев монастырь войсками королевича Владислава в его походе на Москву 1618 г. **Иван Михалков** мог погибнуть во время вылазки защитников монастыря. Выражение «как стоял под Москвою Сопеженок» использует ставшее нарицательным имя гетмана Яна Сапеги, игравшего значительную роль в русской Смуте, для общего наименования польских военных — «сапеженками»²⁶.

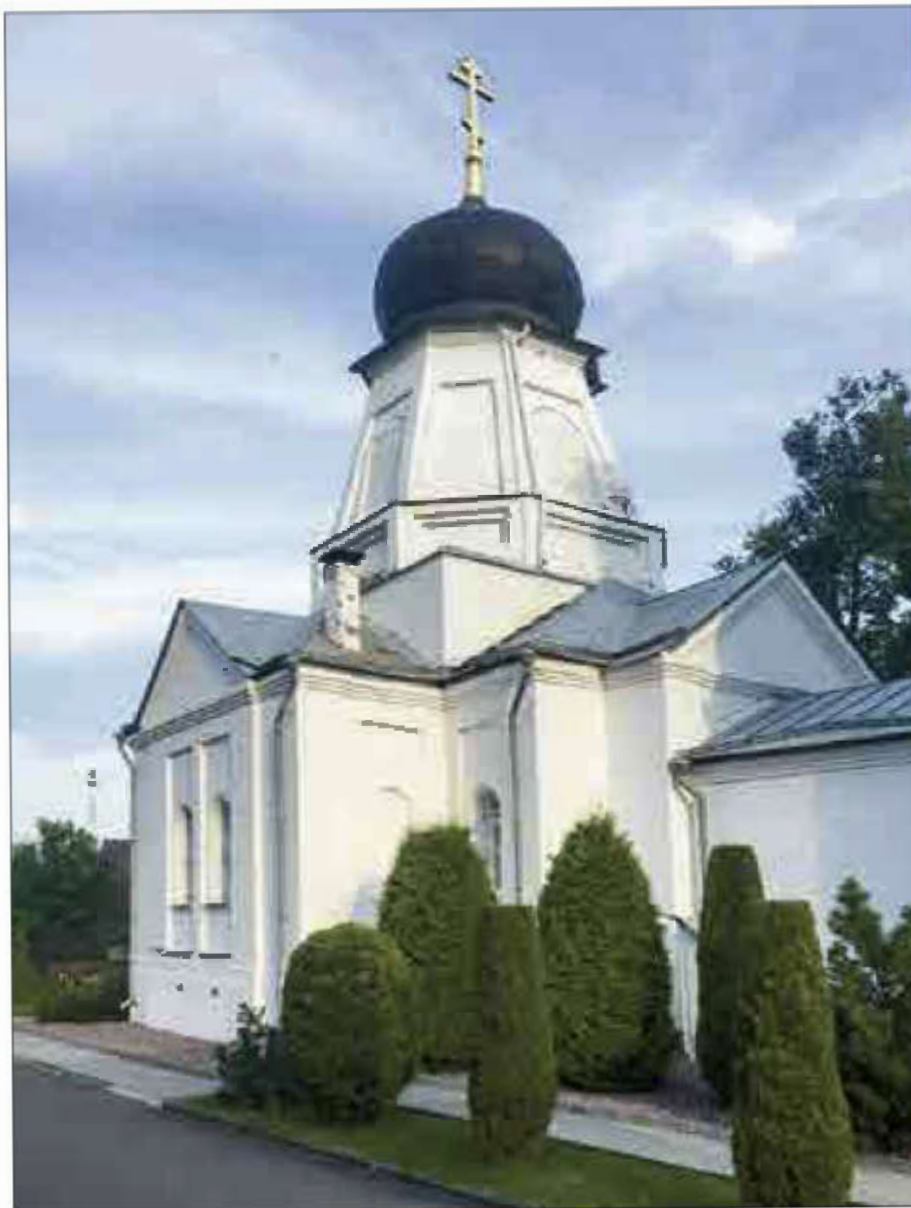
Королевичу Владиславу не удалось взять ни Москву, ни Троице-Сергиев монастырь. Это привело к подписанию Деулинского перемирия (в селе Деулино близ Троицы) 1 декабря 1618 г. Оно и поставило окончательную точку на польской составляющей Смутного времени.

Вскоре после 1624 г. (см. с. 171) **Артамон-Алай Иванович Михалков** покинул службу и постригся в родовом для Михалковых **Троице-Сергиеве монастыре** (где в 1615 г. был погребен его двоюродный брат **Федор Иванович Михалков**). В 1626 г. его вклады сделаны уже от его **иноческого имени Арсений**. Причем второй вклад (те же 50 рублей) он делает «по сыне своем Панкра-

²⁴ «Михалков Алай Иванович. Государственный деятель, думный дьяк (!), воевода Козьмодемьянска (1614 год) (далее краткие и не совсем точные сведения по истории рода Михалковых. — Б.М.) // Марийская история в лицах — <http://marihistory.ru/2011-01-01-20-08-55/1963-2011-12-17-04-12-47.html>.

²⁵ См.: Морозов Б.Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. С. 95–96. Также см. главу «Память рода».

²⁶ См.: Акты Московского государства: Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. № 521. Упоминание «сапеженков» в донесении о военных действиях под Смоленском в 1633 г.

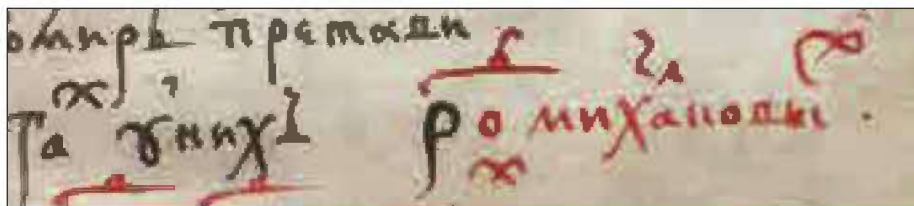
Деулино.
Фото Б.Н. Морозова, 2020 г.

тии и по иноке Ульяне». В родословной 1898 г. **Панкратий Артамонович Михалков** показан старшим сыном Артамона-Алая Ивановича, но без ссылок на источники и без сведений о его службе. Ни в каких иных родословных Михалковых этого имени нет. В Синодике Троице-Сергиева монастыря 1575 г., дополнявшемся в последующее время, в статье «Род Михалковых» память о нем записана как «Панкрата уб(и)е(наго)»²⁷. Приведенное здесь же имя инокини Ульяны, с указанием на ее смерть в 1609 г., может относиться к его жене, постригшейся после смерти мужа. Следовательно, он мог погибнуть в Смутное время в молодом возрасте, и сведения о его записи в службу не сохранились.

Артамон-Алай Иванович Михалков (инок Арсений) скончался 8 ноября 1633 г. Эта дата высечена на его белокаменном надгробии и скопирована в первой половине XVII в.:

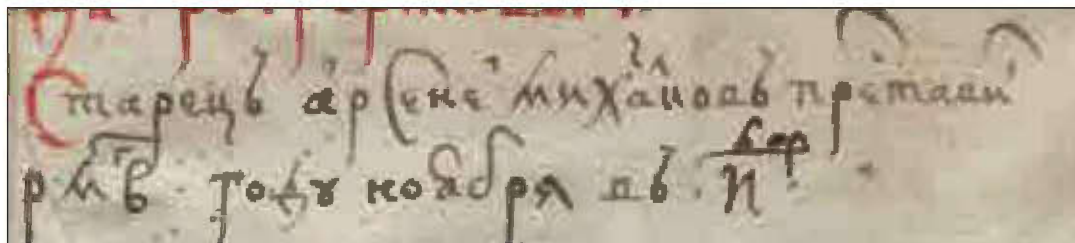
«Книга Живональных Троицы Сергиева монастыря, а в ней писано о кончине благоверных князей и бояр по чину царскаго синклита, котрые по вере своей в Дому Живоначальных Трои-

²⁷ РГБ. Ф. 304.III. № 25. Л. 283.
Возможно, это второе имя одного из погибших сыновей Алая Ивановича — Федора или Ивана.

Род Михалковых.

Старец Арсений Михалков преставился 142-го (1633) году ноября в 8 день.

Запись в книге погребенных в Троице-Сергиевом монастыре. (РГБ. Ф. 301.1. № 820. Л. 32).

цы и Пречистыя Богородицы и преподобных чудотворец Сергия и Никона вклады вотчинами и деньгами давали, и телеса по их приказу были погребены в Дому у Живоначальныя Троицы. А которого роду и в котором году кто имянем преставися, и в коем месте погребен, и то в книге сей написано».

Захоронения **Михалковых** располагалось «от дороги, что ходят из Святых ворот к Архимандричьим кельям, направе». Причем учтены только два надгробия — Алая Ивановича и его невестки, жены сына **Богдана Артамоновича Михалкова — Агриппины** (ум. 2 июля 1631 г.), возможно, из рода Редриковых (вокруг расположены их захоронения 1599–1627 гг.)²⁸.

²⁸ Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное ... А.В. Горским в 1841 году с приложениями архимандрита Леонида. Часть 2 // ЧОИДР. 1879. Кн. 2. С. 79, 98. В последние годы археологи проводят большую работу по раскопкам и изучению Троицкого некрополя, но надгробия Михалковых пока не найдены.

Избрание Михаила Романова на царство

Династический кризис и Смута в стране завершились 21 февраля 1613 г. избранием на престол Российского царства **Михаила Федоровича Романова**. Оно было закреплено в Утвержденной грамоте Земского собора 1613 г. Текст этой грамоты — не только основной юридический документ, утвердивший права на престол первого представителя царской династии Романовых, но и памятник древнерусской литературы и публицистики. Он определил официальную концепцию Смуты и ее преодоления и оказал влияние на все последующие официальные и близкие к ним исторические сочинения. «Сказание Авраамия Палицына», «Хронограф» редакции 1617 г., «Новый летописец» и др. подчеркивали легитимность династии Романовых (на основе ее родства с последним представителем московских Рюриковичей царем Федором Ивановичем), а также — единодушие соборного решения представителей всех сословий и регионов Российского государства.

В грамоте, посланной 25 февраля 1613 г. в Архангельск, воеводе Н. М. Пушкину, читаем:

«И всех чинов во всех людех от мала и до велика вместилося в сердца, чтоб обрати на Владимирское и на Московское государство и на все великие государства Российского царствия от племяни праведнаго и великаго государя царя и великого князя блаженные памяти Федора Ивановича всеа Русии, чтоб было вечно и постоянно так же, как при нем, великом государе, Росийское царство передо всеми государствами, аки солнце, сияло и на все стороны ширилось, и многие окрестные государи учинились у него, государя, в подданстве и в послушании, и некоторая кровь и война при нем, государе, не бывала — все есмы при его царской державе жили в тишине и во благоденьствии...»

И по милости всемогущаго в Троицы славимаго Бога его, государя Михаила Федоровича, на Владимирское и на Московское и на все государства Росийского царствия обрали государем царем и великим князем всеа Русии и крест ему, государю, целовали, что нам ему, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, служити, и прямити, и с недруги его государьскими и с неприятели государства Московского,

Книга о избрании на превысочайший престол Великого Российского Царства Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всея Великия России самодержца

Рукопись 1673 г.
Музеи Московского Кремля.

с польскими, и с литовскими, и с немецкими людми, и с татарами, и с ызменники, которые ему, государю, служить не учнут, битися до смерти»²⁹.

Между тем историки еще в начале XX в. обратили внимание на свидетельства политической борьбы, предшествующей избранию царя Михаила Федоровича³⁰. Исследователь Б. Н. Флоря подчеркивал, что кандидатура шведского принца Карла-Филиппа была весьма значимой накануне Земского собора. Эта фигура была важна и для руководителей Второго ополчения — в первую очередь, для князя Дмитрия Пожарского³¹.

С другой стороны, донесения иностранцев сообщают о выступлении казаков, выдвигавших своих кандидатов. Сначала — боярина, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. После того как бояре отвергли кандидатуру Трубецкого, казаки выдвинули сына патриарха Филарета — Михаила Федоровича Романова.

²⁹ Зимин А. А. Акты Земского собора 1612–1613 гг. // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1957. Вып. 19. С. 190–191.

³⁰ См.: Морозов Б. Н. Избрание на царство Михаила Романова и преодоление Смуты // Союз дворян. Union de la Noblesse Russe. Bulletin intérieur de l'Union de la Noblesse Russe. Париж, 2013. № 3 (126). С. 3–13.

³¹ Флоря Б. Н. Избрание царя Михаила // Родина. 2013. № 2. С. 2–7.

«Книга об избрании на царство
Михаила Романова». 1673 г.

Патриаршая палата Московского
Кремля. Келарь Троице-Сергиева мо-
настыря Авраамий Палицын зачиты-
вает высшему духовенству и членам
Боярской думы решение Земского со-
бора об избрании на царство Михаила
Романова.

Новые возможности для анализа предвыборной борьбы в Москве в начале 1613 г. дала находка и публикация в 1985 г. уникального исторического источника «Повести о Земском соборе 1613 г.»³². Повесть показывает напряженную обстановку в Москве после ее освобождения Ополчением Минина и Пожарского. В столице сложилось своеобразное двоевластие: формально власть принадлежала образованному Ополчением «Совету всея земли», который начал готовить созыв Земского собора. Но по своей численности казаки, организованные в большой Казачий круг, во многом превосходили военную силу Ополчения, поскольку многие ополченцы — провинциальные служилые люди — поспешили разъехаться в свои разоренные Смутой поместья.

В Повести названо число первоначальных претендентов на престол. На царский трон претендовали четыре представителя Семибоярщины: князя Ф. И. Мстиславский и И. М. Воротынский, бояре И. Н. Романов и Ф. И. Шереметев. А также — четыре представителя Ополчения: его руководители — князя Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский, служившие в нем знатные князя И. Б. Черкасский и П. И. Пронский³³.

Современные историки отмечают, что объявление перерыва в заседании Земского собора для возвращения уехавших из Москвы знатнейших бояр (князя Ф. И. Мстиславского «с товарищи»), было ошибкой руководителей Ополчения. Именно в это время окончательно сформировалась партия сторонников избрания царем молодого Михаила Романова. Вероятно, ее возглавил боярин и воевода Федор Иванович Шереметев, а идеологом стал влиятельный келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. В «романовский кружок» входили представители как знатных фа-

32 Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96. Текст повести по новому, третьему ее списку издан в сборнике: Хроники Смутного времени: Конрад Буссов, Арсений Елассонский, Элиас Геркман, «Новый летописец» / Сост. А. Либман, Б. Морозов, С. Шокарев. М., 1998. С. 457–459.

33 Лисейцев Д. Демократия Смутного времени // Родина. 2013. № 2. С. 16.

милией (князя Троекуровы, Лобановы-Ростовские, Хилковы, Репнины, члены боярских родов Головины и Салтыковы), так и верхушка московского дворянства (Татищевы, Плещеевы, Дмитриевы, Бегичевы и др.). Их имена значатся в списке пожалованных землями, составленном сразу после возвращения в Москву уже избранного царем Михаила Федоровича.

Вместе с тем, утверждение Грамоты 1613 г. о единодушном избрании царем Михаила Федоровича Романова представителями всего Российского государства не кажется преувеличением. Избрание нового царя, которое в умах широких масс должно было символизировать окончание Смуты, могло произойти, как указывает Грамота, только «всенародным молением». Ни о каких подтасовках и искажениях итогов не могла идти речь. Действительно, на членов Земского собора могло оказываться давление со стороны вооруженных толп казачества, ворвавшихся в Кремль. Но среди этих толп, очевидно, было много и основного московского населения — посадских людей, также поддержавших избрание царем Михаила Романова. Да и само «вольное» казачество в начале XVII в. во многом состояло из городского и сельского населения Центра России.

Очевидно, одну из главных ролей в воцарении династии Романовых сыграла провинция — многочисленные регионы, пригласившие своих делегатов на один из самых представительных Земских соборов Древней Руси (на нем присутствовало не менее 700 человек). Регионы были кровно заинтересованы в прекращении Смуты и гражданской войны. Но окончательно освободить русский народ от иллюзорной веры «в законного царя Дмитрия» могло только избрание легитимного монарха. И провинция поверила в законность избрания династии Романовых...

Как известно, 16-летний юноша Михаил Романов, переживший с матерью, старицей Марфой Ивановной, кремлевскую осаду в 1611–1612 гг. (где они находились на положении заложников), сразу после ее снятия в ноябре 1612 г. покинул Москву и не принимал участия в избирательном Земском соборе. Никакой «Романовской партии», упомянутой выше, тогда не существовало. Мало того, не было и влиятельных родственников, кто бы мог поддержать семью, оставшуюся без главы, — отец Михаила, будущий патриарх Филарет (Федор Никитич Романов), находился в польском плену, два его дяди (Александр и Михаил) умерли в годуновской ссылке. Еще один дядя Михаила — боярин Иван Никитич Романов сам претендовал на русский престол, поскольку был таким же двоюродным братом царя Федора Ивановича, как и Филарет. Согласно Повести о Земском соборе 1613 г., дядя выступил против избрания племянника, сказав, что Михаил «млад еще и не в полне разуме»³⁴. Был назван в числе первоначальных кандидатов на престол и сын тетки Михаила Федоровича — Марфы Никитичны Романовой (ум. 1610) — кабардинский князь Иван Борисович Черкасский.

Поддержали молодого Михаила Романова и его мать не самые близкие родственники, но, очевидно, давно находившиеся в близких и доверительных отношениях с ними — дочь и внуки воеводы **Андрея Тимофеевича Михалкова**. Мы уже высказали предположение, что дочь **А. Т. Михалкова Екатерина Андреевна** — вдова окольного М. М. Салтыкова, постриженная под именем **Евниея**, но продолжавшая жить в Кремле (в Вознесенском монастыре?), могла особенно сблизиться со своей троюродной (через Шестовых) сестрой инокиней **Марфой Романовой**, когда та вернулась из годуновской ссылки. Вероятно, они вместе пережили и осады Москвы в 1611 и 1612 гг. А потом вместе с детьми — стольниками **Борисом и Михаилом Салтыковыми** и Михаилом Романовым поехали в свои родовые соседние костромские вотчины: Салтыковы — в село Молвитино, а Романовы — в село Домнино. Впоследствии они, все вместе, и нашли убежище в Костромском Ипатьевском монастыре. В литературе существует версия, что братья Салтыковы вернулись в Москву, приняли участие в избирательном земском соборе, поддержали кандидатуру Михаила Романова и осуществляли связь между Москвой и Романовыми в Домнино³⁵.

Возможно, в селе Молвитино еще до приезда московских родственников и совладельцев вотчины мог оказаться и племянник старицы Евниеи (Екатерины Андреевны Михалковой-Салтыковой) **Константин Иванович Михалков**. Вероятно, в начале Смуты, в период царствования Бориса Годунова (1598–1605) он был еще совсем молодым человеком — родился незадолго до смерти деда **А. Т. Михалкова**, по завещанию которого 1587 г. он и получил (вместе с теткой Екатериной Андреевной) в наследство село Молвитино, где жил вместе с матерью. В селе в честь **Константина Михалкова** была даже построена церковь Святого Константина Великого.

О жизни и службе **Константина Михалкова** в период Смутного времени имеется только одно известие — лета 1609 г., когда на Верхней Волге шла ожесточенная борьба между сторонниками Лжедмитрия II и царя Василия Шуйского. Его имя названо в челобитной донских казаков и астраханских, царицынских и казанских стрельцов, служивших Самозванцу. Вместе с **Константином Михалковым** казаки и стрельцы были посланы с деньгами и с порохowymi запасами к Костроме, но остались в Ярославле, который вскоре восстал против «тушинского вора». **Михалков** же «с бочкой пороха» был отправлен казаками в Кострому³⁶. В Костроме он мог наблюдать раскол: весной 1609 г. население города выгнало из него «тушинцев», но часть их засела в Ипатьевском монастыре и поддерживалась его архимандритом. Но летом «тушинцы» открыли ворота войскам московского воеводы Жеребцова, очищавшего волжские города (см. выше с. 112, 113).

Классик нашей историографии С. М. Соловьев ярко описал эти годы, когда целые города присягали неведомому «царю Дмит-

34 Хроники Смутного времени. С. 458.

35 Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 1. С. 72.

Подпись Б. М. Салтыкова есть на Утвержденной грамоте 1613 г.

36 Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2: 1598–1613. № 289. С. 281.

рию»: «...неволею, застигнутые врасплох, увлекаемые примером, в тяжком недоумении, на чьей стороне правда?» Возможно, **Константин Михалков** был захвачен тушинскими казаками в своей костромской вотчине и насильно «мобилизован» (как и ростовский митрополит Филарет Романов, отвезенный в Тушино для провозглашения патриархом), или же был вынужден подчиниться тушинским казакам, спасая свою семью и челядь.

Далее **Константин Михалков** мог на какое-то время присоединиться к правительственным войскам, но после свержения Шуйского и при Семибоярщине, как и многие дворяне, вернулся в свою вотчину. Опять же, мы не знаем точно, участвовал ли он в патриотических ополчениях — более вероятно, во Втором, когда войско Минина и Пожарского двигалось из Нижнего Новгорода в Ярославль через Кострому.

Так или иначе, **Константин Михалков** мог сопровождать избранного на царство Михаила Федоровича Романова в Ипатьевский монастырь, поскольку дорога из села Домнино, вотчины Шестовых-Романовых, в Кострому шла через село **Молвитино**.

Как же был связан с этими передвижениями царской семьи и его свиты (**семьи Салтыковых-Михалковых**) подвиг старосты села Домнино Ивана Сусанина?

Превратившись после создания оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» в национальную легенду, история Ивана Сусанина обросла массой мифологических подробностей³⁷. Главный источник их — жалованная грамота царя Михаила Федоровича 30 ноября 1619 г. зятю Сусанина Богдану Собинину — в ответ на его челобитную о мученической смерти тестя. В грамоте указано:

«Как мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Фёдорович всеа Руси, в прошлом 121 (1612/1613) году были на Костроме, и в те годы приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина литовские люди изымали, и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Фёдорович всеа Руси были, и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти».

Здесь ничего не сказано о том, что Иван Сусанин пытался отвести от села Домнина отряд «польских и литовских» людей и дать весть Михаилу Романову и его матери старице Марфе, а сказано, что его спрашивали, где царь, а он не сказал, и за это его замучили и убили.

Подробности подвига Сусанина были изложены только через 122 года — в указе, данном в 1731 г. в Москве от имени императрицы Анны Ивановны о сохранении налоговых льгот праправнуку Ивана Сусанина — Ивану Лукьяновичу Собинину, торговавше-

³⁷ См.: Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997.

Карта села Домнино и окрестностей.
Конец XIX — начало XX в.

му в Первопрестольной. Чтобы подтвердить свои льготы, Иван Лукьянович рассказал московским чиновникам семейные предания о своем предке:

«Великий государь правитель и великий князь Михайло Федорович, с матерью своей с великой государыней инокиней Марфой Ивановной и были в Костромском уезде в дворцовом селе Домнине, в которую бытность их величеств в селе Домнине приходили польские и литовские люди, поймав многих языков, пытали и расспрашивали про него великого государя, которые языки произнесли им, что великий государь имеется в оном селе Домнине. И в то время прадед его, оного села Домнина крестьянин Иван Сусанин, взят оными польскими людьми, а деда их Богдана Сабинина собственного зятя оный Сусанин отпустил в село Домнино с вестью к великому государю, чтоб великий государь шел на Кострому в Ипацкий монастырь для того что Польские и Литовские люди до села Домнина доходят. Да он польских и литовских людей, оный прадед его, от села Домнина отвел и про него, великого государя, не произнес. И за то они в селе Исуповке прадеда его пытали разными немерными пытками и, посадя на столб, изрубили в мелкие части, за которое мучение и смерть оного прадеда даны деду его Богдану Сабинину государевы жалованные грамоты»³⁸.

Часть историков признают достоверность этого рассказа, исходя, в первую очередь, из того, что названо конкретное место гибели Ивана Сусанина — село Исупово (см. карту — в правом углу). Однако важное свидетельство этого текста исследователи специально не комментировали: польско-литовский отряд вовсе не погиб в болоте (которое действительно существует между Домниным и Исуповым) и мог выдвинуться к большой Костромской дороге — но не по труднопроходимому пути в Домнино, а в сторону села **Михалковых-Салтыковых — Молвитино**. Где же могли находиться в это время его владельцы — старица **Евникея (Салтыкова-Михалкова)** с сыновьями и племянником?

³⁸ См. публикацию всех официальных документов XVII–XIX вв. (в том числе ранее неизвестных), касающихся льгот потомкам Ивана Сусанина: Морозов Б. Н. Грамоты русских царей и императоров потомкам Ивана Сусанина. Текст и комментарии. 1619–1837 гг. Москва, 2007. Данная работа была выполнена по заданию губернатора Костромской области В. А. Шершунова, много сделавшего для возрождения исторических традиций края. К сожалению, книга не была опубликована в связи с трагической гибелью Виктора Андреевича 20 сентября 2007 г. в автокатастрофе на 76-м км Ярославского шоссе. Здесь, недалеко от Троице-Сергиевой лавры, поставлена часовня св. мученику Виктору (II в.).

Существуют несколько версий о времени и обстоятельствах прихода вооруженного отряда поляков в район костромской вотчины старицы Марфы и ее сына. Одна из них опирается на свидетельство Жития Макария Унженского, в котором говорится, что Михаил Романов с матерью ездили на богомолье в его монастырь в конце 1612 г., еще до избрания на царство. Дорога в Макариев Унженский монастырь из Москвы шла через Кострому, мимо тех же сел Молвитино и Домнино. Можно предположить, что их в это тревожное время сопровождали **старица Евникея с детьми Борисом и Михаилом Салтыковыми и Константин Михалков**. А если согласиться с мнением костромского историка Н. А. Зонтикова, что Иван Сусанин не сказал «польским и литовским людям» (возможно, просто разбойникам) о месте пребывания своего господина Михаила Романова с матерью, то понятно, что Сусанин своим ответом спас не только своих господ, но и их соседей Салтыковых-Михалковых. Но и по традиционной версии подвига Ивана Сусанина, что он был совершен в конце зимы 1613 г., когда польско-литовский отряд целенаправленно искал нового царя (или вероятного кандидата на престол), то он с матерью мог поспешно ехать из Домнино в Кострому только через Молвитино, и жившие там родичи не могли не сопровождать его в опасной ситуации.

В вышедшей недавно книге петербургского историка А. П. Павлова приведен интереснейший документ, опубликованный столетие назад, но никогда не использовавшийся при описании событий в этом регионе. В мае 1613 г. «иноземец черкашенин» («черкасами» называли и украинских казаков, которые тогда пришли в Россию вместе с поляками) Дмитрий Михалевский бил челом новому царю Михаилу Федоровичу:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой черкашенин Митька Тимофеев сын Михалевский.

В нынешнем, государь, 121-м году на Масленой неделе³⁹, как, государь, взяли черкасы Костентина Михалкова и хотели его убить, и я, холоп твой, покинув свои животы и статки (имущество), и лошади, и ружье, да Костентина от черкас, от смерти вывел и сам с ни[м] вышел, пешь, и наг, и бос на твою царьскую ми[лость]. Милостивый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко, вели меня поверстать своим царским жалованьем, поместным окладом и денежным, и пожалуй меня, холопа своего, как тебе, государю, Бог известит.

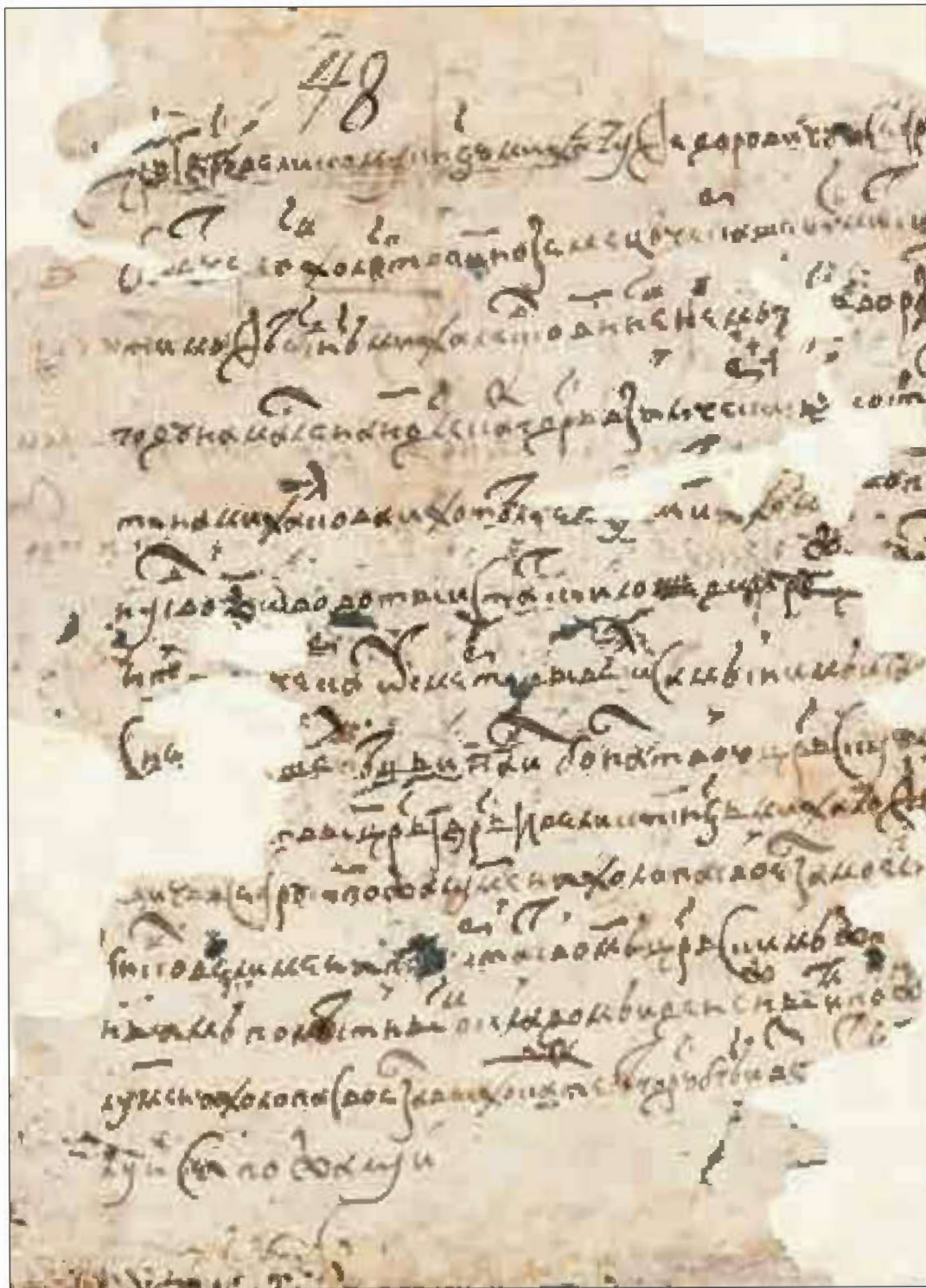
Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Под текстом помета: «Приходил Костянтин» (то есть К. И. Михалков?)

На обороте помета: «Государь пожаловал велел Ефиму Григорьевичю Телепневу да дьяку Ивану Мизинову дать 5 рублей денег да сукно». Ниже схожая помета: «121-го (1613) мая в 6 день

³⁹ В 1613 г. «Масленая неделя» — Прощеное воскресенье — приходилось на 14 февраля.

1613 г. ранее мая 6. Челобитная Д.Т. Михалевского царю Михаилу Федоровичу о пожаловании его поместьем за спасение К.И. Михалкова

Помета на обороте челобитной о пожаловании Д. Т. Михалевскому «5 рублей денег да сукно» была сделана 6 мая 1613 г. Под текстом помета: «Приходил Костянтин», то есть К.И. Михалков. РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. № 2. Л. 48.

Ефиму Телепневу. Государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси пожаловал велел дать 5 рублей денег да сукно. Диак Гаврила Богданов»⁴⁰.

⁴⁰ Опубликовано: Сухотин Л. М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столпцы Печатного приказа). М., 1915. С. 13.

⁴¹ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 118.

А. П. Павлов делает из этого текста логичный вывод: «Вполне возможно, К.И. Михалков был пленен “черкасами” в своей костромской вотчине, селе Молвитино. Не мог ли, в таком случае, этот самый отряд “черкас” действовать и в соседней домнинской вотчине Романовых и пытаться крестьянина Ивана Сусанина о местонахождении его “государя” Михаила Федоровича?»⁴¹

Село Молвитино неожиданно вошло в русскую историю и в историю династии Романовых через 250 лет после трагических событий Смутного времени. В 1866 г. во время первого покушения на царя-освободителя Александра II у ворот Летнего сада рядом со стрелявшим в него Дмитрием Каракозовым оказался петербургский шапочный мастер Осип Комиссаров — толкнув руку Каракозова, он спас императора. Комиссаров числился крестьянином села Молвитино, и впоследствии был награжден потомственным дворянством с фамилией Комиссаров-Костромской. Его стали называть «Второй Сусанин», чем, естественно, привлекли еще большее внимание к первому, а историк М. П. Погодин даже предлагал купить Комиссарову имение и назвать его «Домнино Второе». В Молвитино Осипу Комиссарову-Костромскому поставили памятник, простоявший до 1917 г. Сам же он умер в полном забвении в своей усадьбе в Полтавской губернии в 1892 г.

И, конечно, навсегда вписал костромское село Молвитино в историю русской культуры художник Алексей Кондратьевич Саврасов, в 1870 г. взявший отпуск в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где он состоял профессором живописи, и отправившийся на этюды на Волгу. Живя в Ярославле и Костроме, он объездил многие окрестные места. Созданный им пейзаж

Д. Н. Кардовский. «Выстрел Каракозова». 1929 г. (вариант).

Воскресенская церковь в поселке Сусанино (Молвитино).

Михалковы и их потомки Салтыковы владели Молвитиным до конца XVIII в., затем оно перешло к князьям Мещерским, а затем — к баронам фон Кистерам. Село было большое, торговое, в нем была земская больница и даже гостиница. В 1928 г. Молвитино стало райцентром, и в 1939 г. было переименовано в Сусанино (с 1970 г. поселок городского типа). В отреставрированном храме с 1988 г. располагается музей Ивана Сусанина, но в нем должно возобновиться богослужение.

с Воскресенской церковью села Молвитино под названием «Грачи прилетели» открыл новую страницу в русской пейзажной живописи. Картина имела огромный успех и сразу была приобретена П. М. Третьяковым.

Посольство от Земского избирательного собора во главе с рязанским архиепископом Феодоритом, келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным и боярином Федором Ивановичем Шереметевым⁴² прибыло в Кострому 13 марта 1613 г. На следующий день, 14 марта, торжественная процессия, к которой присоединились костромское духовенство, служилые и торговые люди, с иконами и крестами двинулась к Ипатьевскому монастырю.

Там их ждали Михаил Романов с матерью, старицей Марфой Ивановной. Они встретили крестный ход за монастырской оградой и приложились к крестам и иконам. Как писали в 1856 г. издатели «Книги об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Романова», на выходе из монастыря Михаила Романова и его мать сопровождали «несколько близких людей»⁴³. Мы уверены, что среди этих близких людей были старица Евникея Михалкова-Салтыкова, ее дети Борис и Михаил Салтыковы, а также племянник Константин Михалков.

Как известно, Михаил Романов сразу начал отказываться от вступления на престол. Он и его мать даже не хотели идти в монастырский Троицкий собор для торжественного оглашения и вручения им грамот с решением Земского собора. Причем в Москве были изготовлены две отдельные грамоты, первая для самого избранного царя, вторая, учитывая его молодой возраст, для матери, старицы Марфы — с просьбой о благословении сына на царство.

⁴² Ф. И. Шереметев был женат на княжне Ирине Борисовне Черкасской — дочери сестры патриарха Филарета — Марфы Никитичны Романовой (замужем за князем Б. И. Черкасским) — двоюродной сестре Михаила Романова. Но именно он написал другому претенденту на престол князю В. В. Голицыну известную фразу: «Князь, не чини смуты! Помиримся на Мише Романове: он молод и разумом еще не дошел и нам будет поваден». Подлинность письма оспаривается, но текст соответствует духу эпохи.

⁴³ В 1856 г. вышло первое издание лицевой рукописи об избрании на царство в 1613 г. Михаила Федоровича Романова, созданной в 1672–1673 г. в Посольском приказе и поднесенной царю Алексею Михайловичу. Вероятно, эта рукопись, как и подобные лицевые рукописи, предназначались для обучения царевичей. В 2013 г. Музеи Московского Кремля издали новое факсимильное издание рукописи.

В соборе архиепископ Федорит и боярин Федор Шереметев произнесли речи о том, что, наконец, «человеколюбивый Бог... вложил в сердца единомыслие» избрать царем и великим князем всея России «праведного корене» царя Федора Ивановича «сродника» — Михаила Федоровича Романова. Феодорит и Шереметев обратились с теми же речами «к государыне иноке Марфе Ивановне», прося ее благословить сына на царство. Она же, «всенародного прошения и челобитья выслушав, им отказала. А говорила, что у него, государя Михаила Федоровича, и у нее, государыни, чтоб на таких великих преславных государствах быти государем и в мысли нет. Потому, что он, государь, во младых летех». Затем старица Марфа выступила с пространной речью об опасности занятия ее сыном московского престола, с которого за короткий период свергли нескольких царей. Далее она напомнила о разоренных царских вотчинах:

«Прежних великих государей из давных лет сокровища царьския литовские люди вывезли, а дворцовыя села, и черныя волости, и пригородки, и посады розданы в поместья дворяном, и детем боярским, и всяким служилым людям и запустошены, а всякия служилые люди бедны. И ему, сыну моему, будучи на Московском государстве, всех служилых людей жаловати,

Книга об избрании на царство Михаила Романова 1673 г.

Посольство Земского собора сообщает Михаилу Романову о его избрании на царство. Костромской Ипатьевский монастырь. Рядом с царем мать — старица Марфа.

Слева более ранняя сцена — рядом с Романовым К. Михалков и Салтыковы (?).

«Великая старица Марфа Иоанновна». Парсуна XVIII в.

и свои государевы обиходы полнити, и против недругов, полскаго и литовскаго короля, и иных пограничных государей, стояти чем будет?»

То есть она говорила о том, что ее сын не может вступить на престол разоренного государства, у него нет средств для защиты страны от врагов. Такое заявление можно истолковать и как выдвижение условий согласия на престол. Подготовить это выступление старица Марфа Ивановна не могла без помощи своего ближайшего окружения — все тех же старицы **Евникии (Михалковой-Салтыковой)**, ее детей **Бориса и Михаила Салтыковых** и племянника **Константина Михалкова**. Наиболее весомым аргументом причастности Салтыковых и Михалкова к выступлению старицы Марфы Ивановны Романовой может стать тот факт, что очень скоро они были назначены руководить разоренным дворцовым хозяйством царя Михаила Романова.

Представители посольства, продолжая уговаривать Михаила Романова и Марфу Ивановну, уверяли, что теперь *«Московского государства всяких чинов люди ему государю учнут служить и прямити во всем»*. На опасение Марфы Ивановны, что в случае вступления ее сына на престол находящегося в польском плену его отцу Филарету Никитичу могут *«какое зло учинити»*, ответили, что бояре из Москвы тотчас пошлют в Польшу посланника и предложат королю за Филарета *«на розмену многих польских и литовских людей»*. Но по поводу разорения страны и царских вотчин ничего возразить не смогли...

Уговоры *«с великим плачем и со многим слезным рыданием»* продолжались, как пишет *«Книга об избрании на царство»*, до позднего вечера — никто не уходил из Ипатьевского монастыря *«с третьего часа дни до девятого»*. Последним увещанием было то, что в случае отказа Михаила Федоровича вступить на престол *«Московское государство, и святые Божия церкви, и чудотворныя иконы, и многоцелебныя мощи от неприятеля в конечном разорении и во обругании будут. И того всего взыщет Господь Бог на нем, государе, и на ней, государыне, иноке Марфе Ивановне»*.

Наконец, *«пожаловала государыня инока Марфа Ивановна благословила на Московское и на все государства Российскаго царствия быти государем царем и великим князем всеа России сына своего ... Михаила Федоровича»*. Он же *«прошение принял»* и государем *«за многим молением и челобитьем»* учинился, т.е. принял у архиепископа Феодорита царских посохов, и *«пожаловал велел быти у своей царской руки»* боярам, окольничим, стольникам и всех чинов людям. *«И свое государево милостивое слово... изволил сказать, что поход его государев будет к Москве вскоре»*.

В этом походе и сложился окончательно новый *«правительственный круг»*, куда вошли, прежде всего, **братья Борис и Михаил Салтыковы и Константин Михалков**⁴⁴. С этого момента история родственных фамилий **Романовых, Салтыковых и Михалковых** становится историей России.

⁴⁴ См.: Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых // Платонов С. Ф. Собр. соч. М., 2012. Т. 3. С. 285–286; Скрынников Р. Г. Москва в 1612 г. // На страже Московских рубежей. М., 1986. С. 321. Перепечатано в его же книгах «Минин и Пожарский», «Михаил Романов» и др.

Она отразилась во множестве исторических трудов, а также — в исторической беллетристике. В них подчас дается весьма нелестная оценка деятельности **Салтыковых** как царских фаворитов, которые, как принято сейчас говорить, «злоупотребляли своим служебным положением» (о **Констанине Михалкове** ничего дурного никто не писал). Но роль **старицы Евники** (приятельницы старицы Марфы) в сближении ее сыновей и племянника с будущим царем историками не отмечалась. Хотя она очевидна — молодые, но более опытные друзья-приближенные были необходимы юному царю в стране, где измены и предательства давно стали обычным делом.

Михаил Федорович и великая старица Марфа Ивановна со своим окружением и посольством Земского собора выехали из Костромы 19 марта и 21 марта прибыли в Ярославль. Здесь из-за весенней распутицы они задержались почти на месяц. В Ярославле и началась деятельность первого царя Романова. Еще из Костромы в Москву писались грамоты с требованием прислать **государственную печать** — один из важнейших символов власти. Она была необходима для запечатывания земельных и других грамот служилым людям, а также — монастырям, которые стали обращаться к новому царю с челобитными о подтверждении прав на вотчины и поместья. От удовлетворения их просьб зависела поддержка новой династии. Пока же для запечатывания грамот, которые отправлялись от имени царя Михаила Федоровича из Ярославля, была изготовлена «*воротная печать*» (ее носили на шнурке на шее). Заведовать этой, а затем и другими государственными печатями с самого начала стал **Константин Иванович Михалков**.

Как пишут все справочники, **Константин Михалков** был у царя Михаила Федоровича «*постельничий и наместник Трети Московской*». Должность наместника Трети Московской восходит к XIV в., когда Москва, разделенная на трети, управлялась сразу несколькими князьями, которые назначали на свою территорию наместников для суда и сбора налогов. В XVII в. это было скорее почетное звание. **Константин Михалков**, получив один из важнейших дворцовых чинов — чин *постельничего* — стал ближайшим к царю придворным. Он стал управляющим личным царским обиходом (наряду с кравчим — отвечающим за царский стол, см. с. 161–163), охраной и всем царским бытом и личным хозяйством, которое в 1613 г. только налаживалось. Он же стал и *печатником* — хранителем царской печати. В Дворцовых разрядах Константин Михалков назван «*постельничим и печатником*» в марте 1615 г.⁴⁵ Чин постельничего был официально пожалован **Константину Михалкову** 30 мая 1614 г. (хотя эту должность он исполнял уже начиная с марта 1613 г.).

При этом произошел и местнический случай. Назначенный на особую дворцовую должность «*стряпчего с ключем*» Степан Милюков бил челом царю, «*что ему мениши Костянтина быть*

Царь Михаил Федорович.
Парсуна XVIII в.

⁴⁵ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 174. Печатниками обычно титуловали думных дьяков — хранителей Большой государственной печати, находящейся в Посольском приказе, которую прикладывали к договорам с иностранными государствами. Постельничие хранили так называемую Малую государственную печать, которая имела более частое применение. Дворцовый же чин печатника в официальных Боярских списках XVII в. был неустойчив, он то появлялся, то исчезал, даже у одних и тех же лиц.

Государственная печать России (Малая) времени царя Михаила Федоровича (1613–1645).

Прорисовки обеих сторон и подлинный оттиск.

не вместно». Дело вообще не стали разбирать, а вместо Милюкова царь назначил Ивана Ивановича Чемоданова, заслуженного пермского воеводу, ранее бывшего при дворе «дядькой» — воспитателем убитого царевича Федора Борисовича Годунова⁴⁶.

Ценным историческим источником, освещающим политику правительства первого Романова и роль в ней **К. И. Михалкова**, является «Книга записи грамот», которая велась с 12 августа 1613 г. Уже в ней **К. И. Михалков** фигурирует с чином постельничего и наместника Трети Московской:

*«Августа в 25 день. Запечатана грамота на Вологду по челобитью можаич дворян и детей боярских: велено им розделити на Вологде в селе Никиольском 2824 чети. Пошлин довелось взять тритцать пять рублей и десять алтын 32 деньги. (Помета): Не взято. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу постельничей и трети Московской наместник **Костянитин Иванович Михалков** для их бедности и разорения тех пошлин имати не велел»⁴⁷.*

Следовательно, в это время **К. И. Михалков** уже руководил Печатным приказом и возглавлял Царскую мастерскую палату, где не только изготовляли и хранили парадное царское одеяние и другие предметы обихода (так называемая «Государева шкатура»), но и вели учет личной царской казны.

Но вернемся ко времени формирования правительства в период пребывания нового двора в Ярославле и в других городах по дороге в Москву. Сохранилась переписка царя, его матери, сопровождавших его членов посольства Земского собора с московскими властями⁴⁸. В ней — первые грамоты о назначении воевод, известия о столкновениях с отрядами поляков и литовцев (вспомним истории Ивана Сусанина и «черкаса», спасшего **Константина Михалкова**), указания о подготовке разоренных кремлевских палат для проживания царя. Один взгляд на имена адресатов и корреспондентов этой переписки позволяет сделать важные выводы об изменениях политической ситуации в стране. Если

⁴⁶ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 132; Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 22.

⁴⁷ Запись 25 августа 1613 г. об отмене пошлин с можаичских служилых людей, получивших поместья в Вологодском уезде взамен их земель, захваченных поляками. — Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). Составил академик С. Б. Веселовский / Подгот. Н. К. Ткачева. М., 1994. С. 298. Сохранилась и более ранняя Книга записи печатных пошлин, которую начали вести в Москве «по боярскому приговору» сразу после избрания нового царя с 27 февраля 1613 г., поэтому и не присылали печать в Ярославль.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 135. № 276. Опубликовано: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1045–1216; Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. Приложения. С. 282–465.

в марте 1613 г. переписка ведется с Земским собором, то в уже в середине апреля — в основном, с главой Боярской думы князем Ф. И. Мстиславским.

Михаил Федорович, в итоге, был поддержан высшей знатью (даже недавними кандидатами на престол), видевшей в самодержавной власти гарантию сохранения своих позиций в Боярской думе. Среди знати, естественно, выделялись царские родственники со стороны Романовых — прибывший с посольством в Кострому боярин Ф. И. Шереметев, двоюродный брат Михаила Романова князь Иван Борисович Черкасский (бывший кравчий царя Василия Шуйского и также один из кандидатов на престол, он получил боярский чин).

Но главным условием утверждения новой династии в эти весенние месяцы 1613 г. была все же поддержка армии — служилых людей, казаков и стрельцов, остро нуждавшихся в государевом жалованье. Дело дошло до того, что казаки, сначала приезжавшие в Кострому и Ярославль приветствовать нового царя и получить жалованье, затем поехали назад к Москве, стали добывать «корма» путем грабежей на дорогах и создали реальную опасность дальнейшего продвижения царя и его окружения.

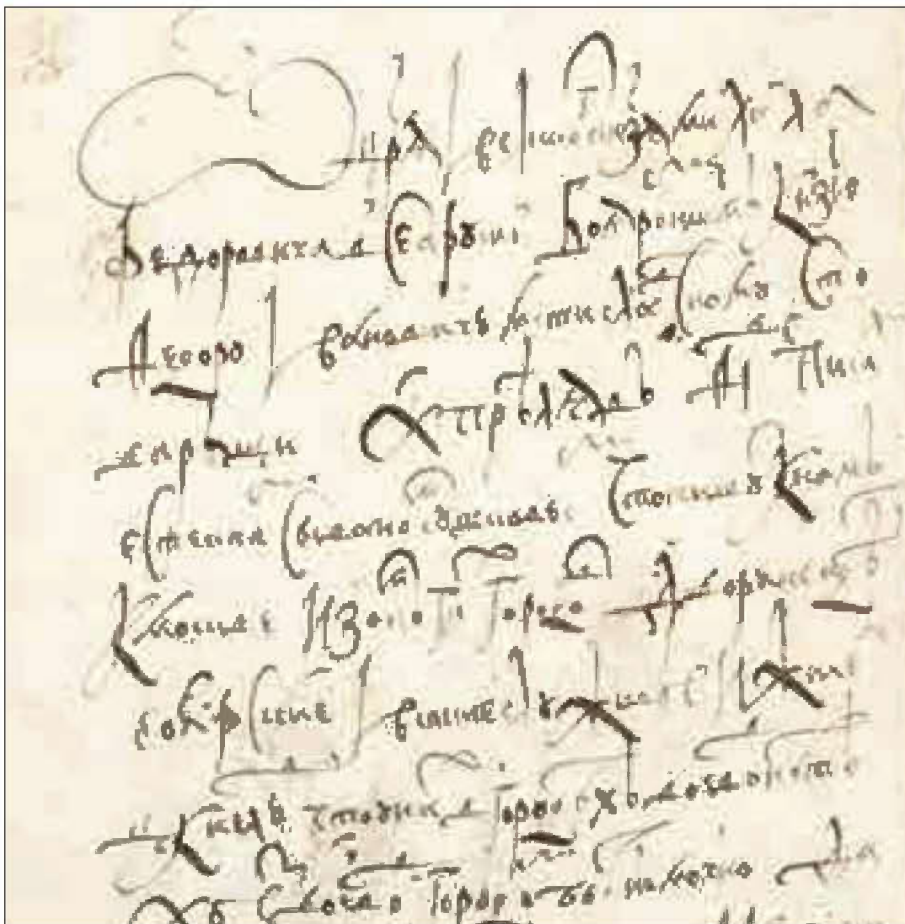
Единственным способом решить эту проблему было скорейшее налаживание царского хозяйства, организация сбора средств с многочисленных дворцовых вотчин. Этим и занималось ближайшее окружение царя — **Михалковы-Салтыковы**. Сведения об этой работе находятся во многих грамотах и донесениях, получаемых из Москвы и других городов. В царской же грамоте от 20 апреля 1613 г. читаем об учреждении Приказа Большого дворца:

*«И как к вам ся наша грамота приедет, а в которых будет городов воевод нет, а без воевод быть немочно, и вы б в те города воевод по своему приказу отпускали, чтоб за тем нашему делу какая поруха не учинилась. А о казачьих кормах, в которые наши дворцовые села и в черные волости, и в монастырские вотчины для казачьих кормов сборщики посланы и на которвые станицы, и кто куды послан, или приказным людем в которых городех сколько казачьих кормов и на сколько человек и на которые станицы велено собрать, и где тот запас велено вестъ или с которых с наших дворцовых сел и с черных волостей, и с монастырских вотчин казатцких коромов иматъ не велено. И то все велели мы выписать в Дворце **Борису Михайловичу Салтыкову** да дьяком **Ивану Болотникову** да **Богдану Тимофееву**»⁴⁹.*

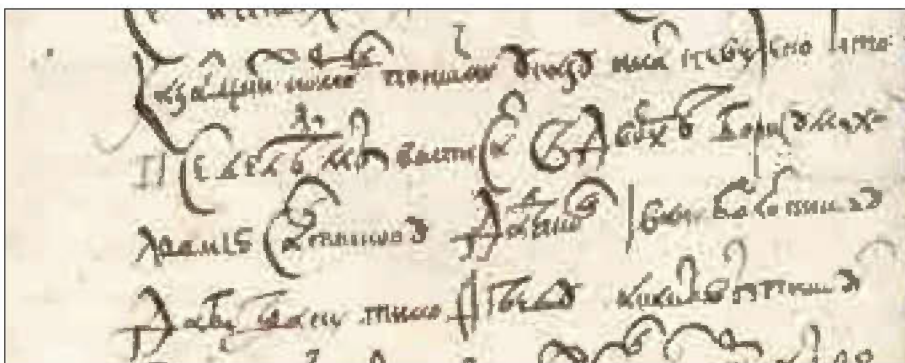
Очевидно, приказ Большого дворца начал активно действовать еще в Ярославле, когда туда прибыл из Москвы опытный дворцовый дьяк И. И. Болотников. Обычно это обширное ведомство возглавлял боярин-дворецкий, а **Борис Салтыков** имел только чин *стольника* (он получит боярство лишь в декабре 1613 г.). Но, очевидно, родственный кружок не мог доверить важнейшую в это время должность другим, даже более чиновным ро-

⁴⁹ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1139–1140.

1613 г. апреля 22. Грамота царя Михаила Федоровича боярину князю Ф. И. Мстиславскому с информацией о назначении воевод в города и об организации во «Дворце» — походном Приказе Большого дворца — отправления в регионы сборщиков «казачьих кормов». Первый известный документ о службе Б. М. Салтыкова (внука А. Т. Михалкова) династии Романовых.

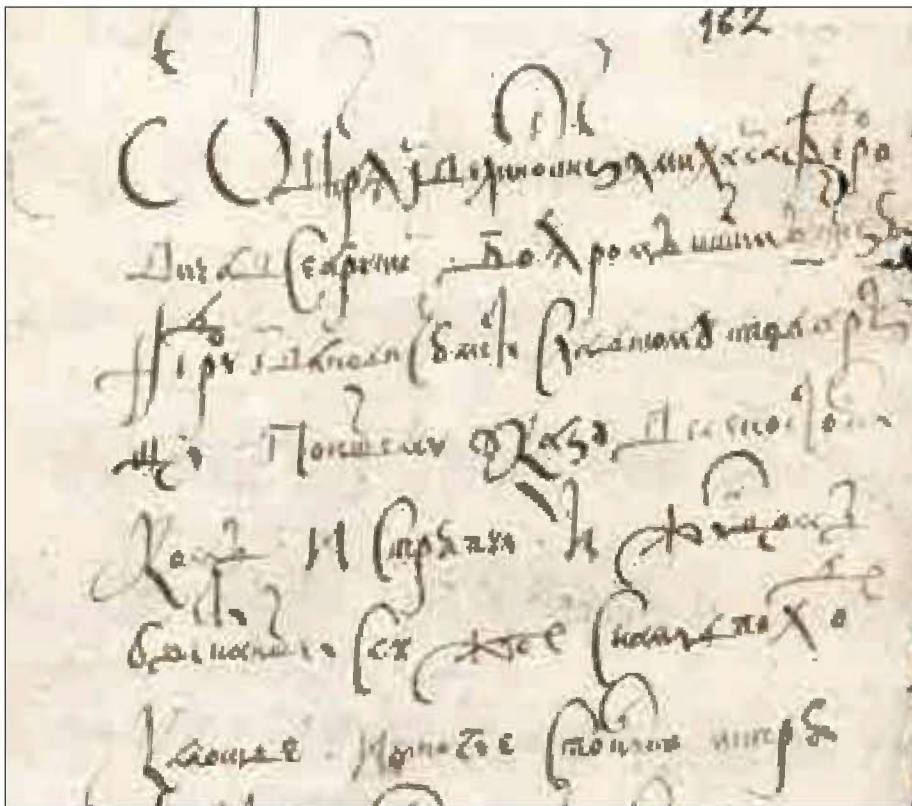
«... И то все велели мы выписать в Дворце Борису Михайловичю Салтыкову да дьяком Ивану Болотникову да Богдану Тимофееву...»

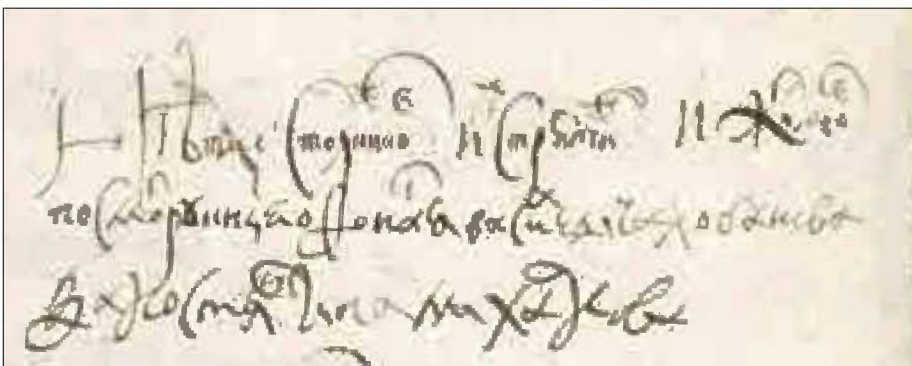
РГДА. Ф. 135. Оп. 1. Отделение III, рубрика I, № 2. Л. 173, 176.

дичам. **Михаил Салтыков** руководил царским дворцовым обиходом, хотя только в Москве он получил чин *кравчего*. Кравчий отвечал за царский стол, ему подчинялись стольники и большой штат прислуги, которая в Москве заселила целые слободы — известные Хлебный, Столовый, Скатертный, Кисловский и другие переулки. В 1614 г. **Михаил Салтыков** стал «*кравчим с путем*», то есть получил «особый доход» — город Гороховец в кормление.

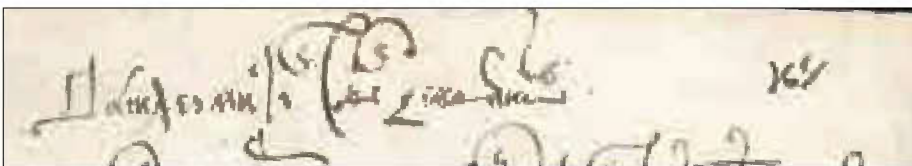
В первый — «походный» — период организации нового царского двора **Константину Ивановичу Михалкову** пришлось в том числе заниматься учетом дворян с придворными чинами (в обычное время этим занимался военный Разрядный приказ). Эти дворяне в спешном порядке собирались к новому царю из своих имений. Обстановка на дорогах оставалась напряженной, и добраться до Ярославля, где остановился двор Михаила Федоровича, было

1613 г. апреля 25. Грамота царя Михаила Федоровича боярину князю Ф. И. Мстиславскому о конфискации поместий и вотчин у членов Государева двора (в том числе у В. Ф. Михалкова), не явившихся на смотр, проводившийся князем А. В. Лобановым-Ростовским и К. И. Михалковым. Первый известный документ о службе Михалковых династии Романовых.

«Неты столников, и стряпчих, и жильцов по смотру князя Офонасия Васильевича Лобанова да Костянтина Михалкова».

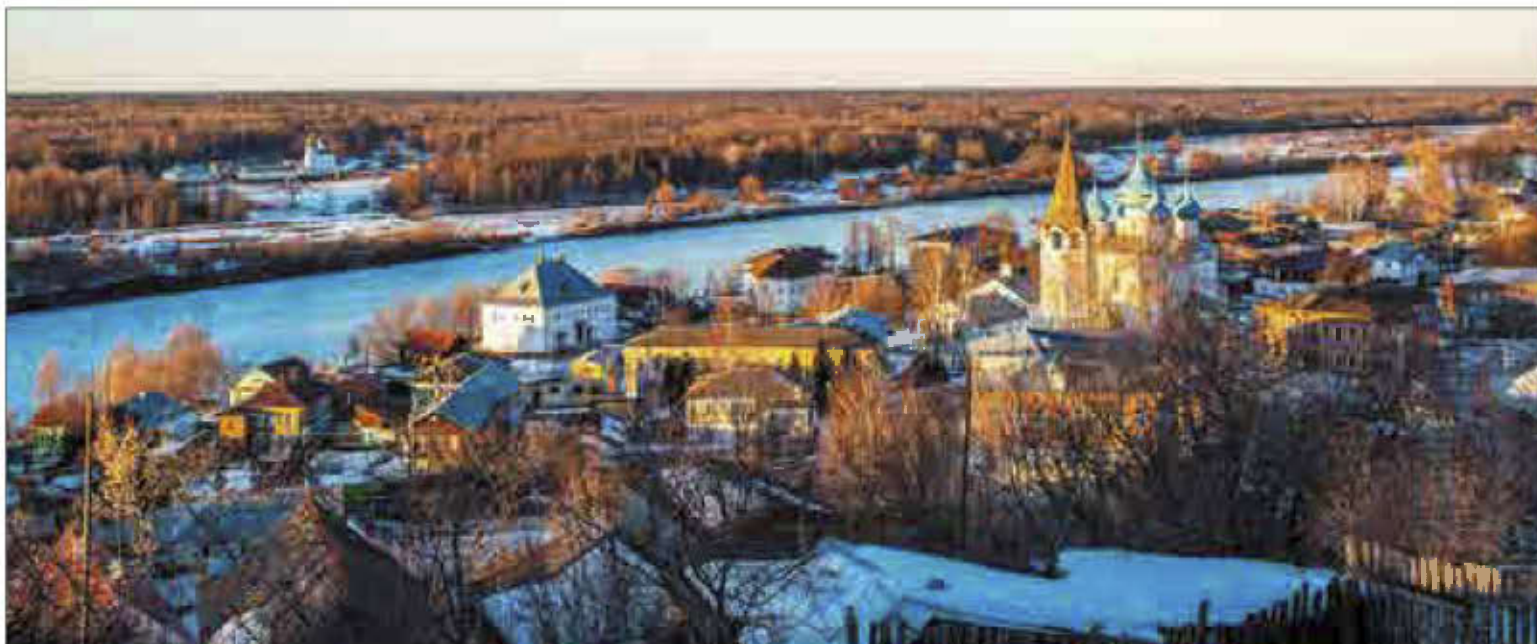

«Василей Федоров сын Михалков».

РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отделение III, рубрика I, № 2. Л. 162, 164,

не так просто. Но чтобы создать для царя при въезде в Москву внушительную свиту и обеспечить ему полную безопасность (о казачьих разбоях на дорогах говорилось выше), были изданы довольно жесткие указы о конфискации поместий и вотчин у не явившихся вовремя *стольников, стряпчих и жильцов* (низший придворный чин дворян, «живших» — дежуривших при царе). **Константин Михалков** должен был вместе с князем Афанасием Лобановым-Ростовским провести смотр явившихся лиц и, выяснив, кто не приехал, составить список так называемых «нетей», чтобы отправить его князю Ф. И. Мстиславскому в Москву. Происходил этот смотр 25 апреля 1613 г. в селе Любилово, на подходе царского двора к Троице-Сергиеву монастырю⁵⁰.

⁵⁰ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 1145–1148.

Город Гороховец

Примечательно, что в числе неявившихся к царю *жильцов* в этом списке было имя **Василия Федоровича Михалкова** — сына воеводы **Федора Ивановича Михалкова** (см. о нем выше) — троюродного брата отца **Константина Михалкова**. Следовательно, **Василий Михалков** приходился Константину братом уже в четвертом колене. Дело, конечно, не в дальности родства. **Константин Михалков** в 1614 г. активно вступился за родного брата Василия Федоровича — **Федора Федоровича Михалкова** в местническом случае с Кикиным — ведь там речь шла о чести всего рода (см. далее). Здесь же было важно соблюдение царского указа. Но, скорее всего, эта мера (конфискация земель) была декларативная. Земли, если и были у кого-то конфискованы, то, очевидно, возвращены после продолжения службы их владельцев новому царю. На карьере отца **Василия Михалкова** — воеводы **Федора Михалкова** запись сына в «неты» никак не отразилась. Можно даже сделать предположение, что **Василий Федорович Михалков** (тогда еще молодой человек — он был женат с 1621 г., и о его дальнейшей службе известно только с 1620-х гг.) мог сопровождать отца в дальних воеводствах — такие случаи хорошо известны.

В целом же, разрядное описание 1613 г. церемонии венчания на царство Михаила Федоровича и последующего пира в Грановитой палате, иллюстрированное через 60 лет в замечательном памятнике русской культуры «*Книга о избрании на превысочайший престол Великаго Российскаго царствия великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Великия Росии самодержца*», позволяет зрительно представить этикет российского двора XVII в., увидеть государственных деятелей и приближенных государя.

2 мая 1613 г., торжественно войдя в Москву (от Сретенских ворот шествовали пешком), царь и его окружение поселились в Кремле и стали готовиться к коронации. Для Михаила Федо-

ровича успели приготовить «Золотую палату» у Благовещенского собора, «комнаты» царя Ивана Васильевича и царицы Анастасии Романовны. Для великой же старицы Марфы Ивановны деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского отремонтировать не успели, а приготовили жилье в кремлевском Вознесенском монастыре. Вместе с ней в монастыре поселилась и **старица Евникея (Салтыкова-Михалкова)**.

Подготовка к коронации Михаила Федоровича заняла более двух месяцев — продолжались ремонтные работы в Кремле, которыми, естественно, занимались руководители дворцовых ведомств **Борис и Михаил Салтыковы и Константин Михалков**.

Составлялся и сам Чин венчания на царство — подробная роспись (своеобразный сценарий). Там был описан порядок всей церемонии: проход царя и его свиты из дворца в Успенский собор, затем — в Архангельский собор; иерархия лиц, которые должны нести регалии царской власти: бармы (диадема), шапку Мономаха, скипетр и державу, крест с частью Животворящего древа. Были составлены речи, которые должен был говорить государь и венчающий его митрополит, порядок богослужения и порядок торжественного пира в Грановитой палате. За основу были взяты тексты первых российских чинов венчания: 1498 г. — на великое княжение Дмитрия Ивановича (внука Ивана III), 1547 г. — венчания на царство Ивана Васильевича, и еще более приближенный к византийскому образцу Чин венчания царя Федора Ивановича 1584 г.

Согласно Чину венчания, в Успенском соборе было устроено специальное «чертожное место», а на нем — «царское место» и скамьи для высшего духовенства. Здесь и происходило возложение митрополитом царского венца на голову царя. Место было обито красным сукном, постелены персидские ковры. В «Книге об избрании» специально указано, что в этот торжественный, сакральный момент рядом с Михаилом Федоровичем был постельничий **Константин Иванович Михалков**⁵¹. Он и готовил все это роскошное убранство.

В иерархии же лиц, участвовавших в церемонии венчания на царство Михаила Федоровича Романова 11 июля 1613 г., соблюдались не только традиции распределения мест по их знатности, но и новые реалии Государева двора, опиравшегося на родственные связи с Романовыми.

Еще до начала церемонии Михаил Федорович пожаловал в боярство своего двоюродного брата, князя Ивана Борисовича Черкасского и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, который, хотя и не был сторонником Романовых, но заслуги его в освобождении Москвы и организации скорейшего избрания нового государя были всеми признаны.

Почетные обязанности нести и «держать» царские регалии Михаил Федорович распределил следующим образом: боярину Ивану Никитичу Романову — «держать» шапку Мономаха, а князю

⁵¹ Книга об избрании на царство. М., 1856. С. XXII, 60.

«Книга об избрании на царство
Михаила Романова». 1673 г.

Шествие в Успенский собор Московского Кремля для венчания Михаила Романова на царство 11 июля 1613 г.

Царя сопровождают и несут коронационные регалии знатнейшие бояре и его приближенные, в том числе К. И. Михалков, двоюродные братья Михалкова — Б. М. и М. М. Салтыковы, их зять князь Ю. Я. Сулешов (муж внуки А. Т. Михалкова), дьяк А. З. Шапилов (муж дочери Артамона-Алая Михалкова).

Дмитрию Михайловичу Трубецкому — скипетр. Казначею Никифору Траханиотову (его предки-греки приехали в Москву в конце XV в. в свите Софьи Палеолог и отличались своей образованностью) поручили нести «яблоко» — царскую державу, а специальную подставку под державу — «стоянец» — дьяку Алексею Шапилову. (Алексей Захарьевич Шапилов, происходящий из коломенских детей боярских, был женат на дочери воеводы Артамона-Алая Ивановича Михалкова — Ирине Артамоновне, позднее он получил чин дворянина московского и служил в 1626–1628 гг. воеводой в Муроме).

Перед входом процессии в Успенский собор и в самом соборе роли держателей регалий менялись. Шапку Мономаха положили на золотое блюдо вместе с бармами и Животворящим крестом, и это блюдо на голове несли (что видно на миниатюре) сначала благовещенский протопоп Кирилл, затем — думный дьяк Сыдавной Васильев. Князь Дмитрий Пожарский держал скипетр вместо князя Трубецкого и яблоко — вместо Траханиотова. А глава Боярской думы князь Ф. И. Мстиславский «осыпал государя золотыми» после того, как тот вышел из собора.

В числе участников торжественных церемоний венчания на царство Михаила Романова появляется на видных местах еще один родственник Михалковых — потомок знатных крымских мурз, князь Юрий Яншеевич Сулешов (его отец Янша-мурза

«Книга об избрании на царство Михаила Романова». 1673 г.

Пир в Грановитой палате Московского Кремля 11 июля 1613 г.

Рядом с царем Михаилом Романовым наиболее ему близкие и доверенные люди — постельничий Константин Михалков (держит посох и шапку) и его двоюродный брат, дворецкий Борис Салтыков. Миниатюрист изобразил их молодыми людьми, как бы ровесниками 16-летнего царя, хотя они были на 10 лет его старше.

принял православие и был похоронен в Симоновом монастыре). Он был женат на сестре Бориса и Михаила Салтыковых **Марфе Михайловне** (также внучке **Андрея Тимофеевича Михалкова**). Князь Сулешов был воеводой в первом и во втором Ополчениях, но своим приближением к престолу, очевидно, был обязан братьям своей жены **Салтыковым**. В 1615 г. он стал *боярином*, а затем проявил себя как выдающийся администратор в Сибири. На коронации 11 июля 1613 г. князь «Юрья Еншин-мурзин сын Сулешов» шел перед царем во главе десяти стольников, а во время торжественного пира в тот же день в Грановитой палате «смотрел» (был во главе стольников) в Большой стол, где сидели бояре и окольничие.

Описание и изображение на миниатюре этого пира — яркое свидетельство близости к новому царю **К. И. Михалкова** и его двоюродных братьев **Салтыковых**. **Константина Михалкова** можно видеть рядом с **Михаилом Романовым** у особого «царского места», устроенного в Грановитой палате. Он — в зеленом

Возложение венца на Михаила Романова митрополитом Ефремом. Прорись миниатюры рукописи «Книга об избрании на царство Михаила Романова» 1673 г., помещенная в Похвальных листах 1913 г.

кафтани, держит царский посох. Это редчайший случай, когда можно точно идентифицировать изображение персоны на древней миниатюре. Рядом с ним, очевидно, дворецкий **Борис Салтыков** — он руководил всем пиром (но, может, это его брат **Михаил Салтыков?** — он «*в кравчих стоял у стола*»).

Среди вышедшей в юбилейном 1913 г. массы изданий, посвященных 300-летию вступления на престол царя Михаила Федоровича Романова, можно отметить один своеобразный памятник графического искусства — роскошный большеформатный бланк Похвального листа ученикам гимназий. Он был создан известным художником и археологом М. В. Формаковским, вписавшим в яркий стилизованный под XVII в. орнамент одну из центральных миниатюр «Книги об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича». На миниатюре изображен важнейший момент венчания на царство в Успенском соборе Московского Кремля — возложение венца на Михаила Романова митрополитом Ефремом. Царя держат под руки два молодых придворных (они изображены без бород, в отличие от бояр, стоявших сзади). Можно сказать, что это **Константин Михалков** и один из братьев **Салтыковых**. Участие постельничего при совершении этого обряда было специально отмечено в тексте чина.

Этих молодых людей, поддерживающих юного царя, могли запомнить сотни учеников и учениц гимназий Российской империи, в последний мирный год ее существования. Данный похвальный лист был вручен 16 сентября 1913 г. ученице III класса Гороховецкой женской гимназии Зинаиде Зутиковой (Каталог Аукционного дома «Литфонд». 2018 г. Аукцион № 123, лот № 187). Нам известно, что потомки ее родственников продолжают жить во Владимирской области.

После коронации вступившему в полную власть царю Михаилу Федоровичу пришлось начинать свое правление в весьма сложной политической обстановке. Новгородская земля оставалась оккупированной Швецией, продолжалась борьба за захваченный поляками Смоленск. Здесь же, на западной границе, действовали враждебные отряды «литовских людей» (белорусской шляхты) и «черкас» (украинских казаков). На Юг сбежал атаман Заруцкий с Мариной Мнишек и ее сыном-«воренком», из центра страны мятежные казаки двинулись разорять зажиточный Север.

Хотя знать была готова навсегда прекратить Смуту и сплотиться вокруг новой династии, внутри Государева двора его члены с трудом «притирались» друг к другу. Пышно расцвело местничество — как при назначениях воевод, так и при дворцовых церемониях (доходило до курьезов, когда назначенные рындами «в белом платье» — почетной царской стражей — князь Мосальский и Чепчугов сбежали с посольского приема и спрятались дома). Юному царю постоянно приходилось решать споры, зачастую бить кнутом «местничавшихся не по делу» (вероятно, в этом

ему активно помогали **Михалков и Салтыковы**). Очевидно, по их совету проходила защита от неоднократных местнических нападков на уже упомянутого родственника Михалковых — нового человека при дворе — князя Юрия Сулешова⁵².

Печально закончился местнический спор с самими **Салтыковыми** князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Когда его назначили в декабре 1613 г. присутствовать при объявлении царского Указа («стоять у сказки») о пожаловании, наконец, **дворецкому Борису Михайловичу Салтыкову** чина *боярина*, Пожарский категорически отказался, сочтя это «порухой» своей чести⁵³, уехал с церемонии к себе на двор и «сказался болен». Царь сначала решил не заводить дело против народного героя, но велел записать в Разрядную книгу, что князь Дмитрий Пожарский все-таки «сказывал» боярство Салтыкову. Но **Салтыков** в тот же день на торжественном царском обеде в честь зимнего праздника Николая Чудотворца «бил челом» на князя Дмитрия Пожарского «в бесчестье» и, при поддержке главных бояр, выиграл дело. Пожарского «выдали головой» — привели к **Салтыкову**, чем подтвердили его поражение в местническом споре. **Салтыков**, как это было принято, просто отпустил его. В историко-беллетристических сочинениях о Минине и Пожарском этот эпизод описывается как произвол царской власти и царского фаворита.

Состоявшееся через полгода местническое дело самих **Михалковых** имело важное значение для всей истории рода.

24 июня 1614 г. для проведения смотра дворян и детей боярских были посланы под Смоленск **Федор Федорович Михалков** (сын чебоксарского воеводы Федора Ивановича Михалкова — с. 117) и **Иван Федорович Кикин**. Они имели с собой «наказы» — инструкции о проведении этой ответственной службы. Кикин поехал к себе на двор собираться в дорогу. Но неожиданно возвратился и «бил челом бояром, что ему, Ивану, с Федором Михалковым в той посылке быти невместно, и его от той посылки отставили б».

Царь Михаил Федорович «велел дело слушать бояром, и бояре, дело слушав, приговорили: *Что Ивану Кикину менши Федора Михалкова быть пригоже потому, что Михалковы у прежних государей бывали ближние люди, и в городех бывали воеводы, а Кикины люди обычные, служат с городом. А за ослушание, что он для государева дела под Смоленск не поехал, а бьет челом о местех не по своей мере, и за Федорово безчестья, велели его вкинуть в тюрьму. И по боярскому приговору Иван Кикин в тюрьму посажен*».

Такое признание боярами **Михалковых** «ближними людьми», конечно, было очень важно для всего рода. Проигравший Кикин решил «просить милости» у влиятельного родича **Федора Михалкова** — постельничего **Константина Михалкова**, и написал ему письмо. Тот сообщил царю Михаилу Федоровичу об обращении к нему проигравшего спор, и все это было записано в официальные Разряды:

⁵² Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 109–115.

⁵³ Там же. Стб. 120–123. Между тем официальный чин дворецкого Б.М. Салтыкову так и не был присвоен.

«Ныне Иван Кикин прислал к нему Константиину письмо своею рукою да и словом к нему приказывал, что ему Ивану до Михалковых в отечестве и счете дела нет, да и не сошлось. А на Федора Михалкова бил он челом для того, что он человек бедной, подняться ему в тое посылку не чем, и он чаял, что его тое посылки отставят. И государь, по Костянтинову челобитью, указал Ивана Кикина отвести в передние сени и велел выдать головою. А сказывал розрядной дьяк Марко Поздеев:

Костянтин! Бил челом на брата твоего, на Федора, Иван Кикин, и государь указал и бояре приговорили, велели Ивана тебе выдать головою, что бил челом на брата твоего неподделно, мочно ему быти менши брата твоего Федора Михалкова»⁵⁴.

Примечательно, что сразу после этой записи в Разрядной книге идет запись о присвоении чина *кравчего* **М. М. Салтыкову** (фактически с начала царствования Михаила Федоровича он уже исполнял эту важную дворцовую должность): «Того же (1614) году пожаловал государь в крайчие **Михаила Михайловича Салтыкова**, а сказывал ему постельничей **Костянтин Иванович Михалков»⁵⁵.**

В дальнейшем (до 1630-х гг.) никто не решался заводить местнических споров ни с **Салтыковыми**, ни с **Константином Михалковым**. Хотя он, в отличие от «старомосковских бояр» Салтыковых, впервые представлял свою фамилию на уровне Государева двора и участвовал в торжественных церемониях.

30 октября 1614 г. постельничий и печатник **К. И. Михалков** участвовал в приеме посла датского короля Кристина IV (одного из первых европейских монархов, признавших царя Михаила Романова) — сидел за столом после боярина князя И. В. Голицына и казначея Н. В. Траханиотова. 25 марта 1615 г. (на Благовещенье) он «сказывал боярство» князю А. Ю. Сицкому, а 1 октября 1617 г. (праздник Покрова) — «сказывал боярство» князю Д. И. Мезецкому⁵⁶.

Но кроме организации торжественных приемов, праздничных богослужений в кремлевских соборах и повседневной жизни царского двора, **постельничий Константин Михалков вместе с дворецким Борисом Салтыковым и кравчим Михаилом Салтыковым** налаживали работу разоренных в Смуту кремлевских мастерских, где еще в XVI в. работали талантливые мастера декоративно-прикладного искусства.

Уже в 1613 г. начали функционировать *Государева Мастерская палата*, которая находилась в ведомстве постельничего, и *Оружейный приказ*, которым руководил кравчий. В состав *Оружейного приказа* входили: оружейные мастерские и знаменитая *Оружейная палата*, где хранилось царское парадное оружие; *Серебряная и Золотая палаты* (мастерские), где трудились не только ювелиры, но и иконописцы и книгописцы. **Кравчий Михаил Салтыков** также возглавил *Аптекарский приказ*, который первоначально был закрытым придворным учреждением, призванным

⁵⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 134–136.

⁵⁵ Там же. Стб. 136.

⁵⁶ Там же. Стб. 157, 174, 299.

охранять здоровье царя и его семьи. Приказ Большого дворца, который возглавлял дворецкий Борис Салтыков, занимался управлением многочисленными царскими вотчинами (выше писалось, что от их быстрейшего восстановления зависело укрепление новой династии), а также — кремлевскими и загородными дворцами, их ремонтом и украшением. Кроме того, приказ Большого дворца снабжал припасами и продуктами царский домашний и столовый обиход, а также — мастерские, подведомственные постельничему и кравчему.

От этих кремлевских учреждений за XVII — начало XVIII в. в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) сохранились тысячи дел! Но за интересующий нас период 1610-е — 1620-е гг. их, к сожалению, совсем немного. Виной тому страшный пожар в Кремле в 1626 г., когда полностью сгорели здания всех приказов и их архивы (вот почему историки России XVI — начала XVII в. опираются в основном на монастырские архивы, летописи и сказания, а также на записки иностранцев).

Несомненно, утраченные хозяйственные документы дали бы нам гораздо больше информации о лицах, стоявших тогда во главе кремлевской жизни. Известно, например, что спор одного из них привел к кризису в Кремле в 1616 г.

«Дело царской невесты Хлоповой» стало главным эпизодом первого периода правления Михаила Романова. Оно же послужило поводом для утверждений, что в это время (до возвращения в 1619 г. из польского плена отца Михаила Федоровича патриарха Филарета) за него правили мать — великая старица Марфа Ивановна и братья Салтыковы.

Прежде чем остановиться на описании этого дела, приведем описание эпохи правления юного Михаила Романова, в котором встречаются характеристики Салтыковых. Они приведены в капитальном труде знаменитого русского историка XIX в. С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», а у него заимствованы другими историками и публицистами:

«И Дума, и двор в первые годы царствования Михаилова находились в смутном положении, изобличали беспорядок, бывающий обыкновенно следствием сильных бурь: развалины старины, слабые, беспомощные, лишенные главных подпор своих, низвергнутых бурей; подле них нанесенный ураганом новый слой, также еще не утвердившийся крепко, не вошедший в свое положение. При таком неопределенном состоянии и при отсутствии твердой руки, которая бы все привела в порядок, каждому дала свое место, всего легче людям энергическим, ловким, дерзким и неразборчивым в средствах овладеть волею других и приобрести видное место: таковы были в начале царствования Михаилова Салтыковы, подкрепляемые родственною связью с матерью царской; Филарет Никитич низвергнул их, и во время его правления они были в заточении необратном, но после смерти его немедленно возвращены с прежними чинами...»

Изделия кремлевских мастерских
времени управления ими кравчим
М.М. Салтыковым и постельничим
К.И. Михалковым.
Музеи Московского Кремля –
Государственная Оружейная палата.

- 1 Икона преп. Михаила Малеина, принадлежавшая царю Михаилу Федоровичу. Оклад – золото, драгоценные камни, жемчуг. Басма, чернь.
- 2 Икона Богоматерь Умиление. 1-я треть XVII в. Оклад – золото, драгоценные камни, жемчуг. Скать, эмаль.
- 3 Кадило. Вклад царя Михаила Федоровича в Троице-Сергиев монастырь. 1616 г. Мастера Серебряной палаты Д. Осипов и Т. Пестиков. Золото. Чеканка, чернь.

4

5

- 4 Чаша-братина царя Михаила Федоровича. Москва, 1-я четверть XVII в. Серебро. Чеканка, литье, резьба, золочение.
- 5 Чаша-братина царя Михаила Федоровича, позднее царицы Евдокии Лукьяновны. Мастерские Московского Кремля, 1-я половина XVII в. Золото, драгоценные камни. Чернь.
- 6 Ковш царя Михаила Федоровича. 1618 г. Мастерские Московского Кремля. Золото, драгоценные камни, жемчуг. Ковка, чернь.

7

7 Пистолеты. 1616–1625 гг.
Оружейная палата, мастер
П. Исаев.
Сталь, дерево, перламутр. Ковка,
резьба, инкрустация.

8 Шлем царя Михаила Федоровича.
1621 г., Оружейная палата,
мастер Н. Давыдов.
Сталь, золото, драгоценные
камни, жемчуг. Чеканка, резьба,
насечка.

9 Налатник – верхняя одежда
на доспехи. Принадлежал царю
Михаилу Федоровичу.
Царская Мастерская палата.
Атлас, золотые нити. Шитье.

10 Трон царя Михаила Федоровича
(передан из трона Ивана
Грозного?).
Мастерские Московского Кремля.
Золото, драгоценные камни,
жемчуг, ткань, дерево. Басма-
тиснение, канафарение.

8

9

10

И если приведенный выше текст — своеобразный исторический нарратив, то продолжая рассказ о царских фаворитах, С. М. Соловьев цитирует царский Указ о ссылке Салтыковых:

...Как бы то ни было, проделка Салтыковых была явна: их разослали по деревням, мать заключили в монастырь, поместья и вотчины отобрали в казну — за то, что они «*государской радости и женитьбе учинили помешку. Вы это сделали изменою (говорится в указе об их ссылке), забыв государево крестное целование и государскую великую милость; а государская милость была к вам и к матери вашей (старнице Евникее Михалковой-Салтыковой. — Б.М.) не по вашей мере; пожалованы вы были честью и приближеньем больше всех братьи своей, и вы то поставили ни во что, ходили не за государевым здоровьем, только и делали, что себя богатели, дома свои и племя свое полнили, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтоб вам при государской милости, кроме себя, никого не видеть, а доброхотства и службы к государю не показали*»⁵⁷.

Эти серьезные обвинения в Указе об опале 1623 г. (он опубликован в 1822 г. в томе III «Собрания государственных грамот и договоров» под № 64) представляются нам все же преувеличенными. В них отразились и гнев патриарха Филарета (он так и не смог повлиять на свою бывшую супругу, великую старицу Марфу, не смог заставить ее благословить сына на брак с Хлоповой). Разумеется, в нем — и месть недоброжелателей Салтыковых. Конечно, самое тяжкое обвинение Салтыковым — «земли крали».

Но «украсть землю» в первой четверти XVII в. просто так было нельзя. Любой переход из одной собственности в другую вотчинной земли, государственной или частной, сопровождался оформлением множества документов, все сделки фиксировались, и их можно было проследить. Недавно появилось интересное исследование А. И. Макарова, касающееся и истории землевладения братьев Б. М. и М. М. Салтыковых. В нем отмечено, что не совсем правильно могло быть оформлено в 1610-е гг. за **Б. М. Салтыковым** лишь вологодское село Егорьевское, возвращенное в казну сразу после вступления во власть патриарха Филарета в 1619 г. (см. с. 140, пр. 113) (размер этого поместья не соответствовал его окладу)⁵⁸.

А опровержением утверждения, что Салтыковы не «*ходили ...за государевым здоровьем*», может служить создание ими для царя в 1616 г. иллюстрированной рукописи Травника-Лечебника, на котором мы остановимся ниже.

Что же произошло в царском дворце в 1616 году?

В июле 1616 г. царю Михаилу Федоровичу исполнилось 20 лет. Это был уже вполне зрелый возраст для женитьбы, а для укрепления новой династии был необходим наследник. Еще в мае были назначены традиционные смотрины дворянских дочерей, из которых царь выбрал Марию Ивановну Хлопову. Общим местом во всех описаниях этого дела стало примечание о незнатности и провинциальности рода этой царской невесты (такие

⁵⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. V. Т. 9. С. 121, 249.

⁵⁸ Макаров А. И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 г.) // Древняя Русь. 2012. № 4. С. 49, 51; Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 2. С. 267–275.

59 Павлов А. П. Из истории придворной борьбы в царствование Михаила Федоровича («Дело Хлоповой») // Русские древности. СПб., 2011. С. 342–351.

60 Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 228.

61 Собрания государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. III. № 63 (перед указом об опале № 64, который цитировался в труде С. М. Соловьева). В. Н. Козляков в книге «Михаил Федорович» в серии «ЖЗЛ» сделал интересное замечание о том, что в Царском архиве хранились рядом друг с другом «Столпик и дело сыскное и ссылка Бориса да Михаила Салтыковых 132-го (1623) году» и «Дело 132-го (1623 г.), как был собор о Марье Хлопове». Он основывался на научной публикации описи этого архива 1626 г. (с. 152 и прим. 209). Но ни он, ни специально изучавшие судьбы Салтыковых и Хлоповых А. И. Макаров и А. П. Павлов не обращались к сохранившимся в РГАДА обоим указанным в описи 1626 г. делам. Они, вероятно, опубликованы в СГГД не полностью. В конце общей архивной единицы хранения описи 1950-х гг. указано еще одно дело «И о учинения прощения в вине его» (М. М. Салтыкова). Это происходило уже в 1633 г., см.: СГГД. Т. 3. № 98. — Б. М.) — фонд 146 — «Розыскные дела», опись 1, № 9–158 листов (!). Этот комплекс, безусловно, требует специального изучения и новой публикации.

незнатные жены были у Ивана Грозного — четвертая Колтовская и пятая — Васильчикова). Историк А. П. Павлов доказал, что коломенские дворяне Хлоповы выдвинулись при Иване Грозном путем вхождения в опричнину и в Особый двор. Они получили важные придворные чины — постельничего и «стряпчего с ключом», но после смерти Грозного были понижены до «городовых детей боярских», хотя сохранили связи с московской знатью и снова появились в столице после Смуты⁵⁹.

Царскую невесту Марию Хлопову поселили во дворце вместе с некоторыми родственниками. Ее сразу стали именовать царицей, и даже сменили имя и нарекли Анастасией — очевидно, в честь первой жены Ивана Грозного. Казалось, что и мать царя была не против этого брака (отец продолжал томиться в польском плену). Великая старица Марфа Ивановна приставила к Хлоповой свою родственницу, сенную боярыню Марию Милюкову.

И в это время между Хлоповыми и Салтыковыми разгорелся конфликт. Формальным поводом для него было столкновение в Оружейной палате между **кравчим и оружничим Михаилом Салтыковым** и московским дворянином Гаврилой Хлоповым, дальним родственником царской невесты и активным деятелем их рода. Хлопов сопровождал царя Михаила Федоровича в Оружейную палату, когда возглавлявший ее Михаил Салтыков показывал царю новое оружие. Вот как описывает дальнейшее происшествие замечательный историк и археолог XIX в., бытописатель кремлевской жизни XVI–XVII вв. И. Е. Забелин:

«Поднесли к государю турецкую саблю и почали хвалить. Салтыков, как полный хозяин царского оружейного заведения, а, следовательно, и знаток дела, выхваляя своих мастеров, стал говорить, что и на Москве, т. е. в Оружейной палате, государевы мастера такую саблю сделают. Государь передал саблю в руки Гавриле Хлопову, спрашивая его: как он думает, сделают ли такую саблю в Оружейной палате? Осмотрев саблю, Хлопов ответил: «Пожалуй, сделают, только, думаю, не такую, как эта». Мог ли Салтыков-оружничий перенести хладнокровно такое противоречие своему отзыву, а, может, и хвастовству? Рассерженный, он вырвал у Хлопова саблю, промолвив, что говорит он незнаючи. Знал ли Хлопов действительно толк в этом деле или выразил только простое сомнение умного и бывалого человека, но не уступив оружничему, побранился с ним и «поговорил с Салтыковым гораздо в разговор». С тех пор Салтыковы невзлюбили Хлоповых, это почти решило участь царской невесты»⁶⁰.

Эти разговоры царя, Салтыкова и Хлопова, приведены в книге «Домашний быт русских цариц в 16 и 17 столетиях». Изложение дальнейшего хода дела И. Е. Забелиным основано на публикации «Сыскного дела Хлоповой»⁶¹.

Однако не со всеми комментариями Забелина можно согласиться. Его сравнение столкновения Михаила Салтыкова и Гаврилы Хлопова с боярскими сварами в малолетство Ивана Гроз-

Сабля царя Михаила Федоровича. 1617 г.
 На клинке надпись золотом:
 «Сей тесак сделан повелением государя
 царя и великого князя
 Михаила Феодоровича всея Руси
 в пятое лето государства ево месяца ...
 по приказу крайчево и оружничево
 Михаила Михайловича Салтыкова,
 делал мастер Nial Proswit*».
 Рисунок академика Ф.Г. Солнцева
 для издания «Древности Российского
 государства» (Москва, 1853. Т. 3.
 № 116).

ного не совсем корректно. Бояре откровенно третировали отрока — великого князя, когда после смерти матери Елены Глинской он в 7 лет остался полным сиротой. Молодой же царь Михаил Федорович был окружен родственниками, которые во всем старались ему угодить.

Историк В.Н. Козляков в книге серии ЖЗЛ «Михаил Федорович» (М.: Молодая гвардия, 2010 г.) отказался от резкой трактовки С.М. Соловьева «дела Хлоповой», считая утверждение, что во всем виноваты Салтыковы, «не хотевшие никого другого видеть у царя в приближении», «слишком легковесным вторжением в этот деликатный сюжет» (с. 152). «Деликатность сюжета» заключалась в том, что через две недели после описанного происшествия в Оружейной палате царская невеста Анастасия (Мария) Хлопова вдруг заболела. Ее болезнь довольно подробно описана в следственном деле и много раз пересказывалась историками. Девушку «рвало и ломало внутрь и опухоль была... сперва было дня с три и с четыре, да перестало, а после того неделю спустя опять почала блевать». Объяснение, этой болезни весь-

* И.Е. Забелин считал, что эта сабля специально сделана по особому заданию М.М. Салтыкова, после спора о мастерстве подчиненных ему оружейников. Автором ее, очевидно, был западный славянин — чех (?), за это говорит его имя Нил Просвित, и сама надпись, сделанная русскими словами, но латинскими буквами (Там же. С. 228. Прим. 1).

Неврев Н. В. «Невеста царя Михаила Федоровича Мария Ивановна Хлопова». 1884 г.
Гравюра И. И. Хелмицкого.

Больную невесту осматривает доктор В. Бильс. Слева стоит М. М. Салтыков, рядом с ним лекарь Балцер. Слева изображены М. Милюкова и мать или бабка невесты.

ма простое — царская невеста, живя во дворце, просто объелась сладостями, которые она, очевидно, впервые в жизни могла потреблять в неограниченных количествах. Эту версию выдвинул тот же Гаврила Хлопов: «*Чает де он того, что у ней то почало быти от сладких ядей, потому что едала сласти. И они де то ей говаривали, чтоб сластей кушала немного, и та де болезнь блевота почала быть в ней меньше. И Михайло де Салтыков государю про то сказывал, и государь де велел болезни ея смотрити дохтурам, И Михайло де дохтура Фалентина в Верх (царские покои. — Б.М.) приводил. А какое лекарство имал, и принимала ль то лекарство Настасья Хлопова, или нет, того де ему слышать нелучилося*»⁶².

Но сама бывшая невеста Анастасия Хлопова (в этот время ее снова стали так называть) при розыске 1623 г. не вспомнила ни о каких дворцовых сладостях: «*Как жила она у отца и матери и у бабки, и у ней де болезни никакие не бывало, да и на Государеве дворе будучи, была здорова шесть недель, а после того появилась болезнь... а чаёт того, что то ей учинилось от супостат ея* (выделено нами. — Б.М.)... *И после того давали ей пити воду святую с мощей и от того исцелела и полегчало вскоре*».

Если сама Хлопова только намекает на возможное отравление, то ее отец Иван Хлопов прямо обвиняет в этом тяжчайшем государственном преступлении (ведь его дочь была в это время нареченная царица) братьев Салтыковых: «*Какими обычай болезнь учинилась того он не ведаёт, а все де то от Михайла и Бориса Салтыковых. Меж де себя шептали, и пришед де Михайло Салтыков и велел ему взяти из Аптеки склянницу с водкою и отнести к дочери его*

⁶² СГГД. Т. 3. № 63. С. 262.

⁶³ Там же. С. 264–265. Водной в то время называли лечебные спиртовые настойки, рецепты их изготовления включались в травники-лечебники, а современная водка называлась «хлебным вином».

Марьи, а сказали, что она от того будет больше кушать. И он де взял скляницу и отдал в хоромы Марьи Милюковой. А пила ль тое водку дочь его, или нет того он не ведает»⁶³.

Но такое обвинение, будучи недоказанным, само являлось преступлением. **Михаил Салтыков** (глава Аптекарского приказа), врач Бильс и лекарь (он же аптекарь) Балцер утверждали, что лекарство, дававшееся царской невесте, «в *Оптекарской палате записано в книгах*». Важно отметить, что Гаврила Хлопов не присоединился к обвинению Салтыковых в отравлении царской невесты и своей версией со сладостями, в общем-то, опроверг его. Но главной целью следствия, проходившего через семь (!) лет после болезни, отставки и ссылки царской невесты в 1616 г., было определить: почему тогда сложилось убеждение в тяжести болезни и ее неспособности принести царю и государству наследника престола, и здорова ли она сейчас?

По первому пункту был только один конкретный вопрос царя Михаила Федоровича на очной ставке с **Михаилом Салтыковым** (следствие шло на самом высшем уровне: присутствовали только патриарх Филарет и самая близкая родня Романовых — бояре И. Н. Романов, князь И. Б. Черкасский и Ф. И. Шереметев, которые, очевидно, хотели уменьшить влияние Салтыковых). Царь спросил своего приближенного и приятеля молодости Михаила Салтыкова:

«Как Марья Хлопова была больна, и то де ему (Салтыкову) Балсырь (лекарь Балцер. — Б.М.) сказывал, что тою болезнью была больна на Углече женка и жила всего с год и умерла. А дохтур будто сказывал, что Марьи излечить нельзя?»

Михаил Салтыков ответил, «что он того ... у дохтура и лекаря не слыхал и сам того не упомянуть». Доктор Бильс и лекарь-аптекарь Балцер, также привлеченные к следствию, факт про «женку на Углече» отрицали. Доктор описал болезнь царской невесты в 1616 г.: «*Желудок у нее в те пору был бессилен и не варил, и селезенка опухла. А та де болезнь бывает от желудка, как желудок бывает ветрен. А как желудок будет здоров, и то де все минется. А он де такие болезни лечивал и многим пособлял. А плоду и чадородию от того порухи не бывает* (выделено нами. — Б.М.)». Значит, кравчий **М. М. Салтыков** действительно ввел в заблуждение царя и разрушил его свадьбу! Но ведь окончательное решение об исключении Марии Хлоповой из царских невест и ссылке ее вместе с семьей в июле 1616 г. принимал Земский собор. Решающий голос был за членами Боярской думы, в том числе за теми же влиятельными царскими родичами — И. Н. Романовым, кн. И. Б. Черкасским и Ф. И. Шереметевым. Однако решающее слово оказалось за матерью царя — великой старицей Марфой Ивановной.

Здесь на сцену исторической драмы выходит мать Салтыковых — старица **Евникия Михалкова-Салтыкова**, которая специально была упомянута в царском указе об опале и ссылке

Салтыковых 24 октября 1623 г.: «...а мать вашу велели послать в Суздаль, в Покровский монастырь». Это один из редких случаев того времени, когда о женщинах, даже знатных, писалось в государственных указах. Здесь, очевидно, проявилось личное негодование Филарета по поводу влияния старицы Евникии на его бывшую жену, великую старицу Марфу Ивановну. Но отправлялась монахиня Евникия не в дальнюю обитель, а перемещалась из одного царского монастыря — Кремлевского Вознесенского — в другой — Суздальский Покровский, где заканчивали свою жизнь опальные и вдовы царские жены. Причем ей разрешили взять с собой небольшой «двор»: «келейницу-черницу, да малой, да женка, да две девки»⁶⁴.

Историки, отмечая роль старицы Евникии в «деле Хлоповой» и в придворной жизни 1613–1619 гг., зачастую делали противоположные выводы. Одни писали, что мать царя пыталась влиять на кремлевскую политику не напрямую через своего сына Михаила Федоровича (личная власть и воля которого были все-таки ограничены), а через Евникею, чьи сыновья Борис и Михаил Салтыковы и племянник Константин Михалков управляли всеми дворцовыми делами. Другие подчеркивали, что наперсница Марфы Ивановны старица Евникия в период жизни с ней в Вознесенском монастыре могла — по советам своих сыновей — постепенно настраивать мать царя на принятие определенных решений. В «деле Хлоповой» все эти тенденции обострились и смешались.

Вначале Марфа Ивановна никак не проявляла неприязни к невесте своего сына, очевидно, сознавая, что его брак важен в государственном отношении⁶⁵. Вместе с Михаилом Федоровичем и Анастасией-Марией Хлоповой Марфа Ивановна (и, очевидно, старица Евникия Салтыкова-Михалкова) в июне 1616 г. ездили на традиционное царское богомолье в Троице-Сергиев монастырь.

Затем отношение царской матери к избранной сыном невесте, уже официально провозглашенной царицей (за нее, как за государыню, провозглашались здравицы на церковных службах) резко поменялось. Было ли это реакцией на болезнь Хлоповой? А может, болезнь царской невесты была для Марфы Ивановны, так же как и для Салтыковых, поводом (единственным возможным) для удаления Хлоповых из дворца? Историки отмечали, что у Марфы Ивановны были основания невзлюбить этот род, поскольку один из его представителей — Василий Михайлович Хлопов — при опале и ссылке Романовых в 1602 г. в село Клины Юрьев-Польского уезда надзирал за ней и за ее сыном⁶⁶. О том, что не Салтыковы, а именно Марфа Ивановна стала главной противницей женитьбы сына на Хлоповой, свидетельствует дальнейшее развитие событий.

Даже после возвращения в 1619 г. Москву и наречения патриархом Филарета Никитича Романова и ослабления влияния в Кремле братьев Бориса и Михаила Салтыковых Марфа Ива-

64 Там же. С. 267.

65 Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 227.

66 А. П. Павлов. Из истории придворной борьбы в царствование Михаила Федоровича. С. 344.

Суздальский Покровский монастырь.
Ансамбль XVI–XVII вв.
Фото А. Гордиенко, 1 января 2011 г.

новна не хотела и слышать о Хлоповой, о которой не мог забыть Михаил Федорович, очевидно, имевший серьезное чувство к девушке. Его сторону принял и отец Филарет, якобы даже упрекавший сына в малодушии и излишней покорности матери (этот слух привел Н. И. Костомаров). Хлоповой и ее семье постепенно облегчали участь — в 1620 г. перевели из Сибири в Нижний Новгород. Там и происходило продолжение «сыска» 1623 г. о здоровье царской невесты (ее снова стали называть Анастасией). Очевидно, Михаил Федорович все-таки требовал ее возвращения. Но, несмотря на доказанное преувеличение тяжести ее болезни в 1616 г. и заключение врачей о ее полном здоровье в 1623 г., великая старица Марфа Ивановна снова была категорически против брака с Хлоповой. Понимая, что ее влияние на сына уже не то, она пошла на крайнюю меру — заявила, что *«клятвами за себя, что не быть ей в царстве пред сыном, аще тое (Хлоповой. — Б.М.) быти у царя царицею»*. Ни царь Михаил Федорович, ни «великий государь святейший патриарх Филарет Никитич» (с этим титулом он формально стал соправителем сына) ничего не могли сделать и смирились. Причем окончательное решение по этому делу, так же как и в 1616 г., принимал Земский собор. В Нижний Новгород оставленному там ожидать решения дела боярину Ф. И. Шереметеву была послана царская грамота, чтобы он сказал Ивану Хлопову, *«что мы дочь его Марью взять за себя не изволили»*.

В историческом же сознании осталось убеждение, что такое упорство царской матери против брака сына с Хлоповой зависело от внешнего влияния. Псковский летописец XVII в. утверждал: *«Враг же диавол научи некоторым сродичам, царевым матери племянником, остуди цареви матери царицу, некоторыми чародействы ненависть возложиша»*⁶⁷. Под «чародейницей» могли подразумевать старицу **Евникею Михалкову-Салтыкову**. Она даже стала персонажем исторических романов. Вот сцена из романа прозаика начала XX в. А. Е. Зарина «Двоевластие» (1912 г.):

«В полутемной горнице-келье, угол которой весь был завешан драгоценными образками, сосредоточенно думая свою думу,

⁶⁷ Прибавления к Псковским летописям // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 65.

в кресле с высокою спинкою сидела Марфа, а вокруг нее суетливо сновала старица Евникия. Кипело ее сердце, и хотелось ей отвести свою душу, но мать-царица хранила строгое молчание, и Евникия боялась нарушить его. Наконец она не выдержала и заговорила:

— Великая теперь радость по Москве идет. Слышь, бочки вина выкатили, тюрьмы открыли, всех с правежа свели.

— Радость и есть, — сухо ответила Марфа, — сын мой своего отца встречает. Кто отцу не рад!

— Вестимо, вестимо! Про что же и я? Великая радость! — заторопилась согласиться старица, а сама подумала: «Не вижу я что ли, чего отвод делать?» И досада пуще разгорелась в ее сердце. — Тому и все люди радуются, — продолжала она, — говорят, слышь, царь наш батюшка дал слово ему во всем своем послушании. Все бают, по-новому будет, Филарет Никитич все в руку властную возьмет.

— Кто говорит? — быстро спросила Марфа.

Старица Евникия только этого и ждала. Она приблизилась к креслу и заговорила:

— Бориска был у меня... прямо от палат царских прискакал. Слышь, Филарет Никитич всех в покоях оставил и царя вовнутрь увел. Часа с два сидел и все не уходил. Бориска прискакал, а Михалка ждать остался. Бают, Филарет Никитич словно допрос царю-батюшке чинил.

Марфа судорожно сжала налокотники кресла и сдвинула брови.

— Еще что говорят?

— А еще, что все по-иному будет, — уже слезливым голосом заголосила старица, — что всех верных слуг царских прочь отметут, а на место их у преосвященства уже ставленники заготовлены. Слышь, воевода князь Пожарский уже жалился, что его с головой моему Бориске выдали. Боярин Шеин, слышь, много силы заберет. Мало ли что бают!

— И пусть, — криво усмехаясь, произнесла Марфа, — только одно скажу: никому не отнять у матери ее детища! — и, встав, она твердой поступью прошла по горнице, снова отдаваясь своим мыслям.

В эту минуту в дверь горницы постучались.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! — произнес за дверью свежий молодой голос.

— Аминь! — ответила Марфа, остановившись на середине.

В горницу вошла молодая черничка и, земно поклонившись, подошла к руке Марфы.

— С чем?

— Боярин Михайла Михайлович Салтыков просит явиться пред твои очи, мати! — с поклоном ответила черничка.

— Зови сюда!

Черничка скрылась, и скоро в горницу бережливой поступью вошел Михаил Салтыков. Он был молод, красив и строен, но бли-

68 А. Е. Зарин (1862–1929) не был драматургом, но стал автором сценариев фильмов, снятых в 1922 г. режиссером А. П. Пантелеевым: «Скорбь бесконечная», «Чудотворец», «Отец Серафим».

зость к царю сделала его лицо наглым, движенья грубыми, голос властным. Одет он был в богатый кафтан, перехваченный поясом с драгоценными камнями, в его руке была высокая шапка, у пояса — нож с дорогой рукоятью...»⁶⁸.

Участвовал ли прямо в этой интриге племянник старицы **Евникии Константин Иванович Михалков**? Очевидно, нет — никакой опале в 1623 г. он не подвергся, только потерял должность печатника — в 1621 г. в Печатном приказе значится думный дьяк Т. Ю. Луговской, вернувшийся из польского плена с Филаретом.

И. Е. Забелин привел интересные сведения из кремлевских архивов о том, что в Царской Мастерской палате, руководимой постельничим **Михалковым**, во второй половине июня 1616 г., когда невеста уже болела и решалась ее судьба, еще готовились к царской свадьбе:

«28 июня шили государю брачную обычную одежду, русскую шубу на соболях и терлик (кафтан из золотой материи. — Б.М.) при чем было употреблено два меха (очевидно, два «сорока». — Б.М.) соболей, ценою в 250 р.» Очевидно, мастера из ведомства постельничего 17–28 июня украшали выездные брачные сани для невесты: обивали их *«алтабасом по серебряной земле (основе) шелк зелен, червчат, багров с золотом и кизылбаским червчатым бархатом на хлопчатой бумаге»*; шили в них *«подушки из бархату — по серебряной земле шолк ал»*, устраивали и обивали скамейку, делали под ноги *«миндер или тюфяк из червчатого сафьяна»*⁶⁹.

Константин Михалков, несомненно, был не только близок к царю Михаилу Федоровичу, но и пользовался особым доверием и уважением его матери Марфы Ивановны. В Мастерской палате традиционно велись делопроизводство и учет не только личных расходов царя, но всего хозяйства и расходов «государыни великой старицы» Марфы Ивановны (имевшей фактически статус царицы) — в Вознесенском монастыре был своеобразный «филиал» Царской Мастерской палаты.

В дальнейшем из нее выделилась Царицына Мастерская палата, где «изготавливались вышитые золотом, низанные жемчугом и украшенные драгоценными камнями пелены, покровы на мощи и на гробницы царей и цариц, воздухи, оплечья риз и т.д.; шились не только новые, но доканчивались начатые, приводились в порядок истертые или испорченные от времени». Для Михаила Федоровича великая старица «строила» аксамитную шубу с жемчужным кружевом, в которую были вставлены в гнезда 16 яхонтов лазоревых больших. Сорочки из тафты для его ежедневного употребления шились тоже в монастыре. Для этого в хоромы великой старицы доставлялись шелка разного цвета, пряженое золото и серебро, жемчуг, лалы, изумруды; разные ткани, как, например, тафта, зендень, киндяки, бархат, мухояр черный, а также меха, главным образом соболя, требовались ею в большом количестве»⁷⁰.

⁶⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 238.

⁷⁰ Корсакова В. Романова-Юрьева Ксения Ивановна // Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. 17. С. 4.

Храм Покрова Пресвятыя Богородицы в дворцовом селе Рубцове. Начал строиться в 1618 г. как обетный (сначала деревянный) в честь отражения набега гетмана Сагайдачного. Каменный храм был освящен 29 октября 1626 г. В этот день в Рубцове царем Михаилом Федоровичем был устроен «стол» (пир), на котором был Государев двор, в том числе дворянин московский Богдан Артамонович Михалков, сын воеводы Артамона-Алая Михалкова, который с 1617 г. служил «царицыным сыном боярским» под началом Константина Михалкова.

71 В расходной книге Казенного приказа за 17 ноября 1613 г. записано: «По имянному приказу государыни великой старицы иноки Марфы Ивановны, постельничему и наместнику трети Московские Костентину Ивановичю Михалковы да дияку Федорову на 2 избы на кадашевские с сенми, да кадашовцом на жалование — 100 рублей» — Русская Историческая библиотека (РИБ). СПб., 1884. Т. 9. С. 60.

72 При храме Воскресения в Кадашах (конец XVII в.) имеется музей «Кадашевская слобода», проводящий мастер-классы для детей, в том числе по теме «Прядение и ткачество». Вспоминают ли там об основателе этого производства К.И. Михалкове?

73 Забелин И.Е. Дополнения к дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова, собранные из книг и столбцов, прежде бывших дворцовых приказов Архива Оружейной палаты // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 1. Стб. 97–98. Примечательно, что накануне были пожалованы большим количеством образов (всего 28, в том числе русских святых) братья Б.М. и М.М. Салтыковы (Там же. Стб. 95–96). Еще раньше много икон было взято к «государю в новые хоромы» (Там же. Стб. 81–85). Вероятно, это была раздача привезенного в Москву наследства Н.Г. Строганова (ум. 1616). Многие его иконы изготовлялись кремлевскими мастерами. Можно сказать, что с созданием знаменитого «строгановского стиля» живописи и шитья начала XVII в. связаны Салтыковы и Михалков. О продаже и раздаче книг Н.Г. Строганова см. далее.

Всем этим заведовал государев постельничий **Константин Михалков**. Он же, очевидно, помогал Марфе Ивановне завести в ее собственной вотчине — подмосковном селе Рубцово на Яузе (ныне в черте города) — ткацкие мастерские. Во время ремонтных работ в кремлевских покоях после пожара 1626 г. Михалков жил в Рубцове вместе с царем Михаилом Федоровичем.

Марфа Ивановна поддерживала деятельность **Константина Михалкова** по становлению дворцового хозяйства. В ноябре 1613 г. по ее «именному приказу» ему было выделено из Казенного приказа 100 рублей — на развитие в Кадашевской слободе ткацкого производства⁷¹.

Первоначально ткачи — «хамовники», ткавшие льняное полотно («хам») и изделия из него для нужд царского двора (вышитые золотом скатерти и головные уборы убрусы) — жили семьями в отдельных избах. Но при царе Алексее Михайловиче в 1650–1660-е гг. Кадашевский государев хамовный двор превратился в большую мануфактуру, в центре которой был двухэтажный производственный корпус. В конце XVII — первой половине XVIII в. разбогатевшие жители слободы построили ряд каменных палат, остатки которых вошли в комплекс Третьяковской галереи⁷².

Очевидно, постельничий **Константин Михалков** был организатором и другой дворцовой ткацкой Хамовной слободы, давшей название современному району Москвы. В документах 1620-х гг. она называлась Тверская Константиновская. По одной из версий, это название произошло от тверского села (деревни) Константиновка (ныне в черте города Тверь), откуда мастера и переселялись

в Москву. Но не исключено, что первоначальное название слободы могло произойти и от имени царского постельничего. Достопримечательности московских Хамовников — отреставрированные палаты Государева Хамовного двора (в начале ул. Льва Толстого, где находится его «Музей-усадьба в Хамовниках») и церковь Николы в Хамовниках — относятся уже к концу XVII в.

В опубликованных книгах Казенного приказа (РГАДА) за 1613–1614 гг. можно найти также сведения и о подарках **Константину Михалкову** от имени царя Михаила Федоровича и «государыни великой старицы иноки Марфы Ивановны». Это были дорогие ткани и меха (очевидно, подобные подарки делались регулярно и в последующие годы). 31 марта 1617 г. царь Михаил Федорович пожаловал **К. И. Михалкову** иконы в драгоценных окладах (возможно, созданные иконописцами и мастерами Оружейной палаты):

«Образ Софии Премудрости Божии, обложен серебром золоченым, басмянным, без венцов, по полям святыя Ноугороцкия чудотворцы. Образ Усекновение честныя главы Иоанна Предтечи, обложен серебром золоченым, басмянным, венцы сканые, во облаце благословенная рука. Образ, писан на празелени, царь Костентин и мати его Елена»⁷⁴.

Выбор последнего образа, очевидно, связан с небесным покровителем Константина Михалкова, а Иоанн Предтеча, вероятно, был покровителем его отца **Ивана Андреевича Михалкова**.

В имении Михалковых Петровское хранился образ Спаса Нерукотворного, датированный специалистами последней четвертью XVI в. Подпись на обороте иконы гласит: *«Сим образомъ благословилъ сына своего Сергея Владимиръ Михалков 29 августа 1881 года. Этотъ образъ принадлежалъ стольнику и постельничему Константину Михалкову»*.

По мнению И. Л. Хохловой: «Мастер этого изысканно-аристократического Образа принадлежал к элитарному столичному кругу, что подтверждает и греческая надпись на убресе. Сере-

Кадашевская полотняная мануфактура в период своего расцвета при царе Алексее Михайловиче. Рисунок — реконструкция М. А. Кудрявцева.

Спас Нерукотворный. Последняя четверть XVI в. (?) Рыбинский музей-заповедник (РГИАХМЗ).

⁷⁴ Хохлова И. Л. Небесная родословная: иконы дворян Михалковых в собрании Рыбинского музея-заповедника // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2010. № 1. С. 226–231.

75 Посланник Ф. Г. Желябужский был родным братом воеводы Г. Г. Желябужского (ум. 1613) — деда несчастной царской избранницы Марии Хлоповой, бабка невесты Федора Желябужская, жившая с ней во дворце, разделила и ее ссылку. Вернувшись из Польши Ф. Г. Желябужский никак не участвовал в придворной интриге, он умер в мае 1615 г. Среди историков фамилия Желябужских известна больше всего по запискам о начальном периоде эпохи Петра I племянника вышеуказанных лиц — окольничего И. А. Желябужского (ум. после 1709). Его сестра Анастасия — жена предка А. С. Пушкина. В историю русского кино вошло имя оператора, режиссера и сценариста, одного из основателей ВГИК Ю. А. Желябужского (1888–1955), сына актрисы М. Ф. Андреевой (подруги А. М. Горького) и автора известных фотографий В. И. Ленина на Капри.

76 Дворцовые разряды. Т. 1. С. 356–357.

бряный с позолотой оклад иконы, вероятно, был заказан мастеру-новгородцу. Орнамент его близок к окладу новгородской работы на иконе Спаса конца XVI века из собрания П. Корина»⁷⁴.

Но, кроме хозяйственной деятельности по восстановлению былого величия Москвы, окружению молодого царя Михаила Федоровича нужно было думать о решении главной внешнеполитической проблемы — прекращении войны с Речью Посполитой. Главным условием заключения перемирия был отказ от претензий на русский престол королевича Владислава, приглашенного Семибоярщиной в 1611 г. По этому поводу в декабре 1614 г. в Польшу была отправлена с посланником Федром Желябужским грамота от имени членов Боярской думы «панам Рады» с предложением назначить на границе съезд с обсуждением условий заключения мира.

Грамота была подписана 22 членами Боярской думы, в том числе постельничим **Константином Михалковым**, и запечатана их личными печатями (возможно, ее подлинник сохранился в Архиве древних актов в Варшаве). Она представляла собой обширный (15 стр. в публикации 1822 г. СГГД большого формата) политический трактат, в котором его авторы (очевидно, посольские дьяки, подписавшиеся последними) объясняли неправомерность претензий Владислава на российский престол и легитимность царя Михаила Федоровича. А также — готовность к переговорам при посредничестве императора Священной Римской империи.

Федор Желябужский⁷⁵ вручил данную грамоту «панам Рады», добился свидания с томящимся в плену Филаретом Никитичем и передал ему грамоты от Михаила Федоровича. Проведенные же переговоры бояр и польских послов на съезде под Смоленском в конце 1615 — начале 1616 г. ни к чему не привели. Пограничная война продолжалась. А в апреле 1617 г. начался поход на Москву польской армии во главе с королевичем Владиславом, литовской армии под командованием великого гетмана Хоткевича и запорожцев под предводительством гетмана Сагайдачного. Над не окрепшей еще Россией нависла серьезная опасность.

Москва готовилась к осаде. Еще летом 1618 г. все члены Государева двора были мобилизованы. Одни — в качестве воевод и голов — собирать ратных людей в полки по городам, другим были определены места по московским укреплениям — загородным острожкам, монастырям, башням и воротам Белого города и Китай-города. Когда в сентябре узнали, что Владислав с войсками идет от Можайска к Москве, то был составлен специальный разряд членов Боярской думы, которые должны быть непосредственно при государе. В него входили и члены клана **Михалковых-Салтыковых**: боярин **Б. М. Салтыков**, боярин, князь **Ю. Я. Сулешов** (весной он во главе полков сражался с поляками под Вязьмой), кравчий **М. М. Салтыков**, постельничий **К. И. Михалков**⁷⁶.

Владислав IV (король с 1633)

Гетман К. Ходкевич

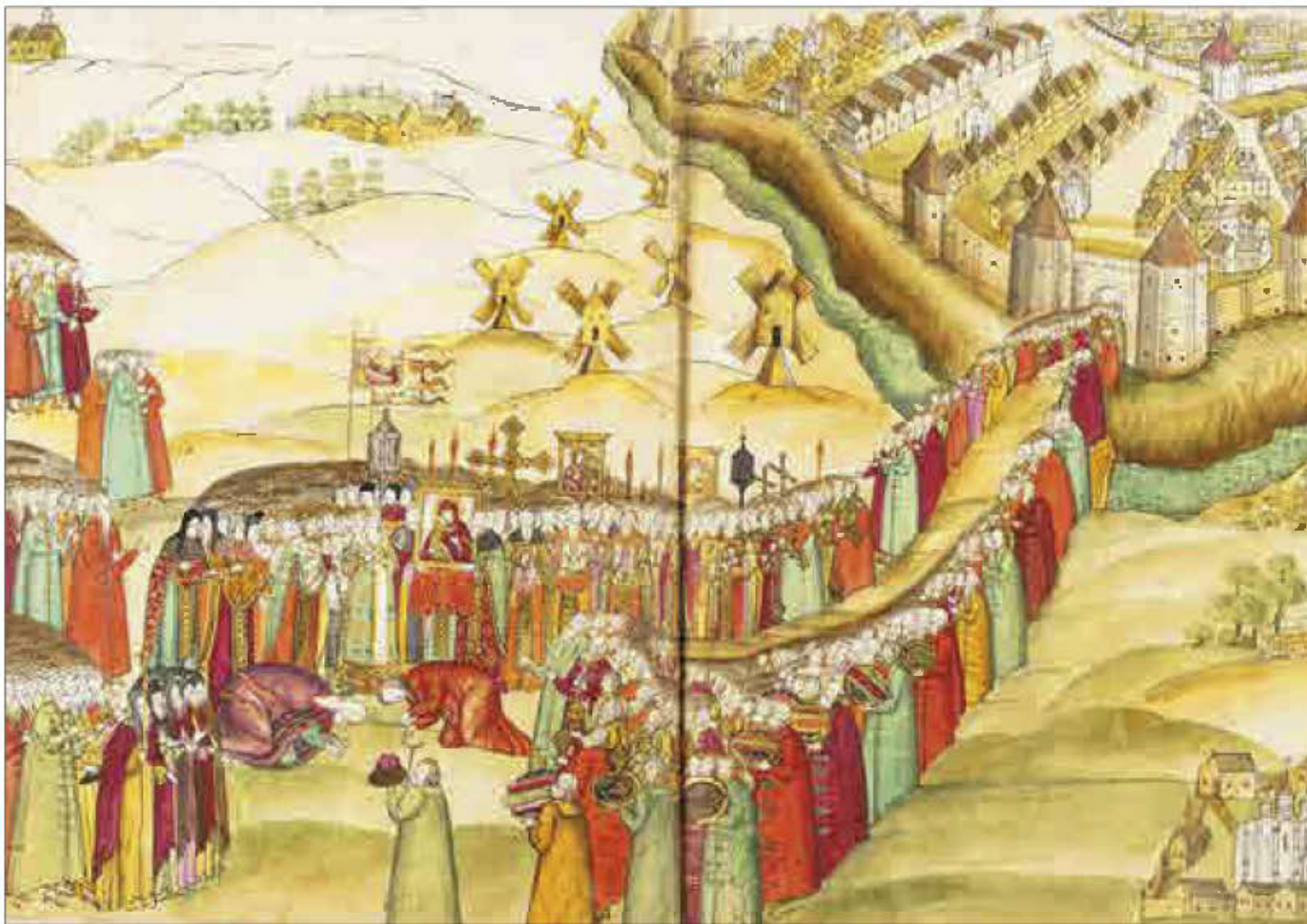

Гетман П. Сагайдачный

Осада Москвы польско-литовскими войсками в октябре 1618 г. была с ожесточенными боями отбита. Владислав и его гетманы поняли, что их цель — занять русский престол — невыполнима, и согласились на переговоры. Несмотря на тяжелые условия Деулинского перемирия (потеря Смоленска), Россия и россияне одержали моральную победу, сплотившись вокруг новой царской династии.

А. М. Васнецов. В осадное сиденье. Троицкий мост и Кутафья башня. 1915 г.

Первая за 8 лет встреча царя Михаила Федоровича с отцом на реке Пресне. 14 июня 1619 г. Оба отдают земные поклоны. На переднем плане К. И. Михалков (в зеленом платье) с царским посохом и шапкой (в разрядах он не отмечен, но ср. рис. на с. 145). «Книга об избрании на царство Михаила Романова». 1673 г.

⁷⁷ См.: Осадный список 1618 г. / Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. Москва—Варшава, 2009. Памятники истории Восточной Европы. Т. 8. Грамоты всем Михалковым, вероятно, даны в 1619 г. (см. далее о земельном деле Ф. Ф. Михалкова и В. Ф. Михалкова — С. 202–204).

Московское правительство щедро наградило всех участников военных действий 1617–1618 гг. и обороны Москвы. Была предпринята массовая раздача жалованных грамот «за московское осадное сидение в королевичев приход» служилым людям — как столичным, так и провинциальным, по которым часть их поместной земли переводилась в полную собственность — вотчину.

Из рода Михалковых подобные грамоты получили четверо⁷⁷: Артамон-Алай Иванович Михалков и его сын Богдан Артамонович (другой его сын Иван Артамонович погиб при осаде поляками Троице-Сергиева монастыря в 1618 г.); Федор Федорович Михалков, двоюродный племянник Алая Михалкова (о его участии в русско-польской войне под Смоленском с 1614 г. см. с. 198), и Константин Иванович Михалков.

О значительном размере царского пожалования постельничему К. И. Михалкову дает представление справка Разрядного приказа:

«Дано государева жалования вотчины за московское осадное сидение в 126 (1617) и во 127 (1618) году, которые у государя в комнате: Борису Морозову (будущий воспитатель сына

царя — Алексея Михайловича и глава его правительства. — *Б.М.*), *Константину Михалкову — по 600 чети...*⁷⁸.

Эти 600 четвертей были максимальным количеством пахотной земли, которое можно было получить в вотчину из поместного оклада, который у **К. И. Михалкова** также был весьма велик для члена Государева двора — 1000 четвертей (данные внесены в первую, сохранившуюся после Смуты, Боярскую книгу 1616/1617 г.). Денежный оклад его как постельничего составлял 150 рублей. В ту же книгу в числе дворян московских записаны упоминавшиеся выше **А. И. Михалков**, его сын **Б. А. Михалков** и **Ф. Ф. Михалков**, но поместные и денежные оклады им еще не были назначены⁷⁹.

Следствием Деулинского перемирия было возвращение из польского плена царского отца — митрополита Филарета Никитича. Он прибыл в Москву 14 июня 1619 г., а уже 24 июня было совершено его поставление в патриархи Московские и всея Руси, которое провел Феофан, патриарх Иерусалимский. Сама встреча нового патриарха по своей пышности не уступала встрече нового царя в 1613 г. Она была описана и иллюстрирована в той же «Книге об избрании на царство Михаила Романова» 1673 г.

Прежние опекуны царя — члены клана **Михалковых-Салтыковых** — в этих церемониях еще фигурируют на видных местах. На первую встречу Филарета после размена пленными в пограничной Вязме Михаил Федорович послал «ближних своих бояр князя Юрья Еншина (Сулешова, зятя Салтыковых. — *Б.М.*) да Бориса Салтыкова з братом (Михаилом. — *Б.М.*)». Кравчий **Михаил Салтыков** приглашал Филарета в Золотую палату, где царь Михаил Федорович торжественно призывал его на патриаршество⁸⁰. Постельничий **Константин Михалков** также был рядом с государем.

Появление официального соправителя царя Михаила Федоровича — «великого государя святейшего патриарха» Филарета Никитича, как уже отмечалось, сильно ограничило влияние братьев Салтыковых во дворце. Но до проведения следствия по делу Хлоповой в 1623 г. они занимали те же позиции. Кравчий **Михаил Салтыков** в 1621 г. получил думный чин *окольничего* и продолжал возглавлять Оружейную палату и Аптекарский приказ. И. Е. Забелин приводит весьма любопытную подробность повседневной жизни царя, ссылаясь на дворцовые архивы:

*«Эта перемена в отношениях к Салтыкову подтверждается еще и тем, что кн. Черкасский вскоре сменяет его в исполнении одного домашнего дела, которое всегда поручалось самым близким и испытанным людям, кому вполне можно было верить. Борис Салтыков обыкновенно снимал или, как тогда еще выражались, легчил государю волосы, т.е. попросту стриг ему волосы, большею частью перед праздниками Рождества Христова и Светлаго Воскресения. Это продолжалось до 1620 г. С 1621 г. этим делом занимается уже боярин кн. Ив. Бор. Черкасский»*⁸¹.

⁷⁸ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 205.

⁷⁹ Там же. С. 139, 144.

⁸⁰ Дворцовые разряды. Т. 1. С. 393, 357; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 321.

⁸¹ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 238.

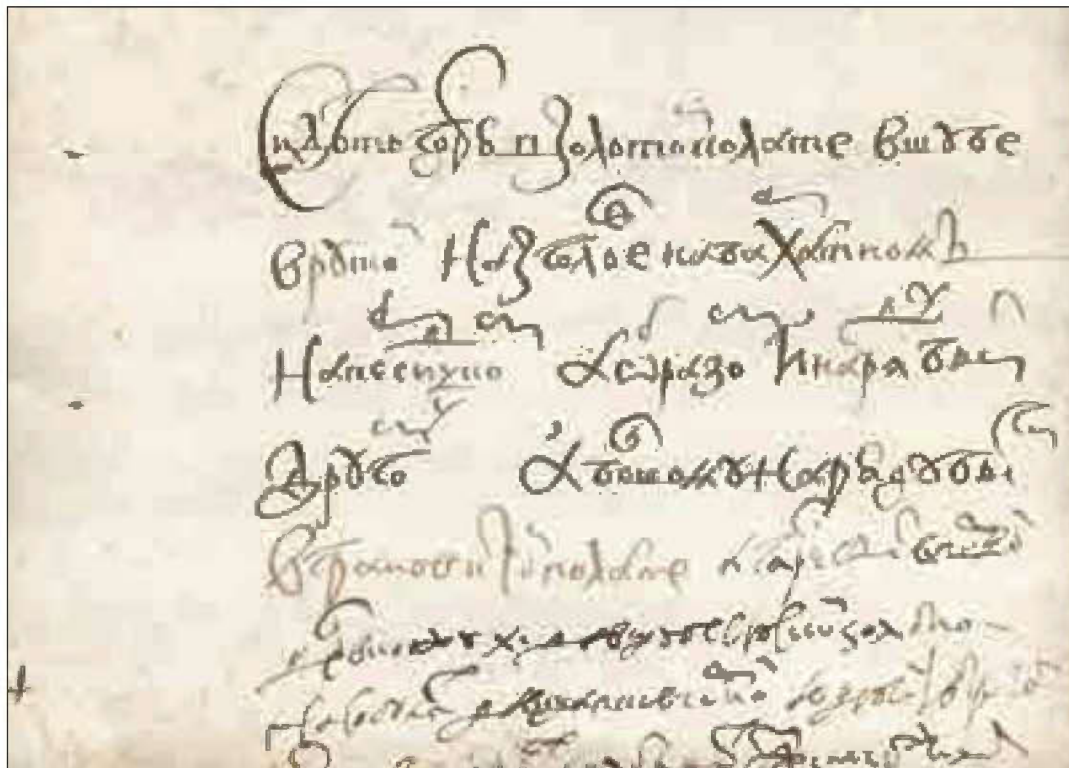
Клобук патриарха Филарета
Никитича.

- 1) Рис. Ф.Г. Солнцева с портрета из Теремного дворца.
- 2) Оригинал — Музеи Кремля. Ткань — Италия. Работа — Кремлевские мастерские. Жемчуг, золото, драгоценные камни, канитель золотная. Чернь, шитье, вязание.

Положение постельничего **К. И. Михалкова** оставалось достаточно прочным. Его ведомство, в том числе мастерские, после приезда Филарета активно включилось в обслуживание патриаршего двора.

Как известно, в 1621–1623 гг., еще до окончательного разрыва с Марией-Анастасией Хлоповой, были предприняты дипломатические попытки найти Михаилу Федоровичу невесту в Европе — в Саксонии, Дании и Швеции (не увенчавшиеся успехом). Только через год после отставки первой невесты Марфа Ивановна уговорила сына на брак с выбранной ею дочерью боярина князя Владимира Тимофеевича Долгорукого — Марией Владимировной. И. Е. Забелин, ссылаясь на летописцев, писал, «*что государь не желал этого брака и согласился на него только из послушания матери «аще и не хотя, но матери не преслушав, поят, вторую царицу Марью»*⁸². Эта невеста была, что называется, из «своего круга». Князя Долгорукие — отрасль князей Оболенских, потомков св. князя Михаила Черниговского. Княжна Мария Владимировна была родственница князя И. И. Шуйского (брата царя Василия) и князя Ю. А. Сицкого (двоюродного брата патриарха Филарета). Но, как окончательно доказано О. В. Щербачевым, новая царская невеста

⁸² Там же. С. 248. Ср.: ПСРЛ. Т. 5. Прибавления. С. 66.

1624 г. ранее и после сентября 18. — Дело о бракосочетании царя Михаила Федоровича с княжной Марьей Владимировной Долгорукой. РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отделение IV, рубрика II, № 14. Л. 1. Текст см. ниже.

была родственницей и братьев **Салтыковых** (через их бабу, княжну Барбашину-Суздальскую), и, соответственно, **Михалковых**⁸³. Вот откуда возможное влияние **Салтыковых** на выбор великой старицей Марфой Ивановной новой невесты для сына-царя.

Невесту ввели во Дворец за несколько дней до свадьбы, которая была назначена на 19 сентября 1624 г. Конечно, к свадьбе готовились заранее. По сведениям того же Забелина, из большого количества тканей и мехов изготовлялись наряды, бархатом и атласом драпировались свадебные помещения. Этим, естественно, занималась руководимая **К. И. Михалковым** Царская Мастерская палата, а также ее «филиал» в Вознесенском монастыре. В фонде «Государственное древлехранилище» РГАДА сохранился уникальный проект «чина» (с исправлениями и добавлениями думного дьяка И. С. Грамотина⁸⁴) — церемонии венчания с подробным описанием необходимых приготовлений, в том числе относящихся к ведомству постельничего, например:

«Сидеть государю в Золотой полате в шубе в русской на зголовье на бархатном, на персидском. А образом и наряду быти другому. А Большому наряду быти в Грановитой полате. (Далее рукой И. С. Грамотина. — Б.М.) А государю быти в первой день в козухе да в шубе в русской в золотной на соболях, да в шапке в черной. А в другой и в третей [день] в платьях золотных з жемчужным [кружевом и в шапках в черных]».

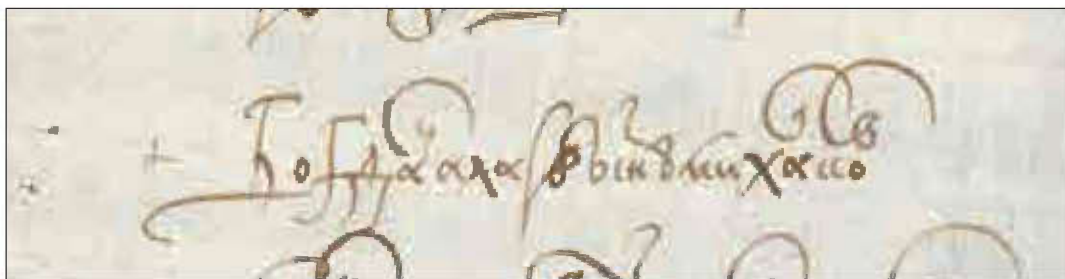
Постельничий **Константин Михалков** упоминается только один раз, но в случае, который ясно свидетельствует о его близости к царю, — во второй день свадьбы он и князь Андрей Васильевич Хилков (одно из первых лиц во дворе патриарха Филаре-

⁸³ Щербачев О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // *Летопись Историко-Родословного Общества в Москве*. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 64–66. В работе приведены очень важные в родословном отношении записи имен в общем родовом поминании М. М. Салтыкова в Синодике Переяславского Никитского монастыря. Среди них и князя Долгорукия, и Михалковы, в том числе дядя матери Салтыковых «убиенный» Полуект Михалков (о загадке его казни Иваном Грозным см. в главе о XVI в. С. 75–77).

⁸⁴ Думный дьяк И. Т. Грамотин — деятель Смуты, служивший и изменявший всем царям и самозванцам. Вошел в доверие к патриарху Филарету и был, вероятно, недоброжелателем Салтыковых — читал им в 1623 г. приговор, который, очевидно, и составил (см. с. 157–158).

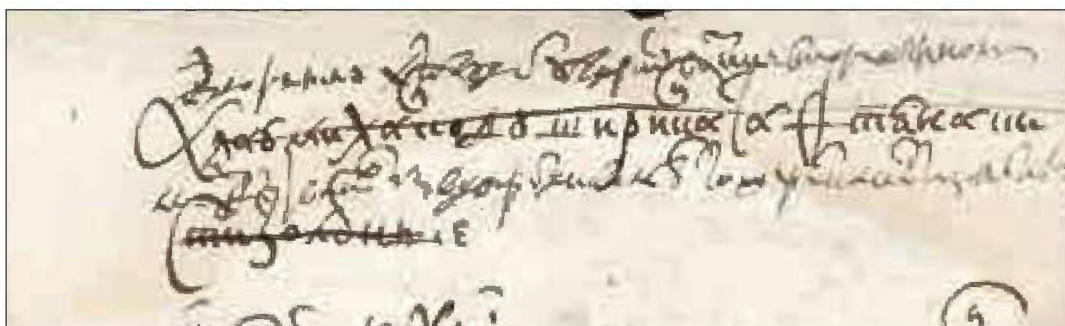
«Богдан Алаевъ с(ы)нъ
Михалков».

РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отделение IV,
рубрика II, № 14. Л. 33.

Запись об Алае Михалкове.

РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отделение IV,
рубрика II, № 15. Л. 20.

та) «у мыльни были» — организовывали для Михаила Федоровича баню. Жена же Константина Ивановича — **Ирина (Арина) Аврамьевна Михалкова** в свадебном разряде 1624 г. назначена быть рядом с новой царицей — «держала кик у места государынина» (кика — парадный головной убор — корона, украшенная жемчугом, бисером и драгоценными камнями)⁸⁵.

Планировалось участие в царской свадьбе и дворянина московского **Богдана Алаевича Михалков** — он был записан в список дворян в указанном проекте свадебного чина. Но по дальнейшим черновым пометам видно, что конкретного места («свадебного чина») он не получил.

Интересную и до конца не ясную информацию несет запись об отце Богдана Алаевича — **Алае Ивановиче Михалкове** в деле «о раздаче царских подарков» по поводу бракосочетания — расшитых убрусцев (платков) и ширинок (полотенцев). Подарки получали как присутствовавшие на свадьбе чины Боярской думы и Государева двора и представители духовенства, так и широкий круг дворцовых служащих, в том числе музыканты и лекари.

Первоначально четкой приказной скорописью было записано:
«**Алаю Михалкову ширинка тафтяна, кисти золотные**».

Затем эта запись было зачеркнута, и рукой И.С. Грамотина между строк, небрежным, неразборчивым почерком было написано:

«**Дворянину, хто будет у государыни великие старицы иноки Марфы Ивановны в дворецких, та ширинка, кисти золотны**».

Таким образом, можно предположить, что **А. И. Михалков** мог возглавлять двор царской матери, которая имела статус царицы. И, как следует из данной записи, должна была сохранить его и после бракосочетания сына. Но что значит зачеркивание

⁸⁵ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 631, 636, 1218, 1221.

Грамотиным имени **Алая Михалкова**? Возможно, он как раз к этому времени потерял свое положение по возрасту и здоровью (или по интриге Грамотина?) В 1626 г. **Алай**, уже как инок Арсений, сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь и умер через семь лет — в 1633 г.

Но, так или иначе, **Михалковы** были и во главе двора царской матери Марфы Ивановны уже с 1613 г.⁸⁶.

Бракосочетание царя Михаила Федоровича с княжной Марией Долгорукой закончилось еще более трагично, чем история с Хлоповой. Невеста заболела уже на второй день свадьбы (церемония должна была продолжаться четыре дня). Официальная запись в Дворцовой разрядной книге вынуждена отметить этот факт:

«А в другой и в третьей день (20 и 21 сентября 1624 г.— Б.М.) ели у государя бояре все, а сидели в Большом столе без мест. А царицына выхода в те дни не было, потому что, по грехом, в то время царица и великая кнеиня (так!) Марья Володимировна не помогла (занемогла.— Б.М.)»⁸⁷.

Болезнь была серьезная, но подробности ее неизвестны. Через три с половиной месяца в той же Разрядной книге за 1625 г. появилась краткая запись: *«Генваря в 6 день на Крещение Господне в ночи, преставися царица Марья Владимировна. А погребли ее в Вознесенском монастыре»⁸⁸.*

Цитировавшийся уже Псковский летописец (один из немногих неофициальных источников о браках Михаила Романова) в связи со смертью Марии Долгорукой писал:

«... Преставижесе по трех месяцев царица, и паки царю скорбь велия бысть, такоже отцу его и матери. А все то зло сотворися от злых чаровников и зверообразных человек, не хотящих видети христианского покою и тишины, и гнушахуся своего государя, и гордяхуся, не хотяще в покорении и в послушании пребыти, и не боящесе, отнюдь, понеже милостив бе, и любяше и миловаше их, и вся подаваше им, яже они прошаху, и своеволни беша. Якоже и прежде рех: Издавна бо похотеша себе государя взяти от чюждих стран, просиша многожды из Польши и из Свеи (Швеции.— Б.М.), а своего государя царя Василия в Литву отдаша и литовского короля возлюбаша, от него же и разорени быша. Бог им воздал по их желанию...»⁸⁹.

Кто же на сей раз виноват в болезни царицы, которая, казалось, устраивала Романовых и всех их родичей? Никакого следствия и расспросов врачей, лечивших царицу, не проводилось — возможно, просто из-за равнодушия царя. И.Е. Забелин писал: «Кто был виновником этого нового несчастья для государя, кто был строителем этой новой жертвы дворских боярских интриг и козней, нам неизвестно». Далее Забелин дает краткий пересказ цитированной выше Псковской летописи и делает примечание: «В свадебной разрядной записке мы встречаем следующее: у постели новобрачных в чине постельничих к подклету были назна-

⁸⁶ Примечательное свидетельство этому находим в «сказке» 1633 г. Богдана Кошкина, царицына сына боярского, о том, как его обвинили в незаконном владении вотчиной в Суздальском уезде, пожалованной ему царем в 1613/1614 г. за службу в Смуту: «...и государева бутто жаловалная грамота у меня на то мое вотчинишко воровская, и печать бутто у тое грамоты не прямая». Кошкин же отвечал: «И яз, взяв то государеву жаловалную грамоту, бил челом **постельничему и печатнику Костянтину Ивановичю Михалкову**, потому что в те поры царицыны дети боярские приказаны были ему **Костянтину**. И Костянтин Иванович, видя мою бедность и увечье, велел мне тое грамоту запечатать беспошлино, и та государева печать у тое грамоты прямая» (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601–1608. М., 2003. С. 329–330).

⁸⁷ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 633.

⁸⁸ Там же. Стб. 658.

⁸⁹ Прибавления к Псковским летописям // ПСРЛ. Т. 5. С. 66.

- ⁹⁰ Забелин. И. Е. *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.* С. 249 и прим. 1.
- ⁹¹ Так или иначе, она связана с мифической женой Ивана Грозного — княжной Марией Долгорукой, которую он якобы утопил, «не обретя девства». А в недавно переведенной книге немецкого историка Д. Йена «Русские царицы» (М., 2006) вдруг была выдвинута фантастическая гипотеза, что невеста царя Михаила Романова княжна Мария Владимировна Долгорукая была уже беременна и умерла от неудачных родов.
- ⁹² В основе этой легенды — публикация известного археолога и писателя XIX в. архимандрита Леониды (Кавелина) (1822–1891): «Лукьян Степанович Стрешнев. Старинное историческое предание» (ЧОИДР. 1872. Т. 2. Смесь. С. 1–9). В примечании к заголовку публикации указано: «Из сборника прошлого столетия» (т.е. XVIII в. — Б.М.), но характер этого текста, целиком относящегося к исторической беллетристике, позволяет предположить и возможную стилизацию «под старину», относящуюся ко времени архимандрита Леониды (он был также автором стихов и прозы). В начале текста «Старинного исторического предания» классический сказочный сюжет «Золушки» — бедная девушка Евдокия Стрешнева после смерти матери отдана на воспитание богатым родственникам, которые ее помыкают. А когда дочь хозяйки предстает перед царем, то он выбирает ее скромную спутницу. Далее следует сентиментальная сцена, когда мать царя Михаила Федоровича сначала возражает против незнатной невесты, но, видя слезы сына, соглашается. (Корсакова В. Стрешнев Лукьян Степанович // РБС. Т. 19. С. 580–581). Сам же архим. Леонид после текста «Предания» поместил свою работу «Исследование о роде Стрешневых» (Там же. С. 10–18), которая опровергает легенду

чены боярин Федор Иванович Шереметев с женою Марфою Петровною и отец новобрачной Владимир Тимофеевич Долгорукой с женою, а ее матерью, Марфою Васильевною. Постельничие бояре стлали также по пути к подклету атласы. Долгорукий при этом бил челом государю на боярина Федора Ивановича Шереметева *недружбою*, а с ним был, как отмечает записка, указывая тем, что челобитье было не по поводу мест, а только по недружбе. Таким образом, недружба гнездилась уже подле самой брачной постели и без сомнения была немаловажна, если вызвала даже и заявление со стороны Долгорукого (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 634, 1221)⁹⁰.

Действительно, отцу новой царицы на ее свадьбе бить челом на влиятельнейшего боярина и царского родственника (следовательно, и на своего нового свойственника) можно было только по очень большой «недружбе». Но царская мать, выбиравшая невесту, должна была учитывать это (здесь уже ей не могли посоветовать отстраненные от нее близкие люди — старица Евникея Михалкова-Салтыкова и ее сыновья). Или князь Долгорукий неожиданно узнал о готовившихся кознях против его дочери? Наверное, местнический счет здесь не мог ничего изменить, и, очевидно, у старого князя, как сейчас принято говорить, просто не выдержали нервы.

После смерти царицы Марии Владимировны князь В. Т. Долгорукий почти два года оставался в Москве (хотя историки подчеркивают, что он потерял влияние и был удален), и только в конце 1626 г. получил назначение воеводой в Вологду, что по его боярскому чину было, конечно, ссылкой. Смерть его дочери-царицы также остается одной из загадок отечественной истории⁹¹.

Первому царю новой династии Михаилу Федоровичу шел уже 30-й год, а он был вдовец и не имел наследников. Он не отличался крепким здоровьем и, как свидетельствовали современники, страдая болезнью ног, с трудом ходил (следствие плохого питания в детстве, в ссылке при Борисе Годунове?). Болезнь эта стала наследственной для Романовых.

Конечно, в его окружении стали думать о новом браке. На сей раз выбор пал на представительницу незнатного дворянского рода Евдокию Лукьяновну Стрешневу. В литературе бытует версия, что ее выбрал на смотре сам царь. Сама она не была в числе отобранных со всей страны боярышень, а приходилась дальней родственницей одной из кандидаток и была ее «прислужницей»⁹². Но в действительности выбор невесты (ее представление Михаилу Федоровичу) из данной фамилии мог определяться близостью к царю одного из ее родичей.

Речь идет о **Василии Стрешневе**, который вместе с **Константином Михалковым** в числе узкого круга лиц (11 человек) получил жалованные вотчинные грамоты за «*московское осадное сидение*» в 1617–1618 гг.

Василий Иванович Стрешнев был сыном дьяка и воеводы Ивана Филипповича Стрешнева (ум. 1613), имевшего, очевидно, обширные связи в московских приказных и придворных кругах⁹³. Василий Иванович был четвероюродным братом отца будущей царицы. Не только ближайшие родственники — отец и брат царицы, но еще 9 родичей Стрешневых (в том числе, конечно, Василий Иванович, из них самый дальний) получили в 1630–1690 гг. думные чины бояр и окольничих.

Василий Иванович Стрешнев был, несомненно, одним из главных сотрудников и помощников **Константина Ивановича Михалкова** в его обширном хозяйстве постельничего (наряду с упоминавшимся на с. 138 «стряпчим с ключом» И.И. Чемодановым). В 1614 г. Стрешнев, уже имея придворный чин *стряпчего*, становится «комнатным *стряпчим*», то есть начинает выполнять службу в непосредственной близости к царю. А в 1616 г. он получает особую должность и чин «*стряпчего с платьем*», который ведал не только царской одеждой, но также и другими предметами личного царского обихода⁹⁴.

В 1620-е гг. В.И. Стрешнев повышает свой статус, получив чин *стольника* (очевидно, «комнатного *стольника*», которые также подчинялись *постельничему К.И. Михалкову*). 21 декабря 1624 г. (незадолго до смерти царицы Марии Владимировны), в День памяти московского митрополита Петра, на приеме у патриарха Филарета *стольник* Василий Стрешнев исполняет обязанности *кравчего* вместе с князем В.Я. Сулешовым⁹⁵.

Забегая вперед, следует сказать, что Василий Стрешнев сразу после царской свадьбы стал *дворецким* царицы Евдокии Лукьяновны и мог участвовать в формировании ее двора. Но, как уже было показано выше, общее руководство царицыным хозяйством осуществлял царский *постельничий Константин Михалков*. Вполне вероятно, что *постельничий* мог поддержать выбор новой царской невесты Евдокии Стрешневой. Еще одним подтверждением этого может служить более видное положение **К.И. Михалкова** на второй царской свадьбе со Стрешневой, чем на предыдущей — с княжной Долгорукой.

От второй царской свадьбы в «Государственном древлехранилище» сохранился практически такой же комплекс источников, как и от первой — свадебный чин, списки участников церемонии и дело о раздаче убрусцев и ширинок. Правда, дело о раздаче подарков сохранилось не полностью, зато свадебный чин представлен в черновом и беловом экземплярах, и в некоторых деталях более подробен.

В списке членов Двора на царской свадьбе 1626 г. указан «*Постельничей Костянтин Иванович Михалков*». Следующее имя его помощника — «*стряпчего с ключем*» И.И. Чемоданова почему-то зачеркнуто, но он на свадьбе был (РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отделение IV, рубрика II, № 18. Л. 2).

о незначительности рода и крайней бедности царской невесты. Братья ее отца еще в 1610-е гг. служили городовыми воеводами, а сам он — полковым «головой». Но об особой близости к царю комнатного *стряпчего* и *стольника* Василия Ивановича Стрешнева автор не пишет — о нем см. далее.

⁹³ И. Ф. Стрешнев служил в Москве дьяком, возможно, еще со времен Ивана Грозного, а при Лжедмитрии I получил чин думного дворянина. После свержения Самозванца он этот чин потерял, но верно служил Василию Шуйскому воеводой в Великом Устюге. При Семибоярщине он опять думный дворянин — с этим чином он в 1611 г. подписывает грамоту Боярской думы к польскому королю. А затем, вместе с князем В. Г. Ромодановским, возглавляет особую Московскую Судную избу (Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2. С. 383; Корсакова В. Стрешнев Иван Филиппович // РБС. Т. 19. С. 577–580).

⁹⁴ Корсакова В. Стрешнев Василий Иванович // РБС. Т. 19. С. 572–575.

⁹⁵ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 654–657. На этом пиру опять проявилась вражда князей Долгоруких с боярином Ф. И. Шереметевым: окольничий князь Д. И. Долгорукий бил челом, «что ему сидеть ниже его у стола невестно». Ему довольно резко ответили, что «не достало ему, князю Даниле, в отечестве не токмо до боярина Федора Ивановича, но и до племянников его». Князя Долгорукого за «бесчестье» Шереметева посадили в тюрьму, но был он там всего 4 дня и по поводу Рождества «государь пожаловал его князь Данила, из тюрьмы выпустить велел, а с двора съезжать не велел до государева указа». Указ этот последовал на Богоявление — 6 января 1625 г. — в день смерти царицы Марии Владимировны Долгорукой... (Там же. С. 57).

Альбом конца XVII — начала XVIII в. с текстом и рисунками. «Описания в лицах» свадьбы царя Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны Стрешневой в 1626 г. Переплет в коже с тиснением золотом. РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отделение V, рубрика III. № 16.

Заголовок рукописи (автограф А. Ф. Малиновского?): «Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 фев(раля) 5 при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Феодоровича. Сия старинная рукопись внесена в Библиотеку Государственной Коллегии иностранных дел Московского архива коллежским ассесором Алексеем Малиновским 1796-го».

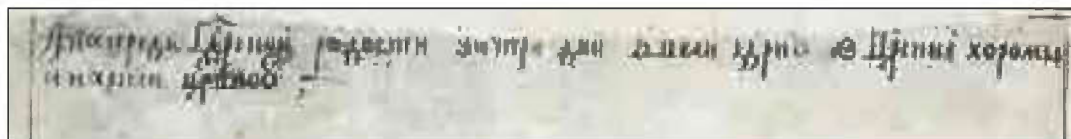

«Лета 7134 (1626) генваря в 29 день государь царь и великий князь Михайло Феодорович всеа России самодержец советовав со отцем своим, великими государем святейшим патриархом Филаретом Никитичем Московским и всеа России, и с матерью своею, великою государынею инокою Марфою Ивановною, чтобы ему, государю, сочетатися законному браку в наследие роду его государского ...» (л. 2 об., миниатюра — л. 3).

Справа условно изображены духовные лица (иерархи и приближенные патриарха), слева — светские — члены Боярской думы и высшие дворцовые чины. Этот совет формально оформил, уже принятое решение о браке с Евдокией Стрешневой. На нем, естественно, присутствовал **К. И. Михалков**, поскольку постельничий принимал самое активное участие в организации свадьбы, об особенностях церемонии которой и принималось решение (быть всем «без мест»).

«А напредь Государской радости за три дни ввели государыню в Царские хоромы и нарекли царевною» (л. 4 об., миниатюра — л. 5).

Как и в случае с княжной Долгорукой, из соображений безопасности, царскую невесту помещают во Дворце за три дня до свадьбы («Государской радости»), но называют не царицею, а царевною. Изображая на миниатюре единственного мужчину, кремлевский художник середины XVII в., очевидно, знал, что всем внутренним дворцовым распорядком занимался царский постельничий — в данном случае **К. И. Михалков**.

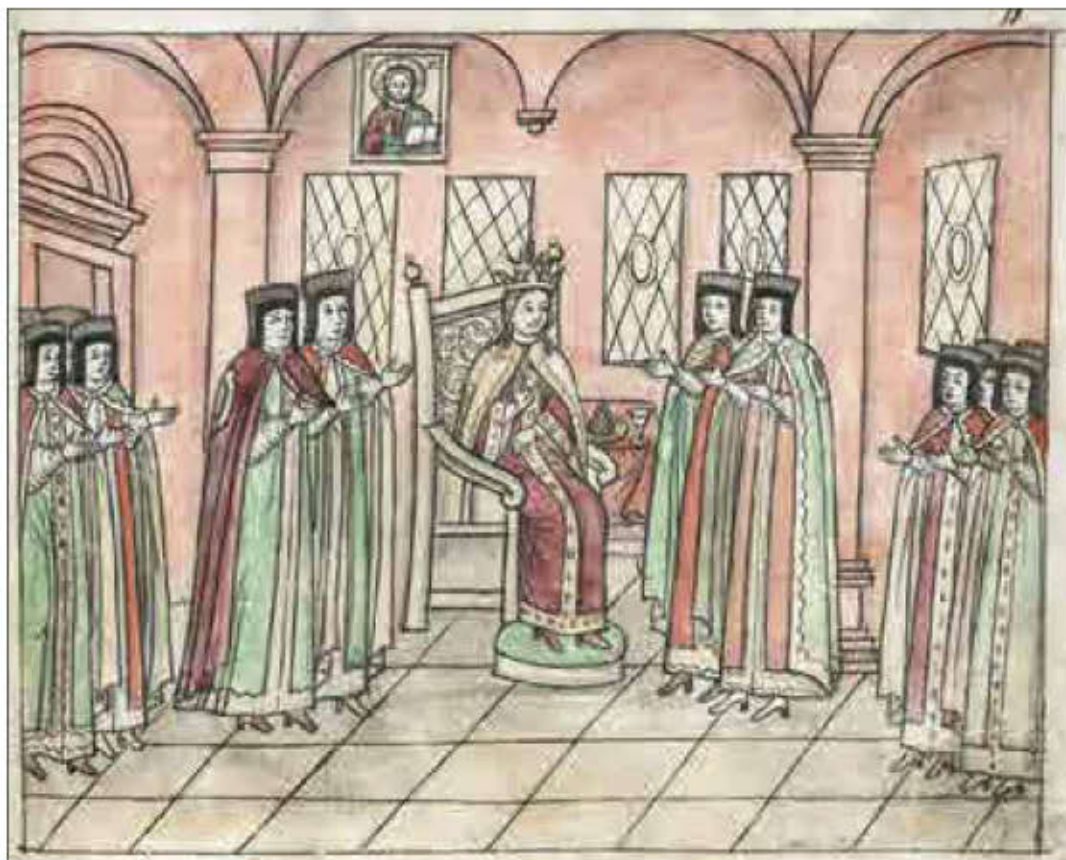
В день свадьбы 5 февраля 1626 г. царь Михаил Федорович молился в Чудове монастыре у мощей митрополита Алексея. Слева с царским венцом в руках **К. И. Михалков** (л. 10). См. миниатюры с постельничим с царской шапкой на с. 145 и 166.

Царь Михаил Федорович утром в день свадьбы едет по Кремлю к матери Марфе Ивановне в Вознесенский монастырь, за ним думные и ближние люди (л. 11).

«А место чертожное, на котором сидел государь и государыня, устроено было в Грановитой палате, обито бархатом червчатым, а на нем два зголовья бархатных золотных в один узор, наковы государь указал, а на зголовье положено по сороку соболей ... Да у места ж поставлен был стол, а на столе послано три скатерти да положена перепеча (свадебный кулич. — Б.М.), которую подносили ко государю и государыне...» (л. 14 об.) — работа мастеров и постельничего **К. И. Михалкова**. Возможно, справа — это он проверяет готовность убранства к церемонии, слева дьяк А. Подлесов с соболями, которыми затем свахи будут опахивать новобрачную (л. 15).

Наряженная невеста ждет «до времени» в царицыных хоромках. «А у ней свахи и боярыни», в том числе жена постельничего **Ирина Аврамьевна Михалкова**, которая затем понесет ее кичу (л. 16).

«Свеча государева три пуда,
а государынина два пуда...
... А свечники были у свеч:
у государевы — стольник Михайло
Васильев сын Олферьев, да Дмитрией
Михайлов сын Толочанов.
У царицыны (в разрядной записи —
«государынины»). — Б.М.) — стольники
Василей Иванов сын Стрешнев,
да Яков Михайлов сын Толочанов»
(л. 17 об.). Царская свеча, очевидно,
слева, значит В. И. Стрешнева можно
видеть справа (л. 18). На свадьбе,
наряду с другими Стрешневыми,
были его мать (вдова дьяка
И. Ф. Стрешнева) и жена, что говорит
о его определенном влиянии.

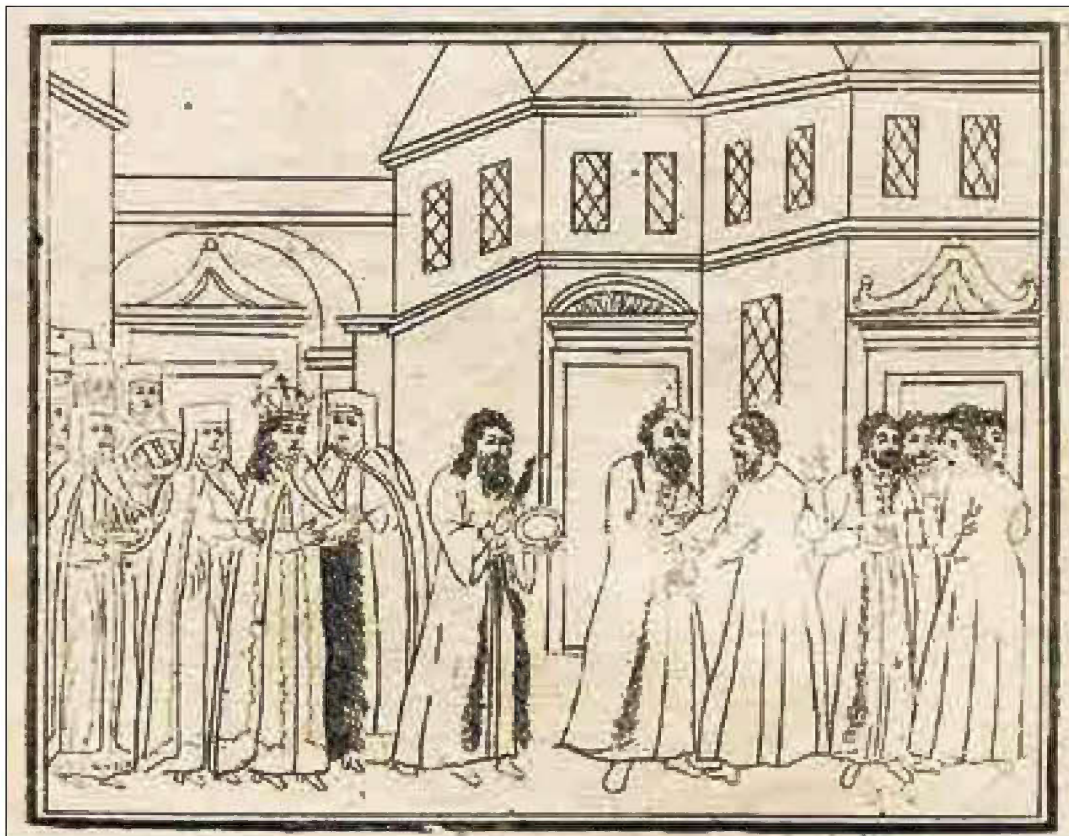
«А за тем шли царевнины дружки:
боярин Михайло Борисович Шеин,
да князь Роман княж Петров сын
Пожарской. Да перед государынею
шли наперед по сторонам: околни-
чей князь Григорей Константинович
Волконской, да дьяк Иван Болотников
и берегли пути, чтоб никто не пере-
ходил. А за ними шел благовещенской
поп Насетка (известный писатель
начала XVII в., о его связи с кланом
Михалковых-Салтыковых см. далее. —
Б.М.) и кропил путь святою водою.
А з государынею царевною шли и вели
под руки свахи большие. Да подле
ее, государыни, для береженья шли,
с правую сторону: боярина Иванова
жена Никитича Романова Ульяна
Федоровна, а с левую: княж Андреева
княгиня Даниловича Сицкого Федора
Семеновна. А за государынею шли
боярыни. А с кикою шла **постельничего
Костянтинова жена Михайловича**
(Так! См. ниже. В издании 1810 г. ис-
правлено) **Арина Аврамьевна**. А за бо-
ярынями несли убрисцы и ширинки
государевы, и патриарши, и госуда-
рыни великие старицы иноки Марфы
Ивановны на золоченых блюдах»
(л. 21 об.). Тот же текст в белой ру-
кописи чина царского бракосочетания
5–8 февраля 1626 г.: «А с кикою шла
постельничего Костянтинова жена
Ивановича Михалкова Орина Авра-
мьевна» (РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отде-
ление IV, рубрика II, № 16. Л. 17).

Невеста идет из своих хором
в Грановитую палату.
Кикою несет **И. А. Михалкова** —
1-я слева (л. 22).

подо кня Андреева княгиня Даниловича Сицкого Федора Семеновна
Озаренед шки боярыни Осингод шла постельничего
постельничего Костянтинова жена Михайловича Орина Аврамьевна
Боярыни и кикою с Боженом и кикою Тр...

Та же сцена с **И. А. Михалковой** (1-я слева) — гравюра издания 1810 г.

Инициатор этого издания — П. П. Бекетов, коллекционер и историк (друг молодости и дальний родственник Н. М. Карамзина), председатель Общества Истории и Древностей Российских, в предисловии писал:

«О достоверности сей книги не можно иметь никакого сомнения; она пове-
ряема была в повествовании со мно-
гими старинными списками (отсюда
исправление фамилии **И. А. Михал-
ковой**. — Б.М.). Приложенные же при
ней изображения, надеюсь, обратят
на себя внимание любящих отече-
ственные древности, да и всякому
Русскому не неприятно будет видеть
старинные обычаи наших предков.
Описываемое здесь обстоятельство
тем достойнее примечания, что
напоминает нам время, в которое
Россия, так сказать, как бы воскресла
и, стряхнув с себя иго иноплеменных,
явилась опять в настоящем своем
виде»*.

Невеста Евдокия Стрешнева в Грановитой полате (л. 23). Рядом с ней «на царя и великого князя месте» князь Я. К. Черкасский (недавно приехавший из Кабарды двоюродный брат боярина князя И. Б. Черкасского). За столом сидят жены знатнейших бояр: «в метерне место» жена боярина И. Н. Романова Ульяна Федоровна, далее — боярина князя А. Д. Сицкого княгиня Ульяна Семеновна, далее — боярина князя И. И. Шуйского (брата царя Василия) княгиня Евдокия Васильевна, четвертая — жена боярина князя Ю. Я. Сулешова (члена клана **Михалковых-Салтыковых**, недавно возвращенного из ссылки на воеводство в Сибирь) княгиня Марфа Михайловна — дочь **Екатерины Андреевны Михалковой** (старицы Евникии Михалковой-Салтыковой, сосланной в 1624 г. в Суздальский Покровский монастырь) и внучка воеводы **Андрея Тимофеевича Михалкова**.

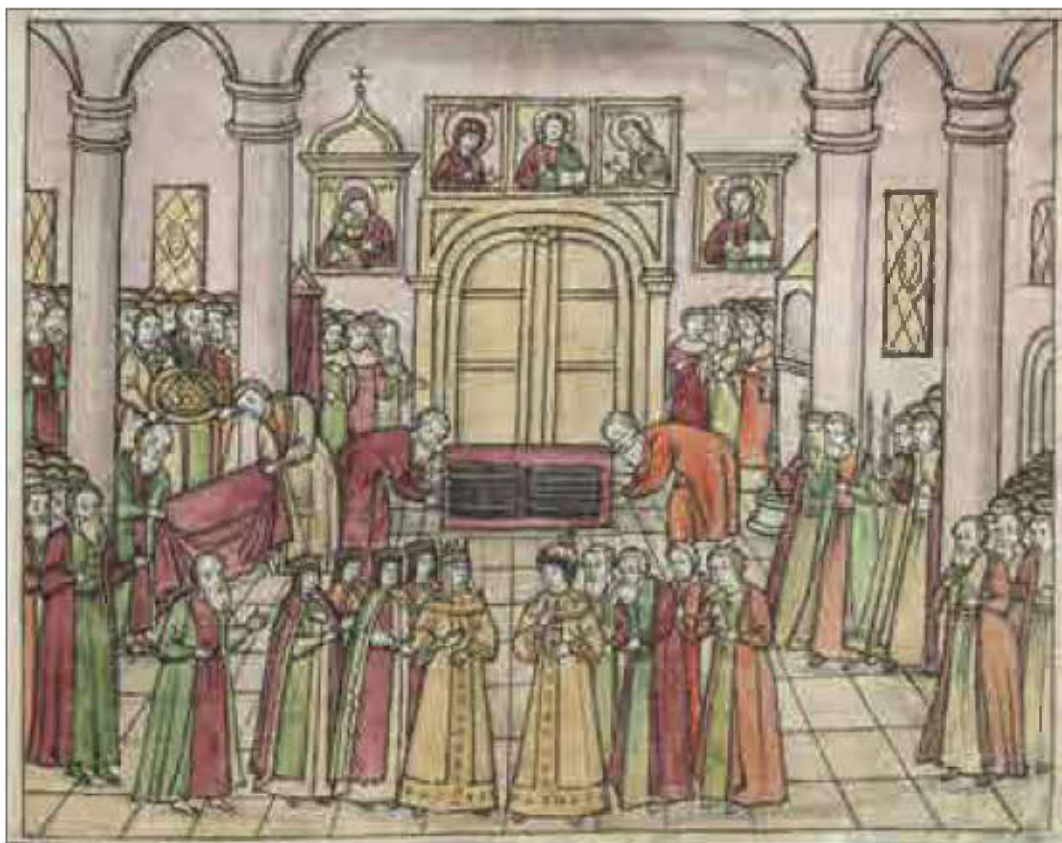
* Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году февраля 5 при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Феодоровича с государы-

ней царицею Евдокией Лукьяновною из рода Стрешневых. Москва, печатано с одобрения Цензурного комитета, учрежденного для Округа Императорского Москов-

ского Университета в типографии Платона Бекетова, 1810. Во многих экземплярах гравированные на основе рукописи МАКИД рисунки раскрашивались от руки.

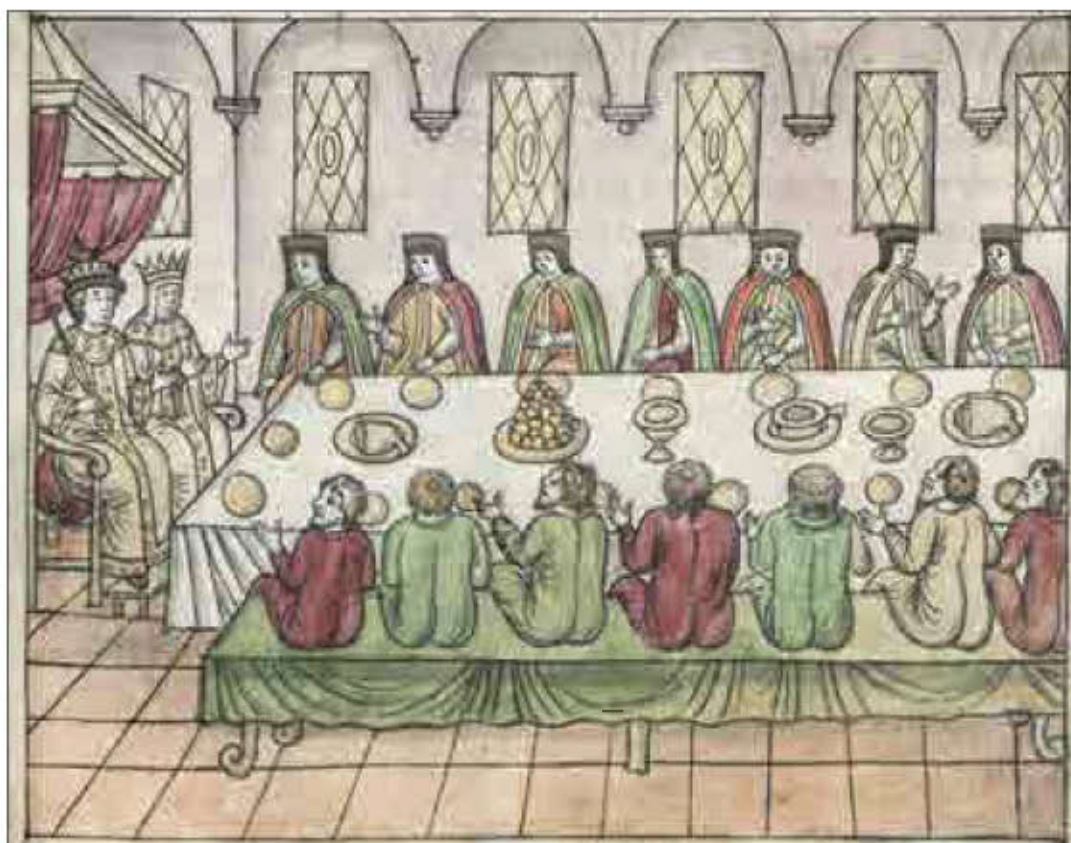
Царь занял свое место.
На невесту положили принесенную
И. А. Михалковой кичу и «покрыли
убрусом, а убрусец был низан
жемчюгом с дробницами золотыми»
(л. 30).

В Успенском соборе готовились к церемонии венчания: «А у левого крылоса у столпа ... на скамейке послан был ковер кизылбашской золотной, да положены два зголовья бархат червчет (темно-красный.—Б.М.) з золотом ... А скамью поставили и ковер шатерничей (подчиненные **К. И. Михалкова**—Б.М.) ... А подножие под государя и под государыню слал столник князь Федор княж Алексеев сын Сицкой (его отцу в 1615 г. «сказывал боярство» **К. И. Михалков**— см. с. 148)—камку червчету... сшив вдвое, а на ней положено было 40 собoley, по 20 собoley головами вместе» (л. 40 об., 41)— и здесь работали мастера постельничего.

После венчания царь на коне и царица в снях со свахами едут в Грановитую палату на первый свадебный пир. За ними следуют все участники церемонии (л. 46).

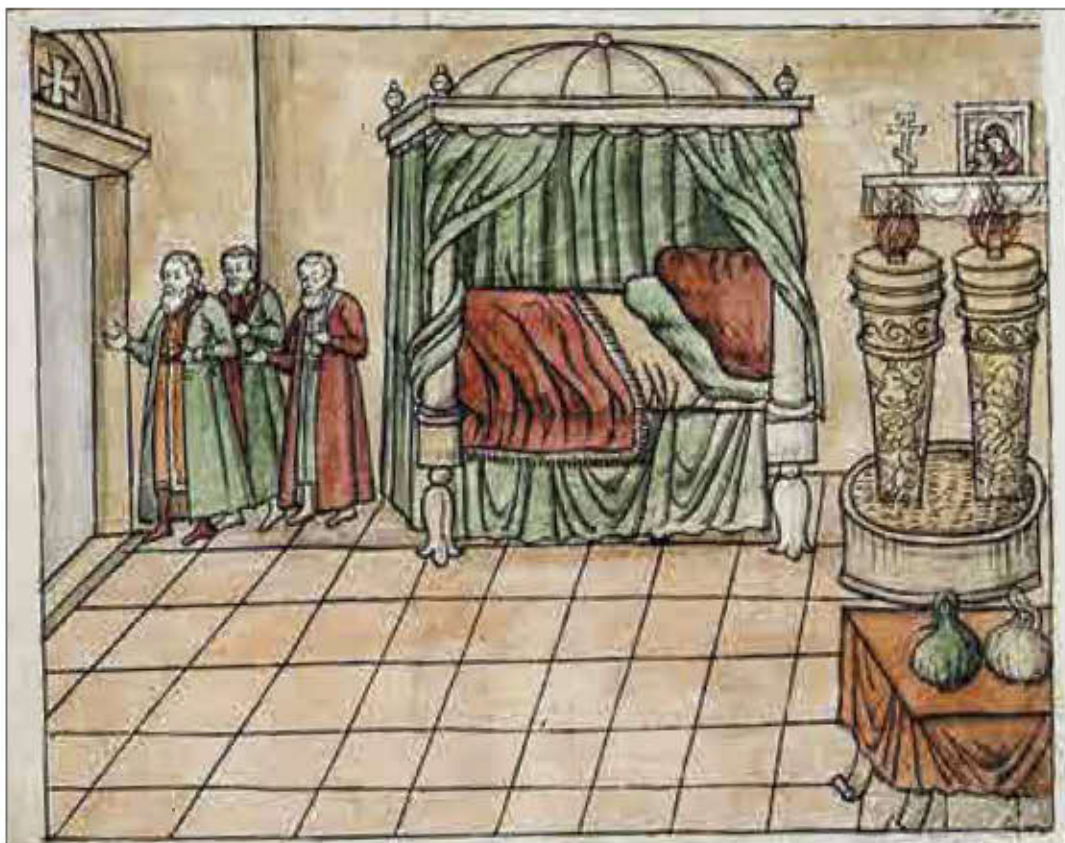

«И пришед царь и великий князь и его царица в Грановитую полату, сели на прежнем своем месте. А бояром, и боярням, и поезжаном велел государь сести по своим местом. И после того царь и великий князь велел перед себя государя на столы ставить ествы и подавать вина Фрязские» (л. 48).

Перед дверями «сенника» — брачного ложа — посаженный отец боярин Иван Никитич Романов (дядя царя Михаила Федоровича) отдавал государю царицу, в дверях говорил речь: ... Изволил ты, государь, ... сочетатися законному браку в наследие вечно вашему царскому роду, во обладание великих государств ваших, а поняти за себя царицу и великую княгиню Евдокию Лукьяновну. И ты, великий государь, свою царицу, а нашу государыню, приемли и держи, как человеколюбивый Бог в законе нашем истинные христианские веры устроил, а апостолы и отцы предаша. Жена боярина Ивана Никитича Романова, «что в материно место, положи на себя шубу соболью шерстью вверх осыпала царя и великого князя и его царицу осыпалом» (зерном, монетами?) (л. 50 об., 51).

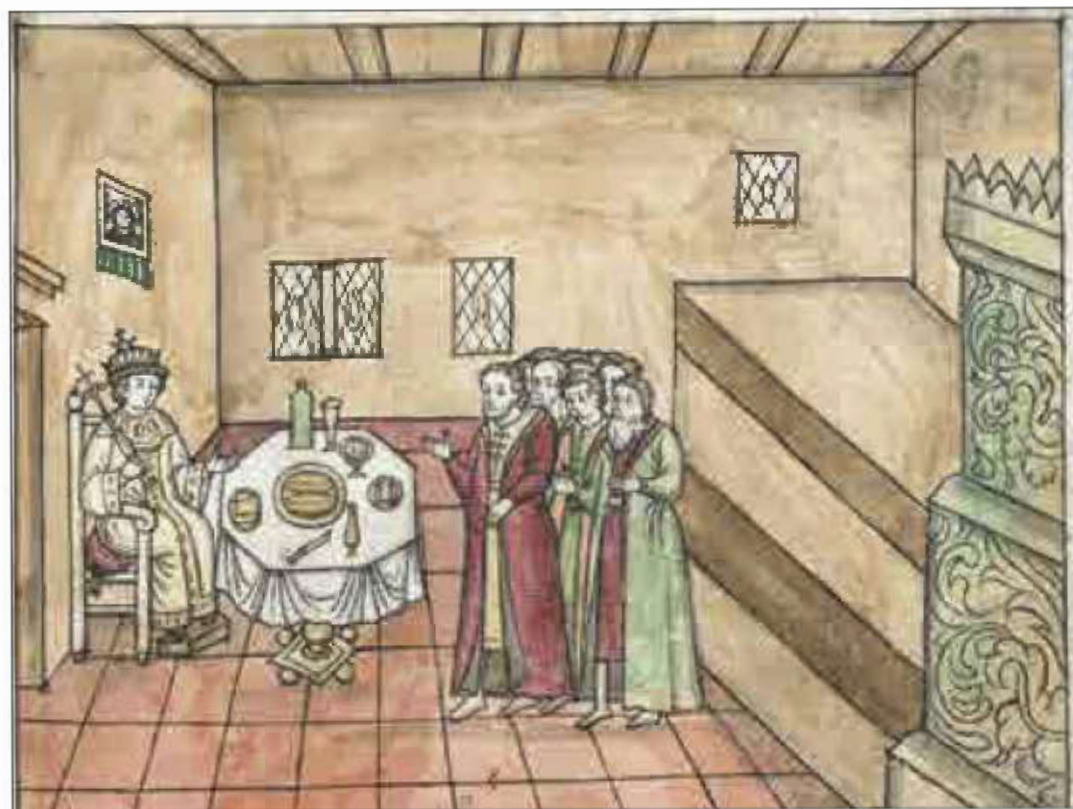

«А постелю слали в сеннике боярин Федор Иванович Шереметев, да окольничий Лев Иванович Карпов, да Лукьян Степанович Стрешнев, и друшки, и свахи, и спальники, которые живут у государя в комнате, на снопах ржаных. [А постлали под постелю тридевять снопов ржаных], а на верх того 7 перин, и бумажников, и зголовий бархатных, и камчатых, [и отласных, и покрыли одеялом]» (л. 52 об. Пропущенное восстановлено по «Чину»). Естественно, что боярин, окольничий и отец невесты, изображенные на миниатюре, лишь ритуально занимались брачным ложем, а реально все готовили указанные «спальники» (комнатные стольники) под руководством постельничего **К. И. Михалкова** (л. 53).

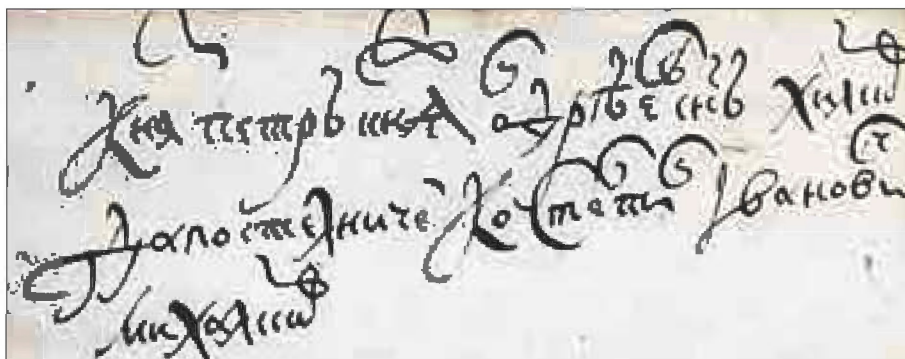
«А после того, по времени, велел государь бояр отца и мать, и тысяцкова, и дружек, и свах, и боярынь ближних, которые в комнате и которые у постели, позвать к себе. И кормили государя в сенях, перед сенником, отец и мать и бояря ближние, а государыню кормили в сеннике мать, и свахи, и боярыни, которые в комнате и которые у постели» (л. 54 об., 55).

«А на завтрее, в понедельник, государь, вышед из сенника, был в мыльне. И кушал государь в мыльне, а ествы были приказные. И жаловал государь, подавал ближним бояром ествы. А бояр и околничих жаловал Государь, подавал Романю (привозное вино высокого качества. — Б.М.) в купках» (текст л. 55 об., миниатюра л. 56).

Аналогично описано в Летописи о том, как бояре и околничих жаловали государя, подавая Романю (привозное вино высокого качества. — Б.М.) в купках.

Запись о К.И. Михалкове в проекте свадебного чина 1626 г.
РГАДА. Ф. 135. Отделение IV, рубрика II,
№ 18. Л. 113.

Но главным и наиболее известным историческим памятником бракосочетания Михаила Федоровича и Евдокии Стрешневой является «лицевая» рукопись, иллюстрирующая это событие. Очевидно, она создана, как и «Книга об избрании на царство Михаила Федоровича», в Посольском приказе в 1670-е гг., и основана на свадебном чине и разрядных записях. К сожалению, подлинник ее не сохранился, но сохранился ряд копий XVIII — начала XIX в., частного происхождения. Наиболее ранняя копия — петровского времени (конца XVII — начала XVIII в.) сохранялась в Московском архиве Коллегии иностранных дел (ныне — в РГАДА). Эта рукопись была в 1810 г. издана, и вошла в состав многих дворянских библиотек. На ряде миниатюр этой книги можно увидеть **Михалковых** (где точно, где условно), хотя в пояснительных текстах к ним отмечена только жена постельничего **Константина Ивановича — Ирина (Орина) Аврамьевна Михалкова**.

Запись на л. 55 об. (см. с. 183 внизу) основана на окончательном тексте «чина», который содержит также имена присутствующих при этом свадебном обряде «в мыльне» (в бане) кравчего князя В. Я. Сулешова и комнатных стольников (№ 17, л. 46, 47), они же указаны и в Дворцовых разрядах⁹⁶. Между тем, в другом деле Царского архива (№ 18), содержащем различные списки (черновые и белые) имен членов Государева двора, из которых отбирались участники разных церемоний царской свадьбы 1626 г. на л. 100–115 помещен собственно черновой проект свадебного чина с правкой думного дьяка И. С. Грамотина, тогда как другие рукописи «чина» создавались, когда свадьба уже совершилась.

В этом проекте под заголовком: «У мыльни быти» (л. 112) на л. 113 помещены имена: «**Князь Петр князь Андреев сын Хилков да постельничей Костентин Иванович Михалков**», а уже далее, еще под одним заголовком: «З государем в мыльни быти», помещены имена кравчего князя В. Я. Сулешова и комнатных стольников.

Почему же имена князя П. А. Хилкова и **К. И. Михалкова** не попали в окончательный «чин» бракосочетания царя Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны Стрешневой и в Дворцовые разряды?

На предыдущей царской свадьбе с княжной Марией Долгорукой постельничий **К. И. Михалков** с князем А. В. Хилковым

⁹⁶ Дворцовые разряды. Т. 1. С. 784–785. Причем, в публикации 1850 г. допущена примечательная опечатка — вместо комнатного стольника Василия Яковлевича Милюнова (брат которого местничался с К. И. Михалковым — см. с. 60, 76) указан Василий Яковлевич Михалков, который действительно существовал в это время, и эта служба в Родословной Михалковых 1898 г. приписана ему (с. 186, № 48).

«А стол того дни (на 3-й день свадьбы.—Б.М.) у государя был в большой в Грановитой полате. А за столом государь сидел за золотым, блиско стены, и с ним царица и великая княгиня. А у нея стояли свахи, да свахам же для потчиванья (в рук.: для опочивания) поставлен был столик невеликой... А отец, и мать, и тысячкой, и бояря сидячие сидели в большом столе... А в другом столе сидели бояря, да протопоп Благовещенской, и околничие, и думные люди (здесь должен был сидеть **К. И. Михалков.**—Б.М.), и поезжаня, и которые были у свеч и у короваев, да дворяня и дьяки, которые стояли у дверей для бережения (среди них мог быть **Б. А. Михалков.**—Б.М.)» (л. 59 об., 60).

«И того дни (на 4-й день—8 февраля 1626 г.) великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси у государя ел со всеми властми (церковными.—Б.М.). А стол был в Грановитой полате, по обычею, без свадебных чинов. А взвары и овощи подавали государю и в столы ставили по свадебному чину» (л. 67 об., 68). В «чине» свадьбы и в лицевой рукописи на этом заканчивается текст, но в Дворцовых разрядах (Стб. 787, 788) записаны все участники этого последнего свадебного пира (а не только духовные лица, как на миниатюре)— члены Думы, в том числе постельничей **К. И. Михалков**, дворяне, дьяки, в том числе патриаршие, а также «лучшие» торговые люди, подносившие царю перед пиром свадебные подарки.

«у мыльни были». Но кто в 1624 г. парился с Михаилом Федоровичем, в «чинах» и разрядах не указано. Очевидно, те же комнатные столы. Ясно, что и в 1626 г. без их непосредственного руководителя **К. И. Михалкова**, отвечающего за личную безопасность царя, нельзя было обойтись. Поэтому в том, что на миниатюре

среди группы «ближних» людей, которым царь лично наливает в кубки вино, был изображен **Константин Иванович Михалков**, сомнений нет.

Можно, конечно, в этом исключении имени **К. И. Михалкова**, как и в 1624 г. в случае с **А. И. Михалковым** (см. с. 169–171), предположить козни известного интригана, думного посольского дьяка И. Т. Грамотина — непосредственного составителя свадебного чина⁹⁷. Но возможна и техническая ошибка переписчиков. В некоторых списках Разрядных книг XVII в. запись о том, что на царской свадьбе 1626 г. **К. И. Михалков** «находился при мыльне», есть⁹⁸.

В списках членов Государева двора, назначавшихся на свадьбу, есть имена еще двух Михалковых:

«**Богдан Алаев сын Михалков**» — в общем «Списке бояр, и окольных, и думных людей, и стольников, и дворян, и дьяков, которым быти на государеве царе и великого князя Михаила Федоровича радости в чинех», под заголовком «Дворяне», но без определения положения (персонального «чина») в церемонии (№ 18, л. 71). См. о нем на предыдущей свадьбе 1624 г. — с. 169.

«**Федор Федоров сын Михалков**» — в общем списке: «Стольники, и стряпчие, и дворяне, которые в чинех (свадебных. — Б.М.) не росписаны» (№ 18, л. 121). Против его имени знак +, значит он все же был в Москве, но на свадьбе быть не мог (ум. в 1627 г.).

Завершающим событием бракосочетания царя Михаила Федоровича с Евдокией Стрешневой было торжественное празднование ее именин 5 марта 1626 г., ровно через месяц после свадьбы, давшее возможность показать кремлевской элите, что с царицей все в порядке. На пиру в Золотой палате царского дворца присутствовал патриарх и церковные иерархи, думные чины (в том числе постельничий **Константин Михалков**), избранные дворяне московские⁹⁹.

Эта свадьба дала надежду России на продолжение новой династии Романовых. Уже через год в царской семье родился первый ребенок — царевна Ирина (1627–1679), в 1628 г. — царевна Пелагея (ум. младенцем), а в 1629 г. долгожданный наследник — будущий царь Алексей Михайлович.

Царская свадьба 1626 г. была важнейшим событием в кремлевской деятельности **постельничего Константина Ивановича Михалкова**. Ему оставалось пребывать на этой должности два года.

За год до этой свадьбы, весной 1625 г. в Московском Кремле произошло событие, которое также имело большое значение как для международного положения России (еще продолжавшей конфликтовать с Западом), так и для духовной жизни ее православного народа. Событие, укрепившее его веру в преодоление невзгод. Персидский шах Аббас I Великий (полководец и реформатор) решил подарить царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу великую христианскую реликвию — Ризу

⁹⁷ В том же 1626 г. И. С. Грамотин был, по настоянию своего же покровителя патриарха Филарета, сослан в Алатырь — формально за некий «волшебный крест», но, как утверждают некоторые историки, за «происки и интриги, посредством которых Грамотин хотел сделаться первым министром» (см.: Пуцилло М. П. Думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин. (1606–1638). СПб., 1878. С. 13). После смерти Филарета Грамотин был возвращен на управление Посольским приказом и даже получил в 1634 г. официальный чин «печатника», которым ранее титуловали К. И. Михалкова.

⁹⁸ В Родословной Михалковых 1898 г. (с. 188) эта запись дана со ссылкой — «Спиридов II». Очевидно, имелось в виду сочинение одного из первых русских генеалогов М. Г. Спиридова «Российский родословный словарь» (СПб., 1794. Т. II).

⁹⁹ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 789–791. Кроме отца царицы, были приглашены еще восемь Стрешневых, пока еще не имеющих думных и придворных чинов. Но скоро наступит их время.

Господню, хранившуюся в Мцхете — древней столице Грузии, захваченной персами в 1616–1617 гг. Грузинский царь Теймураз попросил Россию о помощи, и во время переговоров шах сообщил русским посланникам, что владеет Ризой Господней, которую готов передать России. В марте 1625 г. в Москву прибыл персидский (его называли «кызилбашский») посол Русам-Бек с драгоценной реликвией. Ему были оказаны большие почести, и при его проводах 17 мая в Кремле царем и патриархом был устроен торжественный прием. На нем все члены Государева двора «сидели в золоте» (в шитой золотом одежде), в том числе постельничий **Константин Михалков**¹⁰⁰.

Поскольку Риза была получена от иноверцев, ей устроили испытание. 18 марта 1625 г. был издан указ патриарха: «Ему, государю, и митрополиту, и архиепископу, и архимаритом, и игуменом, и в монастырех старцом поститися неделю целую, а протопопом и попом... молитися, чтобы Господь Бог о той святыне проявил им Святуя Свою волю. А святыню повеле носити, и пети молебны, и воду святити, и возлагати на недужных и болящих». Было засвидетельствовано 14 исцелений, и 27 марта Риза Господня была торжественно положена в специальном ковчеге

Икона «Положение Ризы Господней в Успенском соборе».

Мастерские Кремля. Ок. 1627 г. (Музеи Московского Кремля).

*Справа за царем изображены его приближенные (среди них был и **К.И. Михалков**). Кремлевский иконописец знал, что они были в шитых золотом одеждах, и даже, возможно, попытался придать им портретное сходство.*

¹⁰⁰ Там же. Стб. 683.

Густав II Адольф, король Швеции.
Портрет работы Якоба Эльбфаса.

- 101 Хроники Смутного времени. С. 408.
- 102 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 824.
- 103 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 855–857. Среди участников этого «стола» К. И. Михалков не отмечен, хотя он, так или иначе, принимал участие в организации этого пира в царских покоях, которыми заведовал. Здесь, как и в других случаях, описание кремлевских событий в опубликованных Дворцовых разрядах имеет значительные разночтения, поскольку основано на различных рукописях XVII в. частного происхождения, прошедших редакторскую правку. Так, в одной рукописи указано, что в данном новоселье принимали участие только бояре и думные дьяки И. С. Грамотин и Ф. Ф. Лихачев (редактирование самого Грамотина?), а в другой указан также ясельничий (дворцовый чин ниже постельничего) Б. М. Глебов, дворяне, дьяки и стоявшие у столов стольники. Возможно, это и другие невключения К. И. Михалкова в разряды, по которым шел местнический счет, связаны с тем, что он, по своей должности постельничего, часто был рядом с царем, как бы выше бояр, что могло затрагивать их честь.

в Успенском соборе, и в честь этого события в нашей церкви был введен специальный праздник. Киприан, митрополит Крутицкий, в том же 1625 г. написал Службу на положение Ризы Господней. С утверждением этой святыни в Москве Россия еще больше повысила свой статус на христианском Востоке.

...Первые же месяцы семейной жизни царя Михаила Федоровича были омрачены стихийным бедствием. В ветреный и жаркий май 1626 г. в Москве случился страшный пожар. Вот как о нем пишет официальный «Новый летописец»:

«О пожаре московском. Премилостивый Бог, наказуя людей и отводя от греха, посылает милостивое наказание. В лето 7134 (1626) году, государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси с благочестивой царицей и великой княгиней Евдокией Лукьяновной пошел молиться к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь. И без него, государя, в Преполовенье день (середина между Пасхой и Троицей — 3 мая, по новому стилю 13 мая. — Б.М.) загорелось в Китае городе, на Варварском крестце, и начали от того гореть ряды. От того же загорелся на Троицы, что на рву, верх, и от того загорелась в Кремле городе Вознесенская церковь и в Чудове соборная церковь, в них же чудотворные образы и казна многая погорели. И двор государев и патриарший, и в приказах всякие дела погорели, и житницы все и сушило государево все погорели, в Китае и в Кремле не осталось ничего: не только дворы, [но] и церкви Божию погорели»¹⁰¹.

Дальнейшие события описывают Дворцовые разряды:

«И того ж дни, пришел государь, к Москве, в Новинской монастырь, и был у отца своегои богомолца, святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Руси, и, благословая у него, пошел государь в село Покровское (в Рубцово. — Б.М.), в третьем часу ночи, покамест в Москве полаты государевы и патриарховы очистили. И до тех мест государь жил и с царицею и с матерью, с великою старицею инокею Марфою Ивановною, в селе Покровском, а государь патриарх жил в Новинском монастыре. И как полаты государевы и патриарховы на Москве делали (сделали. — Б.М.), и государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси и государь святейший Филарет Никитич патриарх Московский и всеа Руси пришли в Москву»¹⁰².

Все это время — по пути из Троицкого монастыря и в селе Покровское-Рубцово — царскую семью сопровождал и организовывал ее быт постельничий **Константин Михалков**. В то же время он должен был следить за ремонтом и обустройством царских покоев в Кремле (в пожаре сгорело все, что создавалось им в течение 13 лет!). Работы в жилых покоях закончились в сентябре: «Сентября в 17 день, у государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси и новых хоромех было новоселье, что поставлены хоромы после пожару, и был стол, по передней избе»¹⁰³.

Вскоре после этого — 21 сентября — царь с царицей отправились в традиционное паломничество в Троице-Сергиев монастырь на День памяти преподобного Сергия Радонежского 25 сентября. Постельничий **К. И. Михалков** снова сопровождал их¹⁰⁴. Наконец, «сентября в 25 день, у Троицы в Сергиеве монастыре, на праздник преподобного Сергия чудотворца, был у государя стол, в трапезе. У стола были бояре: князь Иван Иванович Шуйской, князь Алексей Юрьевич Сицкой, окольничей Федор Левонтьевич Бутурлин, постельничей **Константин Иванович Михалков**, думной диак Иван Грамотин, стряпчей с ключом Иван Иванов сын Чемоданов, ясельничей Богдан Матвеев сын Глебов, дворяня: князь Иван князь Андреев сын Голицын, Лукьян Степанов сын Стрешнев с товарищи 8 человек» (следует отметить, что после бояр и окольничего только **Михалков** пишется с «вичем», остальные чины, даже отец царицы, — нет)¹⁰⁵. Это — последнее упоминание участия **Константина Ивановича Михалкова** в придворных церемониях.

А 22 ноября 1626 г. в Москве торжественно встречали посланника шведского короля Густава I Адольфа:

«По государеву указу, для встречи Свейских послов за Тверскими вороты были столники, и стряпчие, и дворяна московские, и диаки и приказные люди, на аргамацах и на конех на добрых, в приволоках (мантиях расшитых. — Б.М.), и в чюгах (узких кафтанах. — Б.М.) в золотных, и в шапках в горлатных (в высоких, меховых. — Б.М.), и во всяком в цветном платье. Да на них же были сабли оправные, а на лошадях были наряды чепи гремячие, а на иных чепи поводные и всякие конские наряды». Далее следуют подсчеты общего числа встречающих — свыше 1000 конных. Но и этого казалось мало, чтобы произвести впечатление на европейцев¹⁰⁶, и дополнительно были собраны «даточные люди конные, в цветном платье» — военные слуги (боевые холопы) членов Боярской думы и ближних стольников. Они выделялись из расчета один человек с примерно десяти крестьянских дворов (что давало наглядную картину богатства каждого боярина). Например: «*И. Н. Романов — 40 человек конных, князь И. И. Шуйский — 10, князь И. М. Воротынский — 30, князь Д. М. Пожарский — 12, окольничий Ф. Л. Бутурлин — 4, князь Г. К. Волконский — 2, дворецкий князь А. М. Львов — 6, постельничий К. И. Михалков — 15»*¹⁰⁷. Очевидно, что **Константин Михалков** принадлежал к богатейшим людям России этого периода.

С той же пышностью (даже с большей — «на государевых лошадях») посадили 1000 стрельцов) встречали в Москве через год, 2 декабря 1627 г., посла турецкого султана Мурада IV — Фому Кантакузина (потомка знатного византийского рода). **Константин Иванович Михалков** также выставил 15 «даточных людей конных в цветном платье»¹⁰⁸. Это — его последнее известное упоминание в качестве постельничего.

В феврале 1628 г. К. И. Михалков был отставлен от должности постельничего. Очевидно, это произошло по воле патриарха Филарета — на его место был назначен близкий к патриарху Степан

Мурад IV, султан Османской империи. Миниатюра XIX в.

¹⁰⁴ Там же. Стб. 858, 859. В одном из списков Дворцовых разрядов отмечены И. С. Грамотин, ясельничий Б. М. Глебов, дворяне, стольники.

¹⁰⁵ Там же. Стб. 859.

¹⁰⁶ Можно вспомнить, что это время короля Людовика XIII и подвигов трех мушкетеров (правда, настоящий д'Артаньян приехал в Париж в 1630-е гг., на 10 лет позже, чем в романе Дюма), но русские царские и патриаршие дворяне могли бы затмить своими золотыми и меховыми нарядами и украшенным драгоценными камнями оружием и королевских мушкетеров, и гвардейцев кардинала. А дипломатические отношения с Францией завязались на десять лет раньше — в 1615 г., когда в Бордо 14-летний Людовик XIII встретил русского посланника Ивана Гавриловича Кондырева, приехавшего сообщить о воцарении Михаила Федоровича, пожаловаться на королей польского и шведского, а также попробовать найти среди королевских родственниц невесту царю. Последняя миссия не увенчалась успехом, но посланник подробно описал обычаи французского двора. И. Г. Кондырев — однородец Михалковых; Иван Кондырь (Киндырь) — их общий предок,

живший в середине XV в. О возвышении во второй половине XVII в. Кондыревых (в XVI в. менее заметных, чем Михалковы)— см. с. 209.

- 107 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 863–865. На месте числа дворов К. И. Михалкова в публикации сделан пропуск. В Родословной 1898 г. число дворов 15 восстановлено по записи о приеме 1627 г.
- 108 Там же. Стб. 958–962.
- 109 Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. С. 279.
- 110 Там же. С. 280.
- 111 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 65.
- 112 Ее отец имел два христианских имени — Авраам и Кузьма (поэтому Ирина Михалкова в некоторых документах именовалась Кузьминичной — «Кузьмы дочерью»). Авраам-Кузьма Осипович Безобразов — представитель среднего дворянства, начал возвышать свой род при Иване Грозном, получив в 1581 г. чин стряпчего с ключом, при царе Федоре Ивановиче служил воеводой, а при Борисе Годунове и Василии Шуйском — при дворе, с 1607 г. постельничий, ум. в 1610 г.
- 113 В Родословии Михалковых 1898 г. указано, что ее мужем был князь Семен Андреевич Хованский — со ссылкой на «Российскую родословную книгу» кн. П. А. Долгорукого (Т. 1. С. 281. № 32), но там этот брак не указан. Здесь какая-то ошибка — боярин князь С. А. Хованский жил во второй половине XVII в. Возможно, она была замужем за отцом этого боярина или не была сестра К. И. Михалкова.

114 РИБ. СПб. Т. 9. С. 199.

Лукьянович Хрущов¹⁰⁹. Можно сказать, что этим завершилось правление клана Михалковых-Салтыковых (еще в 1626 г. постригся в монахи Троице-Сергиева монастыря Алай Иванович Михалков — дворецкий «великой государыни» старицы Марфы). Хотя никакой опалы на не него (в отличие от родичей Салтыковых) наложено не было.

В Родословной **Михалковых**, опубликованной в «Дворянском адрес- календаре на 1898 г.» (С. 188), указано, что Константин Иванович Михалков «в 1628 г. ранее 6 марта скончался, так как в числе обедавших в этот день в Золотой палате по случаю именин царицы Евдокии Лукьяновны бояр постельничем уже значится не он, а Степан Лукьянович Хрущов» (Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 912). Но согласно помете в Боярском списке 1627 г. Константин Иванович скончался 12 апреля 1630 г.¹¹⁰

Уже 17 апреля 1630 г. его мать Евдокия Ильинична и вдова Ирина Аврамьевна сделали вклад по его душе в Троице-Сергиев монастырь.

«Ризы отлас мелкотравный, по зеленой земле круги серебряны, в травах розные шолки, оплечье шито золотом и серебром по черному бархату, по цене по 50 рублей; да денег 80 рублей; да 2 санника серы, да возок, покрыт лазоревым сукном по цене за 20 рублей (возможно, работа Кремлевских мастерских. — Б. М.). Да Костянтин Иванович при своем животе строил троицкую вотчину в Боровском уезде село Бадеевское с деревнями, и в сторении ему стало денег 150 рублей. И всего по Костянтине Ивановиче вкладу 300 рублей»¹¹¹.

Свет на историю последнего периода жизни **Константина Ивановича Михалкова** могла бы пролить дальнейшая судьба его землевладений. Они были весьма обширны. Завещание **К. И. Михалкова** («духовная грамота») неизвестно. Детей у него не было. Его мать и вдова имели право передавать вотчины своим ближайшим родичам. Мы знаем девичью фамилию матери Евдокии Ильиничны — **Васильчикова** (см. главу о XVI в. — с. 87, 88) и жены Ирины Аврамьевны (Кузьминичны) — **Безобразова**¹¹². Родная сестра Константина Ивановича Ирина была замужем за князем **Хованским** и не нуждалась в приданом¹¹³.

После смерти **Константина Михалкова** угасает младшая ветвь рода. Мы не знаем, когда скончались мать и вдова **К. И. Михалкова**, которые также были близки ко двору. Еще в декабре 1613 г. **Евдокия Ильинична Михалкова** была пожалована царем «тафтою винцейскую»¹¹⁴. **Ирина Аврамьевна (Абрамовна) Михалкова** в книге И. Е. Забелина включена в список «*приезжих боярынь*» царицы Евдокии Лукьяновны¹¹⁵.

Другие жившие в это время Михалковы были с Константином Ивановичем в достаточно дальнем родстве и не могли претендовать на большое наследство. Тем более что самые древние переяславские земли Михалковых ушли из рода в Троицу еще при деде Константина Ивановича — воеводе XVI в. **Андрее Тимофеевиче Михалкове**.

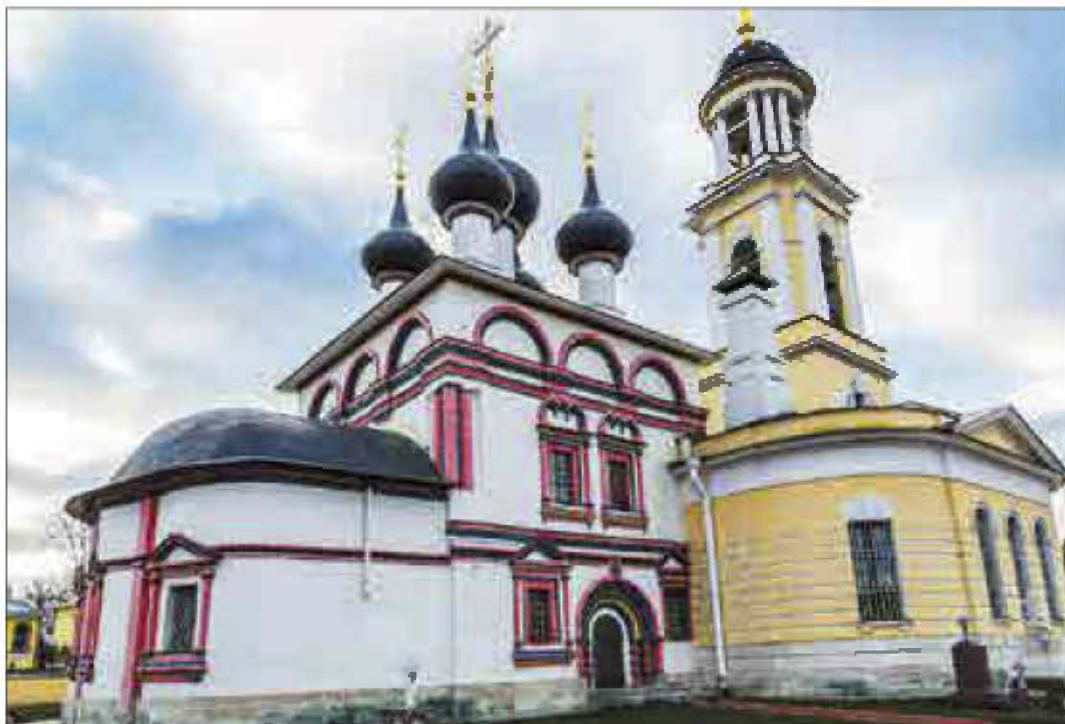
1614/1615 г. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича постельничему Константину Ивановичу Михалкову на родовую вотчину деда и отца Андрея Тимофеевича и Ивана Андреевича Михалковых — село Новое, с деревнями и пустошами Рузского уезда.
ГИМ. ОПИ. Ф. 388. № 19.

Великолепный орнамент выполнен лучшими книгописцами и золотописцами Оружейной палаты (ею управлял двоюродный брат К. И. Михалкова М. М. Салтыков) или Посольского приказа.

Но оставшуюся родовую вотчину в Рузском уезде — село Новое (позднее называвшееся Новлянским) на реке Рузе **К. И. Михалков**, очевидно, по завещанию, передал двум родичам — **Богдану Алаевичу** и троюродному брату Богдана — **Василию Федоровичу Михалковым**. Их потомки в 1653 г. продали село Лихачевым (до начала XVIII в. им владел окольный А. Т. Лихачев, ближайший советник царя Федора Алексеевича в проведении реформ 1676–1682 гг.).

Наследство костромских вотчинников **Шестовых** (приданое бабушки **Константина Михалкова**) — его часть села Молвитино (где он сблизился с будущим царем Михаилом Романовым) перешла после смерти Константина Ивановича к его тетке — **старнице Евникее Михалковой-Салтыковой** (которая продолжала жить в Суздальском Покровском монастыре). А затем к ее детям —

115 Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. С. 359. Этот список составлен не совсем понятно — ряд дат, указанных у некоторых имен, относится к более раннему времени (1615–1618 гг.), чем Евдокия Лукьяновна стала царицей. Включены также жены братьев Салтыковых, бывших в опале. У Михалковых даты не указаны.

Церковь Зачатья Анны, 1689–1694 гг.
Лопасня-Зачатьевское, музей-усадьба.

братьям боярину Борису и окольному Михаилу **Салтыковым**, которые до смерти патриарха Филарета в 1633 г. также оставались в ссылке — на воеводстве в дальних городах.

Из других **вотчин К. И. Михалкова** известно село Байдеево (затем Бадеево) с пустошами на реке Лопасне в волости Козлов Брод Боровского уезда, приобретенное в 1616/1617 г., которое также перешло во владение Троице-Сергиева монастыря¹¹⁶. Вероятно, Константин Иванович и приобрел Байдеево (в то время «пустошь») с пятью прилежащими к ней деревнями, также пустыми, для того, чтобы затем передать его монастырю. Цена этих пустошей была довольно большая — 100 рублей. В 1623 г. был составлен специальный договор с монастырем о том, что **К. И. Михалков** владеет вотчиной до 1630 г. (совпадение со временем его смерти?). Как пишет М. С. Черкасова: «Условия хозяйствования держателя были подробно перечислены в данной им монастырскому руководству записи: устроить господский двор на пустоши Байдеевой, назвать 10 человек крестьян и дворы им устроить, бережно расходовать хоромный и дровяной лес, сечь его только на свой и деревенский обиход, никому другому не давая, у всех дозорщиков и писцов записывать возрождаемое село как вотчину Сергиева монастыря. За нарушение условий держания К. И. Михалкову грозил штраф в пользу корпорации в 500 рублей».

Итоги восстановления **К. И. Михалковым** села Байдеева можно было увидеть в писцовой книге Боровского уезда 1627/1628 г.: в селе уже был двор господский и четыре двора крестьянских. А всего жителей (переписывался только мужской пол), считая дворников (холопов, живших на господском дворе), крестьян, бобылей, «детенышей» (особая категория неимущих, живших в чужих дворах) было 30 человек¹¹⁷. «Строение троиц-

¹¹⁶ РНБ. ОР. Ф. 546. № 16. Опубликовано: Из Архива Михалковых. С. 22–23. № V/2.

¹¹⁷ См.: Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004. Прим. 139, 140.

Усадебный дом.
Елизаветинское барокко, сер. XVIII в.
Лопасня-Зачатьевское, музей-усадьба.

кой вотчины села Бадеевского» **К. И. Михалковым** было оценено в 150 рублей, и в 1630 г. принято как вклад в монастырь (см. с. 190, прим. 111).

В это время село Байдеево с деревнями и пустошами числилось не только за **Константином Ивановичем Михалковым**, но и за его дальним родственником *стряпчим* Тимофеем Никитичем Васильчиковым.

Решение **К. И. Михалкова** приобрести и возродить разоренное село в волости Козлов Брод Боровского уезда было принято потому, что рядом находилась приданная вотчина его матери **Евдокии Ильиничны** — село Зачатье (названное по церкви Зачатья Святой Анны, матери Пресвятой Богородицы).

Евдокия Ильинична Михалкова — двоюродная сестра пятой жены Ивана Грозного царицы Анны, а **Константин Иванович Михалков** — двоюродный племянник царицы (см. главу о Михалковых в XVI в., с. 87, 88). От отца царицы Анны (и своего дяди Григория Андреевича Васильчикова) Евдокия Ильинична и получила в приданое часть села Зачатье.

Впоследствии эта усадьба превратилась в музей Васильчиковых — Ланских — Гончаровых — Пушкиных (они в ней и погребены). Пушкинистам же этот усадебный дом середины XVIII в. памятен тем, что внук поэта в 1917 г. (!) нашел на чердаке забытую всеми корзину с черновиками не завершенной А. С. Пушкиным «Истории Петра Великого». Каменный храм в Зачатье построил стольник Савва Лукьянович Васильчиков — наследник владения, потомок Тимофея Васильчикова и Евдокии Михалковой¹¹⁸.

Еще одно владение **К. И. Михалкова** было в Рязанском уезде. Царская «*послушная грамота*» 25 июля 1615 г. «*постельничему и наместнику трети Московские*» на это поместье — село Иса-

¹¹⁸ Ср. Олег Пэнэжко, прот. Г. Чехов. Храмы Чеховского р-на Московской обл. М., 2008.

ды и сельцо Перкино с деревнями на реке Проне Рязанского уезда — сохранилось в архиве **В. Ф. Михалкова**. Оно было выделено из поместий деятеля Смутного времени, одного из предводителей Первого ополчения Прокофия Петровича Ляпунова. В конце грамоты от имени царя указано: «*И вы б, все крестьяне, которые в тех селех и в деревнях живут, а на пустоши учнут жити, oprичь того что в тех селех и деревнях в вотчине и в поместьи за Ляпуновыми, постельничаго нашего и наместника Трети Московския Костянтина Ивановича Михалкова слушали, пашню на него пахали и доход ему помещиков платили*»¹¹⁹.

Также **К. И. Михалкову** принадлежало вологодское село Микулинское с деревнями. В архиве Поместного приказа сохранился «дозор» — специальное описание этого поместного владения, сделанное в марте 1615 г. (очевидно, вскоре после его получения) писцом и «дозорщиком» Вологодского уезда И. Е. Гневашевым и подьячим И. Воробьевым¹²⁰.

Среди соседей **К. И. Михалкова** по вологодскому поместью можно увидеть его сослуживцев и подчиненных: комнатных стольников Б. И. и Г. И. Морозовых (описание № 252), дворцового дьяка И. И. Болотникова (№ 256), комнатного стольника И. А. Плещеева и комнатного стряпчего В. И. Стрешнева (№ 258), думного дьяка П. Третьякова (№ 266), стряпчего с ключом И. И. Чемоданова и его сына (№ 274). И, наконец, двоюродных братьев — **боярина Б. М. Салтыкова** (№ 298) и **кравчего М. М. Салтыкова** (№ 263). Именно владение **Б. М. Салтыкова** — село Егорьевское — было отписано обратно в казну вскоре после начала правления патриарха Филарета (см. с. 153) — очевидно, потому, что первоначально оформлялось как поместье, и только потом превратилось в вотчину. Но каких-то массовых захватов земель Салтыковыми, о которых писали провинциальные летописцы и повторяли историки XIX в., на Вологодчине не наблюдается.

Надо помнить, что со становлением нового Государева двора шел процесс поместного обеспечения его представителей, не принадлежавших к древней земельной знати. Факт, характерный для восстановления страны после Смуты: о земельных дозорах просили принадлежавшие к этой знати братья Борис и Глеб Морозовы. В своей челобитной 1614/1615 г. они писали, что их старое вологодское поместье — село Фрязино «*от войны литовских людей запустело, и государь бы их пожаловал, велел то их поместье дозреть*»¹²¹. В те же вологодские земли испомещали и служилых людей, потерявших свои имения на Западе России в Смутное время. Им помог постельничий и печатник К. И. Михалков, по своей доброте не взявший с них пошлину за приложение к грамотам Государственной печати (см. с. 138).

Что касается самого **Константина Ивановича Михалкова**, то, судя по количеству всадников, которые он выставлял на торжественные церемонии и во время мобилизации русской армии

119 РНБ. ОР. Ф. 546. № 17.

120 Описание книг писцовых, переписных, дозорных... // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869. Т. 1. С. 25. № 257.

121 См.: Воскобойникова Н. П. Дозорные книги Вологодского уезда в собрании ЦГАДА (РГАДА) // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского ... совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг... Новгород, 1992. С. 51–58.

для большого похода, у него наверняка были и другие вотчины и поместья. Информация об этих земельных владениях содержится в «столбцах» (свитках) Поместного приказа, которых после пожара 1626 г. сохранилось в РГАДА огромное количество (но они до конца не разобраны).

Интересную информацию несут и описи документов, не дошедших до нашего времени. Так, в одной из описей XVII в. дел Разрядного приказа есть описание тяжбы, которую вел крестьянин **К. И. Михалкова** Томило Волк, бравший на откуп государев кабак и таможду в Ельце. Выразительны и форма описания дела, и «приказной» язык, дающие яркую картину жизни «деловых» людей того времени:

«Дело сыскное по челобитью елецкого и таможенного откупщика Костянтинова крестьянина Михалкова Томилки Волка на розрядных подьячих на Дорофея Пустынникова, да на Федора Иванова в том, что за ним Томилком был в откупу Елецкий кабак и таможня в 128-м (1619/1620) году на год. И он те откупные деньги на год заплатил сполна, и откуп отказал, и об отказе подписную челобитную им отдал. И они, для своей бездельной корысти, тое челобитную утаили, и навалили на него тот кабак [и] таможду в другой год з большою наддачею неволею, и имали с него посулы (взятки.— Б.М.). И от тово ему убытки учинились многие. А сверху у того дело начало и челобитная згнила и изодрано»¹²².

Из этого описания можно узнать, во-первых, о том, что у постельничего **К. И. Михалкова** было землевладение в южных пограничных регионах страны. Представители московских верхов получали обширные вотчины в Диком поле и способствовали его колонизации — известны слободы-городки боярина И. Н. Романо-ва в том же Елецком уезде.

Во-вторых, **К. И. Михалков**, очевидно, поощрял предпринимательскую деятельность своих крестьян, с которых, естественно, получал значительный оброк. Примечательно, что тяжбу в Разрядном приказе (которому подчинялись пограничные города) Томило Волк вел сам, не прибегая к помощи влиятельного хозяина, даже столкнувшись со столичными дельцами...

Как же сложилась судьба представителей старшей ветви **рода Михалковых**, служба которых продолжалась после 1620-х гг. и закончилась для большинства из них при царе Михаиле Федоровиче? Помогло ли им присутствие при дворе влиятельных молодых родичей продвинуться по службе?

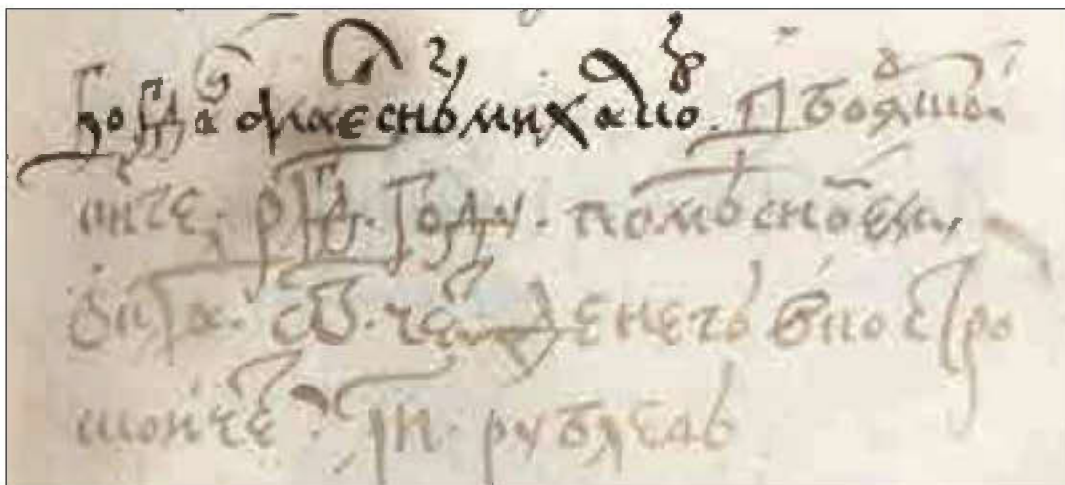
Богдан Артамонович (Алаевич) Михалков был записан в Боярскую книгу 1616/1617 г. в чине дворянина московского (см. с. 167). В том же 1617 году и в следующем он — участник обороны Москвы от нашествия польского королевича Владислава, за что получает часть земли из своего поместья в вотчину (где оно располагалось, пока не выявлено). Затем **Б. А. Михалков** появляется на придвор-

¹²² Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подг. К. В. Петров. СПб., 2001. № 3. л. 104 об. — 105.

ной службе как кандидат в участники и участник царских свадеб 1624 и 1626 гг. (с. 166). В конце 1626 г. он уже сидит за государевым «столом» в подмосковном дворцовом селе Рубцово (с. 162).

С тем же чином дворянина московского записан в Боярскую книгу 1627 г.:

«Богдан Алаев сын Михалков. В Боярской книге 134-го (1625/1626) году помесной ему оклад 800 чети, денег в Костромской чети (финансовый приказ.— Б.М.) 38 рублей».

РГАДА. Ф. 210. БК. № 1. Л. 194.

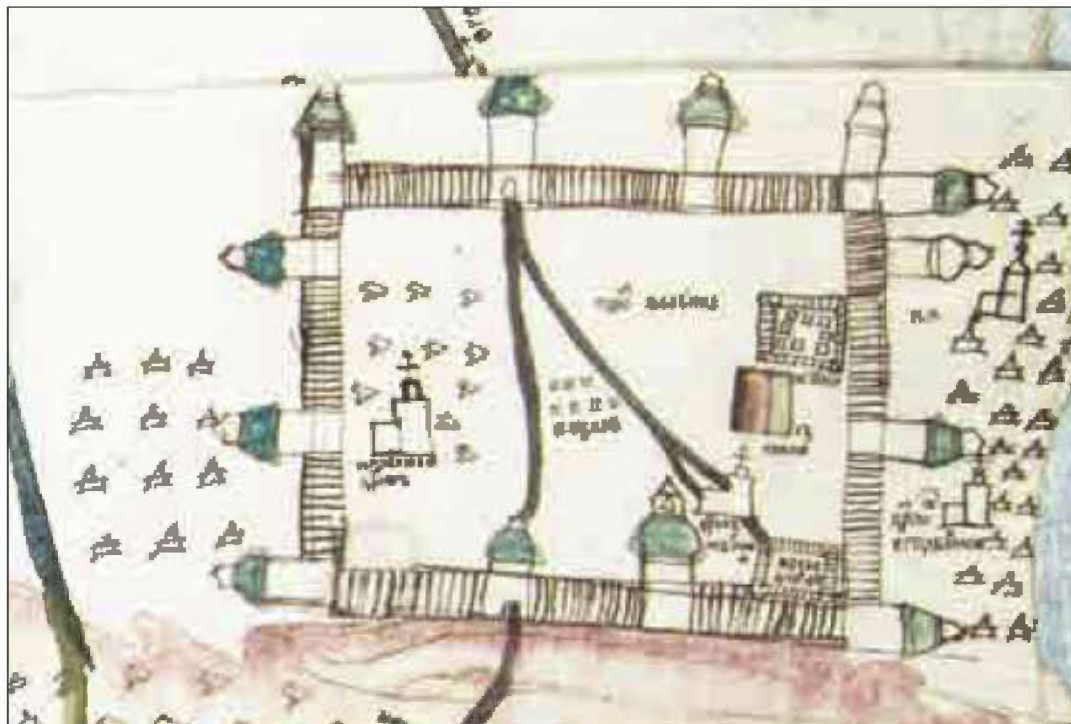
В сентябре 1628 г. была назначена своеобразная дипломатическая процедура у самой южной русской пограничной крепости Валуйки — «посольская размена» русских пленных, захваченных крымскими татарами. Она происходила в присутствии послов крымского хана и русских послов, которые ехали в Крым с подарками (фактически, с выкупом). На эту «размену» с окольников Ф. Л. Бутурлиным были посланы из Москвы 100 дворян московских, 100 жильцов и стрельцы, городские дети боярские и казаки — отряд численностью около 1,5 тысяч человек.

Назначенный в этот поход **Б. А. Михалков** в списке сотни дворян стоял на шестом месте¹²³ (что показывает его положение и возможность назначения на средние командные должности). А его троюродный брат **Василий Федорович Михалков** в разряде того же похода значился в середине списка жильцов (Стб. 830). Процедура размена затянулась — отряд находился в степных Валуйках целый год, по крайней мере до сентября 1629 г.

Спустя 4 года, осенью 1633 г. наступил критический период русско-польской (Смоленской) войны 1632–1634 гг. Армия польского короля Владислава IV окружила русскую армию под Смоленском. Запорожцы осаждали пограничные крепости (сожгли Валуйку, но Белгород взять не смогли), крымские татары по договоренности с королем прошли через Муравский шлях и разорили южные и центральные русские уезды. В это же время в России произошло важнейшее внутривосточное событие — 1 октября 1633 г. скончался соправитель и отец царя Михаила Федоровича патриарх Филарет Никитич.

8 ноября 1633 г. в Москве **Б. А. Михалков** был прикомандирован к Пушкарскому приказу, ведавшему всеми городскими укреплениями, и назначен (с дворянином Н. Д. Воробьиным) ез-

¹²³ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 827.

«Город Волуйка». Чертеж конца XVII в. Подписи на чертеже (слева направо): «Николская церковь. Бозар. (далее сверху вниз) Житни[ца]. Приказ. Церковь соборная. Воевоцкой дв[ор]». РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. № 34699. Л. 161–163.

дить «для бережения, круг деревянново острогу» — вокруг части Московского Земляного города¹²⁴.

Но опасность для Москвы скоро миновала — на ее защиту была собрана 10-тысячная армия под командованием князя Д. М. Черкасского и князя Д. М. Пожарского. Король согласился на переговоры и по Поляновскому миру 4 июня 1634 г., наконец, отказался от претензий на российский престол.

16 июля 1634 г. царь Михаил Федорович «поволил итти молитца к Николе Чюдотворцу в Угрешский монастырь». **Б. А. Михалков** был назначен с рядом стольников и дворян на почетную службу — охранять царские кремлевские покои: «на государеве ... дворе дневать и ночевать с боярином князем Иваном Ивановичем Шуйским»¹²⁵.

Следующее — и последнее — известие о службе **Богдана Алаевича Михалкова** при дворе относится уже к царствованию сына Михаила Федоровича — Алексея Михайловича. В сентябре 1648 г. царь Алексей Михайлович с женою Марией Ильичной отправились на традиционное царское богомолье в Троицу. Царице была назначена особая свита в числе нескольких десятков дворян московских, среди которых и был **Б. А. Михалков**¹²⁶.

Богдан Алаевич поддерживал родственные отношения со своими троюродными братьями **Василием Федоровичем** и **Федором Федоровичем Михалковыми**. В 1621 г. он, вместе с дальним родичем, постельничим **К. И. Михалковым**, был «полухом» — свидетелем при сговоре **В. Ф. Михалкова** жениться на дочери А. И. Чоглокова Анне и подписал вместе с Константином Ивановичем «сговорную запись»¹²⁷.

В связи с тяжбою **В. Ф. Михалкова** о получении в наследство вотчины отца **Ф. Ф. Михалкова** сохранились сведения

¹²⁴ Записная книга Московского стола [Разрядного приказа] 7142 года (1633, сентябрь — 1634, август) // РИБ. СПб., 1885. Т. 9. С. 533.

¹²⁵ Там же. С. 566.

¹²⁶ Записная книга Московского стола [Разрядного приказа] 7157 года (1648, сентябрь — 164, август) // РИБ. СПб., 1885. Т. 10. С. 415.

¹²⁷ Из Архива Михалковых. № IX. С. 28–30. Оригинал: РНБ. ОР. Ф. 546. № 12.

об одном темном деле с обвинением **Б. А. Михалкова** в тяжком государственном преступлении — подделке Государственной печати. Расследование этого дела проходило, очевидно, в 1628–1629 гг. В Боярских списках 1629 г. у его имени стоят пометы: «За вину», «У пристава». Часть его имений была конфискована и передана другим лицам. Очевидно, что эти обвинения были инспирированы его противниками по земельным тяжбам. Но обвинения не подтвердились, поскольку мы знаем, что в сентябре 1628 г. **Б. А. Михалков** был одним из первых в списке дворян, назначенных на «посольскую размену», и дальше продолжал придворную службу¹²⁸.

О землевладении **Б. А. Михалкова** известно немного. В 1619 г., как и другие Михалковы, он получил жалованную грамоту о переводе части его поместной земли в вотчину (см. с. 166). **К. И. Михалков** завещал ему и **В. Ф. Михалкову** древнюю родовую вотчину в Рузском уезде — село Новое (см. с. 191, а также в главе 6). Возможно, ему могли достаться поместья в Романовском уезде, поскольку ими владел брат его деда.

В Родословной Михалковых 1898 г. указано, что у **Богдана Алаевича Михалкова** было четыре жены (без указаний имен и ссылок на источники, кроме Аграфены (в поминании «Агрипены»), умершей 21 июля 1631 г. и погребенной в Троице-Сергиевом монастыре). Здесь не все ясно, начиная с того, что четвертый брак по православным канонам был невозможен¹²⁹. Но в родословии указано, что сын **Богдана Алаевича (Артамоновича) — Федор** был от четвертой жены, и о его службе известно только с 1680-х гг.

Следующими представителями старшей ветви рода Михалковых были старшие внуки **Ивана-Ивашки Дмитриевича Михалкова** (ум. 1573) — дети воеводы **Федора Ивановича — Федор и Василий Меньшой Михалковы** (об убитом в 1613 г. их старшем брате Василии Большом Федоровиче — см. с. 118).

Федор Федорович Михалков начал военную службу с ответственного назначения в июне 1614 г. — провести смотр служилых людей под Смоленском (о выигранном им при этом с помощью **К. И. Михалкова** местническом деле — см. 147–148). А продолжил — в период отражения похода на Москву королевича Владислава в 1617–1618 гг. (см. с. 164–166). За «московское осадное сидение» он в 1619 г. получил жалованную грамоту на вологодскую вотчину, из-за которой потом разгорелся земельный спор. Но потом известно только о его участии в придворной жизни.

8 сентября 1625 г. **Федор Федорович Михалков**, в числе избранных дворян московских, присутствовал на царском пиру в честь праздника Рождества Пресвятой Богородицы¹³⁰.

Во время подготовки к свадьбе царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной **Ф. Ф. Михалков** записан в список членов Государева двора: «*Стольники, и стряпчие, и дворяне,*

¹²⁸ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 280–282.

¹²⁹ Случаи многих браков в то время известны не только у Ивана Грозного, четыре брака были у писателя князя С. И. Шаховского (ум. 1654/55), за что он был в опале, но прощен.

¹³⁰ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 749.

которые в чинех (свадебных. — Б.М.) не росписаны» (см. с. 129). Это был список некоего «резерва», из которого могли потом назначить на участие в той или иной части сложной церемонии четырехдневной свадьбы (5–8 февраля 1626 г.). Против имени **Ф. Ф. Михалкова** стоит знак «+» — значит, он был в Москве, но в официальный свадебный разряд не попал. **Федор Федорович Михалков** скончался 27 сентября 1627 г. Месяц и число указаны в родовой «Памяти родительской, как которого не стало и в которое время помянуть его» (о ней см. с. 24), а год — в челобитной 1628 г. (?) его брата **В. Ф. Михалкова** по тяжбе о вологодской вотчине.

В той же челобитной упоминается романовское поместье **Федора Федоровича Михалкова**. Земли в Романовском уезде вместо древних вотчин в Переяславском уезде получил еще **Иван Большой Шелпак Дмитриевич Михалков** (дед Федора и Василия), о котором у нас не было никаких сведений. Он не записан в Тысячную книгу, в отличие от его брата **Ивана-Ивашки Меньшого Дмитриевича** (см. главу о Михалковых в XVI в., с. 56–69).

Ф. Ф. Михалков начинал свою службу, очевидно, сразу как *дворянин московский* (его отец значит с этим чином еще в 1611 г.), и поэтому имел право на владение поместьем в Московском уезде, которое получил от отца. В архиве его брата Василия сохранились характерные документы эпохи, освещающие практику передачи поместной земли — ее нельзя было продавать, но можно было обменивать, и продажа скрывалась за обменом неравноценных земель, разница в ценности которых оплачивалась.

Это две меновные записи, написанные в августе 1622 г. — одна от имени **Ф. Ф. Михалкова**, а другая, соответственно, — от имени **В. Ф. Михалкова** (причем обе написаны собственноручно — об этом специально указано в обоих текстах). **Федор Михалков** передавал своему брату **Василию** часть своего подмосковного поместья «из своей дачи, что мне дано из отца моего поместья деревня Быкова со крестьяны да пустошь со всякими угодьи». Вероятно, потому, что часть подмосковного поместья их отца не была оформлена за младшим сыном Василием Федоровичем. Получал же Федор от Василия в обмен «пустошь, что было сельцо Скрылево, без хлеба и без хресьян (крестьян) со всеми угодьи» из родовых поместий в Романовском уезде. Ясно, что населенная подмосковная деревня стоила намного больше, чем романовская пустошь, но брат не только не получил денег за разницу в цене (как это обычно практиковалось), а наоборот, простил Василию денежный долг, что и было отмечено в его меновой. Василий же написал:

«А что на брате Федоре моего хлеба заемного и соломы яровья и оржанья, и мне Василью того на брате не просить»¹³¹. То есть он обязался не требовать у брата хлеба и солом, которые брат у него занимал.

¹³¹ Из Архива Михалковых. № X/1 и 2. Оригиналы: РНБ. ОР. Ф. 546. № 18 и 19.

Этим селцом Скрылево, уже населенным, в 1627 г. владела вдова Федора Федоровича Михалкова Мария Ивановна, урожденная Загряжская¹³². Загряжские — древний дворянский род, представители которого служили послами и посланниками еще со времен Ивана III и Василия III (посольский дьяк Г. И. Загряжский), затем — городовыми воеводами и стольниками.

Ф. Ф. Михалков не имел потомства, и его выслуженная вологодская вотчина перешла по наследству к брату **В. Ф. Михалкову**.

Василий Федорович Михалков (предок ныне живущих Михалковых) записан в службу в первом московском чине *жильца*, очевидно, еще до 1613 г. В 1620 г. в качестве поместного оклада *жильца* ему «отделили» (оформили во владение), вероятно, родовые земли — село Рославли с 9-ю деревнями того же Ильинского стана Романовского уезда¹³³.

О дальнейшей службе **В. Ф. Михалкова** известно немного. С сентября 1628 г. по сентябрь 1629 г. он находился на уже упомянутой «посольской размене» в пограничной крепости Валуйка (с. 196). По возвращении из похода в 1629 г. он повышает свой служебный статус и становится *патриаршим стольником*¹³⁴ — особая категория членов Государева двора, появившаяся, когда «великим государем», наряду с царем Михаилом Федоровичем, был его отец патриарх Филарет Никитич.

Со смертью патриарха в 1633 г. его двор был расформирован, но **Василий Федорович** получает следующее повышение и становится *царским стольником* — первым из рода Михалковых. В этом чине он первый раз упоминается в сентябре 1636 г., когда царь Михаил Федорович отправился на традиционное богомолье в Троице-Сергиев монастырь, **В. Ф. Михалков** назначается на почетную службу — дежурить в царских покоях в Кремле с группой стольников. Их смена должна была «дневать и ночевать» во дворце 23, 26 и 29 сентября¹³⁵. Это последняя известная его служба. По данным родословных записей Михалковых («Памяти Родительской» и Родословной 1898 г.), **Василий Федорович Михалков** скончался 13 мая 1637 г.

Василий Федорович умер не в преклонных годах, поскольку в 1613 г. был, вероятно, совсем молод, и только в 1621 г. женился. В его архиве сохранилась Сговорная запись — его обязательство жениться на **Анне Александровне Чоглоковой** на Масленицу 1621 г. — с условием выплаты в противном случае очень крупной неустойки — «заставы». Это — довольно ранний образец подобных свадебных документов:

«Се яз, **Василий Федорович Михалков**, сговорил есми *женицца* у Александра Игнатъевича Чоглокова на дочери на его, на девке на Анне. А *женицца* мне, Василью, у Александра на дочери его, на девке на Анне, на срок *нонешняго* 129 году перед Масляной недели в четверг. А не женюся яз, **Василий**, у Александра на дочери его, на девке на Анне, на тот срок, и на мне,

132 Родословие Михалковых 1898 г. С. 185. № 45. Источник: РНБ. Q.IV.441 (?).

133 Там же. № 46, прим 11. Источник тот же — Писцовая книга Романовского уезда (?).

134 Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 266.

135 Записная книга Московского стола [Разрядного приказа] 7145 года (1636, сентябрь — 1637, август) // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 19.

на Василье, по сей записи заставы 300 рублей. А на то послуши: Костентин Иванович Михалков, да Богдан Артамонович Михалков, да Григорий Микитич Орлов, а запись писал Василий Александров сын Чоглоков [в] лето 7129 (1621) году»¹³⁶.

После смерти мужа **Анна Михалкова** постриглась с именем Анисья.

Чоглоковы (позднее — Чеглоковы) — первый известный род предков по женской линии **современных Михалковых**. Они принадлежат к потомкам легендарного Миши Прушанина — участника Невской битвы 1240 г. (в ней мог участвовать его сын), от которого произошли знаменитые «старомосковские» боярские роды: Морозовы, Салтыковы, Тучковы, Шеины, Шестовы — предки младшей ветви Михалковых.

Род Чоглоковых в середине XVII в., как говорится, пошел в гору. И возвысил его **брат жены В. Ф. Михалкова — Василий Александрович Чоглоков**. Он был одним из семи сыновей дворянина московского Александра Игнатьевича Чоглокова. Четверо его братьев — Никита, Иван, Яков и Петр — служили дворянами московскими. Двое — Феокист и Селивестр — патриаршими стольниками, но после смерти патриарха Филарета не стали царскими стольниками, а получили чины дворян московских¹³⁷. Один Василий Александрович Чоглоков и сразу был записан в Боярскую книгу 1627 г. *стольником* царя Михаила Федоровича.

А в начале царствования Алексея Михайловича, на Рождество 1649 г., Василий Чоглоков первым из рода был пожалован в *окольничьи*, стал известен как дипломат и воевода в войне со шведами в 1656–1661 гг. и умер в 1667 г. Окольничим стал в 1693 г. и его сын Тимофей Васильевич Чоглоков (ум. в 1710 г.). Чоглоковы могли покровительствовать уже детям и внукам **В. Ф. Михалкова** — своим племянникам, двоюродным братьям и их детям (о них в следующей главе). В XVIII в. один из Чоглоковых женился на двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны графине Марии Петровне Гендриковой и с 1747 г. был воспитателем великого князя Петра Федоровича (будущего Петра III)¹³⁸.

Выше уже говорилось о землевладениях **Василия Федоровича Михалкова** — о родовых землях в Романовском уезде, которые он получил и как служебные поместья (с. 199, прим. 131), и как выслуженную его отцом вотчину. Также у брата Федора он выменял часть отцовского поместья в Московском уезде (см. с. 199–200). Владел **В. Ф. Михалков** и двором в Москве, который, конечно, был ему необходим как патриаршему, а затем царскому стольнику. Сведения об этом дворе (его местонахождение, к сожалению, неясно) находятся в грамоте от 20 декабря 1630 г. Она говорит о его деловых отношениях с родовым для Михалковых Троице-Сергиевом монастырем и предписывает оформить на Земском дворе купчую на двор **В. Ф. Михалкова**,

Герб из «Общего Гербовника». Ч. 1. С. 40

¹³⁶ Из Архива Михалковых. № X/1 и 2. Оригиналы: РНБ. ОР. Ф. 546. № 18 и 19.

¹³⁷ Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. С. 461–462.

¹³⁸ Подполковник Наум Чоглоков стал авантюристом — при дворе грузинского царя Ираклия II в 1770-е гг. называл себя вторым наследником русского престола (после великого князя Павла Петровича), хотел править на Кавказе, но в итоге был сослан Екатериной II в Сибирь.

проданный им Д. Овцыну (?), а деньги передать в монастырь — за долг Михалкова по заемной кабале¹³⁹. В том же году, в июле и октябре, **В. Ф. Михалков** делал небольшие вклады в Троицу (5 и 10 рублей)¹⁴⁰. Но вклада после его смерти нет, хотя в монастырскую Кормовую книгу и Синодик его имя внесено (возможно, потому, что после смерти отца в 1615 г. они с братом сделали вклад на более значительную сумму — 50 рублей, а по их матери, инокине Евдокии, в 1616/1617 г. **Константин Михалков** дал 60 рублей).

Серьезная борьба (о которой уже упоминалось выше) развернулась за вологодскую вотчину **Федора Федоровича Михалкова** (село Турунтаево и сельцо Кобылино с деревнями). Единственный известный нам источник об этом деле — челобитная **В. Ф. Михалкова** царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу о попытках отнять у него романовское родовое поместье и вологодскую вотчину его умершего брата. Копия челобитной сохранилась в архиве Михалковых и датируется в его описи 1628 годом¹⁴¹. Но, очевидно, она написана позже — после возвращения **В. Ф. Михалкова** со службы в Валуйке в сентябре 1629 г.

Василий Федорович начинает свое прошение с того, что после смерти его бездетного брата **Федора Федоровича** его поместье в Романовском уезде, принадлежащее еще их отцу и деду, «отняли без очной ставки и отдали Тимофею Бабарыкину без меня ... как я был ... на вашей государеве службе на Валуйке». И хотя он первый подавал челобитную об оформлении за ним этого родового поместья, один из начальников Поместного приказа Яков Боборыкин (в тексте: «*Бабарыкин*») при докладе царю «утаил» это его челобитье, «дружа» своему родичу. Затем **Василий Федорович** рассказывал, что еще при жизни его брата Ф. А. Алябьев (сын известного воеводы и дьяка А. С. Алябьева) пытался оспорить его владение вологодской вотчиной, утверждая, «будто брат мой владеет лишнею землею». Но **Ф. Ф. Михалков** тогда легко доказал свою правоту: «И на очной ставке брат мой Федор против его Федорова челобитья отвод дал и положил сотную грамоту... а его, Федора Алябьева, обвинили, и приговор у дела был за дьячею приписью, и то дело в Московский пожар [1626 г. — Б.М.] сгорело»¹⁴². «А ныне, государи, — пишет далее **В. Ф. Михалков**, — Федор Алябьев бьет челом вам, государям, ложно, после брата моего смерти на меня ... тем же старым ложным своим челобитьем, и научил с собою бити челом Романа Бабарыкина, да Тимофея Бабарыкина, да Василья Бабарыкина, да Филона Оничкова».

Дальнейший текст челобитной **В. Ф. Михалкова** свидетельствует о том, что на его род в это время началось серьезное давление со стороны недоброжелателей. Может быть, это было связано с тем, что **К. И. Михалков** ушел в отставку с поста постельничего (а может, и уход его был связан с этим давлением?):

139 РНБ. ОР. Ф. 546. № 10. Подлинник с печатью Троице-Сергиева монастыря.

140 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 65.

141 Из Архива Михалковых. № X/3; РНБ. ОР. Ф. 546. № 13.

142 Подлинная сотная 1592 г. сохранилась в вотчинном архиве и издана в 1972 г.

«Да он же, государи, Роман Бабарыкин, затеял ложно на мертвого брата моего, на Федора, на очной ставке перед твоим государевым боярином, перед Михаилом Борисовичем Шеиным, с товарищи подать челобитную. А в челобитной его написано, будто та вотчинка у брата моего, выгнаная, а не ведомо почему выгнана. И будто брат мой Федор на ту свою выслужоную вотчинку, на сельцо Турунтаево, да на деревню Дылево, да на Стрелецкую землю того ж сельца Турунтаева, что бывала преш сего под Стрелецкою слободою, вашу государскую жалованную вотчинную грамоту печатал воровскою печатью, которая вынята у Богдана Михалкова, а не вашею государскою печатью».

Соперники **В. Ф. Михалкова** воспользовались серьезным обвинением его родича **Богдана Алаевича Михалкова** в тяжком преступлении — изготовлении поддельной Государственной печати. Выше уже писалось, что обвинения эти, очевидно, не подтвердились, иначе он был бы подвергнут суровому наказанию (в принятом в 1649 г. Соборном уложении за это полагалась смертная казнь — гл. IV, ст. 1), а он продолжал придворную службу. Но какая-то поддельная печать все же существовала.

В. Ф. Михалков доказывал абсурдность обвинения в незаконном приобретении земли тем, что имеющаяся у него жалованная грамота **Ф. Ф. Михалкову** на вотчину датирована 7 июля 1619 г. (когда дела о «воровской печати» не велось) и подписана дьяком Герасимом Мартемьяновым, но могла быть неправильно оформлена. Он предлагал сверить оттиск печати на грамоте с подлинной старой Государственной печатью, которой запечатывались грамоты в 1619 г. (тогда печатником еще оставался постельничий **К. И. Михалков**)¹⁴³.

К тому же **В. Ф. Михалкову** было известно, что **Б. А. Михалков** «в распросе и в сыске на нас, холопей ваших, ни на кого не говорил и никаких ваших государевых грамот нам не печатывал».

Удалось ли сохранить Михалковым эту вотчину? Ведь **В. Ф. Михалков** после смерти брата оформил за собой наследуемую вотчину и получил соответствующие «послушные грамоты» (о которых он пишет в челобитной). Мало того, он по-родственному выделил часть из этой вотчины вдове брата Марии Михалковой¹⁴⁴. Однако известно, что в XVIII в. село Турунтаево, ставшее Турундаевым, снова числилось царской вотчиной и управлялось в XIX в. Департаментом уделов Министерства Императорского двора.

История этого древнего села, известного с XV в. как вотчина удельных вологодских, а затем великих московских князей, специально изучалась вологодскими краеведами. В XX в. оно вошло в черту города Вологды и оставило о себе память в названии Турундаевской улицы и переулков. Описывая его древнейшую историю по великокняжеским духовным, его на-

¹⁴³ Это дело с практической сфразгистикой (наука о печатях) могло бы попасть в учебники.

¹⁴⁴ Из Архива Михалковых. № VIII; РНБ. ОР. Ф. 546. № 15. Датировано в описи 1630-ми гг. (?).

Никольская церковь с. Турундаево.
Сер. XVIII в. Снесена в 1930-е гг.

селение — по сотной грамоте 1592 г. и даже убранство местной церкви 1618 г., краеведы и не подозревают о тех страстях, которые разгорелись по поводу владения селом в 1620-е гг., и о его дальнейшей истории в XVII в.

В это же время действовал еще один представитель старшей ветви **рода Михалковых** — сын умершего в 1588/1589 г. **Якова Ивановича Михалкова** — брата воеводы **Федора Ивановича** (см. о них в главе о XVI в., с. 93, 94) — **Богдан Яковлевич Михалков**.

Вероятно, из-за ранней смерти отца ему не достались дедовские поместья в Романовском уезде. Впоследствии он стал помещиком Костромского уезда, но занял среди *детей боярских* достаточно скромное место, не позволявшее ему пробиться на службу в Москву. Вероятно, с родичами он особых связей не поддерживал, иначе они наверняка способствовали бы его записи по «московскому списку». Известна его особая служба, за которую ему повысили денежный оклад, и он стал регулярно получать деньги из специального финансового приказа — Костромской чети. В расходной книге этого приказа написано:

«Костромитин Богдан Яковлев, сын Михалков — 130 (1621) году ноября в 7 день по памяти Розряду за приписью дьяка Михаила Давыдова написано:

За службу, что он во 130 году за костромскими за тюремными сидельцы за разбойники ходил, и в Любимской осаде с розбойники в лесу был бой, и розбйников побил, а иных живых поимал, велено ему давать из Чети вновь по 8 рублев»¹⁴⁵.

Следовательно, в Костроме еще и в 1621 г. были слышны отголоски Смуты. Конечно, не один **Б. Я. Михалков** «разбойников побил», с ним наверняка был отряд местных служилых людей, но рядовые участники этих событий не получили подобного награждения. Мало того, через год, в марте 1623 г., он получил за ту же службу еще государева жалованья «*8 аршин камки-адамашки лазоревой... и 4 аршина сукна аглинского вишневого*»¹⁴⁶.

О его сыне **Гавриле Богдановиче Михалкове** известно лишь то, что он был в 1631 г. записан в Костромскую «десятню» (Список уездных служилых людей, источник — Спиридов II). Его потомство неизвестно.

¹⁴⁵ Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 168.

¹⁴⁶ ЧОИДР. 1882. Т. 3. С. 337.

Итог одного из важнейших периодов в истории рода **Михалковых** состоит в объединении в родственный клан с братьями Салтыковыми и породнении с новой царствующей династией Романовых, что позволило им поддержать избранного юного царя Михаила Федоровича в его миссии — завершить страшную Смуту в России.

Начав с управления царским дворцовым хозяйством и финансами еще по пути царя из Костромы, где он дал согласие занять российский престол, в Москву, Константин Михалков и братья Салтыковы не только в короткий период восстановили кремлевские дворцы и храмы, но и наладили деятельность Оружейной палаты и других мастерских по созданию уникальных произведений русского прикладного искусства.

В тексте уже отмечалось, что с середины XIX в. в научной (С. М. Соловьев) и популярной (Н. М. Костомаров) исторической литературе бытовало мнение, что в первые годы царствования Михаила Романова страной управляли его родственники. Влияние на царя (и на решение некоторых дел) его родственников по материнской линии (со стороны Шестовых-Михалковых) нельзя отрицать. Но говорить о том, что они чуть ли не узурпировали власть в целях личного обогащения, нельзя — в Москве после 1613 г. непрерывно заседал Земский собор, да и прерогативы Боярской думы никто не отменял.

Эти обвинения, прежде всего, связаны с известным «делом о болезни царской невесты Хлоповой» в 1616 г., в котором кравчий и глава придворного Аптекарского приказа **Михаил Салтыков** сыграл не лучшую роль. Как пишут современные историки, это запутанное дело было одновременно и государственным, и личным. Главное значение в нем имели отношения молодого царя Михаила Федоровича с матерью, великой старицей Марфой Ивановной, и отцом, патриархом Филаретом Никитичем. Опала же братьев Салтыковых и их матери старицы Евникии Михалковой-Салтыковой, обрушившаяся на них через 7 лет после ссылки несостоявшейся царской жены Марии-Анастасии Хлоповой, была связана с гневом патриарха Филарета. Он оказался не способен противостоять своей бывшей жене — Ксении Ивановне Шестовой

(великой старице Марфе) в ее отказе от благословения Михаила Федоровича на брак с этой невестой.

Константин Иванович Михалков, очевидно, не был прямо причастен к этой интриге, хотя и был в центре событий, и даже, вероятно, поддерживал Михаила Федоровича, как близкий ему человек и по дружбе, и по должности постельничего. Он же организовывал и две следующие царские свадьбы. В 1624 г. — с княжной Марией Владимировной Долгорукой (дальней родственницей Михалковых, возможно, выбранной царской матерью по совету старицы Евникии Михалковой-Салтыковой). А после загадочной смерти Долгорукой, в 1626 г. — с Евдокией Стрешневой (которую, возможно, поддерживал сам **К. И. Михалков** — как родственницу своего помощника — «стряпчего с платьем» В. И. Стрешнева). Второй успешный брак царя принес долгожданного наследника престола (царевича Алексея Михайловича) и уберег Россию от дальнейших династических смут.

К сожалению, в роду Михалковых к концу этого периода опять сложилась не очень благоприятная демографическая ситуация. У **Константина Ивановича** не было детей, и с ним угасла младшая, наиболее успешная ветвь **рода Михалковых**, — потомков великокняжеского дьяка **Тимофея Федоровича Михалкова** и его детей **Андрея** и **Полукта Тимофеевичей Михалковых**.

Наследники старшей ветви рода Михалковых потомство оставили. Из пяти сыновей переяславского вотчинника **Дмитрия Федоровича Михалкова** трое были убиты в сражениях XVI в., но двое оставили потомство. В рассматриваемый период действовали два внука **Дмитрия Федоровича Михалкова** — воевода **Артамон-Алай Иванович** (от **Ивана Большого**) и его двоюродный брат, воевода **Федор Иванович (Меньшого Ивашки)** — умершие, соответственно, в 1633 и 1615 гг.

Из сыновей **Алая-Артамона Михалкова** двое — **Федор** и **Иван** Артамоновичи — убиты в сражениях Смуты и при отражении «королевичева прихода» в 1617 и 1618 гг. Оставшийся в живых сын **Богдан Артамонович (Алаевич) Михалков** участвовал в «московском осадном сидении в королевичев приход» в 1617 и 1618 гг., один раз в 1628–1629 гг. был на «посольском размене» русских пленных, захваченных крымскими татарами. Но в основном известен как рядовой участник придворных церемоний.

Из трех сыновей воеводы **Федора Ивановича Михалкова** первый — **Василий Большой Федорович**, убитый «воровскими казаками» в декабре 1614 г., вероятно, не был женат. Второй сын **Федор Федорович** в том же 1614 г. начал военную службу с посылки под Смоленск, а потом, в 1619 г., получил жалованную грамоту за «московское осадное сидение». Но преждевременно скончался в 1627 г., не оставив мужского потомства, хотя был женат.

Его земли унаследовал младший брат — **Василий Меньшой Федорович Михалков**. Этот младший представитель старшей ветви Михалковых (предок ныне живущих членов рода), начав

с юных лет служить при дворе в чине *жильца*, более других родственников из этой ветви продвинулся в чинах. В 1629 г. он числится *патриаршим стольником*, а в 1636 г. **Василий Меньшой Федорович** уже в чине *царского стольника* сопровождает царя на богомолье в Троицу. Это произошло, когда его родич **Константин Иванович Михалков** ушел в отставку с поста постельничего. Вероятно, у **Василия Меньшого Федоровича** были и другие покровители (родичи жены Чоглоковой?).

У нас есть немного примеров, когда можно определенно сказать, что **Константин Иванович Михалков** прямо поддерживал и продвигал своих дальних родственников (троюродных дядей и четвероюродных братьев). Это случай местничества **Федора Федоровича Михалкова** с Кикиным в 1614 г., когда проигравшая сторона обратилась с извинениями не к сопернику (молодому дворянину), а к его высокопоставленному родичу постельничему, благодаря которому, очевидно, **Федор Федорович** и выиграл дело (в ходе его разбирательства было записано, что «*Михалковы у прежних государей бывали ближние люди*»).

Другой пример — определение в 1617 г. немолодого уже воеводы **Алая Михалкова** *царицыным сыном боярским*, которые были подведомственны **Константину Ивановичу**. Очевидно, клан **Михалковых-Салтыковых** решил окончательно подчинить себе окружение и хозяйство матери царя великой старицы Марфы Ивановны — поэтому **Алай Михалков** и стал ее дворецким.

Таким образом, мы видим, что в период наибольшего влияния клана **Михалковых-Салтыковых** (1613–1623 гг. — до ссылки братьев Салтыковых и их матери) происходит угасание младшей ветви рода Михалковых и смена поколений в старшей ветви (и также ее уменьшение). Воеводы **Федор** и **Артамон-Алай Михалковы** были уже преклонного возраста, а их сыновья — **Богдан Артамонович**, **Федор** и **Василий Федоровичи** — только начинали службу. Характерно, что никто из них не получал назначений городскими воеводами — обычный этап карьеры для представителей небоярских родов.

Еще один представитель старшей ветви — племянник воеводы **Федора Ивановича Михалкова** — **Богдан Яковлевич Михалков** начал службу костромским сыном боярским и не мог получить особой поддержки у дяди, скончавшегося в 1615 г.

Сразу после смерти патриарха Филарета Никитича, в октябре 1633 г. царь Михаил Федорович возвращает находившихся в ссылке с 1623 г. близких ему с детства братьев **Бориса** и **Михаила Салтыковых**. Им были возвращены прежние чины, Борису Михайловичу — боярина, а Михаилу Михайловичу — окольничего (в 1641 г. стал боярином). Они продолжали управлять важными приказами, но в целом ситуация по их влиянию на государственные дела изменилась. В 1631 г. умерла великая старица Марфа Ивановна, с которой они были в родстве через мать. Старица Евникея также не появлялась в Москве (вероятно, она скончалась

к этому времени, но сведений о ее захоронении в царском Суздальском Покровском монастыре нет).

Говорить о существовании к середине XVII в. клана **Михалковых**, объединенного родством с царской фамилией, уже не приходится. Собственно, в это время в Москве остались только двое представителей старшей ветви **Михалковых** — дворянин московский **Богдан Артамонович** и стольник **Василий Меньшой Федорович**. Для Салтыковых это были уже совсем дальние родичи. Да и в их семье уже не было единства — достаточно привести факт местничества в 1634 г. боярина князя Ю. Я. Сулешова с шурином, боярином Б. М. Салтыковым. Но с другим своим шурином — боярином М. М. Салтыковым — князь Сулешов сохранил добрые отношения и сделал его в 1643 г. своим душеприказчиком (завещав, впрочем, свои огромные богатства (он умер бездетным) восточным родичам — князьям Я. К. Черкасскому и И. К. Юсупову).

Итак, род Михалковых во второй половине XVI в. вошел в состав государевых «ближних людей». А в первой трети XVII в. они стали родней новой царствующей династии Романовых. **Константин Михалков** в составе родственного клана управлял в это время всеми кремлевскими делами. Таким образом, **Михалковы** вошли в состав российской элиты, главным признаком которой в то время было наследственное обладание думными чинами *бояр и окольников*, а также — высшими дворцовыми чинами, к которым относился чин *постельничего*.

Но, как было показано выше, из-за отсутствия у **К. И. Михалкова** потомства и ближайших родственников и из-за смены поколений в другой ветви рода **Михалковы** так и не стали боярским родом в XVII в., как стали в эту эпоху их однородцы Кондыревы. Пять Кондыревых в течение 1651–1691 гг. стали думными дворянами, окольниковыми и боярами. Причем двое получали думные чины после дворцового чина ясельничего, более низкого, чем постельничий. А известный фаворит царя Алексея Михайловича — Богдан Матвеевич Хитрово (племянник постельничего М. А. Ртищева) начинал свою придворную карьеру с чина оружничего и много сделал для развития ремесла в Оружейной палате. А став боярином и дворецким, привел в Боярскую думу восемь своих родичей.

Конечно, наибольшее число незнатных фамилий, ставших впоследствии влиятельными боярскими родами, были родственники царских жен — Стрешневы, Милославские, Нарышкины, Апраксины. Их называли «бояре по кике» (тому самому свадебному головному убору, который на царской свадьбе 1626 г. торжественно несла Ирина Михалкова).

Но даже заседание в Думе нескольких родичей в XVII в. не означало автоматическое вхождение их потомков в состав высшей русской знати на следующие века. Конечно, это не относится к некоторым древнейшим княжеским и старомосковским боярским

родам, чья знатность во все века подкреплялась большими земельными богатствами, переходившими из рода в род и превратившимися к началу XX в. в настоящие латифундии. Но в XVII в. еще можно было выпасть из этого круга.

Характерный пример — история рода Пушкиных. Сейчас, после многочисленных популярных текстов о роде поэта, у читающей публики может сложиться впечатление, что все потомки Григория Пушки из рода легендарного Ратши были *московскими боярами* (Александр Сергеевич писал: «Бояр старинных я потомок»). В действительности, Пушкины в конце XV — XVI в. не были боярами, а пробивались в Думу наравне с Михалковыми. Нерешенность местнического спора А.Т. Михалкова с Е.М. Пушкиным в 1583 г. не случайна — за обоими не стоял еще ряд предков с воеводскими назначениями. Е.М. Пушкин получил при Борисе Годунове думное дворянство, но сразу был удален на воеводство в Сибирь, где и умер. Печально прославился Гаврила Пушкин. Он помог свержению сына Годунова в июне 1605 г. и получил за это от Лжедмитрия I чин думного дворянина и должность сокольничего. Сокольничим он оставался и при Василии Шуйском, и при Михаиле Романове, но находился в дворцовой иерархии ниже постельничего К.И. Михалкова. Непосредственно подчинялся Константину Ивановичу сын Гаврилы Пушкина — «*стряпчий с платьем*» Григорий Пушкин, ставший в 1646 г., при молодом царе Алексее Михайловиче, первым в роду *боярином*. Вместе с ним в это и в следующие царствования в Боярской думе заседали еще семь Пушкиных. Но в 1697 г. произошла, как писал академик С.Б. Веселовский, «*катастрофа, которая навсегда вывела Пушкиных из среды московской правящей знати*»¹⁴⁷. За участие в заговоре против Петра I сына боярина М.С. Пушкина Федора (он был казнен), боярин и его брат, окольный Я.С. Пушкин, были сосланы и умерли без наследников.

От обширного, стремительно выдвинувшегося рода осталась только ветвь непосредственных предков А.С. Пушкина, которые как раз в XVII в. думных чинов не получали. Как известно, в XVIII в. среди Пушкиных не было ни генералов, ни придворных. Свообразным укором им была история их однородцев Мусиных-Пушкиных, получивших в конце XV в. поместья на землях присоединенного к Москве Великого Новгорода и на два века ставших провинциальными детьми боярскими. Но в XVIII в. разные ветви Мусиных-Пушкиных трижды получили графский титул. Александр Сергеевич в известном стихотворении «Моя родословная» в сердцах воскликнул: «Я Пушкин просто, не Мусин». Хотя, наверное, автор «Евгения Онегина» сознавал, что именно из-за него, «грамотея и стихотворца», а не из-за бояр и графов будут изучать его род в последующие времена...

¹⁴⁷ Веселовский С.Б. *Род и предки А.С. Пушкина в истории*. М., 1990. С. 188.

Глава 5

Книжная культура Московского Кремля в период управления им Б.М. и М.М. Салтыковыми и К.Н. Михалковым

В очерке Н. И. Костомарова «Михаил Федорович Романов» из его книги «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (1873–1888) историк в свойственной ему скептически-риторической манере писал:

«Близ молодого царя не было людей, отличавшихся умом и энергией: все только одна рядовая посредственность. Превратная печальная история русского общества приносила горькие плоды. Мучительства Ивана Грозного, коварное правление Бориса, наконец, смуты и полное расстройство всех государственных связей выработали поколение жалкое, мелкое, поколение тупых и узких людей, которые малоспособны были стать выше повседневных интересов. При новом шестнадцатилетнем царе не явилось ни Сильвестра, ни Адашева прежних времен».

Упомянув советников молодого царя Ивана IV — священника дворцового Благовещенского собора Сильвестра и воеводу и дипломата А. Ф. Адашева, Н. И. Костомаров, возможно, имел в виду, что они, кроме «повседневных интересов», имели особые «умственные» интересы — книжные. Сильвестр, обладатель значительного книжного собрания, считается автором знаменитого Домостроя. А. Ф. Адашев ведал Царским архивом, редактировал Разрядные книги, Государев родословец и официальный *«Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича»* (известия 1533–1552 гг.).

Мы же беремся доказать, что Костомаров был категорически не прав, говоря об окружении царя Михаила Федоровича. **Борис и Михаил Салтыковы и Константин Михалков** с первых дней появления в Кремле молодого царя прививали ему интерес к книжной культуре Древней Руси, поскольку сами обладали разносторонними познаниями в этой области и понимали ее значение для развития государства и общества. Некоторые факты из истории придворной книжности первой четверти XVII в. были известны историкам и археографам, но мы попробуем сложить эти факты в некую систему, соединив с деятельностью ряда лиц из высшей кремлевской администрации этого времени.

Определенный импульс для обобщения этих фактов дали научные работы историка А. И. Макарова о лицевой рукописи,

Самара в 1636 г. (через три года после отъезда воеводы Б.М. Салтыкова). Гравюра из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и Персию» (издания 1647–1696).

- 1 Макаров А.И. 1) Самарские древности (забытая рукопись) // Самара: от прошлого к настоящему. Сборник статей. Самара, 2007. С. 254–281; 2) Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 86–97, № 4 (50). С. 47–63; 3) Самарский воевода Б.М. Салтыков — родственник царя Михаила Федоровича // Романовы и Самара. 1613–2013. Самара, 2013. С. 386–408; 4) Первое литературное произведение Самары. Предисловие к рукописи XVII в. «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Самара, 2016. На телеканале «Союз» в 2017 г. был представлен документальный фильм «Первая книга Самары» — <http://tv-soyuz.ru/peredachi/pervaya-kniga-samary>.
- 2 РНБ. ОЛДП. Q.XVII. В XVIII–XIX вв. книга, очевидно, бытовала в старообрядческой среде, а затем была приобретена одним из основателей Общества любителей древней письменности князем П.П. Вяземским (сыном поэта князя П.А. Вяземского), тестем другого основателя Общества — графа С.Д. Шереметева (автора публикации «Из Архива Михалковых» 1914 г.). Рукопись была еще в 1887 г. факсимильно издана в серии публикаций ОЛДП под № 88. В настоящее время в РНБ создан интернет-ресурс «Книжное сокровище древней Самары», содержащий электронное воспроизведение всех листов рукописи и ее научное описание, а также исследования по истории ее создания, особенностей текста и миниатюр.
- 3 Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Выпуск 3. 1651–1675 / Сост. Л.Н. Горбунова, Е.В. Луньянова. М., 2003. С. 18.

написанной в 1628/1629 г. в Самаре — тогда небольшой пограничной крепости на Средней Волге. Эта богато иллюстрированная книга содержит 223 миниатюры с текстом переводного памятника древнерусской литературы «Повесть об отшельнике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе». Создана она по заказу тогдашнего самарского воеводы **Бориса Михайловича Салтыкова** и, безусловно, является одним из интереснейших памятников местной культуры¹.

Б. М. Салтыков провел в Самаре последние семь лет своей ссылки (1626–1633 гг.), а его брат **М. М. Салтыков** был семь лет воеводой в Чебоксарах (обоим было запрещено писаться с чинами боярина и окольничего). На лицевой рукописи, хранящейся в Российской национальной библиотеке², есть надпись о принадлежности ее в середине XVII в. боярину **М. М. Салтыкову** и его сыну боярину **П. М. Салтыкову** (строителю каменного храма в селе Молвитино — наследстве его прадеда **А. Т. Михалкова** и двоюродного дяди **К. И. Михалкова**).

В изучении данной рукописи есть еще вопросы: откуда в Самаре оказался сам текст памятника мировой литературы? Кто были ее писец священник Афанасий и миниатюрист Петр? Не были ли они связаны с Салтыковыми ранее?

В работе А.И. Макарова упомянуто, что среди челяди **М.М. Салтыкова** был книгописец, переписавший в 1644/1645 г. по его «повелению» Житие Варлаама Хутынского. Вероятно, такие писцы были у Салтыковых и до опалы. Подобная запись о совместном владении **М.М. и П.М. Салтыковыми** имеется также на рукописи Жития Иосифа Волоцкого (РГАДА. Ф. 187. Оп. 1. № 36). Им же принадлежал и московский печатный Службник 1651 г.³ Ясно, что это — только остатки библиотеки Салтыковых, вероятно, значительной и регулярно пополнявшейся. О том, что **М. М. Салтыков** регулярно покупал новые издания книг, в том числе одну из немногих напечатанных в XVII в. в Москве светских книг «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647), говорят записи служащих Московского печатного двора. А сразу три экземпляра другой светской юридической книги —

Рукопись «Повесть о Варлааме и Иоасафе», написанная в Самаре в 1628/1629 г. для воеводы Б. М. Салтыкова. На миниатюре преп. Иоанн Дамаскин. РНБ. ОЛДП. Q. XVII. Л. 16 об. — 17.

Миниатюра рукописи «Повесть о Варлааме и Иоасафе» — Притча о единороге. РНБ. ОЛДП. Q. XVII. Л. 92.

«Соборное Уложение 1649 года» — купили три дворовых человека **М. М. Салтыкова** (очевидно, приказные люди) — что говорит об особом внимании к книге в доме **Михаила Салтыкова**⁴.

Совсем недавно было обнаружено яркое свидетельство особой «книжности» **Б. М. Салтыкова** — целенаправленное приобретение им памятников древнерусской духовной литературы. В собрание московского коллекционера М. С. Бывшева поступила рукопись первой трети XVI в. «Пандектов» Никона Черногорца (древнерусский перевод с греческого языка правил монашеской жизни, составленных в XI в.). Рукопись содержит запись: «Книга

⁴ Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1976. С. 92, 94.

«Пандекты» Никона Черногорца,
рукопись первой трети XVI в.
Собрание М. С. Бывшева, Москва.

Никонские правила боярина Бор[иса] Ми[х]айловича Салтыкова купле[на] ... Сыдавнова Васильева у жены у ево в 27 (1619) году».

Зачем нужны были боярину в расцвете лет и карьеры (Борис Михайлович прожил еще 27 лет) монашеские правила? Во-первых, на Руси сочинения Никона Черногорца стали не только монастырским чтением, но оказали значительное влияние на духовное просвещение в целом. Особенно часто они цитировались во время острой идеологической борьбы в русской публицистике в конце XV — начале XVI в. — спорах иосифлян и нестяжателей. Во-вторых, данная рукопись, несомненно, является прекрасным образцом книжного полууставного письма, заголовков вязью и орнаментики столетней (относительно 1619 г.) давности, достигшей совершенства в ту эпоху. Заставка, открывающая текст, выполнена в так называемом «неовизантийском» стиле, возникшем еще в эпоху Андрея Рублева. Понятно, почему такая незаурядная по исполнению рукопись привлекла внимание боярина, знавшего толк в книгах.

Владельческая запись **Б. М. Салтыкова** раскрывает нам целую историю взаимоотношений двух крупных государственных деятелей, бывших также любителями книжности. Ведь указанный в ней Сыдавной Васильев, чья жена продала книгу боярину (фактически одному из правителей страны), — видный деятель Смутного времени думный дьяк Семен Зиновьевич Васильев⁵. Он служил и царю Василию Шуйскому (вел переговоры и подписал Выборгский трактат о приглашении шведского войска), и Семибоярщине (вместе с патриархом Филаретом вел переговоры с польским королем о приглашении в Москву королевича Владислава, однако, в отличие от Филарета, избежал плена), но затем

⁵ В справочной литературе существуют разночтения в передаче его фамилии, имени и отчества. В Русском биографическом словаре он назван: «Зиновьев, Парамон-Сыдавной Васильевич (известный под именем Сыдавной-Васильев)» (СПб, 1897. Т. 7. Жабокритский — Зябловский. С. 406–408). В книге С. Б. Веселовского «Дьяки и подьячьи XV–XVII вв.», использовавшего монастырские вкладные книги: «Васильев Сыдавной Семен Зиновьевич» (М., 1975. С. 85–86).

примкнул к ополчению Минина и Пожарского и служил в нем думным дьяком. Сразу после избрания Михаила Романова Сыдавной Васильев 14 марта 1613 г. назначается Земским собором (точнее князьями Трубецким и Пожарским) управлять приказом Большого дворца, то есть действовать как бы параллельно с **дворецким Б. М. Салтыковым**, еще не прибывшим с царем в Москву. Сразу после появления в Кремле 1 мая 1613 г. новой администрации в лице **Б. М. и М. М. Салтыковых и К. И. Михалкова** Васильев отстраняется от дворцового управления, но получает не менее значимую должность думного дьяка Разрядного приказа, ведавшего вооруженными силами страны. Одновременно думный дьяк возглавлял и важнейший финансовый приказ — Устюжскую четь.

Б. М. Салтыков, конечно, знал о существовании книжного собрания у Сыдавного Васильева. Так, Васильев покупал рукописи при распродаже библиотеки Н. Г. Строганова, привезенной в Кремль, которой руководил дворецкий Салтыков (см. об этой распродаже ниже): Острожскую Библию Ивана Федорова, рукописные Канонник, Минею, Пролог, исторический памятник — Степенную книгу. Семен-Сыдавной Зиновьевич скончался 5 ноября 1619 г., по древнерусскому летоисчислению в 7128 году, который начинался 1 сентября 1619 г. Но в дате записи указано, что Б. М. Салтыков купил «Пандекты» Никона Черногорца у его жены Анны Бахтиаровны «в 27 году», то есть в 7127–1618/1619 гг. Известно, что думный дьяк был еще активен и подписывал документы осенью 1619 г. Поэтому факт покупки книги не лично у него, а у его жены весьма примечателен. Вполне возможно, что между боярином Б. М. Салтыковым и семьей думного дьяка могли быть дружеские отношения. Но после смерти Сыдавного Васильева Салтыков мог купить еще книги из дьячей библиотеки, и находки его редких рукописей могут продолжаться.

Еще одно обстоятельство заставляет внимательно отнестись к приобретению **Б. М. Салтыков** данной рукописи «Пандектов» Никона Черногорца. В справочной литературе имеется известие: «В начале XVII в. предпринято было в Москве печатное издание обоих сочинений Н. (икона Черногорца), но предприятие это приостановилось при самом начале»⁶. Имеется в виду и другое сочинение этого автора — «Тактикон». Источник этих сведений нам неизвестен. Рассказ же о возобновлении книгопечатания в России после Смуты в Кремлевской типографии, главным руководителем которой был, не только по своему чину, но и по «книжности», **дворецкий Б. М. Салтыков**, следует далее.

⁶ Никон Черногорец // Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. СПб., 1897. Т. 21. С. 142–143.

Возрождение русского книгопечатания в Кремле

Начатое в середине XVI в. митрополитом Макарием и царем Иваном IV книгопечатание в Москве было представлено рядом «анонимных» изданий и шедевром Ивана Федорова — Апостолом 1564 г. Книгопечатание не прерывалось и в Смутное время. Но в сражениях 1611–1612 гг. государев Печатный двор на Никольской улице был разорен и сожжен.

«Сказание известно о воображении книг печатного дела» середины XVII в. повествует: *«И таковое доброе дело, Печатный дом и вся штамба того печатного дела, от тех врагов и супостат разорися, и огнем пожжена бысть, и погибе до конца, и не осталя ничто же такового орудия»*⁷.

Восстановление печатного дела при царе Михаиле Романове было важно не только для скорейшего пополнения богослужебными книгами разоренных храмов, но и для прославления новой династии. Традиционно, начиная с Апостола 1564 г., каждая русская печатная книга сопровождалась послесловием (реже — предисловием), в котором воздавалась хвала царствующему монарху, прославлялись его заслуги в распространении божественных книг и в духовном просвещении православного народа. Эти тексты сложились в особый жанр древнерусской публицистики, а в Смуту играли важную агитационную роль в борьбе царя Василия Шуйского со противниками. Предводители Второго ополчения Минин и Пожарский организовали типографию в Нижнем Новгороде, где, вероятно, в начале 1613 г. начали печатать Евангелие, но послесловия в нем не поместили, поскольку вопрос о новом царе не был еще решен. Вместе с тем, глава Нижегородской типографии, известный московский печатник Никита Федорович Фофанов напечатал особый текст (как бы послесловие к несостоявшемуся изданию), где ярко описал перипетии Смутного времени. Фофанов этим текстом хотел оправдаться перед новой властью в том, что напечатал Евангелие без известия о вступлении на престол Михаила Федоровича⁸. Вскоре Н. Ф. Фофанов был вызван в Москву, и с начала 1614 г. начал готовить к работе новую типографию в Кремле.

Известны книги, напечатанные в Московском Кремле в 1615–1619 гг. — до переноса патриархом Филаретом типографии обрат-

7 У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 201–202.

8 Белобородов С. А., Починская И. В., Мосин А. Г., Борисенко Н. А. Новое об изданиях Нижегородской типографии 1613 г. // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 4–22.

но, на старый Печатный двор на Никольской улице. Это две *Псалтыри* 1615 и 1619 гг., два *Часовника* 1615 и 1618 гг., *Октоих* в 2-х частях 1618 г., *Миней общая* 1618 г., *Миней служебные*, сентябрь и октябрь 1619 г.

Но об организации этой типографии и мастерах, в ней работавших (кроме главных, упоминавшихся в послесловиях), было известно немного, поскольку исследования о деятельности московских книгоиздателей в XVII в. велись на основе архива Приказа книгопечатного дела 1620-х гг.

Документы о создании и функционировании Кремлевской типографии в 1614–1619 гг. сохранились в фондах кремлевских дворцовых учреждений и мастерских. Книгопечатное производство тогда было очень сложным — нужны были мастера, работающие и с металлом, и с деревом, и с тканями, и кожей (переплеты книг). Руководили этими учреждениями **дворецкий Б. М. Салтыков, кравчий и оружничий М. М. Салтыков, постельничий К. И. Михалков**.

В 1998 г. для изучения деятельности Кремлевской типографии в 1610-е гг. впервые к архивным документам дворцовых приказов и мастерских, объединенным ныне в обширный фонд под названием «Оружейная палата» (РГАДА. Ф. 396), обратилась исследовательница из Екатеринбурга И. В. Починская. В начале статьи под названием «Царского величества друкарня» она отметила, что возрождение типографии в Москве «был акт политический, призванный содействовать укреплению власти нового государя»⁹.

Но при этом автора интересовали только мастера печатного дела и степень их участия в конкретных изданиях (в том числе в гравировании заставок, продолжающих традицию русского старопечатного стиля). Но фамилии тех, кто организовывал работу этих мастеров (а значит, принимал решения о печатании тех или иных богослужебных книг и контролировал содержание официальных публицистических послесловий), в статье не названы. Хотя, конечно, в текущих хозяйственных делах дворцовых приказов эти фамилии неоднократно упоминаются. Кратко отметил вероятное руководство **Б. М. Салтыкова** книгопечатанием в Кремле, как главы приказа Большого дворца, А. И. Макаров, но информацию об этом из дворцовых архивов он не использовал¹⁰. Однако тому есть документальные подтверждения, опубликованные еще в XIX в., например:

*«[1616 г.] декабря в 4 день, государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожаловал Печатные избы резца Ивана Никонова, дано ему государева жалования 4 аршина сукна настрафилю лазоревого, цена 2 рубли с четью портище. А приказал государевым словом боярин Борис Михайлович Салтыков»*¹¹.

Конечно, дворецкий **Б. М. Салтыков** не всегда давал личные распоряжения, это могли делать его доверенные дворцовые дьяки И. Болотников и П. Насонов. Так, в 1614 г. они писали «памяти»

⁹ Починская И. В. «Царского величества друкарня» 1614–1619 гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 216–236.

¹⁰ Макаров А. И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628–1629 г.). С. 50.

¹¹ Забелин И. Е. Дополнения к дворцовым разрядам, по поручению графа Д. Н. Блудова, собранные из книг и столбцов прежде бывших дворцовых приказов Архива Оружейной палаты // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 1. Стб. 75. Возможно, это жалование выдали И. Никонову за резьбу досок для печати заставок Служебника 1616 г.

казначею Н.В. Траханиотову с распоряжением о выдаче сукна мастерам при открытии Кремлевской типографии: «17 мая — *печатново дела мастеру Миките Фофонову*; 20 мая — *печатного дела всяким мастеровым людям, Алексею Невежину, Якову Протопопову с товарищи, штинадцати (16) человеком*»¹².

В Кремлевскую типографию определили на работу мастера Оружейного приказа (руководил **М. М. Салтыков**), «резца» Кондрата Иванова, который, вероятно, изготовлял доски для гравюры «Царь Давид» и для заставок первого кремлевского издания — Псалтыри 1615 г. В 1620 г. Кондрат Иванов перешел на Печатный двор и стал известным книгопечатником¹³.

Кремлевская типография была помещена в дворцовой «Набережной палате», то есть непосредственно примыкала к парадным и жилым царским покоем. Печатные мастера жили в специально построенных рядом деревянных избах.

За хозяйственное обслуживание и обеспечение охраны всех дворцовых помещений отвечал государев постельничий **Константин Иванович Михалков**. Он, очевидно, и организовывал процедуру представления и дарения царю особо оформленных «подносных» экземпляров новых изданий.

Можно сказать и о формировании у Михаила Федоровича особой библиотеки, хотя и очень небольшой. Его личные книги входили в так называемую «Государеву постельную казну», которой, естественно, ведал **К. И. Михалков** (о находке уникальной книги из «Постельной казны» прежних царей речь будет идти в следующем разделе). По описи 1634 г. 11 книг хранилось в «*Государеве в большой шкатуле*»¹⁴. Это — книги царского молитвенного обихода: Святцы, Требник, Устав, Чин исповедания. Кремлевских богослужебных печатных книг 1615–1619 гг. в «*шкатуле*» нет. Очевидно, «подносные» экземпляры сразу передавались в дворцовые церкви. Зато у царя остались (описаны в той же «*шкатуле*») для постоянного чтения три светские книги:

«*Книга в десть (большого формата.—Б.М.) государеву избранью и поставленью, по обрезу золочена, доски поволочены бархатом червчатым, плащи и застежки серебряны*» — текст об избрании царем Михаила Романова, который будет иллюстрирован в 1673 г.

«*Книга в полдесть о наказании гнева Божия к Российскому государству и о Троицком Сергиева монастыря о осадном сиденье*» — очевидно, «Сказание Авраамия Палицына» — одно из наиболее известных сочинений современника о Смутном времени, вероятно, поднесенное царю автором (см. далее с. 256–257).

«*Книга Аристотелева, в полдесть*». Уже само это название говорит об уровне просвещения царского окружения, через которое книги попадали к царю¹⁵.

Вероятно, **К. И. Михалков** мог контролировать и важный для царя процесс традиционных книжных вкладов в храмы и мона-

¹² Там же. Стб. 22, 23.

¹³ С другой стороны, вероятно, в ведомстве оружейного М. М. Салтыкова типограф и изобретатель А. М. Радишевский в это время работал над переводом «Воинской книги».

¹⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей // Отечественные записки. 1854. Т. 97. № 12. Отд. 2. Науки и художества. С. 122.

¹⁵ Луппов С. П. Книга в России в XVII в. С. 112. Интересно, что эта рукопись перевода сочинения Аристотеля, вероятно, вошла в обширную библиотеку внука царя Михаила Федоровича, скончавшегося в 15 лет царевича Алексея Алексеевича (1654–1670). Он отличался большими способностями. Знал латинский и польский языки, говорил свободно с иностранными послами.

стыри. С появлением кремлевских печатных богослужбных книг, которые печатались уже обычными для того времени большими тиражами (не менее 1000 экземпляров), такие вклады от имени царя рассылались и по отдаленным регионам страны. Многие из них сейчас находятся в различных коллекциях и хранилищах. Некоторое время назад такие царские вклады регулярно привозились археографическими экспедициями из районов поселения современных старообрядцев, сохранявших древние книги, в XVIII–XIX вв. изъятые из храмов.

Большинство известных вкладных записей от имени царя Михаила Федоровича сделано одним лицом — Любимом Асмановым, подьячим Приказа Большого дворца (ведомства **Б. М. Салтыкова**), но относятся они уже к 1623–1641 гг.¹⁶ Важнейшая составляющая книгопечатного дела — «правильня», где выверялись тексты и готовились новые издания, а также «книгохранильница», где откладывались экземпляры книг 1615–1619 гг., оставались в Кремле до 1626 г. Однако мы знаем, что братьев Салтыковых там с конца 1623 г. уже не было, но оставался **К. И. Михалков**.

Старопечатные книги XVI–XVII вв. (они в основном богослужбные), как и древние рукописи, имеют свою индивидуальную историю, начиная с подготовки их издания, и далее — перемещения из одного храм в другой. В XIX–XX вв. и в наше время подобные книги собирались и сохранялись приверженцами «древнего благочестия» — старообрядцами. Интересную информацию о деятельности Кремлевской типографии 1610-х гг. содержит экземпляр Октоиха 1618 г. (часть I), попавший в 1983 г. в фонды Национального музея Республики Коми в Сыктывкаре (см. *ил. на стр. 222*)¹⁷.

Книга для ежедневной церковной службы — Октоих — начала готовиться в двух частях к печати в Кремлевской типографии еще в феврале 1616 г. ее главным мастером Никитой Фофановым, но завершить работу ему не пришлось, в ходе ее он скончался. Как указано в Послесловии (л. 476 об.), книга была закончена только 23 сентября 1618 г.: «Труды и тщанием прочих сработников мастера Ианикиты, и в работе повинувшихся ему, иже с ним и по нем трудившихся — Петруши Васильева сына Федыгина с товарищи».

Как уже отмечалось, важное значение в издании в Кремле в 1615–1619 гг. богослужбных книг, предназначенных в значительной части для рассылки по храмам различных городов и сел, имели их публицистические послесловия, прославляющие нового царя Михаила Федоровича Романова. В послесловии Октоиха 1618 г. имеются яркие образцы подобной русской литературной риторики начала XVII в., специально изучавшейся литературоведами. Несомненно, данные тексты проверялись и редактировались курировавшими Кремлевскую типографию кремлевскими администраторами **братьями Салтыковыми и К. И. Михалковым**. И вполне возможно, что книжник Б. М. Салтыков мог принимать участие в их составлении, в послесловии слышны мотивы прео-

¹⁶ Поздеева И. В. Записи на старопечатных книгах кириллического шрифта как исторический источник // Федоровские чтения: Читатель и книга. 1976. М., 1978. С. 49; Волкова Т. Ф. Записи первых Романовых и княжеско-боярской знати XVII в. на книгах, собранных на Усть-Цилемском Севере // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 501–504.

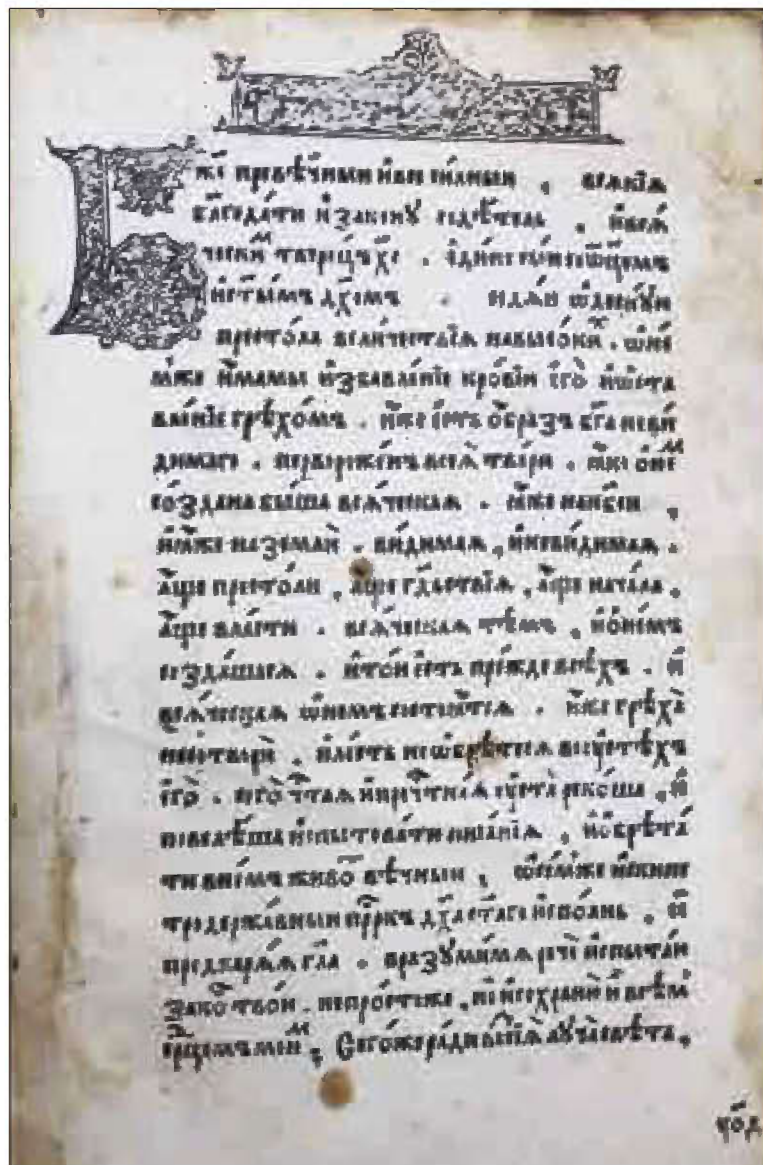
¹⁷ В музей Октоих поступил вместе с другими книгами и рукописями из библиотеки известного старообрядческого наставника С. Н. Антонова, жившего на реке Пижма — притока Печеры в Усть-Цилемском районе Республики Коми, известным своими традициями по сохранению древнерусской старины.

Октоих. Москва, 1618. Часть 1.
Национальный музей Республики Коми.
(НМРК, № 7567–14).

Лист 3. Заголовок вязью: НАЧАЛО
ОСМИГЛАСОВОМЪ СЪ БОГОМЪ
ПОЧИНАЕМЪ. Внизу начало вкладной
записи 1618/1619 г.

Лист 474. Послесловие с панегириком
царю Михаилу Федоровичу. Начало:
Бог превечный и всесильный всякия
благодати и закону содетель.

доления Смутного времени (как раз в момент завершения печатания Октоиха — 22 сентября 1618 г. польская армия королевича Владислава подошла к Москве):

«Благочестивый же государь царь и великий князь Михаилу Феодорович, всяя Росии самодержец, видяще толик облажащны облак ругателей различных и многохулных супостат, облекшися во вся оружия правды и ополчися мужественно, повинувшися под крепкою рукою Божию. И всякою крепостию душевною и телесною божественна священна зрениа свершая, и желая от всех Содетеля и Промысленика, и подвиг немал о благочестии показуя. Многия же божественныя церкви повсюду устрояя, и всякими причюдными лепотами велелепие украшая, и сими богодухновенными священными писаници, паче же и многочюдесными святыми иконами» (Л. 475 об.).

Интересные наблюдения о работе кремлевских администраторов по распространению новонапечатанных книг позволяет сделать вкладная запись по нижнему полю сыктывкарского экземпляра Октоиха 1618 г.:

«Лета 7127-го (1618/1619) положил сию книгу Охтай у Рожества Христова в Ямкине Черноголовские волости крестьянин Мелентей Петров по своих родителей и по своей душе. И которой свещельник (так!) у Рожества Христова станет служить, и ему за меня Бога молити и родители мои поминати. А хитрости над сиею книгою некоторые не учините, от Рожества Христова никуды не отнести. А учинит на сею книгою хитрость которой священник, и мне будет с ним суд на фтором (так!) пришествии перед Христом».

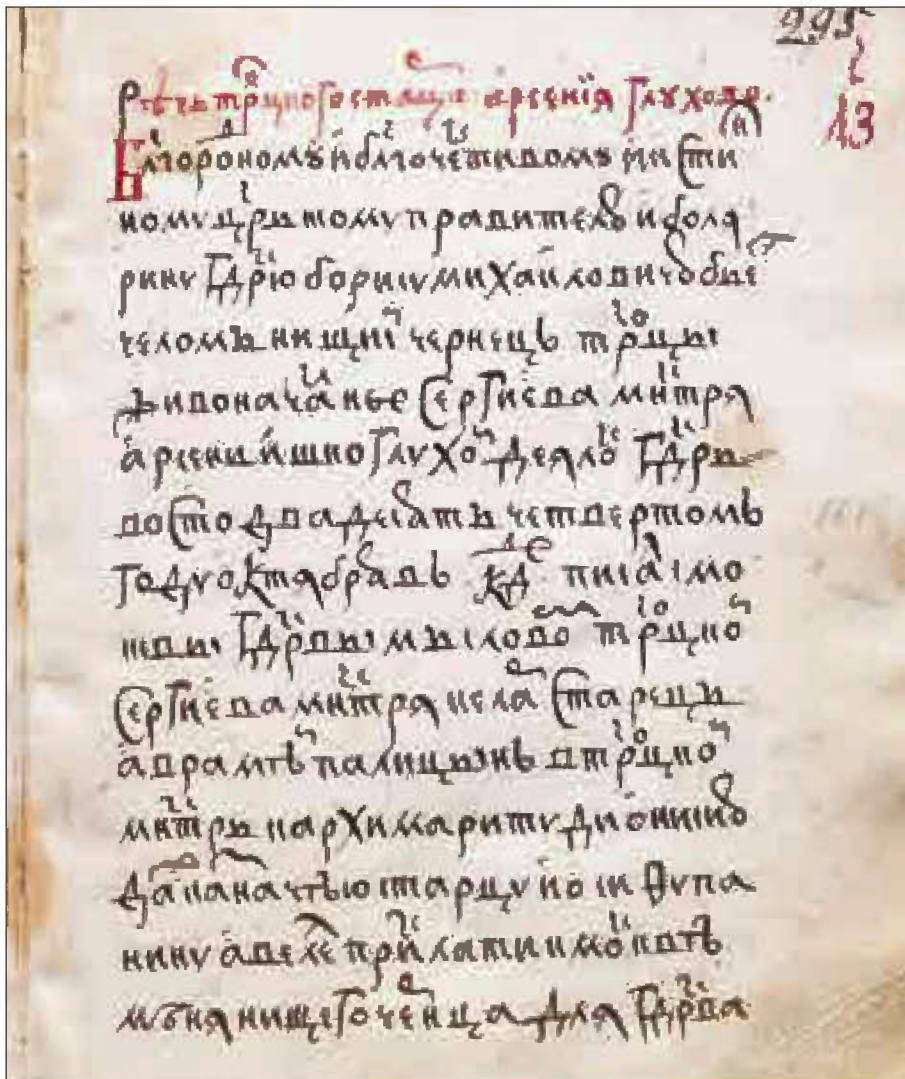
Казалось бы, это обычная вкладная запись, которая часто встречается на богослужебных книгах XVII в., в том числе и от имени крестьян (естественно, зажиточных, а иногда крестьяне покупали книги для своего храма вскладчину). Но сразу обратил на себя внимание почерк записи — изысканная каллиграфическая скоропись начала XVII в. Конечно, ни сам Мелентей Петров, ни даже священник сельского храма Рождества, куда вкладывалась книга, не могли обладать подобным почерком. Кроме того, записи тем же почерком и с той же датой 1618/1619 г., близкой ко времени издания книги, встретились нам на других экземплярах Октоиха, в том числе проданных на книжных аукционах (в каталогах, выложенных в Интернете, были фото того же листа 3, на котором была указана также только одна дата). Ответ на этот вопрос был получен при анализе местонахождения данного храма — подмосковное село Ямкино существует до сих пор, и его история хорошо известна — оно всегда входило в состав государевой дворцовой Черноголовской волости, принадлежавшей московским великим князьям и царям с XIV в. («волость Черноголовль» упомянута в духовной грамоте Ивана Калиты). Все стало на свои места. Очевидно, в Кремле было решено его управителями **Салтыковыми-Михалковым** скорее распространить данное издание, и, возможно, жителями дворцовых сел оно могло даваться бесплатно. Вкладные же записи для всех писал один кремлевский писец — мастер каллиграфии, вероятно, служивший в ведомстве Большого дворца (у **дворецкого Б. М. Салтыкова**) или Оружейной палаты (у **оружничего М. М. Салтыкова**). Контролировал же процесс распространения Октоиха 1618 г., в ходе которого, очевидно, делались многочисленные вклады от имени царя Михаила Федоровича, его **постельничий К. И. Михалков**.

Наиболее же ярко роль в книжной культуре XVII в. одного из самых чиновных представителей клана **Михалковых-Салтыковых** — боярина **Бориса Салтыкова** проявилась в деле об исправлении текста Требника, который готовился к печати в 1616 г. Дело это привело к осуждению и заточению «справщиков» (редакторов) в 1618 г. (в том числе архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия Зобниновского), но завершилось их оправданием в 1619 г. Организация работы по редактированию Требника, ход самого дела — полемика между «справщиками» и их

РГБ. Ф. 304.1. № 700 (Сборник 2-й половины XVII в.). Л. 295.

«Речь троцкого старца Арсения Глухово.

Благородному и благочестивому и истинному царьскому правителю и боярину государю Борису Михайловичу бьет челом нищий чернец Троицы Живоначальные Сергиева монастыря Арсенишко Глухой. Деялось, государь, во сто двадесят четвертом (1615) году октября в 24 день — писал с Москвы государевым словом Троицкой Сергиева монастыря келарь старец Аврамей Палицын в Троицкой монастырь к архимариту Дионисию да х казначею старцу Иосифу Панину, а велел прислати к Москве меня, нищего чернеца, для государева // (л. 295 об.) [дела, что правити книга Потребник на Москве в печатное дело...]».

обвинителями — отложились в ряде источников: в официальных грамотах, богословских полемических сочинениях, Житии Дионисия Радонежского.

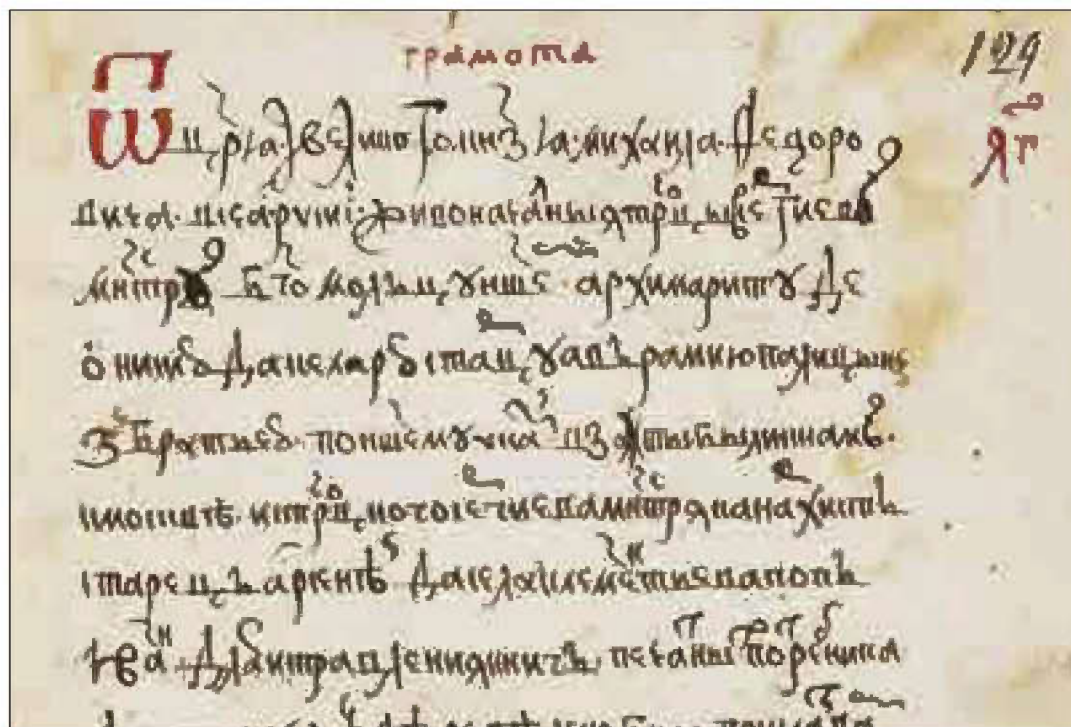
Например, пространное послание из заточения троцкого старца Арсения Глухого дворецкому и боярину **Борису Салтыкову**.

Обращает на себя внимание обращение заточенного монаха к царскому дворецкому — «царскому правителю и боярину». С титулом «правитель», «правитель земский» раньше обращались только к Борису Годунову при царе Федоре Ивановиче. Причем этот титул был официальный, пожалованный царем. Возможно, Арсений Глухой в данном случае хочет польстить **Борису Салтыкову**, и это подтверждают наблюдения иностранных современников:

«Хотя бояре и думные советники сохраняют свое прежнее звание и ежедневно заседают в Думе, они ничего не должны делать, обсуждать или решать, на что не согласен **Борис Салтыков**... Борису Салтыкову принадлежат высшие совет и власть, не по его званию, а по тому, что он родственник старой монахини, матери теперешнего великого князя, и она ему предоставляет это¹⁸».

18 Арсеньевские шведские бумаги. М., 1913. Ч. 1. С. 32.

Показательно в этом плане письмо к нему и к брату Михаилу Салтыкову с просьбой о помощи и защите четвертой жены Ивана Грозного старицы Дарьи (Анны Колтовской), которую после Смуты поселили в Устюжне-Железопольской, но не обеспечили достаточного содержания (Морозова Л. Е., Морозов Б. Н. Иван Грозный и его жены. М., 2005. С. 176–203).

Список грамоты 8 ноября 1616 г.
в Троице-Сергиев монастырь.
Тот же Сборник. Л. 129.

И если обычно эту цитату приводили, чтобы подтвердить злоупотребления Салтыковых, преувеличенные в приговоре об их опале в 1623 г., то просвещенный троицкий старец, описывая далее подробности подготовки издания Требника, показывает, что дворецкий **Б.М. Салтыков** действительно придавал книгопечатанию важное значение. Он лично принимал приехавших в Москву по инициативе Авраамия Палицына книжников — старца Арсения Глухого и священника Ивана Наседку. Арсений писал:

«И как мы стали перед тобою, государевым боярином, и сказал я, нищей чернец, про себя тебе, государеву боярину, что меня не будет столько (способностей. — Б.М.), что я ни поп, ни дьякон, а в той книге все требы поповские».

Ученые с XIX в. достаточно подробно описывали все перипетии этого дела, но не акцентировали внимание на том факте, что решение организовать исправление Требника в Троице-Сергиеве монастыре принимал не царь Михаил Федорович (хотя все указные грамоты, конечно, писались от его имени), не духовные власти (не местоблюститель патриаршего престола митрополит Иона, который затем ополчился на троицких «справщиков»), а лично **боярин и дворецкий Борис Михайлович Салтыков**. Об этом ясно пишет старец Арсений Глухой: *«И ты, государь, по Иванову (попа Наседки) челобитью и по докуке (то есть Иван Наседка действительно был в этой просьбе настойчив и «докучал» Салтыкову. — Б.М.) велел дати з Дворца государеву грамоту на архимаричье имя, что правити книги в Троицком монастыре троицкому архимариту Дионисию и нам с архимаритом же у дела быти».* Текст этой грамоты в Троице-Сергиев монастырь от 8 ноября 1616 г. был опубликован Археографической комиссией еще в 1836 г. Но историки и богословы называли ее грамотой

царя Михаила Федоровича и не комментировали тот факт, что ответ на эту грамоту надлежало отправить в Приказ Большого дворца **Б. М. Салтыкову**.

Между тем в грамоте подробно описаны не только проблемы, связанные с исправлением текстов богослужебных книг, в которых со времени крещения Руси появилось много ошибок, но и общие проблемы русского просвещения:

«В градах и в селех в переводах рознится, и от неразумных писцов перед полным исправлением во многих местех неисправлено, и нашего великаго Росийского Московского государства в пригородех и по украинам, которые близко иноверных земель, много от неведения у попов обычаи застарешася и безчиния вкоренишася...

А иное от толмачей несогласия, понеже в них не вси учения философского учены, а языка своего глаголов простых не все же знали подлинно, а которые учены философских наук и простую беседу словесную знали же, а [греческих] философских учений их много лет не было».

Даже если **Б. М. Салтыков** и не являлся непосредственным автором этого текста, подготовка под его руководством данной царской указной грамоты свидетельствует о его высокой образованности.

В недавней же работе литературоведа О. В. Чумичевой по поводу исправления Требника в 1616–1619 гг. было специально отмечено, что послание старца Арсения Глухого боярину **Б. М. Салтыкову** «более доверительное по тону, более откровенное», чем его послание о том же некоему протопопу Ивану Лукьяновичу¹⁹. Только боярину Арсений пишет о работе «справщиков» в Троице:

«И по государеву указу и по грамоте государеве (это этикетная формула — выше Арсений писал, что грамота дана «повелением» Салтыкова. — Б. М.) приехав в монастырь, правили книгу Потребник, колько нашего худаго разума стало и колико Бог наставлял. Бог свидетель, безо всякия хитрости сидели полтора года день и ночь!»

Но, конечно, главным свидетельством «книжности» **Б. М. Салтыкова**, его начитанности в Священном Писании и в богословских сочинениях служит текст обращенного к нему послания («Речей»), в котором старец Арсений Глухой доказывает свою правоту в исправлении текста Требника.

Еще одно обстоятельство этого дела позволяет сделать предположение, что богословскими спорами и, соответственно, книжной культурой (в основном рукописной) интересовалась и мать царя — великая старица Марфа Ивановна. Известно, что в споре об исправлении Требника она приняла сторону местоблюстителя патриаршего престола митрополита Ионы. Он обрушился на справщиков, указавших на многочисленные ошибки в изданиях богослужебных книг, в которых он принимал участие в 1610-е гг. Арсений Глухой писал **Б. М. Салтыкову**, что «*государыни благо-*

¹⁹ Чумичева О. В. Споры вокруг исправления Требника в первой половине XVII в.: текстологические аспекты // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 569.

верная и великая старица иноки Марфы Ивановны приложиша прекроткое и незлобное сердце на ярость подвигнути, во еже озлобити [на] нас», и просил боярина-дворецкого ходатайствовать об его освобождении не только перед царем Михаилом Федоровичем, но и перед его матерью²⁰.

Еще до принятия решения о наказании осужденных справщиков троицкого архимандрита Дионисия приводили к Марфе Ивановне в кельи Вознесенского монастыря для некоего «испытания». Высказывалось мнение, что это было физическое наказание²¹. Но зачем нужно было его проводить в придворном женском монастыре? Более вероятно, что это был способ оказания словесного давления на архимандрита, чтобы он отказался от тех своих богословских убеждений, которые стали предметом спора на соборе²².

Так или иначе, появление будущего преподобного Дионисия Радонежского (почитался как святой сразу после кончины в 1633 г., окончательно канонизирован в XX в.) в кельях великой старицы Марфы Ивановны говорит о ее заинтересованности и влиянии в церковных делах. Рядом с Марфой Ивановной в это время всегда находилась и старица **Евникея Салтыкова-Михалкова**.

Между тем старец Арсений Глухой после осуждения собором также попал в заточение, но не в дальнюю обитель (архимандрит Дионисий был приговорен к ссылке в Кириллов монастырь, но не мог выехать из Москвы из-за осады ее королевичем Владиславом), а в тот же кремлевский Вознесенский монастырь, как бы под присмотр великой старицы Марфы Ивановны. Как уже отмечалось выше, всем хозяйством и обиходом матери царя (в том числе и Вознесенского монастыря) ведал царский постельничий **Константин Иванович Михалков**, а ее дворецким был **Алай Иванович Михалков**.

Дело книжных справщиков было пересмотрено, и они были освобождены вскоре после возвращения из плена Филарета Романова (перед этим они были оправданы во всех обвинениях в ереси патриархом Иерусалимским Феофаном III). Архимандрит Дионисий вернулся в Троице-Сергиев монастырь, инок Арсений Глухой продолжил занятия книжной справой²³ (которая, как отмечалось выше, до 1626 г. оставалась в Кремле, следовательно, он мог пользоваться покровительством **Б. М. Салтыкова** до его ссылки в 1623 г.). Священник Иван Наседка (его Арсений Глухой называл «хитрая лисица»), который получил наименьшее наказание (был только запрещен к служению, что, впрочем, лишало его средств к существованию), стал известным духовным писателем и был назначен «крестовым попом» царского домового храма — Благовещенского собора. В его обязанности также входило совершать богослужения непосредственно в царских покоях и хранить богослужебные книги. А в 1626 г. Наседка стал ключарем кафедрального кремлевского Успенского собора и вошел в сфе-

²⁰ Сворцов Д. С. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. Приложение II. С. 439.

²¹ Сворцов Д. С. Дионисий Зобниновский. С. 263.

²² В это же время Дионисию официально предлагали откупиться «от вины» за весьма крупную сумму (500 рублей!), но он с гордостью и презрением к предлагавшим отказался. (Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14.).

²³ Морозов Б. Н. Арсений Глухой // Православная энциклопедия. М., 2008. С. 427–428.

«Описания в лицах» свадьбы царя
Михаила Федоровича и Евдокии
Лукьяновны Стрешневой 1626 г.
Справа Арина Михалкова,
впереди Иван Наседка.
РГАДА. Ф. 135. Отделение V, рубрика III.
№ 16. Л. 22 (деталь).

ру придворной жизни. «Крестовые попы» вместе с государевыми певчими дьяками состояли на царской службе и подчинялись непосредственно постельничему **Константину Михалкову**.

Мы видим Ивана Наседку в качестве священника Благовещенского собора на миниатюре, иллюстрирующей свадьбу царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой в 1626 г. Он кропит святой водою путь перед царицей из ее хором в Грановитую палату. За царицей, которую ведут под руки свахи, идет жена постельничего **Константина Ивановича Михалкова** — **Арина Аврамьевна** и несет на блюде кикю — свадебный головной убор:

И еще один интересный сюжет о связи **Бориса и Михаила Салтыковых** с московским книгопечатанием XVII в.

В самом центре Москвы, во дворе дома № 8 по Никольской улице, стоит небольшой Успенский храм — редкий образец домовой боярской церкви, построенный в 1691 г. во дворе Салтыковых в стиле нарышкинского барокко. Этот боярский двор **Б. М. Салтыков** приобрел в 1634 г., сразу по возвращении из ссылки. После его смерти, в 1646 г. владение переходит к брату **М. М. Салтыкову**, который уже к 1647 г. построил каменный храм в примыкающем к этому двору небольшом Мироносицком монастыре. Двор с монастырем находился как раз напротив Печатного двора, и Мироносицкая церковь стала приходским храмом его служителей (по воле Салтыковых?). Известно, что именно в ней освящались новые печатные книги.

*Церковь Успения Богородицы «на Чижевском подворье», 1691 г.
Фото Б.Н. Морозова, 2020 г.*

Покровительствовал прихожанам своего домового монастыря и сын **М. М. Салтыкова** — **боярин П. М. Салтыков** (строитель храма в селе Молвитино, изображенного на картине Саврасова «Грачи прилетели»). Он же начал строить на месте Михайловского придела Успенскую церковь. П. М. Салтыков умер в 1690 г., и дошедший до нас домовый храм достроил уже его сын П. П. Салтыков (ум. 1700). Сохранились вложенные им в этот храм две книги — Триодь цветная (М., 1670) и Триодь постная (М., 1672), причем на первой есть запись о принадлежности не только его отцу, но и деду²⁴. Дочь П. П. Салтыкова Анна Петровна (в первом браке за братом царицы Л. К. Нарышкиным) вышла по сватовству Петра I замуж за фельдмаршала графа Б. П. Шереметева и принесла ему в приданое этот двор на Никольской улице. Значит, кровь **Михалковых** течет и в жилах потомков этого знаменитого рода.

²⁴ См.: Лебедь М. А. Старопечатные кириллические книги в малых хранилищах Костромской области // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. М., 2019. С. 189.

Травники-лечебники царя Ивана Грозного и царя Михаила Романова

Несколько лет назад не только историки и археографы, но и широкая публика были поражены сенсационной находкой рукописной книги из загадочной Библиотеки Ивана Грозного. Но — не из мифических спрятанных сундуков с античными рукописями его бабки — византийской принцессы Софьи Палеолог, — а из числа книг, реально принадлежавших царю, известному своей начитанностью. Перечень этих книг был примерно понятен специалистам, равно как — и цитат из них, которыми изобилуют царские послания (в том числе знаменитая переписка царя Ивана с князем Андреем Курбским, см. далее), так и из описи его так называемой «Постельной казны», в которой хранились и книги²⁵.

Среди немногих светских книг, отмеченных в описании «Постельной казны», были Травники-Лечебники, по которым лечился Иван Грозный, страдавший в последние годы жизни разными недугами. И вот, спустя несколько веков, один из этих Травников был обнаружен в библиотеке Харьковского университета²⁶. Уже сам процесс его обнаружения протянул в глубь веков загадочную историю этой книги. Она была создана в Московском Кремле в начале XVI в., при отце Ивана Грозного — великом князе Василии III, и спасена после Смуты в начале XVII в., при царе Михаиле Романове, усилиями его просвещенных сподвижников **Салтыковых и Михалкова**.

Речь идет об оригинале перевода на русский язык первой печатной немецкой медицинской иллюстрированной энциклопедии — инкунабулы конца XV в. В ней — описания лекарственных трав и минералов, с указанием способов их применения при лечении болезней. Этот обширный труд был основан на своде знаний врачей Запада и Востока, начиная с Античности. На русский язык его латинское название «Hortus Sanitatus» («Сад здоровья») перевели как «Благопрохладный вертоград здравью». В обиходе же подобные рукописи именовались просто Травниками.

Сделал этот перевод (который сыграл центральную роль не только в становлении отечественной медицины, но и в знакомстве Руси с европейской наукой эпохи Возрождения) личный врач Василия III Николай Булев (его еще называли Николай Немчин или Любчанин — по его родному городу). Он был не только медиком,

25 Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиограф. описание / Сост. Н. Н. Зарубин. Подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова. Под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982.

26 См.: Морозов Б. Н. 1) Вертоград здравью: Травник из библиотеки Ивана Грозного // Родина, 2004. № 4; 2) Травник из постельной казны Ивана Грозного? Харьковский травник 1534 г. — новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // Археографический ежегодник за 2002 г. М., 2004. В том же 2004 г. об этом был снят специальный сюжет для передачи «Власть факта» телеканала «Культура».

но и астрологом, пользовался большим доверием великого князя, по сути, стал его близким приятелем. Летописец даже описал их полное драматизма предсмертное прощание:

«Князь же великий призвал Николая и стал ему говорить: «Брат Николай! Ты пришел из своей земли служить мне и видел мое великое тебе пожалованье. Можешь ли ты облегчить болезнь мою?» И ответил Николай: «Государь князь великий! Я, государь, был в своей земле, слышал про твое, великого государя, пожалованье и ласку, и я, государь, оставил отца и мать и землю свою, и приехал к тебе, государю, служить, и видел, государь, твое государево великое пожалованье мне, и хлеб, и соль. Но разве можно мне мертвого сделать живым? Ведь я не Бог!»²⁷

Василий III неожиданно заболел на охоте в конце сентября 1533 г. и 3 декабря скончался. Никакие усилия врачей не помогли — у больного началось заражение крови. Послужила ли болезнь и смерть великого князя, поразившая современников (впервые весь ход княжеской болезни подробно описан в летописи), поводом к переводу этого медицинского справочника? В кратком послесловии к рукописи Травника указано, что книга была завершена 4 мая 1534 г. — уже при новом малолетнем княжиче Иване (будущем Грозном царе).

Несомненно, данный проект был задуман еще Василием III, который интересовался медицинскими проблемами, особенно после рождения долгожданного первенца Ивана в 1530 г. (о чем говорят его письма к жене Елене Глинской).

Для создания Травника потребовалось много времени. Сначала был сделан перевод текста с верхненемецкого языка (оригиналом было любекское издание 1492 г.). А затем этот фолиант почти в 600 листов был переписан каллиграфической скорописью и проиллюстрирован на каждой странице.

Как же попала эта уникальная рукопись в Харьков? И действительно ли она является тем оригиналом перевода «Благопрохладного вертограда здравия», который хранился в Постельной казне царя Ивана IV, а потом — в такой же казне Михаила Романова, собранной **постельничим Константином Михалковым?**

Здесь начинается цепь загадочных событий, которые еще ждут своего подробного исследования. Доподлинно известны следующие факты.

Библиотеке Харьковского университета рукопись Травника, имеющая точную дату своего написания — 1534 г., была подарена через 380 лет — в 1914 г. некой госпожой Е. Ф. Шестаковой. Запись о передаче книги датирована именно этим годом, без месяца и числа. Университетская библиотека была сохранена во время всех последующих войн, прошедших через Харьков (спасители ее — скромные библиотекари), но рукопись Травника оказалась скрыта на долгие годы в хранилища, и последние полвека она считалась украинской или белорусской книгой. Трудно винить

²⁷ Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С. 33, 35

Травник 1534 г.
Главы: 290 «Лонхитис», 291 «Латива»,
292 «Лигустиси».
ЦНБ ХНУ, № 159.

в этом наших украинских коллег, не разобравшихся в особенностях московской скорописи, которой написан Травник 1534 г.²⁸

Необычно содержание и оформление книги. Ее рисунки — точные копии гравюр немецкой инкунабулы 1492 г., где наряду с травами были даны изображения людей, в том числе обнаженных, — совершенно невозможные для православного канона. Такого прямого западного заимствования русская средневековая живопись ещё не знала.

Однако изображения листов рукописи в альбоме Я. П. Запаско привели меня к выводу, еще до моего знакомства с ней в подлиннике, что это не украинская рукопись (как было указано в каталоге), а московская рукопись XVI в.²⁹

Рукопись Травника готовилась сугубо для внутреннего кремлевского употребления. Вообще, в Древней Руси хранение разных «кореньев» и изготовление настоев из них для медицинских целей приравнивалось к ворожбе, которая строго каралась. (Отсюда известное дело об опале и ссылке Романовых в 1600 г. по доносу их холопа о наличии в боярском доме какого-то «зелья», которым они якобы могли отравить Бориса Годунова.) Тем более удивительно, что перевод Травника был осуществлен (точнее, завершен и переписан), как отмечено в послесловии, «по повелению господина преосвященнаго Данила митрополита всеа Руси». Но специалистам хорошо известно, что в это время (1520–1530-е гг.) в Кремле митрополитом Даниилом был создан скрипторий — книгописный (фактически «издательский») центр, где писцы работали над перепиской не только рукописей богословского содержания, но и церковно-юридических сводов — Кормчих книг, сборников грамот

28 См.: Жинкин Н. П. Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского гос. ун-та // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 734. № 85; Запаско Я. П. Памятки книжного мистецтва: Українська рукописна книга. Львів, 1995. С. 322–327.

29 Морозов Б. Н. К изучению Травника Любчанина 1533/34 г. // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 112–114.

Травник 1534 г.
Глава 307 «Мандрагора Феминия,
а то есть Мандрагора женского полу».
Сверху помета XVIII в.: «Покрынъ —
сонное зелие».

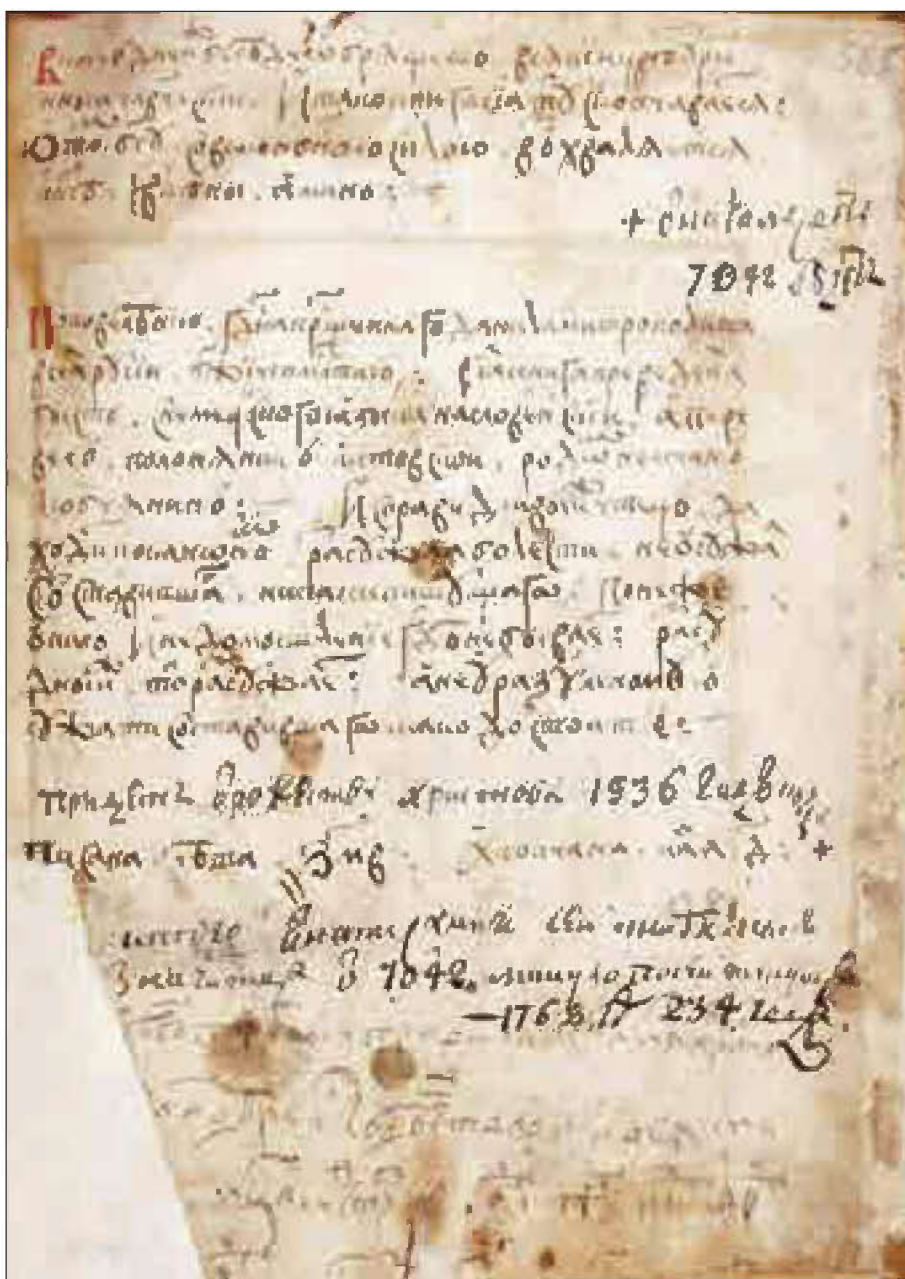
и актов на митрополичьи владения и др. Так, Никоновская летопись, легшая в основу всего последующего летописания, в том числе Лицевого свода Ивана Грозного, была создана при участии митрополита Даниила и собственноручно им редактировалась.

Одним из доказательств того, что рукопись Травника, хранящегося в Харькове, вышла из митрополичьей книгописной мастерской и, таким образом, является беловым оригиналом переведенного Николаем Любчанином текста, служит и тот факт, что она написана на той же бумаге, что и оригинал Никоновской летописи. Об этом точно говорят совпадающие водяные знаки французской бумаги, поступавшей в Москву небольшими партиями.

То, что при оформлении перевода этого «иноземного» медицинского справочника обратились именно к митрополичьим писцам и миниатюристам, вполне понятно — другой подобной книгописной мастерской в Кремле тогда просто не было. Таким образом, Травник Любчанина достался будущему Грозному царю. Трудно сказать, использовали ли эту книгу при учении великого князя Ивана, или он, предоставленный в годы отрочества самому себе, мог только рассматривать ее занимательные рисунки? В середине XVI в. к тексту Травника были сделаны приписки о днях, благоприятных для лечебного кровопускания — на основе астрологических расчетов царского врача Елисея Бомелия³⁰.

В целом же этот труд придворного врача-иноземца Николая Булева и, очевидно, помогавшего ему в работе над переводом русского книжника содержит обширную информацию и для историков, и для лингвистов. Многие названия растений и минералов впервые вошли в русский литературный язык через этот

³⁰ Морозов Б. Н., Симонов Р. А. Датировка и атрибуция медико-астрологических расчетов, приписанных к Травнику 1534 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18).

Травник 1534 г.
Лист 565 с кратким послесловием с датой завершения переписки основного текста рукописи: «Писана лета 7042, а кончана мая 4». Ниже идет приписка о благоприятных днях для лечебного кровопускания на 1571/1572 г.: «Благопотребные правила и здравия (?) избранны [д]ни, добре есть то деиствовати в ся кнѣзе]... месяца сентября 1 день, 4 день, 18 день, 19 день...»

перевод. И, конечно, для изучающих русскую народную культуру и быт многочисленные рукописи «Благопрохладных вертоградов», переработанные и дополненные русскими рецептами, но восходящие, так или иначе, к переводу 1534 г., бесценны, ибо использовались в практике врачевания в России вплоть до XIX в., а их отголоски, наверное, дошли и до современных знахарей.

Но эта уникальная книга, хранившаяся в Кремлевских дворцах при преемниках Ивана Грозного — царе Феодоре Ивановиче, Борисе Годунове, Лжедмитрии I, Василии Шуйском, могла погибнуть в Смутное время.

Тогда придворная медицина замыкалась на одном-двух царских личных врачах-иноземцах, использовавших свои справочники и не нуждавшихся в русских переводных книгах. Аптекарский приказ был сформирован только в царствование Михаила Федоровича — для обслуживания царя и его ближайшего окружения.

Травник 1534 г.
Лист 566 об. Изображение
«Зодиакального человека» или
«Кровопускатель» — схема, на которой
отмечены 36 пронумерованных точек
для кровопусканий — в зависимости
от болезни и астрологического
прогноза (знаки зодиаки «управляли»
разными частями тела). Над рисунком
заголовок всего раздела рукописи,
который взят Николаем Булевым
из других европейских медико-
астрологических текстов: «Зде
последует о крови жылное пуцание.
А в начале един образ, в нем же
обрящеши, для коея болести жылную
кровь пуцаем, яко же писание зде
учит». Это «учение» о характере
каждой точки идет на следующих
л. 567–569.

Завершает же рукопись (текст ее
обрывается на л. 579 об.) ряд небольших
медико-астрологических статей,
в том числе известных по древним
русским сборникам. Все это говорит
о творческом подходе Николая Булева-
Любчанина к созданию придворного
медицинского справочника.

И только во второй половине XVII в. Аптекарский приказ стал обслуживать нужды армии.

Нашли, сохранили и скопировали текст первой русской переводной медицинской энциклопедии администраторы всей кремлевской жизни при новом русском царе Михаиле Романове — **Б.М. и М.М. Салтыковы** и **К.И. Михалков**, когда обустроивали разоренный поляками Московский Кремль.

В 1616 г. было закончено создание роскошной копии царского Травника 1534 г. Подробные сведения об этом новом кремлевском медицинском «проекте» содержатся в обширном послесловии Травника 1616 г. (ныне эта рукопись в РГАДА, ф. 188, № 639). Этот текст носит необычный характер для книжных «выходных» записей (с датой создания). В первой части он представляет собой оригинальный литературный памятник с образным риторическим описанием бедствий Смутного времени и разорения Москвы:

«Преименитый сей и пресловутый Царствующий град, иже мать сый градовом в Великом Российском государстве, иже ни оружми, ни силою, но нашим согрешением, предан бысть поганым онем и безбожным поляком. Они же, яко согласницы делом отца своего сатаны, с потщанием в конечное разорение положиша его, яко птицу ощипану своя красоты».

Далее следует пышный панегирик новому царю Михаилу Федоровичу, благодаря которому возрождается разоренная страна:

«И егда убо по лютом оном разорении по велицей, данной нам от Бога милости, освети нас луча пресветлаго солнца,

огрея, иже прежде наши озябшаа, сердца весна благочестиа, дарова нам Господь, его же от чрева матерня, избра себе благочестиа блюстителя истиннаго, и нам, православным христианом, бывшим в разорении и в расточении, неложнаго собрателя и православныа христианския веры хранителя, благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всего скифтродержания Росийскаго, ото инопемных язык крепкаго забрала, и противу сих борений храбраго ополчителя. От толе паки церкви свое благолепие приемлет и святыми иконами и книгами украшается».

Подобные славословия недавно избранному царем юноше, еще ничем себя на проявившему, имели важное политическое значение и обязательно включались в послесловия первых печатных книг, изготовлявшихся в Кремле с 1615 г.

Далее автор этого послесловия от церковных книг, необходимых для храмов, поддерживающих духовное здоровье народа, переходит к книгам, нужным для поддержания царского телесного здравия:

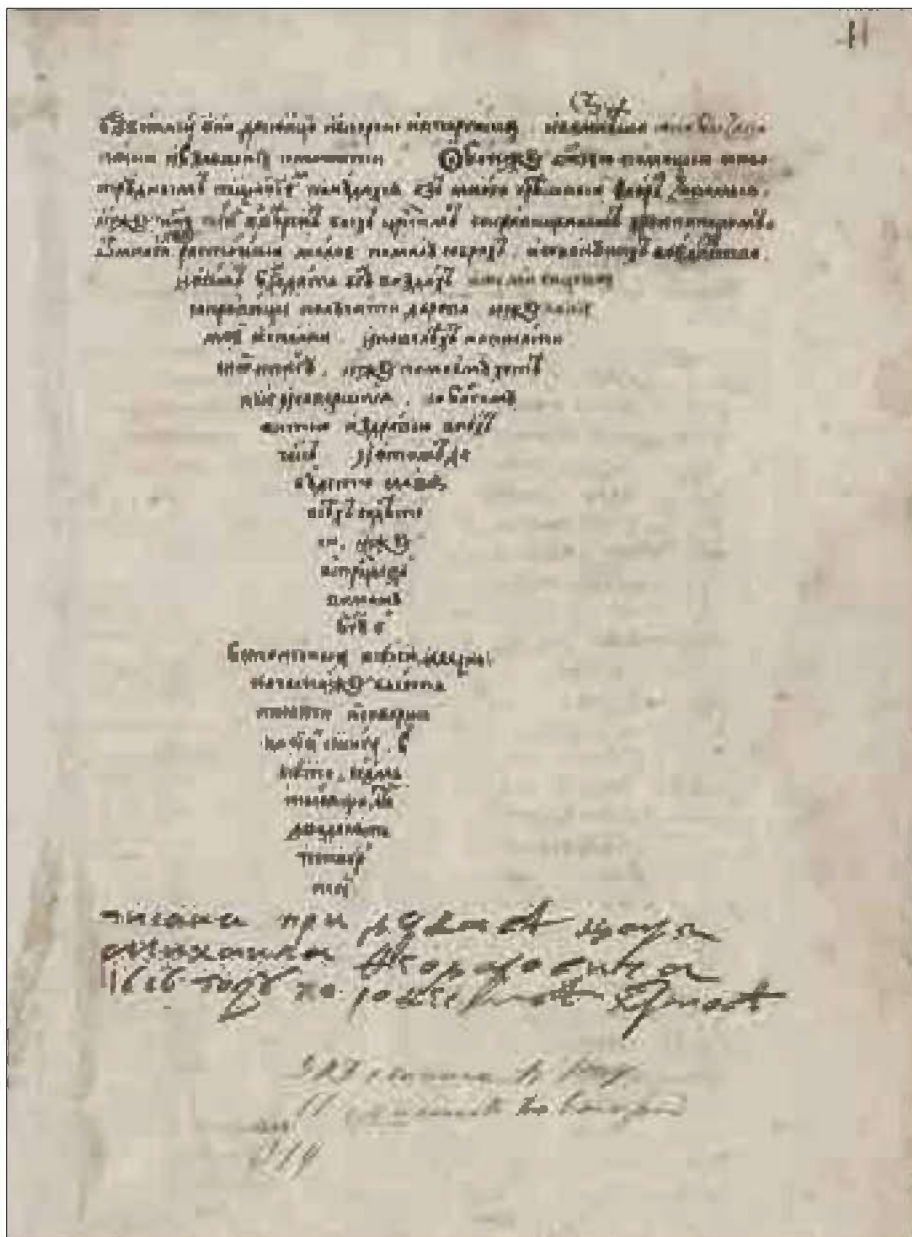
«И иже обладающи царское здравие книги, сотворенныа любопремудрыми философы снискаются, их же именуем Благопрохладный цветник, и от многих болезней и недуг злых свободитель, по милости же Божии и здравию податель. Премудрости же и философскому учению Вертоград».

Вторая часть этого послесловия посвящена рассказу о находке рукописи «Благопрохладного Вертограда» (Травника 1534 г.) среди остатков разоренных богатств русских царей и об изготовлении ее списка в 1616 г.

Заключительная часть послесловия требует определенной расшифровки. Вначале автор обвиняет «безбожных» поляков, что книгу «Благопрохладный цветник» или «Вертоград» они «искорене исторгоша, и возмнеша, яко бы закопати и в забвение положить». Очевидно, рукопись вырвали из переплета или выкинули вместе с другим царским имуществом из кремлевских покоев, и она чудом сохранилась в каком-то дворцовом подвале, где ее и нашел некто *«многогрешный Флор зовомый, иже ныне сый вверен бых царским сокровищным хранилищем»* (то есть собиратель и хранитель царских сокровищ). Эта ключевая фраза всего данного послесловия. Его автор, несомненно, сознательно скрыл свое полное имя и точную должность в дворцовой иерархии... Кто же был этим автором?

Но прежде чем перейти к интерпретации этой фразы Флора, необходимо кратко остановиться на судьбе рукописи Травника 1616 г., которая, так же как и судьба Травника 1534 г., имеет некоторые особенности.

В течение всего XVII в. Травник 1616 г. продолжал храниться в Аптекарском приказе. Там с него, очевидно, неоднократно снимались копии — как в официальном порядке (для внутрен-

Травник 1616 г. РГАДА. Ф. 188. № 639.
Послесловие, вторая часть. Л. 325.

«Сию же убо книгу // безбожние
они до конца ис корене исторгоша,
и возомнеша, яко бы закопати и в заб-
вение положити. Обаче же Божиюе
помощию с люботрудным тщанием
понудохся аз, многогрешный Флор
зовомый, иже ныне сый вверен бых
царским сокровищным хранилищем.
от многа же расточения малое пома-
лу собрах и совокупих во единство. И
о сем благодать Богу воздах, иже ми
сицвое сокровище получити дарова
и желание мое исполни. И повелех
написати сию книгу, иже по моему
хотению и совершися, ко благому жи-
тию и здравью всех человек. И о том
да будет слава всех Содетелю, иже
в Троицы славимому Богу в бесконеч-
ныя веки. Аминь. Начата же бысть
писати и совершена сия книга в лето
седьм тысяць, сто двадесать чет-
вертое».

На современное летоисчисление лето
7124 без указания месяца должно
переводиться как 1615/1616 г. Но мы
используем традиционную дату руко-
писи Травника — 1616 г.

него кремлевского обихода), так и низшими служащими прика-
за по частным заказам³¹ (рукопись Травника 1534 г. хранилась
в том же приказе, но как более ветхая, наверное, копировалась
меньше, но из нее могли брать схему и текст о кровопусканиях).

В начале XVIII в. Московский Кремль, нелюбимый Петром I,
перестал выполнять функции постоянной царской резиденции
и был фактически заброшен. Книги из дворцовых и бывших при-
казных библиотек стали расхищаться (даже тома знаменитого
Лицевого летописного свода Ивана Грозного попали к разным ли-
цам), и оба Травника — 1534 и 1616 гг. — попали в частные руки.

Травник 1616 г. попал к известному врачу, профессору
Ф. И. Иноземцеву, затем — в коллекцию рукописей графа А. С. Ува-
рова (сына министра народного просвещения — автора знамени-
той триады). Рукопись была описана в работах по истории меди-
цины Древней Руси и значится в фундаментальном описании со-
брания рукописей графа Уварова. Но в описании была допущена

³¹ Несколько лет назад экземпляр
такой наскоро сделанной в середи-
не XVII в. несколькими подьячими
Аптекарского приказа копии (без
рисунков) был обнаружен нами
в фондах Музея-заповедника «Алек-
сандровская слобода» — МЗАС
(Легенды и были Александровской
слободы. Александров, 2008. С. 30).

странная ошибка. При воспроизведении текста послесловия была пропущена фраза о том, что Флор, нашедший царский «Благопрохладный цветник», «*вверен бых царским сокровищным хранилищем*»³².

Сама рукопись 1616 г., как и Травник 1534 г., была фактически скрыта от исследователей вплоть до последних десятилетий XX в.! Она не попала вместе с Уваровским собранием в Государственный исторический музей, а почему-то оказалась в Архиве древних актов и лежала там вместе с неописанными рукописями.

Видевший Травник 1616 г. в конце XIX в. историк медицины Л. Ф. Змеев назвал автора послесловия Флором Москвитянином (определения «Москвитянин» в рукописи нет!), очевидно, по аналогии с первопечатником Иваном Федоровым, писавшимся за рубежом «Иван Москвитин»³³.

В конце XX в. филолог Т. А. Исаченко, изучая особенности перевода текста Травника 1616 г., назвала Флора «ризничим царской казны»³⁴. Но такой должности во дворце не существовало.

Очевидно, что под именем Флора скрывался не просто хранитель «царских сокровищ», в том числе богослужебных книг (например, «крестовый дьяк» Иван Наседка — см. выше с. 227–228), а влиятельный придворный, который мог написать в послесловии, что «*повелех написати сию книгу, иже по моему хотению и совершися*».

О государственном заказе на изготовление копии царского Травника 1534 г. говорит сам вид созданной в 1616 г. рукописи, тщательно проиллюстрированной и изысканно орнаментированной.

Травник 1616 г. изготовлен (как мы уже отмечали) на дорогой французской бумаге бумажной фабрики «Edmon Denise», которую традиционно использовали в Кремле для создания парадных рукописей и царских грамот³⁵.

Рукопись Травника 1616 г. написана особым книжным каллиграфическим московским полууставом с использованием лигатур (декоративным соединением нескольких букв). Заголовки выполнены красной киноварью, в том числе изысканной вязью. Необыкновенно роскошна для подобных рукописей орнаментика Травника: заставки (в том числе одна заставка-рамка), концовки, большие украшения на полях. Все они выполнены красками и золотом, в стиле, который можно характеризовать как сочетание «старопечатного» и растительного — «тонкотравного».

В это время в Кремле были мастера, которые могли изготовить подобную парадную рукопись. Среди них выделялась семья книгописцев и миниатюристов Басовых, работавших еще с конца XVI в. (см. с. 247 и далее). Один из них — Федор Басов в 1614 г. числился «знаменщиком» (рисовальщиком) Оружейной палаты и, соответственно, находился в непосредственном подчинении оружейного **М. М. Салтыкова**. Стиль орнаментики созданных Басовыми книг сопоставим с оформлением Травника 1616 г., но для отождествления почерка требуется специальная экспертиза.

32 Леонид (Кавелин), архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 524–527.

33 Змеев Л. Ф. Русские врачебники. М., 1895. С. 3–5.

34 Исаченко Т. А. 1) Книга глаголемая «Прохладный вертоград»: Лечебник Патриаршего келейника Филагрия. М., 1997. С. 9; 2) Травники государевой казны: к 400-летию московского (Флоровского) списка 1616 года // Средневековая письменность и книжность XV–XVII вв. Источниковедение. Владимир, 2016. С. 167.

35 На бумаге с этим знаком писали французские придворные в конце XVI в. (Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. № 3701 1596 г.). А в ноябре 1613 г. на этой бумаге была написана жалованная грамота царя Михаила Федоровича жителям г. Романова (Гос. архив Ярославской обл. Ф. 582. Оп. 1. № 979). В 1609–1610 гг. романовцы во главе с воеводой Ф. И. Михалковым мужественно оборонялись от тушинцев (см. Ч. 2. С. 19–28).

Травник 1616 г.

Лист 1 с началом основного текста.

Заголовок изысканной вязью: «КНИГА, ИМЕНОВАННАЯ БЛАГОПРОХЛАДНЫЙ ЦВЕТНИК, ВЕРТОГРАД ЗДРАВЮ, СОТВОРЕННАЯ».

Глава 1 (номера разделов этой главы А, И, Г, Д, Е = 1–5 даны на поле внутри особого украшения): «Артемизиа, Матер гербарум, Армозиа, Ампулата, Британика, Кампанариа Матрикариа, Меленозум по-латыни; Зантес, Таготес по-гречески; Лептафилос по аральскы; а по рускы Чернобыль». Начало текста: «Деяние. Ависена и Диоскоридос о той траве писуют и глаголют, что Чернобыль есть трава растением подобна Пельни и Абрананове траве, но листвием боле, а листвие сверху бело, а снизу зелено. Духом же собою тяжко и горко. Стебель ее долог, цвет же ее подобен Ромонове траве. Плиниус глаголет, что преже та трава названа была Артемис...»

Особое значение для понимания масштаба работы по созданию Травника 1616 г. также имеют его иллюстрации. В обнаруженном в Харькове Травнике 1534 г. были точно скопированы гравюры немецкой инкунабулы. В 1616 же году инициаторы создания рукописи для царя Михаила Федоровича решили обратиться к другому европейскому ботаническо-медицинскому изданию.

Травник 1534 г.

Лист 1 с началом основного текста.

В заголовке главы 1 нет последнего варианта названия растения: «а по рускы Чернобыль», дополненного в Травнике 1616 г., хотя этот термин присутствует в начале текста и был подобран еще первыми переводчиками текста немецкой инкунабулы 1492 г. — Николаем Булевым и его помощником. Название «Чернобыль» приписано в конце XVI—XVII в. вверху слева и повторено у рисунка почерком начала XVIII в. В тексте главы видна правка окончательного редактора рукописи 1534 г. (возможно, митрополита Даниила), вычеркнувшего легенду об античной царице Артемисии, давшей название растению: «Некаа ж царица Манзиолские земли ту траву Артемезиа назвала своим именем, понеже ее имя Артемезиа, понеже много той траве испытала она недугом своим». Эта правка учтена при создании кремлевского списка 1616 г. (О разнице в иллюстрациях обеих рукописях см. далее).

Вероятно, это было сделано, чтобы не копировать обнаженных людей из Травника 1534 г., а также дать более точные и красивые изображения растений.

И такое издание было мною обнаружено (неожиданно в этом помогли парижские букинисты, для которых отдельные листы с изображением растений — популярный товар³⁶). Речь идет о книге итальянского ботаника Пьетро Андреа Маттиоли (1501–1577), работавшего при дворе австрийского великого герцога Фердинанда. Обширный труд на латыни «Комментарии на шесть книг Педация Диоскорида о лекарственных веществах» был впервые издан с иллюстрациями Джорджио Либерале в Венеции в 1554 г. и содержал намного больше растений, чем входило в немецкое издание «Сада здоровья».

36 Морозов Б. Н. 1) Новое о Травнике 1616 г. (парижская находка) // Вспомогательные исторические дисциплины. Классическое наследие и новые направления. М., 2006. С. 314–316; 2) Судьба Травника Любчанина из библиотеки Ивана Грозного // Про книги. Журнал библиофила. 2007. № 1. С. 11–21.

Matthioli P.-A. Commentarii. Venetis, 1565. (Маттиоли П.-А. Комментарии. Венеция, 1565). МЗАС. Глава 128. «Cucumer sativus» — Огурец обыкновенный. На с. 514 сверху заголовок ил.: «Cucumeres» — Огурцы.

Травник 1616 г. Л. 66 об. Глава 106. «Ситрулус по латине, Гаге или Каера по арабски, а по руски Дикие огурцы». Рис., по сравнению с гравюрой, уменьшен в пропорции.

Таким образом, заказчики нового Травника в 1616 г. решили не просто скопировать лечебник Ивана Грозного, а провести творческую работу с его текстом, подобрать новые иллюстрации. Надо было привлечь специалистов по лекарственным растениям. Это могли быть придворный медик-иностранец, голландский врач Валентин Бильс (Бильц) и лекарь-аптекарь Балсырь (Балцерь). Оба служили в Аптекарском приказе или, точнее, «Оптекарской палате» под началом кравчего и оружничего **Михаила Салтыкова**. Только его подчиненные могли проводить трудоемкую работу по подбору иллюстраций к Травнику 1616 г. — разумеется, по его распоряжению³⁷.

М. М. Салтыков, как уже отмечалось, руководил и мастерами Оружейной палаты — иконописцами, «знаменщиками» и золотописцами, которые могли выполнить не только украшения, но и иллюстрации к новому царскому Травнику-лечебнику.

³⁷ В современной справочной литературе время начала работы Аптекарского приказа в Кремле после Смуты относят к 1620 г., а наиболее ранняя сохранившаяся в РГАДА (фонд 143) его документация датируется 1629 г. Информация из дела Хлоповой в этом отношении почему-то не используется.

Matthioli P.-A. Dioscorsi. Venezia, 1604.
(Маттиоли П.-А. Комментарии.
Венеция, 1604). МЗАС.
Глава 137. «Delle Sorbe» — Рябина (лат.
Sorbus).
На с. 281 заголовок ил. «Sorbe».

Травник 1616 г. Л. 250 об.
Глава 475. «Сорбеи по латине и по гречески
тоже, Спренберент по немецки,
а яз переводчик чаю, то Рябина».

Сложность работы с копированием ботанических гравюр из труда П.-А. Маттиоли заключалась еще и в том, что в разных изданиях они имели разные форматы — малый и большой. Вероятно, у создателей Травника 1616 г. было только издание П.-А. Маттиоли с большими гравюрами, поэтому от иллюстратора нового дворцового лечебника требовалось еще большее мастерство. Без преувеличения можно сказать, что созданная в Кремле в 1616 г. рукопись Травника явилась, помимо прочего, еще и выдающимся явлением русской художественной культуры. Ее дальнейшее изучение (в комплексе с царским Травником 1534 г.) и комментированное издание еще впереди.

Но уже сейчас очевидно, что этот Травник не мог быть создан без участия **кравчего и оружничего М. М. Салтыкова**, который, скорее всего, действовал по поручению своих братьев **боярина и дворецкого Бориса Салтыкова** и **постельничего К. И. Михалкова**. Хотя определить роль каждого из представителей родственного клана в этом деле можно только в форме гипотез. Но именно

они после воцарения в 1613 г. Михаила Романова собирали оставшееся в разоренном поляками Кремле имущество великих князей и царей. Это имущество — чудом уцелевшая шапка Мономаха, домовые иконы в драгоценных окладах, золотая и серебряная посуда, дорогая верхняя одежда, меха и другие ценные вещи — хранилось потом в Казенном приказе, во главе которого стоял казначей Н. В. Траханиотов.

Обыденное же царское имущество, в том числе книги царской библиотеки, составляло особую «Постельную казну». Ее собирал **постельничий К. И. Михалков**. Именно к этому бытовому царскому имуществу могли относиться слова неизвестного Флора в послесловии Травника: *«от многа же расточения малое помалу собрах и совокупих во единство»*.

Главным же кремлевским администратором в этот период был **боярин и дворецкий Б. М. Салтыков**. Именно он давал приказы о награждении печатников и граверов Кремлевской типографии (первые книги были напечатаны уже в 1615 г.). Именно о **Борисе Салтыкове** сохранились сведения как об образованном книжнике, заказывавшем для своей личной библиотеки иллюстрированные списки памятников литературы (с. 214) и принимавшем участие в богословских спорах о содержании печатавшихся книг (с. 223). Вполне вероятно, что такими же книжниками были его брат **Михаил** (он унаследовал библиотеку после смерти бездетного старшего брата, имел личных книжных писцов — см. с. 215)³⁸ и двоюродный брат **Константин Михалков** (живший в отрочестве и, вероятно, обучавшийся с ними в общей костромской вотчине Молвитино).

Но кто из них мог быть тем самым Флором — автором риторического послесловия к Травнику 1616 г.?

Флор от образного описания московского разорения и яркого панегирика новому царю (в духе официальных документов первых лет укрепления династии Романовых) неожиданно переходит к книгам, необходимым для *«царского здравия»*. И, после благодарения Богу за сохранение в тяжкие годы Смуты Травника Ивана Грозного, пишет, что *«повелел»* сделать копию царского Лечебника *«ко благому житию и здравию всех человек»*. Таким широким взглядом на значение немецкого медицинского справочника для здоровья русского народа мог обладать незаурядный человек, к тому же занимающий высокое и независимое положение, чтобы свободно выражать свое мнение о пользе европейской практической науки для Руси. Но почему же этот могущественный человек скрылся под именем Флор и неопределенным званием «хранитель царских сокровищ»? Почему не указано традиционное для древнерусских книжных послесловий имя писца рукописи, который и должен был назвать заказчиков книги?

Необычность послесловия, вероятно, связана с необычным для древнерусской культуры содержанием книги и, опять же, с высоким положением инициаторов ее создания. Возможно, сам

³⁸ Сохранились сведения о том, что М. М. Салтыков организовывал обучение государевых певчих дьяков — «дьяки большой станицы» учили петь менее опытных (Забелин И. Е. Дополнения к дворцовым разрядам. Стб. 119). Для этого изучались богослужебные книги на крюковых нотах.

текст послесловия мог быть плодом коллективного творчества, или написан под наблюдением нескольких лиц. Их имена уже указывались — **братья Б.М. и М.М. Салтыковы и К.И. Михалков**. Можно еще раз повторить, что без одобрения и участия данных лиц эта уникальная рукопись не могла быть создана.

Что же касается имени Флор, то можно выдвинуть гипотезу, что это было второе имя одного из заказчиков (**Бориса Салтыкова?**) — такое явление русской ономастики (не прозвище, которое часто в документах заменяло «крестильное имя», а второе имя из христианских святцев) иногда вводило в заблуждение историков.

Так, князь Дмитрий Михайлович Пожарский упоминался и как князь Козьма Пожарский, что связывали с именем его соратника Козьмы Минина, но это было просто совпадение. Начавший свою карьеру с чина царского комнатного стольника под началом **К.И. Михалкова** боярин Борис Иванович Морозов также имел второе имя — Илья.

Возможно, эти загадки Травника 1616 г. разрешат поиски новых документов в дворцовых архивах. Но и здесь можно заметить странные явления. В книгах Казенного приказа за 1614–1616 гг. есть записи и о жалованье писцов (а также «золотописцев») рукописных книг³⁹. И.Е. Забелин также приводит сведения о выдаче бархата для переплетения царских рукописей (книги с переплетом из малинового бархата сохранились в архиве Посольского приказа)⁴⁰.

Но о процессе создания Травника 1616 г. и об оплате работ его писца и иллюстраторов сведения в книгах Казенного приказа за 1614–1616 гг. пока не найдены...

Одна из таких книг — «Книга об избрании и венчании на царство Михаила Федоровича» — была в личной библиотеке царя Михаила Федоровича, которой ведал **постельничий К.И. Михалков** (см. выше с. 220). Там же мог быть и Травник 1616 г. Но затем он был передан в библиотеку дворцового Аптекарского приказа. Эта библиотека (там были книги не только по медицине) служила и своеобразным «абонементом» для царей. Известно, что в 1673 г. из нее было выдано для царя Алексея Михайловича в его летнюю резиденцию 10 переводных Травников (в том числе, вероятно, и «Благопрохладный вертоград» 1616 г.). Эти книги были возвращены в Аптекарский приказ в 1679 г. — через три года после смерти царя, когда разбирали дела его личной канцелярии — Тайного приказа⁴¹.

39 Забелин И.Е. Дополнения к дворцовым разрядам. Стб. 14, 39.

40 Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Описание... ф. 135 [РГАДА]. М., 1971. № 278, 392.

41 Луппов С.П. Книга в России в XVII в. С. 206.

Спасение книжных сокровищ Строгановых

Еще одна заслуга кремлевских администраторов братьев Салтыковых и Михалкова в развитии русской культуры начала XVII в. — сохранение ими уникальной библиотеки промышленника Никиты Строганова.

Библиотека богатейших промышленников, торговых людей и землевладельцев Строгановых во второй половине XVI — первой половине XVII в. — уникальное явление древнерусской культуры. Это частное собрание насчитывало сотни томов рукописей и печатных книг.

Собирание Строгановыми книг стоит в одном ряду с их обширной художественно-созидательной деятельностью, оказавшей заметное влияние на развитие древнерусской культуры в целом: строительство храмов в их «столице» Сольвычегодске и в многочисленных вотчинах (в том числе «городках»), Строгановская школа иконописи, строгановское лицевое шитье, Усольская (сольвычегодская) певческая школа.

Но все же книжная культура Строгановых, отражающая не только духовные потребности, но и историко-литературные интересы северных промышленников, действовавших во всех начинаниях с большой смелостью, предприимчивостью и размахом, давно привлекала особое внимание ученых⁴².

Исследователи отмечали, что строгановские художественные произведения второй половины XVI — начала XVII в., в том числе роскошно оформленные книги, по качеству исполнения не уступали царским⁴³. Дело в том, что заказы Строгановых как по созданию икон, так и рукописей, выполнялись с 1580-х гг. кремлевскими мастерами. И знаменитая «Строгановская школа» иконописи, по существу, является Московской школой, получившей определенное развитие в сольвычегодских «иконных горницах». То же можно сказать и о книгописании.

Связь северных промышленников Строгановых с Москвой и с кремлевской администрацией, в ведении которой находились мастера, выполнявшие строгановские заказы, закономерна. Главное свое богатство — огромные лесные вотчины — Строгановы получили по жалованным грамотам Ивана Грозного 1558 и 1568 гг.

⁴² Богданова Н. Г. Книжные богатства Строгановых в 1578 г. // *Sertum bibliologicum* в честь президента Рус. библиологического общ-ва профессора А. И. Малеина. Пб., Госиздат, 1922, стр. 277–284; Введенский А. А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII вв. // *Север. Вологда*, 1923. Кн. 3–4; Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI — начало XVIII в.). Екатеринбург, 2015.

⁴³ Логвинов Е. В. Иконы «строения именитых людей» Строгановых // *Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков. По материалам реставрационных работ ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря. Каталог-альбом / Сост. М. С. Трубочева. М., 2003. С.*

Иконы, написанные по заказам Строгановых мастерами Оружейной палаты, в период ее управления оружничим М. М. Салтыковым.

«Царь Царём» или «Предста Царица». 1616 г., мастер Назарий Истомин. На об. надпись: «124 (1616) сеи образ Никите Григо[рьев]ичю Строганов[у] писал... Назарей Истомин сын Савин».

В начале Смуты Строгановы поддержали Лжедмитрия I, а в дальнейшем отдельные представители рода проявляли «шатость» — вспомним назначение **Ф. И. Михалкова** в Тотму (также центр солеварения). Он сменил воеводу Данилу Строганова, колебавшегося в признании царя Василия Шуйского (см.: «Михалковы в Смутное время». С. 110–112). Но в то же время Строгановы поддержали и оба народных ополчения в 1611 и 1612 гг., а в 1613 г. в первые месяцы после избрания царем Михаила Романова огромными денежными суммами (в сотни тысяч рублей!) помогли его правительству укрепиться в разоренной стране. Во главе этого правительства, как мы помним, стояли **Б. М. и М. М. Салтыковы** и **К. И. Михалков**. С ними Строгановы (имевшие и московские резиденции), несомненно, поддерживали самые тесные отношения. В 1614 г. Строгановы получили грамоты о подтверждении прежних привилегий.

В первые годы после преодоления Смуты кремлевские мастерские под руководством оружничего **М. М. Салтыкова** и постельничего **К. И. Михалкова** довольно быстро достигли уровня, который имели в конце XVI в. (см.: «Михалковы в Смутное время». С. 148). Искусствоведам известны имена царских иконописцев Прокопия Чирина, Истома Савина, его детей Ники-

Дмитрий Солунский и Дмитрий царевич. 1620 г. (?), мастер Прокопий Чирин. На об. надпись о вкладе иконы в 1675 г. Александром епископом Вятским и Великопермским в Коряжемский монастырь. Вероятно, первоначально — заказ Строгановых.

фора, Назария и Федора Истоминых Савиных и др. Исследователи высказывали предположения, что государевы иконописцы в период московского разорения 1600-х гг. продолжали работу в Сольвычегодске и в пермских вотчинах Строгановых, а потом вернулись в Кремль. В 1621 г. Прокопий Чирин и Назарий Савин под наблюдением постельничего **К. И. Михалкова** украшают «знаменьем и письмом» новые царские хоромы — Столовую избу и Постельную комнату.

О кремлевских мастерах — писцах и иллюстраторах богато орнаментированных рукописных книг — специальные работы появились недавно. Речь идет о трех братьях Стефане, Федоре, Гавриле-Иване (два поочередно использовавшихся христианских имени, как, возможно, у создателя Травника 1616 г. Флора!) Сергеевых Басовых (эта фамилия уже упоминалась нами) — несомненно, выдающихся книгописцах-каллиграфрах и художниках-«знаменщиках» (рисовальщиках-графиках). Они творчески использовали созданный Иваном Федоровым и его соратниками старопечатный орнамент и развили его, что оказало значительное влияние как на рукописную, так и на печатную книжность первой половины XVII в.⁴⁴

Исследователи собрали сведения о судьбе братьев, которые в конце XVI в. составляли в Кремле независимую артель (нам ка-

⁴⁴ Анисимова, Т. В. Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е годы XVI — начало XVII в.) // *От Средневековья к Новому времени: сб. статей в честь О. А. Белобровой*. М., 2006. С. 587–608; Парфентьев Н. П. Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых (1580–1630-е гг.) // *Вестник ЮУрГУ, Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2014. Т. 14. № 3. С. 23–48;

жется, что они имели определенный государственный или церковный статус). Так, переписывая в 1586 г. «Мерило праведное» для митрополита Дионисия (ГИМ. Син. № 524), Стефан Басов привлек братьев: Гаврила украсил заглавный лист (слева), Федор выполнил остальные украшения.

В дальнейшем Стефан, возможно, постригся в придворном Чудове монастыре, а Федор Басов уже в 1614–1615 гг. стал царским «кормовым иконописцем» под началом **оружничего М. М. Салтыкова** (см. выше с. 238).

Но в 1616 г. Никита Григорьевич Строганов скончался. И благодаря усилиям царского правительства большая часть его огромной библиотеки, в том числе шедевры писцов Басовых, оказались в Кремле.

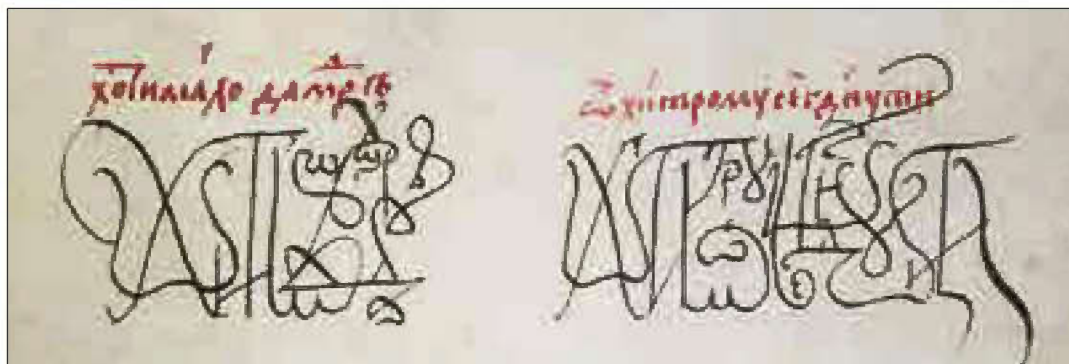
Н. Г. Строганов не имел прямых наследников, и по закону его имущество должно было перейти государству. Оно состояло из многих сотен дорогих предметов: мебели, посуды, парадной одежды, оружия, драгоценностей, икон (большинство в серебряных окладах).

Из Москвы пришел царский указ, чтобы все имущество перевозилось для продажи в столицу. Инициатором этого указа был, несомненно, **Борис Михайлович Салтыков**, хорошо понимавший духовную и художественную ценность икон и книг Н. Г. Строганова. Очевидно, это и побудило **Б. М. Салтыкова** лично руководить в 1617–1620 гг. распродажей и раздачей в качестве вкладов в кремлевские и другие церкви строгановских книг. Конечно, в этом участвовали и его родственники **оружничий М. М. Салтыков** и **постельничий К. И. Михалков**.

Главным источником сведений о судьбе библиотеки Н. Г. Строганова является (наряду с записями на дошедших до нашего времени книгах) опубликованная в 1990 г. ее опись, включенная в состав обширного документа 1620 г. под названием «*Переписной и продажный список Никитине рухляди Строганова*». Эта опись итожит работу, которая проводилась в Кремле с 1617 г. под руководством **Б. М. Салтыкова**⁴⁵. В нее включены заголовки 369 книг — 161 печатных, но в большей части — 198 — рукописных. Среди печатных книг большинство богослужебных. Есть и первые образцы восточнославянского книгопечатания — Библейские книги, изданные Франциском Скориной. Среди рукописей значительная часть — 83 — «четьи» (предназначенные для личного чтения) книги разнообразного содержания. Тут и традиционные богословские, и полемические сочинения, агиография, русская церковная публицистика (Иосиф Волоцкий, Максим Грек и др.). А также — Судебники, Летописцы, Степенная книга, переводные повести «Александрия», «Повесть о пленении Тройском», Азбуки, Грамматики, Арифметика и др.

Среди книг Н. Г. Строганова, привезенных в 1617 г. в Москву, были и работы братьев Басовых. 10 из них (работы Стефана Басова) дошли до нашего времени. Из них четыре четьих книги: Про-

⁴⁵ Опись библиотеки Н. Г. Строганова, 1620 / Подгот. Н. А. Мудрова, Б. Н. Морозов. Екатеринбург, 1991.

Образцы скорописной «вiasi» — лигатур:
«Хоти мало, да мудре», «От хитрому
господину ти». Владельческий знак:
«Никиты Строганова».

Образцы каллиграфии и орнамента
из «Книгописного подлинника» ок. 1604 г.
Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 160.
Л. 92, 135.

лог 1589/90 г., Псалтырь толковая 1602–1604 гг. (2 тома из 4-х), Апостол толковый (в переводе Максима Грека) начала XVII в.; пять — богослужебных: Минеи (январь, апрель и май) 1606 г., Торжественник триодный и Часослов начала XVII в.⁴⁶. (о новых владельцах этих книжных шедевров см. далее)

10-я из сохранившихся строгановских книг создана Федором Басовым в 1604 г. и не относится ни к четым, ни к богослужебным. Это уникальный для древнерусской книжной культуры «Книгописный подлинник» — альбом образцов каллиграфических почерков и заглавных букв книжного орнамента⁴⁷. В том, что был создан и сохранился этот шедевр древнерусской культуры начала XVII в., заслуга и его заказчика Н. Г. Строганова, и кремлевских администраторов царя Михаила Романова — ценителей книги.

К дворцовой распродаже книг **Б. М. Салтыковым** были допущены как знатные бояре и думные дьяки, так и мелкие писцы. Однако среди покупателей книг преобладают служащие Приказа Большого двора — ведомства дворецкого **Б. М. Салтыкова**.

Заглавные буквы — инициалы разных вариантов старопечатного стиля: «С» и «Т».

Причем, кроме подьячих, книги покупали и другие мелкие дворцовые служащие: ключники, стряпчий Сытного двора, даже музыкант (цымбальник). Были среди покупателей книг Н. Г. Строганова и подчиненные **оружничего М. М. Салтыкова** — подьячий Оружейного приказа Г. Мандрыкин (купил 4 книги), а также — **постельничего К. И. Михалкова**: его ближайший помощник, «стряпчий с ключом» И. И. Чемоданов, дьяк царской Мастерской палаты И. Федоров. То есть распродажа, в какой-то степени, проводилась «для своих» (очевидно, как и икон, так и других вещей). Среди покупателей было только два представителя привилегированной верхушки московских торговых людей — «гостей» и членов «гостиной сотни», хотя многие из них, как и Строгановы, собирали библиотеки. Вероятно, надо было обладать особой близостью к организаторам распродажи.

⁴⁶ См.: Парфентьев Н. П. Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых. 42–43; Мудрова Н. А. Библиотека Строгановых. С. 292–298.

⁴⁷ Маркелов Г. В. Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. // ТОДРЛ. Т. 54. СПб., 2003. С. 685–687; Цыпкин Д. О. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. № 6. С. 800–814.

П.В. Рыженко. Князь Андрей Курбский.
1998 г.

Очевидно, такое положение при царском дворе имел купивший 13 строгановских книг, в том числе и уникальный «Книгописный подлинник» 1604 г., «гость» (высший чин торговых людей) М.С. Смывалов. Он в 1614 г. привез царю Михаилу Федоровичу «диговинки» (в это время Смывалов — таможенный голова в Архангельске и покупал их у иноземных купцов). Заказывал для молодого царя разные редкости, а затем хранил и велел записывать их в книги **постельничий К. И. Михалков**: «Трубочка, что дальнее, а в нее смотря, видится близко: очки хрустальные с одной стороны гранены, а с другую гладки, что, в них смотря, много кажется; бочечка костяная точеная, в ней лунное течение да часы солнечные; ящик, в нем под стеклом жена со младенцем...» и т.д.⁴⁸.

История одной рукописи, отмеченной в описи библиотеки Н.Г. Строганова, заслуживает особого рассказа. Во-первых, это единственная книга, купленная **родственником дворецкого Б.М. Салтыкова** молодым стольником Иваном Ивановичем Салтыковым (боярином стал только через 30 лет — в 1646 г.), во-вторых, она содержит произведение, изучение которого стало предметом дискуссии славистов XX в., — «Послание Курбского».

Сначала о родстве — стольник **Иван Салтыков** приходится кремлевским Салтыковым четвероюродным братом, но происходит из старшей ветви рода, что тогда почиталось родичами, даже старшими по возрасту и чинам. Но его никак нельзя назвать членом правящего в это время клана **Б.М. и М.М. Салтыковых и К. И. Михалкова**.

Между тем можно предположить, что рукопись, названную в описи 1620 г. «Книга Посланье Курбского», специально «отложили» для стольника И.И. Салтыкова. Она значится последней в списке проданных книг, находившихся в «лубяной коробье» (всего строгановские книги было в пяти коробьях и в сундуке). Перед «Книгой Посланье Курбского» перечислены 7 книг, в основном печатных богослужбных, «взятых к государыне великой старице иноке Марфе Ивановне в Вознесенский монастырь». Кроме того, с И.И. Салтыкова за эту рукопись взяли «по цене» (предварительной оценке книг) — «гривну» (10 копеек или 20 «денег»), но не взяли «прибыли» — пошлины (обычно пятую часть «цены»), которую брали с большинства других продавцов.

Что же могло скрываться за названием «Книга Посланье Курбского»? Очевидно, речь идет о знаменитой **Переписке царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским** — выдающемся памятнике русской публицистики и уникальном историческом источнике, где царь не только описывает боярские свары во время своего сиротского детства, но и, последовательно отвечая на каждое обвинение беглого воеводы, развивает свою концепцию самодержавного правления.

В последней трети XX в., после выхода в 1971 г. книги профессора Гарвардского университета Эдварда Кинана, изучение Пере-

⁴⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2014. С. 286.

писки Грозного с Курбским стало предметом острой дискуссии, в которую были вовлечены ведущие слависты всего мира. Дело в том, что известные в то время рукописи текстов, относящихся к Переписке, датировались не ранее 1620-х гг. И американский профессор выдвинул парадоксальную гипотезу о составлении текстов посланий обоих оппонентов князем Семеном Шаховским — дальним родичем Курбского. Он был довольно плодовитым писателем эпохи Смуты и ее преодоления, подвергавшимся опале и при царе Василии Шуйском, и при царе Михаиле Романове. В результате тщательной текстологической работы исследователей (в основном отечественных) над всеми списками посланий Курбского и Грозного гипотеза о Переписке как об «апокрифе», основным пафосом которой было отрицание способности царя и воеводы сочинять какие-либо тексты, была в целом опровергнута. Но главным аргументом, фактически завершившим полемику, была находка в 1986 г. рукописи с Первым посланием Курбского Грозному (с него началась переписка — оно дало название «Книге» Строганова). Рукопись датируется концом XVI в. После этого о возможной стилизации князя Шаховского 1620-х гг. речь уже не шла. Упоминание «Книги Посланье Курбского» в описи строгановской библиотеки 1620 г. стало также доказательством распространения Переписки до 1616 г. — времени смерти Н.Г. Строганова⁴⁹.

А в 2006 г. мной было опубликовано свидетельство о вероятном происхождении строгановской «Книги Посланье Курбского», доставшейся Ивану Салтыкову. Такая же рукопись под названием «Курбского посланье» была найдена в 1615 г. в Новгороде среди имущества деятеля Смутного времени — думного дьяка и печатника Лжедмитрия II Дениса Софонова. Дьяк Софонов сбежал в Новгород в 1610 г. из Тушинского лагеря Самозванца, прихватив с собой «чемодан» с вещами, в котором и была данная рукопись. Вероятно, Послание Курбского Ивану Грозному распространялось в Тушинском лагере, в связи со слухом, что Лжедмитрий II был сыном князя Андрея Курбского⁵⁰.

В свою очередь, к Строгановым подобные тексты — копии подлинных документов и публицистические сочинения — поступали в Сольвычегодск с конца XVI в. регулярно. Сохранился сборник грамот о поставлении Иова на патриаршество в 1589 г., об избрании царем Бориса Годунова в 1598 г., повестей о Смуте, грамот царя Василия Шуйского, I и II ополчений, копий грамот нового царя Михаила Романова⁵¹.

Будучи сам книжником, **Б. М. Салтыков**, очевидно, хорошо понимал историческое значение рукописи с Перепиской Курбского и Грозного и мог рекомендовать ее своему молодому родичу. К сожалению, данная рукопись не сохранилась (как и тетрадь дьяка Дениса Софонова), или еще не выявлена в недостаточно подробно описанных собраниях рукописных книг. И. И. Салтыков скончался без мужского потомства в 1671 г., его имущество мог-

Лжедмитрий II. Гравюра XVII в.

⁴⁹ Морозов Б. Н. 1) Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 277–289; 2) «Книга Посланье Курбского» в библиотеке Н. Г. Строганова начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 41–45.

⁵⁰ Морозов Б. Н. Послание Курбского в чемодане тушинского думного дьяка Дениса Софонова // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 423–436.

⁵¹ См.: Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, 1926. Т. V. С. 42–50.

ло быть, как и строгановское, «отписано на государя» или расплыться между боковыми наследниками.

Здесь уже встает общий вопрос: почему среди покупателей строгановских редкостей не фигурируют сам организатор распродажи этого имущества и его **братья М. М. Салтыков, К. И. Михалков**? Возможно, здесь присутствовал некий этический момент — главным кремлевским администраторам было несолидно, пользуясь своим положением, приобретать наиболее ценные вещи. Другой путь — отбор вещей без внесения их в общую «ценовную» опись — кажется маловероятным. Доказательством этому служат, во-первых, записи в итоговой описи 1620 г. о бесплатной выдаче 18 книг (в основном богослужебных) «попу Иуде» «по Микитиной душе Строганова». Выдачи этих книг проходили «по государеву указу», но ясно, что эти распоряжения давал **Б. М. Салтыков**. Вклады памяти Н. Г. Строганова в разные московские храмы делались от имени царя Михаила Романова, и **постельничий К. И. Михалков** должен был контролировать этот процесс и докладывать царю об этом (см. выше с. 220–223).

Во-вторых, самое большое (по сравнению с другими покупателями) число книг (43) было также бесплатно выдано «главной родственнице» Михалковых-Салтыковых — царской матери, «государыне великой старице иноке» Марфе Ивановне, живущей в кремлевском Вознесенском монастыре вместе со **старицей Евникеей Михалковой-Салтыковой**. Естественно, большинство этих книг были богослужебные — как печатные, так и рукописные. И предназначались для общего богослужения в храмах монастыря, а также для келейных молитв стариц и особых богослужений (Псалтыри, Часослов, Требник — из-за печати его текста вышла полемика, в которой участвовала и Марфа Ивановна, см. выше с. 226, 227).

Но среди этих 43 книг было и несколько четых: «Сборник писменной четей в четверть, в нем 52 главы» (Опись библиотеки Н. Г. Строганова 1620 г. С. 53) «Книга Ионна Златаустаго» (С. 53), «Пролог» — сборник кратких нравоучений и житийных текстов, в том числе русских святых, в 2-х томах (С. 55), Псалтырь Толковая, в переводе Максима Грека, в нескольких частях (С. 59). Три из этих четых рукописей великой старицы Марфы Ивановны сохранились — Пролог (РГБ. Ф. 256. № 323) и Псалтырь Толковая (т. 2 и 4 — РГБ. Ф. 98. № 575 и 523). Эти книги относятся к художественным шедеврам Басовых не только из-за тонкого старопечатного орнамента Федора Басова, но и миниатюрного формата в 8-ю долю листа (писец Стефан Басов). Обычно эти обширные памятники переписывались в большом формате — «в лист».

Очевидно, в келью великой старицы Марфе Ивановне и ее наперсницы **старицы Евникеи Михалковой-Салтыковой** попали и две сохранившиеся строгановские богослужебные книги 1605 и 1606 гг.: Минеи со службами святым за январь и за апрель (РГБ. Ф. 904. № 8 и Ф. 98. № 530). Это — также необычные для подобных текстов миниатюрные рукописи Стефана Басова.

Книги, которые читали великая старица Марфе Ивановна и ее наперсница старица Евникея Михалкова-Салтыкова

ПРОЛОГ, март — август. 1589/1590 г. (РГБ, ф. 256. Собрание графа Н. П. Румянцева. № 323. Л. 230) В 8-ку, 403 листа. Мелкий полуустав одного почерка. Писец Стефан Сергеев сын Басов. Его послесловие на л. 394 об. — 396 об. под заголовком «Памяти история вкратце». В нем указан заказчик рукописи Н. Г. Строганов, начало: «Похвально желание воздвигнул еси, о благочестивый в человецех...»

Оригинальные заставки старопечатного стиля, на л. 230 уникальное для данного стиля изображение орла. Киноварный заголовок вязью и орнаментированный инициал.

«МЕСЯЦЪ ИЮНЬ, ИМАТЬ ДНИЙ 30, ДЕНЬ ИМАТЬ часов 15, а ночь 9. Месяца июня в 1 день. Страсть святого мученика Иустина Философа».

Как уже отмечалось выше, книги в Вознесенский монастырь для великой старицы Марфы Ивановны и для своей тетки старицы Евникеи Михалковой-Салтыковой должен был доставлять постельничий **Константин Михалков**, ведавший хозяйством царской матери совместно с ее дворецким **Артамоном-Алаем Михалковым**.

***

Подводя итоги развития книжной культуры в Московском Кремле в первые годы царствования Михаила Романова, можно отметить, что приведенные примеры (которыми, конечно, не исчерпываются все известные факты по этой теме) показывают, что

Книги, которые читали великая старица Марфе Ивановна и ее наперсница старица Евникия Михалкова-Салтыкова

ПСАЛТЫРЬ ТОЛКОВАЯ В ПЕРЕВОДЕ МАКСИМА ГРЕКА. Часть 4. 1602 г. (РГБ. Ф. 98. № 523. Л. 275). В 8-ку, 344 листа. Мелкий полуустав одного почерка. Писец Стефан Сергеев сын Басов. Оригинальные заставки старопечатного стиля. Киноварный заголовок вязью и орнаментированный инициал.

Памятник имеет большое значение в истории книжности Древней Руси. Ученый афонский монах Максим (Михаил Триволис, 1470–1556, канонизирован 1988) приехал в Москву в 1518 г. по приглашению великого князя Василия III специально для перевода греческих книг из кремлевских библиотек. Впоследствии якобы сказанная им фраза, что у великого князя книг «бесчисленное множество», стала одним из оснований мифа о спрятанной Библиотеке Ивана Грозного.

«ВКУПЕ ПОТОПИВЪ ФАРАОНА Моисей глаголетъ. Песнь Моисеева во Исходе 1» — 1-я из «Библейских песен», помещаемых после текста Псалтыри.

она, как и иконопись, и прикладное искусство, не только достигла высокого уровня конца XVI в., но и превзошла его в развитии книжного оформления.

Подтверждение тому — эволюция мастерства государева иконописца («знаменщика») Федора Басова. В 1618–1619 гг. Федор Басов, служивший в Оружейной палате под началом **оружничего М. М. Салтыкова**, участвует с братом Гаврилой-Иваном Басовым в создании объемной рукописи (900 листов) «Псалтыри следованной» (т.е. с дополнительными текстами). Книга создавалась по за-

Книги, которые читали великая старица Марфе Ивановна и ее наперсница старица Евникия Михалкова-Салтыкова

ПСАЛТЫРЬ ТОЛКОВАЯ В ПЕРЕВОДЕ МАКСИМА ГРЕКА. Часть 4. 1602 г. (РГБ. ф. 98. № 523. Л. 274 об.). Миниатюра (единственная в данной рукописи), предваряющая начало «Библейских песней». Раскраска фигур акварелью, рамка — растительный орнамент на золотом фоне.

Возможно, миниатюру выполнил Федор Басов.

Вверху заголовок киноварью, почерком писца Стефана Басова: «Пение песней сестры Моисеовы и Аароновы Мариямы».

казу келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына — виднейшего деятеля Смутного времени, сыгравшего значительную роль и в освобождении Москвы в 1612 г., и в избрании царем Михаила Романова в 1613 г. (см.: Глава 4. С. 126, 134).

Братья Басовы создали произведение высокого искусства, в котором был развит новый стиль, возникший на основе старопечатного орнамента, но с избытком ярких красок и золота⁵². Особенно эффектны выходная миниатюра и начало текста, заключенное в рамку растительного орнамента, внутри которой —

⁵² Парфентьев Н. П. Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых. С. 37–38.

«Псалтырь следованная» — вклад в Троице-Сергиев монастырь келаря Авраамия Палицына. Миниатюра «Царь Давид» Федора Басова, орнамент Гавриила Басова, письмо Кирилла Новгородца. 1618–1619 г. РГБ. Ф. 173/1 (Московская Духовная Академия). № 137. Л. 18 об., 19.

тонкая заставка, большой инициал и заголовок золотой вязью. Всего в рукописи «Псалтыри следованной» более 50 листов с красочными заставками и «полевыми цветами».

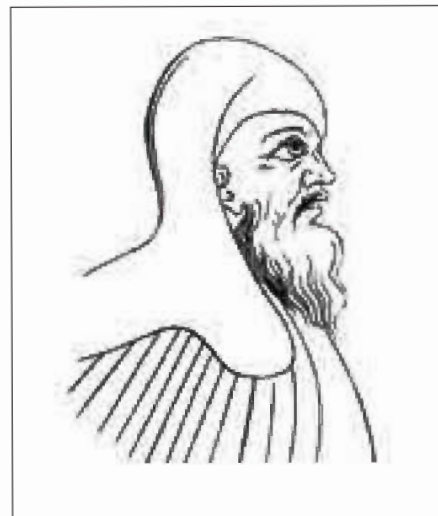
Вероятно, по просьбе заказчика рукописи, имевшего тесные связи с кремлевскими администраторами, для написания «Псалтыри следованной» из государственных запасов была выделена французская бумага высокого качества, с водяным знаком, схожая с бумагой **Травника 1616 г.**

Несколько лет назад известный историк и археограф Б. М. Клосс, изучив водяные знаки, доказал, что наиболее ранний список Сказания Авраамия Палицына (РГБ. Собрание графа Н. П. Румянцева. № 299) был написан в конце 1618 — начале 1619 г. и является, таким образом, беловым авторским экземпляром знаменитого сочинения Авраамия Палицына, предназначенным для вклада в его обитель⁵³.

Писцом рукописи был Кирилла Новгородец, а орнамент выполнил Гавриила Басов. Причем происходило это сразу после снятия осады Москвы и Троице-Сергиева монастыря польско-литовскими отрядами королевича Владислава. В это время под стенами монастыря сражался и погиб **Иван Артамонович Михалков** (см.: Михалковы в Смутное время. С. 164).

Очевидно, Авраамий Палицын торопился закончить свой труд. Его окончательная редакция завершается заключением

⁵³ Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 97, 101, 102, 106–108.

Авраамий Палицын. Прорись с миниатюры 1673 г.

Сказание Авраамия Палицына. РГБ. Ф. 256. Собрание графа Н. П. Румянцева. № 299. Л. 8

1 декабря 1618 г. Деулинского перемирия с поляками, которое поставило последнюю точку в истории Смутного времени.

Сказание Авраамия Палицына — яркое и подробное описание Смуты и ее преодоления. Оно пользовалось огромной популярностью и распространялось в сотнях списков на протяжении всего XVII столетия и позже. Но одним из первых его читателей стал царь Михаил Федорович, к избранию которого келарь Авраамий приложил большие усилия.

Выше уже отмечалось (с. 220), что в небольшой библиотеке первого царя из династии Романовых было всего две книги исторического содержания: «Книга государеву избранью и поставленью (коронованию)» и «Книга о наказании гнева Божия к Российскому государству и о Троицком Сергиева монастыря о осадном сиденье». Очевидно, вторая книга — это Сказание Авраамия Палицына, поднесшего царю в начале 1619 г. свою рукопись. Как уже отмечалось выше, подбирал и хранил эти царские книги в «Государеве большой шкатуле» постельничий **Константин Михалков**.

«ИСТОРИЯ В ПАМЯТЬ ПРЕДЪИДУЩИМ РОДОМ, ДА НЕ ЗАБВЕННА будут благодеяния, еже показа нам Мати Слова Божия, всегда от всея твари благословеннаа Приснодеваа Мариа. И како соверши обещание свое к преподобному Сергию, еже рече, яко неотступна буду от обители твоея. Списано бысть тоя же великия обители Живоначалныя Троица Сергиева монастыря келарем иноком Авраамием Палицыным».

Книжную деятельность Авраамия Палицына поддерживали все представители клана **Михалковых-Салтыковых**, посылая в Троицу книжных мастеров, снабжая его высококачественной французской бумагой. Вероятно, они имели особый интерес к его «Сказанию», поскольку сами могли руководить созданием в Кремле фундаментальных исторических произведений на злободневные темы. Главным из созданных под их руководством исторических памятников, получивших, как и Сказание Авраамия Палицына, большое распространение в XVII в., был так называемый Хронограф редакции 1617 г. Это — обширный исторический памятник, включивший Библейскую, древнеримскую и византийскую истории. Основная часть Хронографа — русская история с главами о Смутном времени. Историки давно предполагали, что повествование Хронографа о Смуте и воцарении Михаила Романова имело официальное происхождение. В 2000 г. в книге Л. Е. Морозовой эта гипотеза получила свое развитие — автор предположила, что инициаторами данного повествования были непосредственно **братья Б. М. и М. М. Салтыковы**⁵⁴.

Заслуживает внимания также предположение Л. Е. Морозовой, что и само создание Сказания Авраамия Палицына было официальным кремлевским заказом, то есть инициативой главного книжника в правящем клане **Михалковых-Салтыковых** — боярина **Б. М. Салтыкова**. Однозначного ответа на этот вопрос пока дать нельзя. Важным аргументом в пользу этого предположения может служить тот факт, что в новой (1620 г.) редакции Хронографа текст глав, описывающих события Смутного времени и избрание на царство Михаила Романова и взятых из Хронографа предыдущей редакции 1617 г., дополнялся текстом из Сказания Авраамия Палицына.

Таким образом, утверждение Н. И. Костомарова об окружении молодого царя Михаила Романова, как о «тупых и узких людях, которые мало способны были стать выше повседневных интересов» (см. с. 213), более чем голословно. Характерно, что вернувшийся в 1619 г. в Москву из польского плена патриарх Филарет постепенно оттеснивший от управления членов клана **Михалковых-Салтыковых**, а в итоге в 1623 г. сославший его главных представителей, продолжил все их «книжные» начинания. Он развивал книгопечатание, посылал в Троице-Сергиев монастырь книгописцев Оружейной палаты (в том числе Федора Басова), продолжил создание официальной истории — начал подготовку так называемого «Нового летописца».

Следовательно, путь культурного возрождения страны после Смуты, выбранный **Михалковыми-Салтыковыми**, был верным.

⁵⁴ Морозова Л. Е. *Смута начала XVII века глазами современников*. М., 2000. С. 172–173, 212.

Глава 6

МИХАЛКОВЫ

во второй половине XVII века

*Военная служба
и семейная жизнь*

К середине XVII в., как уже отмечалось в главе «Михалковы в Смутное время и в управлении страной при первых Романовых», число Михалковых заметно сократилось. После смерти в 1648 г. представителя старшей ветви рода дворянина московского **Богдана Артамоновича (Алаевича) Михалкова** остались его сын **Федор Богданович** (о его службе известно только с конца XVII в.) и два его троюродных племянника — **Дмитрий и Исайя Васильевичи Михалковы**. Они начинали службу уже после смерти отца, стольника **В. Ф. Михалкова**. И, не имея покровителей, довольно медленно двигались по лестнице московских чинов (вернувшись из опалы братья Салтыковы вряд ли помогали дальним родичам, возможно, лишь способствовали тому, что их отец стал стольником).

Но благодаря дошедшим до нас уникальным документам мы имеем возможность представить, какой была воинская служба и домашняя жизнь **Дмитрия Васильевича Михалкова** (предка Михалковых последующих веков, в том числе — ныне живущих) — участника всех военных походов русской армии 1640–1680-х гг. Проследить судьбу русского дворянина героической допетровской эпохи.

Основными свидетельствами военной и семейной жизни **Д. В. Михалкова**, а также землевладения, являются документы его довольно содержательного личного архива, сохраненного потомками в составе обширного родового архива Михалковых XVI–XIX вв. В настоящее время он рассредоточен по нескольким хранилищам Москвы и Санкт-Петербурга. История этого архива заслуживает особого рассказа, но можно отметить, что у Михалковых, видимо, давно было желание сохранять историю рода.

Среди деловых документов **Д. В. Михалкова**, наряду со служебными и земельными грамотами деда **Ф. И. Михалкова** и отца **В. Ф. Михалкова**, сохранились и экземпляры, редкие для русских частных архивов XVII в. Например, документы XVI столетия, принадлежащие воеводе **А. Т. Михалкову** (они рассмотрены в главе «Михалковы в XVI веке»). Возможно, они достались **Д. В. Михалкову** после бездетного постельничего **К. И. Михалкова**, от которого к его отцу **В. Ф. Михалкову**, а затем к нему, перешла рязанская вотчина и, возможно, еще какое-то имущество (духовная **К. И. Михалкова** неизвестна).

Дмитрий Васильевич Михалков, как и другие служилые люди, обладавшие соответствующим уровнем грамотности, вел записи своих служб — составлял своеобразный «послужной список»¹. Такие записи нужны были для продвижения по службе — при написании челобитных об увеличении поместного и денежного окладов, а также при назначении городовыми воеводами.

К подобным документам относится черновик челобитной Д. В. Михалкова царю Федору Алексеевичу, написанный весной 1681 г.² Д. В. Михалков, прося о назначении его воеводой в город Романов (где в годы Смуты был воеводой еще его дед Ф. И. Михалков), описывает свою 38-летнюю службу. В тексте документа, для удобства дальнейших комментариев, мною была сделана нумерация его служб.

«[Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу всеа Великия и Малыя]»³ и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой Митька Васильев сын Михалков.

Служил, я, холоп твой, твоему, великого государя, деду блаженные памяти государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, и тебе, великому государю, служу трицать восемь лет с малого и скудного поместья с великопоместными вместе.

И был я, холоп твой, на ваших государьских службах:

[1] Во Твери в полку боярина и воеводы князя Юрья Андреевича Сицкого для встречи датского королевича;

[2] да во Мценске, в полку бояр и воевод князя Алексея Никитича Трубецкого да Михаила Ивановича Морозова;

[3] да на Ливнах и в Белгороде, в полку боярина и воеводы [князя] Никиты Ивановича Одоевского;

А за отцем твоим, блаженные памяти за великим государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, во всех походах:

[4] Под смоленскими, и под литовскими, и под немецкими городами, под Вильнею и под Ригою.

[5] Да под Конотопом, в полку боярина и воеводы князь Алексея Никитича Трубецкого. И на том Конотопском бою, в приход хана Крымского я, холоп твой, ранен тяжело саблею, великою раню — больша половина пересечена шея, на великую, государь, силу и голова на плечах одержалась.

[6] И в татарские приходы лошадыми граблен.

[7] Да за отцем твоим, государь, блаженные памяти за великим государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, ездил в московских походах четыре года.

[8] Да в Орзамасе, в полку боярина и воеводы князь Юрия Алексеевича Долгорукого.

[9] Да в Севску, в полку боярина и воеводы князь Володимера Алексеевича Долгорукого.

1 О разных формах таких «послужных списков» XVII в. (термин уже был в то время) см.: Морозов Б. Н. Служебные и родословные документы в частных архивах XVII в. (К постановке вопроса) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1982. С. 80–82.

2 В конце текста указано, что с назначения В. Языкова 30 мая 1678 г. воеводой в Романов «третий год доходит». Обычно воеводы сменялись через два года.

3 Начало челобитной, написанной на столбце (узком листе бумаги), утрачено, но традиционный царский титул легко восстанавливается.

[10] Да в прошлом 186-м году на твоей, великого государя, службе под Чигириным, в полку бояр и воевод князь Григорья Григорьевича да князь Михаила Григорьевича Радомановских. И в приход турских и крымских людей у Непра в осаде сидел и всякую нужду осадную терпел.

[11] Да в прошлом во 188-м году в Путивле, в полку боярина и воеводы князь Василья Васильевича Голицина.

И приезжал на твои государския службы до сроку и на указные сроки, и был с приезде до отпуску. И будучи я, холоп твой, на тех твоих государских на многих службах, лошадыми опал и одолжал великими долги и обеднял великою бедностью. А которые, государь, моя братья на твоих государских службах под Конотопом и под Чигириним, и те моя братья, за раны, и за кровь свою твоею государскою милостию пожалованы, отпущены, и были в городех воеводами. А я, холоп твой, бедной и беспомошной, малопомесной за раны и за кровь свою не пожалован нигде не был.

Милосердный государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалуй меня, холопа своего, бедного и беспомошного, малопомесного за раны и за кровь мою и за многие мои службишка по твоему государскому милосердному рассмотрению, вели, государь, мне быть на своей, великого государя, службе на Романове, на Васильево место Васильева сына Языкова. И вели, государь, мне вдать к тому же городу Романову по своему, великого государя, прежнему указу слободы: Норское, и Борисоглебское, и Мологи, так же, как твой, великого государя, указ дан Василью Языкову. А отпущен в прошлом во 186-м году мая в 30 день и ему, Василью, на твоей, великого государя службе на Романове третий год доходит.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»⁴

В целом построение челобитной вполне традиционно. С принятой в то время формой «холоп твой» к царю обращались все подданные, без исключения (даже самые знатные бояре и князья) не только в прошениях, но и в донесениях о победах. А заявления о «скудном поместье», о «великих долгах», «великой бедности» и «беспомощности» можно рассматривать как общепринятые элементы подобных прошений. Правда, в другой, более ранней челобитной 1680 г. (она будет рассмотрена особо) **Д. В. Михалков** пишет о действительных проблемах — неурожаях и пожарах, прося освобождения от участия в «Путивльской службе» (походе армии князя В. В. Голицына, в который он все же был назначен и сумел собраться).

В данной же челобитной **Д. В. Михалков**, после возвращения из Путивльского похода 1680–1681 гг., просит о назначении его воеводой в город Романов — там находились его родовые имения. Не отрываясь от своих земель (регулярный присмотр

⁴ РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6 Л. 139. Этот документ находился в части родового архива Михалковых, которая попала из усадьбы Петровское в филиал Государственного архива Ярославской области в Рыбинске. В 1970-е гг. документы из Рыбинского архива были присоединены к личному фонду С. В. Михалкова в Центральном (ныне Российском) архиве литературы и искусства. Выписка из этой челобитной (о ране Д. В. Михалкова в Конотопском бою) была процитирована Сергеем Владимировичем в его книгах «Я был советским писателем. Приметы времени» (1995 г.) и «От и до...» (1998 г.).

хозяина, естественно, повышал их доходность), он не только мог повысить свой служебный статус (в походах он служил не воеводой, а «головой» — командиром небольшого отряда), но и улучшить материальное положение. «Подношения» городскому воеводе местных жителей считались обычным правилом (но если воевода явно злоупотреблял ими, тогда против него возбуждалось следствие). Поэтому **Д. В. Михалков** просит дать ему возможность «ведать к тому же городу Романову по своему, великого государя, прежнему указу слободы: Норское, и Борисоглебское, и Мологи» (богатые торговые села, Молога был дворцовым посадом, среди прочего поставлявшим красную и белую рыбу к царскому столу).

Сведения о воеводстве **Д. В. Михалкова** в Романове пока не обнаружены, иначе в его архиве отложились бы документы об этом важном событии. Но известно, что в 1683 г. романовским воеводой служил брат Дмитрия Васильевича — **Исай Васильевич Михалков**⁵. Вероятно, **Д. В. Михалков** просто не смог по возрасту (начал служить **Д. В. Михалков** в 1643 г. в 18 лет⁶, значит в 1681 г. ему было 56 лет — возраст для того времени уже преклонный) и состоянию здоровья (он пишет в челобитной о тяжелых ранах) занять воеводский пост, и произошел редкий случай передачи почетной и выгодной должности младшему брату. Вскоре — 26 января 1684 г. — Дмитрий Васильевич скончался.

Приступая к рассказу о службе **Д. В. Михалкова**, можно сказать, что в ней — не только история жизни одного служилого человека, рядового участника событий. В ней описана история России XVII в., которая активно участвовала в европейской политике и играла одну из важных ролей в отражении натиска Османской империи. Также Россия пыталась вернуть захваченные Швецией территории на Балтике и укрепиться на западнорусских (Белоруссия) и южнорусских землях (Украина).

Сведения челобитной об участии **Д. В. Михалкова** в походах 1650-х гг. подтверждаются записями в Боярской книге 1658 г. Там же приведены сведения о его чинах и окладах. Начал он свою службу с низшего придворного чина *жильца* в 1643 г. В Боярской книге указан его «новичный оклад» — поместный 400 четвертей, денежный 10 рублей (обычный для жильцов). В «жилецком списке» он числится и в 1655/1656 г., но в 1658 г. встречал грузинского царя уже среди *стряпчих*. О получении Дмитрием Васильевичем чина *стольника* также указано в Боярской книге 1658 г.: «*Великий государь пожаловал в стольники в нынешнем во 171-году* (то есть в 1711–1662/1663 г.): ... *Дмитрей Васильев сын Михалков*»⁷.

Первой службой **Д. В. Михалкова** (совсем еще молодого человека) было участие в почетной церемонии: «*Во Твери в полку боярина и воеводы князя Юрья Андреевича Сицкого для встречи датского королевича*».

5 Об этом сведения в Родословной Михалковых 1898 г. В Дворцовых разрядах 1682 и 1683 гг. записей о городских воеводах нет. За первую половину 1682 г. разряды вообще отсутствуют — в связи с политическим кризисом после смерти царя Федора Алексеевича (стрелецкий бунт в мае 1682 г. и «Хованщина»).

6 Павлов А. П. Алфавит членов государева двора 1604–1645 гг. // <http://textarchive.ru/c-1799638.html>.

7 Боярская книга 1658 г. / Сост. М. П. Лукичев, Н. М. Рогожин. М., 2004. С. 67.

Тверь в 1630-е гг.
Гравюра из книги Адама Олеария
«Путешествия в Московию и Персию»
(Шлезвиг, 1647).

Ю. Сустерманс.
Портрет Вальдемара Кристиана
(фламандская школа).
Палаццо Питти, Флоренция.

Торжественная встреча датского «королевича» Вальдемара Кристиана проходила в конце декабря 1643 г.— январе 1644 г. Ей предшествовала серия попыток московских царей породниться с правящими европейскими династиями. Причем несколько уже были связаны с датским королевским домом.

Еще Иван Грозный выдал дочь убитого им своего двоюродного брата удельного князя Владимира Андреевича Стрицкого Марию за брата датского короля Фредерика II — принца Магнуса и сделал его своим вассалом — королем Ливонии. Но Магнус изменил русскому царю и уступил Ливонию полякам. После его смерти Борис Годунов обманом вернул вдовствующую «ливонскую королеву» Марию Владимировну в Россию (опасаясь ее использования поляками в качестве претендентки на русский престол) и в 1588 г. отправил в монастырь (по слухам, постригли королеву Марию, ставшую инокиней Марфой, насильно).

В то же время Годунов искал в Европе жениха для своей дочери Ксении, и после нескольких неудачных попыток получил согласие брата следующего датского короля Кристиана IV — принца Иоганна (племянника Магнуса). Королевич Иоганн («Яган») прибыл в Москву, получил теплый прием, решил остаться в России и стать удельным князем. Но неожиданно заболел и умер в октябре 1602 г., так и не став зятем Годунова.

Эти истории, очевидно, хорошо знали в окружении царя Михаила Федоровича. Поэтому после его решения выдать замуж царевну Ирину Михайловну вновь обратили внимание на датских принцев. Из них в женихи подходил младший сын Кристиана IV — Вальдемар Кристиан, хотя он и не имел титула принца, поскольку

родился во втором, морганатическом браке короля, и считался графом Шлезвиг-Голштинским. Королевич приезжал в Москву в 1641 г. как датский посол и понравился царю и его придворным. Однако дальнейшие переговоры русских послов в Дании о браке с царевной Ириной шли очень тяжело. Камнем преткновения стал вопрос о принятии Вальдемаром Кристианом православия. Но благодаря усилиям близкого к русскому двору голландского купца Петра Марселеса договор с датским королем был подписан, и в конце 1643 г. Вальдемар Кристиан поехал в Москву жениться (забегая вперед, скажем, что женитьба эта также не состоялась, но жених был отпущен на родину только в августе 1645 г.)⁸.

...И вот в Твери датского жениха царевны Ирины Михайловны должен был встречать, как и пишет **Д. В. Михалков**, целый полк под командованием боярина князя Ю. А. Сицкого. Уже к имеющимся у него дворянам московским в Тверь 29 декабря 1643 г. был послан большой отряд «с дворяны московские, и жильцы, и с дворяны и детьми боярскими тутошных городов, 400 человек»⁹. Весь этот парадный полк московских дворян и жильцов (среди которых и был **Д. В. Михалков**) должен был сопровождать королевича Вальдемара и его свиту до Москвы.

Этот первый поход не мог не запомниться молодому *жильцу* **Дмитрию Васильевичу Михалкову** — ему, недавно верстанному в службу, было тогда всего 18 лет. В предыдущих разрядах было указано, что жильцы (в том числе **Д. В. Михалков**) подошли для почетного сопровождения датчан уже в Твери. Так или иначе, но по дороге в Москву все они слились в один полк сопровождения¹⁰.

Нельзя не отметить произошедшее при этой встрече местническое столкновение между командиром почетного отряда князем Ю. А. Сицким и боярином **М. М. Салтыковым** — родственником **Д. В. Михалкова** (четвероюродным братом его отца). **М. М. Салтыков** был назначен встречать Вальдемара Кристиана и его свиту перед их въездом в Белый город через Тверские ворота. Князь Сицкий, сопровождавший королевича, заявил, что не может ехать дальше, поскольку считал себя (потомка ярославских князей) выше в родовом и служебном отношении **Салтыковых**. Царь Михаил Федорович, конечно, не мог «выдать головой» спесивому князю своего приятеля **Салтыкова**. Но время правления клана **братьев Б. М. и М. М. Салтыковых и К. И. Михалкова** прошло, и решить дело можно было, только объявив, что встреча жениха царской дочери проходит «без мест». Причем князю Ю. А. Сицкому была выдана специальная «невместная грамота», где было указано, что «с Михаилом Салтыковым ему мест николи не будет, и честь их, Сицких, старее Салтыковых»¹¹.

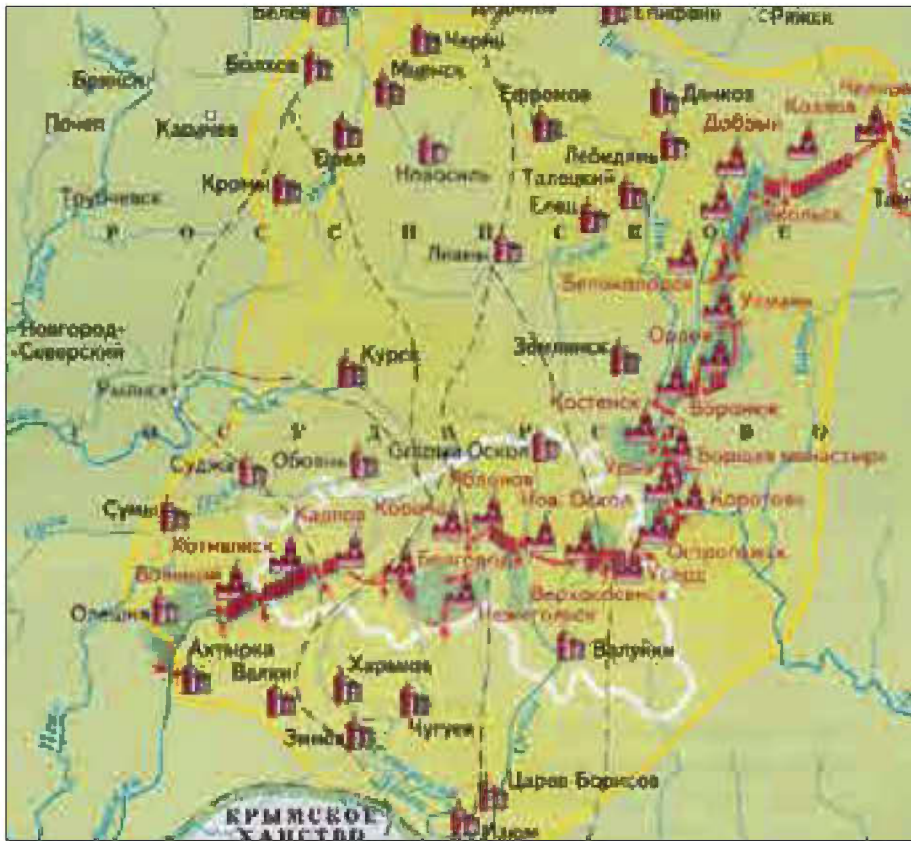
Юный **Д. В. Михалков** мог непосредственно наблюдать эту придворную интригу, вероятно, зная свое дальнейшее родство с **Салтыковым**. Ему и потом доведется участвовать в ряде дворцовых

8 О приключениях датского королевича, оказавшего в Москве под «домашним арестом» на полтора года, есть масса научной, научно-популярной и беллетристической литературы. Из последних можно назвать книги В. Н. Козлякова «Михаил Федорович» (М., 2010. Серия ЖЗЛ) и Л. А. Черной «Повседневная жизнь московских государей в XVII веке» (М., 2013).

9 Там же. Стб. 718. Примечательно, что этот отряд московских дворян и жильцов вел из Москвы до Твери, а затем, с князем Сицким, обратно, до Москвы, князь Семен Харя Иванович Шаховской, (см. о нем «Михалковы в Смутное время...», с. 150, прим. 128).

10 Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 721.

11 Там же. Стб. 722.

Белгородская засечная черта
в конце XVII в.

церемоний, но основным служебным поприщем Дмитрия Васильевича станут военные походы.

Уже при начавшейся вскоре своей второй службе, отмеченной в челобитной: «*во Мценске, в полку бояр и воевод князя Алексея Никитича Трубецкого да Михаила Ивановича Морозова*», **Дмитрий Васильевич Михалков** был направлен в особую армию, призванную решать стратегические задачи на южной границе Российского государства, подвергавшейся постоянным набегам крымских татар и ногайцев. Князь А. Н. Трубецкой еще в 1642 г. был назначен воеводой Большого полка — главного среди других полков и гарнизонов, располагавшихся на линии пограничных крепостей «Одоев — Крапивна — Тула — Венев — Мценск». В это время ниже пограничной линии, в Диком поле (лесостепные и степные территории вплоть до Черноморского и Азовского побережий) идет строительство новой укрепленной границы — Белгородской засечной черты. Руководит строительством также князь А. Н. Трубецкой.

Всего до конца 1640-х гг. (когда в этом регионе находился **Д. В. Михалков**) было построено 18 новых городов-крепостей, заселенных служилыми людьми — детьми боярскими, стрельцами, пушкарями, а также казаками. Между городами строились острожки, где располагались временные гарнизоны, сторожевые башни, соединенные валами, частоколами и лесными засеками. Белгородская черта прикрывала три основные пути татарских набегов: Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи. В 1650-е гг. эта черта была продолжена на северо-восток до Тамбова и Козло-

Засечная черта: ров — вал — частокол — башня — река — лес с засекой — город-крепость.

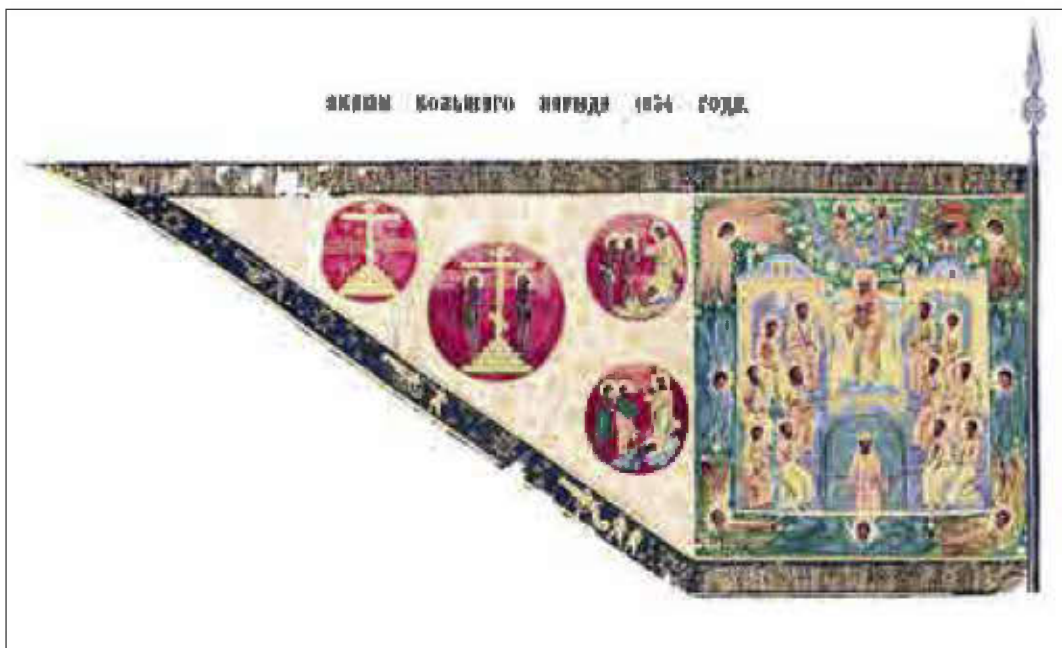
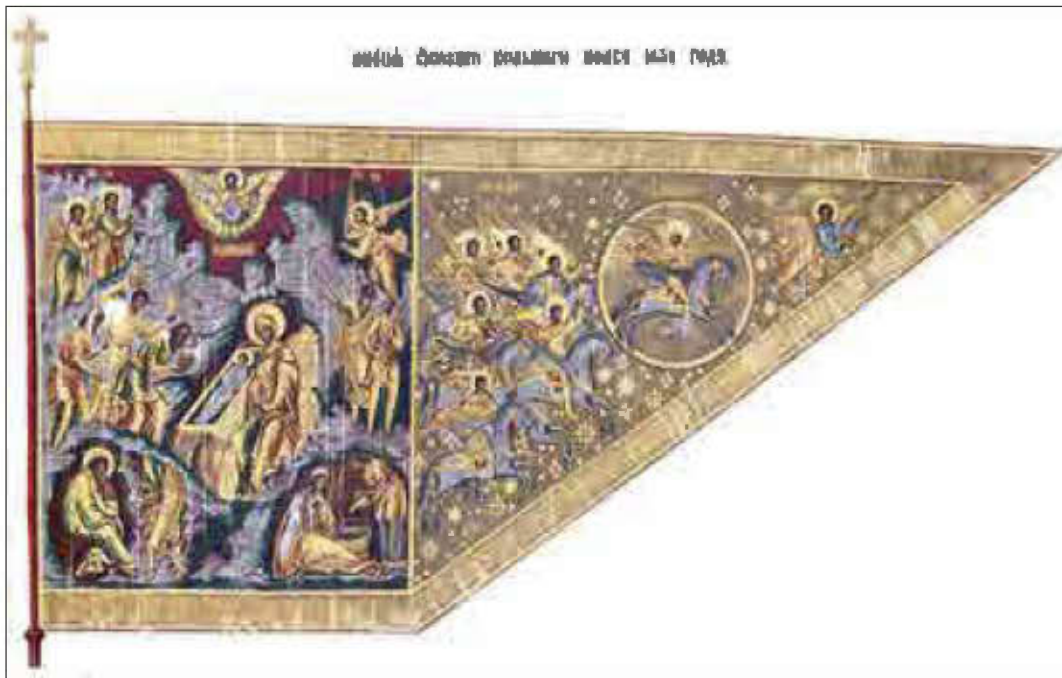
ва, откуда начиналась Симбирская черта. В 1679–1680 гг. южнее (на территории Слободской Украины) была построена Изюмская засечная черта.

В 1646 г. князь А. Н. Трубецкой вернулся в Москву, а на его должность во главе русских войск на южной границе был поставлен боярин князь Н. И. Одоевский¹². **Д. В. Михалков** выделяет свою службу под его началом в отдельный — третий — поход: «да на Ливнах и в Белгороде в полку боярина и воеводы князя Никиты Ивановича Одоевского». Князь Одоевский продолжил укрепление Белгородской черты, и его Большой полк переместился в Белгород — новый центр обороны юга Российского государства. Правда, **Дмитрий Васильевич**, описывая в своей челобитной 1681 г. эти события 35-летней давности, относит 2-ю и 3-ю свои службы к царствованию Михаила Федоровича (хотя князь Одоевский был послан на границу уже царем Алексеем Михайловичем). **Д. В. Михалков** начал служить в полку А. Ю. Трубецкого еще до смерти первого Романова в 1645 г. И уехал из Белгорода вместе с князем Н. И. Одоевским в 1647 г. Военная служба под началом крупных воевод и государственных деятелей, участие в строительстве оборонительных укреплений России были крайне важны для молодого московского дворцового «жильца» **Д. В. Михалкова**.

В большой войне **Д. В. Михалков** принял участие уже зрелым человеком, через 10 лет после начала своей службы при Московском дворе. В послужном списке он записывает эти многолетние походы довольно лаконично, как одну четвертую службу.

В нескольких походах русские войска возглавлял сам царь, и в челобитной **Михалкова** это подчеркивается: «А за отцем твоим [Федора Алексеевича] ... царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем во всех походах: Под смоленскими, и под литовскими, и под немецкими городами, под Вильнею и под Ригою». Речь идет о Русско-польской войне 1654–1667 гг. и связанной с ней Русско-шведской войне 1656–1658 гг.

¹² Боярин князь Н. И. Одоевский известен не только как воевода, дипломат и глава комиссии по составлению Уложения 1649 г., но и своим активным долголетием. В конце XVII в. вместе с ним в Думе одновременно заседали его сын и взрослый внук, также получившие боярские чины (Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [12]. С. 161–167; Пое М., Kosheleva O., Martin R., Morozov B. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. — Российская элита в 17-м веке. Т. 1. Helsinki, 2004. P. 420–421.

Знамя Большого Государева полка, в составе которого Д. В. Михалков выступил в поход 1654 г., и знамя «Большого наряда» — артиллерии. Государственная Оружейная палата. Литографии XIX в. с рис. Д. М. Струкова.

Решив в октябре 1653 г. удовлетворить просьбу Богдана Хмельницкого принять «под высокую царскую руку» Запорожское войско, царь Алексей Михайлович понимал, что это означает разрыв «вечного мира» 1634 г. и начало войны с Польско-Литовским государством. Объявление войны утвердил Земский собор, и в мае 1654 г. в поход выступил Государев полк под командованием самого царя Алексея Михайловича. В состав полка входило большинство членов двора: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, среди которых был **Дмитрий Васильевич Михалков**.

Само шествие полка из Кремля по Москве происходило как своеобразный парад. Ему предшествовал молебен в Успенском соборе, после чего к войску обратился с речью царь Алек-

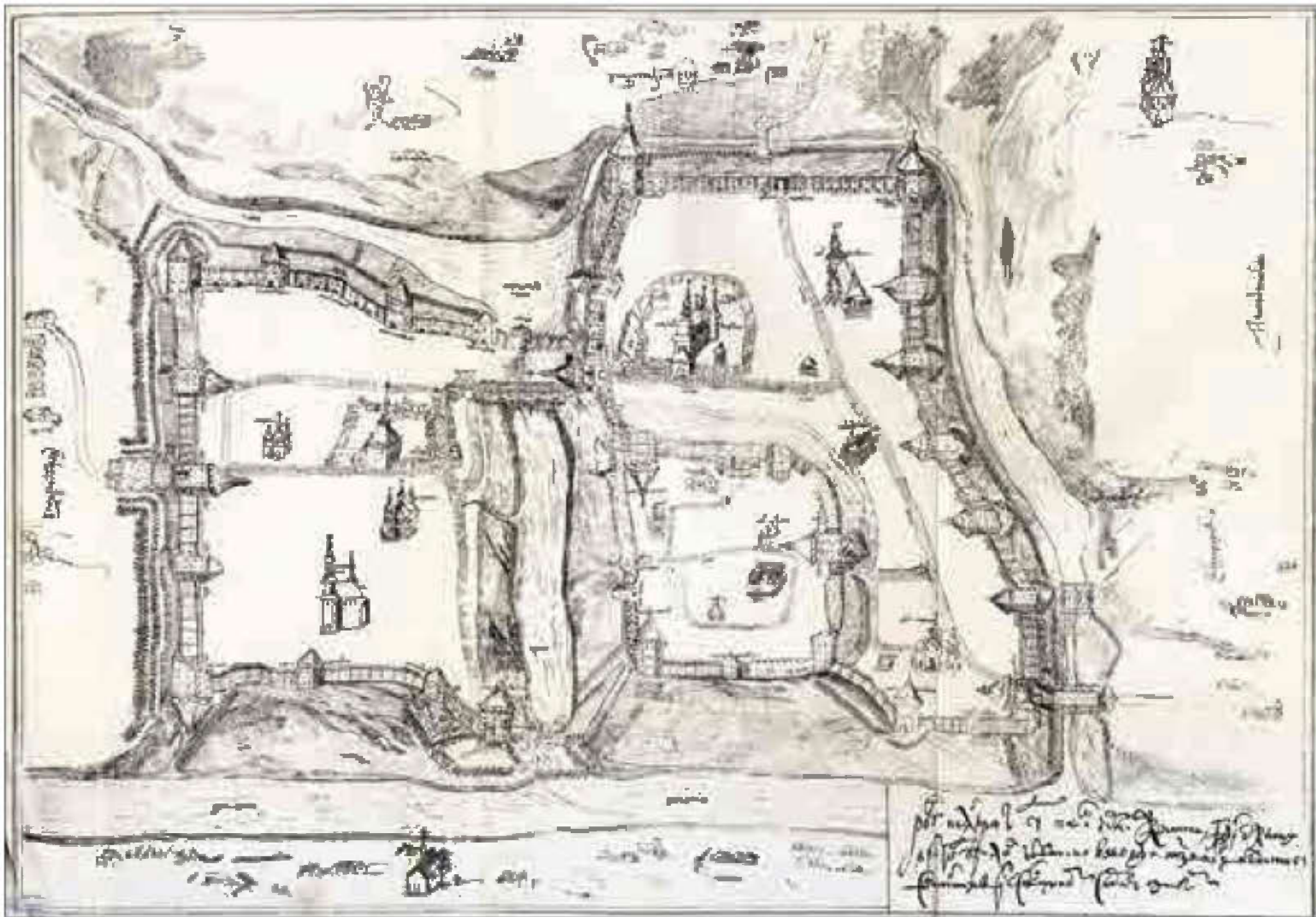
Вид Смоленска с иконы преп. Авраамия и Меркурия. Первая пол. XVIII в.

сей Михайлович. Целью похода он провозгласил освобождение православного населения Восточной Европы от иноверных правителей. Война с Речью Посполитой рассматривалась в Москве не только как война ради закрепления «воссоединения» с Украиной, но и ради возвращения Смоленска и присоединения древних западнорусских земель — Белоруссии. Фактически возрождались внешняя политика русских великих князей и царей (начиная с Ивана III) по объединению всех восточнославянских земель — вокруг Москвы и восстановлению Древнерусского государства¹³.

Уже в июне 1654 г. Государев полк, в котором служил **Д. В. Михалков**, во главе армии в 40 тысяч человек осадил Смоленск, и в сентябре его гарнизон капитулировал.

За этим последовали другие удачи: князь А.Н. Трубецкой (под началом которого **Д. В. Михалков** служил на Засечной черте) разгромил войска литовского гетмана Я. Радзивилла, и путь в Белоруссию был открыт. В этом же году были взяты главные

¹³ См.: John P. LeDonne. *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831*. Oxford University Press, 2004. P. 3; Флоря Б. Н. *Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.)*. М., 2010.

Чертеж города Витебска 1664 г. — незаурядный памятник русского изобразительного искусства, сделанный, вероятно, не без влияния европейской графики, но сохранивший традиции древнерусских географических чертежей — сочетание плоскостного плана и рисунков. В нижнем правом углу подпись русской скорописью XVII в.: «173-го (1664 г.) ноября в 15 день, таков чертёж к великому государю к Москве в Розряд прислал из Витебска воевода князь Яков Волконской с витебским розсыльщиком

с Ларкою Быковым». Чертеж показывает те восстановительные работы в замке и в крепости, которые были проведены в течение 10 лет после осады и штурма города. (Черно-белая прорисовка цветного чертежа взята из книги А. В. Сапунова «Чертеж гор. Витебска 1664 года» (Витебск, 1910). Подлинник хранится в РГАДА).

Д. В. Михалков был в Витебске вместе с царем Алексеем Михайловичем дважды — уже во время кампании 1656 г.

белорусские города Гомель, Могилев, Витебск и Полоцк (очевидно, именно их **Д. В. Михалков** называл «литовскими»). Вильно — столица Великого княжества Литовского — фактически оказалась без прикрытия. Но основная часть армии во главе с царем вернулась на зиму в Москву.

Именно в этой первой кампании 1654 г. были достигнуты самые большие успехи — значительная территория древних западнорусских земель стала на 10 лет частью Московского цар-

Руины замка Кокенгаузен XIII–XIV вв.
(ныне в селе Кокнесе, Латвия).
Фото А. Тимофеева, 2012 г.

Царь Алексей Михайлович лично писал сестрам, что взятый замок был «крепок безмерно, ров глубокой, меньшей брат нашему кремлевскому рву, а крепостью сын Смоленску граду; ей, чрез меру крепок. А побита людей наших 67 ч, да ранено 430 ч».

ства. Алексей Михайлович принял титул «государя всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержеца».

То, что **Д. В. Михалков** принимал участие в первых трех кампаниях Русско-польской войны, подтверждают записи об увеличении его оклада в уже цитированной Боярской книге 1658 г.: «Ему же за литовские службы 162-го (1654) и 163-го (1655) и 164-го (1656) ... году придачи 350 чети, денег 27 рублей» (С. 67. Л. 109 об.).

В 1655 г. русская армия во главе с царем Алексеем Михайловичем снова двинулась на запад, к Вильно. Взятию Вильно предшествовало сражение русских полков и украинских казаков с литовской армией. **Д. В. Михалков** в своем послужном списке специально отмечал, что был «под Вильнею». Следовательно, он участвовал в этом ожесточенном сражении. Вот как описывает его С. М. Соловьев:

«29 июля боярин князь Яков Куденетович Черкасский, соединившись с Золотаренком в полмиле от Вильны, напал на обоз гетмана Радзивилла и Гонсевского; бой длился от шестого часа дня до ночи; гетманы потерпели поражение и бежали за реку Вилию; а русские приступили к Вильне и овладели этою столицею Литвы. Царь стоял в деревне Крапивне за 50 верст от Вильны, когда прискакал к нему гонец с этим радостным известием»¹⁴.

Д. М. Михалков пишет, что воевал не только «под литовскими», но и «под немецкими городами», выделяя из них только Ригу. Действительно, осада Риги в 1656 г. стала кульминационным событием Русско-шведской войны 1656–1658 гг., в которую вынужден был вступить царь Алексей Михайлович, заключив перемирие с поляками. Литовский гетман князь Я. Радзивилл признал власть шведского короля над всей территорией Великого княжества Ли-

¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Том 10. // Сочинения. М., 1990. Кн. 5. С. 618.

товского, и России надо было оборонять недавние завоевания. Кроме того, русские никогда не забывали о потерянных в Смуту землях — о потерянном выходе к морю.

Летом 1656 г. в поход уже «на немецкие города» снова выступил Государев полк, в котором был **Д. М. Михалков**. Русскими осаждены и взяты: 31 июля — Динабург (с 1656 г. Борисоглебск, затем Двинск, ныне Даугавпилс), 14 августа — Кокенгаузен (с 1656 г. Царевичев-Дмитриев) и 21 августа начата осада Риги.

Осада шла по всем правилам военного искусства — были построены земляные укрепления, откуда русская артиллерия вела интенсивный огонь. Но Дания не выполнила условий союза с Россией и не заблокировала Ригу с моря, что давало возможность шведам получать продовольствие и подкрепление. Это делало взятие города невыполнимой задачей, и в октябре осада Риги была снята. Война приняла менее активный характер, а после наступления шведов в 1657 г. русские стали стремиться к миру. После выхода Дании из войны в 1658 г. было заключено перемирие, и уже в 1661 г. — окончательный мир с уступкой Швеции всех занятых территорий из-за опасения ее поддержки Польши в условиях продолжающейся Русско-польской войны.

Пятая служба-поход **Д. В. Михалкова** началась через 2 года, в 1659 г., когда ход Русско-польской войны изменился не в пользу Москвы. После смерти Богдана Хмельницкого гетманом Запорожского войска был избран Иван Выговский, который вскоре перешел на сторону Речи Посполитой. Военные действия обострились.

Д. В. Михалков писал, что был в этом походе и в сражении «под Конотопом, в полку боярина и воеводы князь Алексея Никитича Трубецкого». Под началом этого военачальника он уже служил 13 лет назад на Южной границе Российского государства.

«Изображение королевского города Риги и его осады Великим Московским Царем Алексеем Михайловичем». Автор Габриэль Перель (Gabriel Perelle) — французский пейзажист, акварелист, гравёр. Вторая половина XVII в.

Воевода князь Семен Пожарский
Литография кон. XIX — нач. XX в.

На этот раз большая русская армия (в том числе придворный полк) была отправлена царем Алексеем Михайловичем на гетманскую Украину. Это было сделано не только для демонстрации военной силы и препятствия крымским ордам, призванным гетманом разорять южнорусские уезды, но и для попыток договориться с Выговским мирным, дипломатическим путем (для этого Трубецкому были даны специальные «наказы»).

Но гетман уже присягнул крымскому хану, и для сдерживания армии Трубецкого гетманские полковники заняли оборону в городах на ее пути. Основные русские полки подошли к Конотопу в апреле 1659 г., но не смогли взять его штурмом и приступили к осаде, укрепившись в особом лагере. В конце июня к Конотопу подошел гетман Выговский с запорожцами и с огромной крымской армией. 29 июня 1659 г. произошла кровопролитная Конотопская битва, в которой русские впервые за всю войну потерпели поражение.

Татары сумели заманить высланную против них русскую конницу во главе с князем С.Р. Пожарским (дальним родичем героя Смуты) в неудобное для маневра место и набросились на нее всею силою — русские не представляли численность орды, приведенной Выговским.

Вот как описывает этот бой служивший на русской службе шотландец Патрик Гордон: *«Выслав сперва небольшой отряд, они (татары. — Б.М.) подняли тревогу, причем князь Семен Пожарский — горячая голова — выступил с прочими и с лучшей кавалерией и преследовал татар через гать или болото. Хан, незаметно стоявший с войском в долине, вдруг вырвался оттуда тремя огромными, как тучи, массами и, будучи слишком проворен для русских, окружил и одолел их, так что спаслись немногие. Тут погибло много русских дворян с генералом Пожарским и еще одним воеводой...»*

Но воевода — окольный князь Семен Романович Пожарский — не погиб в бою, а был, как и многие воины его отряда, взят в плен. По преданию, он, представ перед ханом, обругал его и даже плюнул в лицо, за что был немедленно казнен. Вопреки обычаю, татары убили и других русских пленных, вместо того чтобы отпустить их за выкуп. Всего же из отряда Пожарского были убиты и казнены в плену 249 воинов из «московских чинов»: двое окольных (кроме главного воеводы еще второй — князь С.П. Львов), стольник Е.А. Бутурлин, 3 стряпчих, 79 дворян московских и 164 жильца.

Очевидно, **Дмитрий Васильевич Михалков** был среди тех немногих из отряда князя Пожарского, кто сумел вырваться из татарского окружения. Он был тяжело ранен, о чем писал в челобитной через 22 года: *«И на том Конотопском бою, в приход хана Крымского я, холоп твой, ранен тяжело саблею, великою раню — больши половины пересечена шея, на великую, государь, силу и голова на плечах одержалась».*

Страшные ранения получили и другие спасшиеся. Борис Семенович Толстой: *«по правой щеке и по носу посечен саблею, да по правой руке ниже локтя пострелен из лука»*, Михайло Степанович Голенищев-Кутузов: *«сечен саблею по обеим щекам, да по левому плечу, и по левой руке»*, Иван Андреевич Зыбин: *«по голове посечен саблею, да по правому виску от глаза и до уха пострелян из лука»*¹⁵.

Возможно (но менее вероятно), что **Д. В. Михалков** участвовал в Конотопском сражении в отряде князя Григория Ромодановского, посланного на помощь Пожарскому. Ромодановскому удалось остановить атаковавшего его гетмана Выговского с казаками, но зашедшие с тыла крымцы заставили и его отступить.

Во время отхода армии к русской крепости Путивлю Выговский и татары нападали на русские обозы, но были отбиты. В отражении наступления крымского хана в 1659 г. решающее значение имел маневр украинских казаков. Они, во главе с «наказным

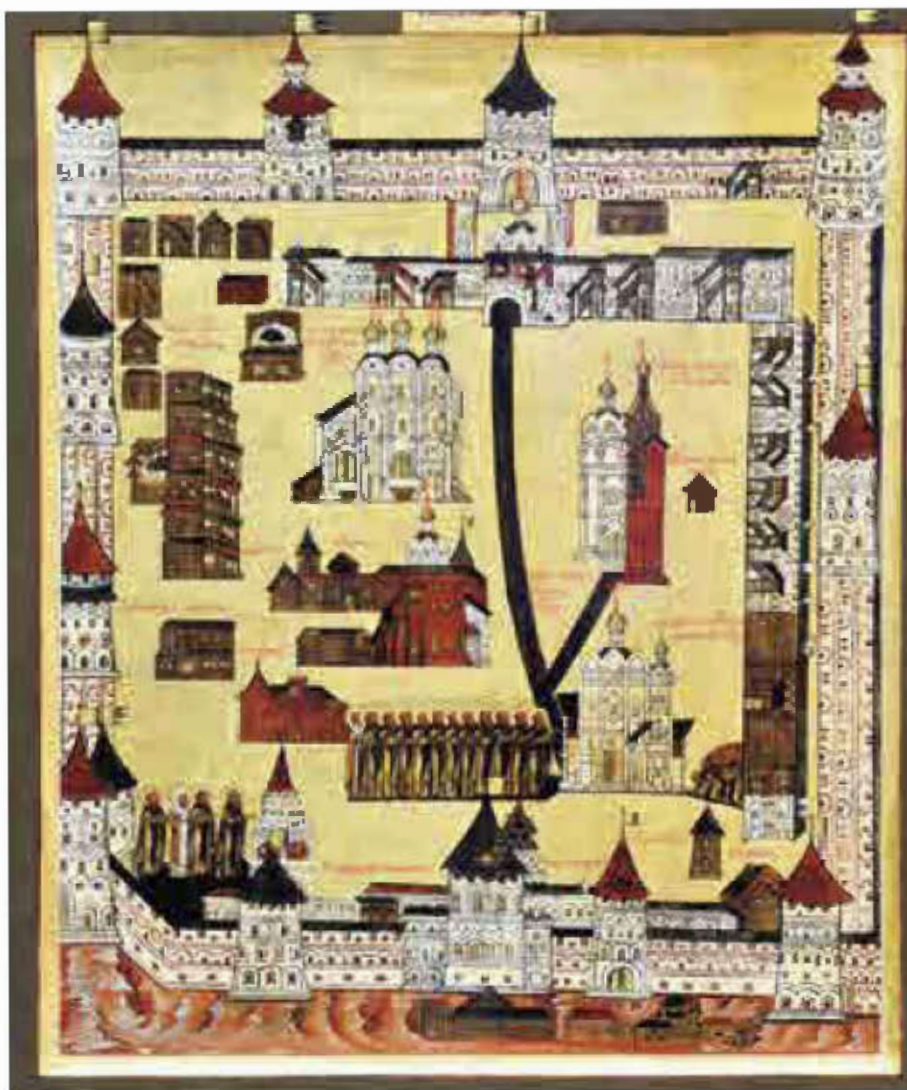

Теймураз I (1589–1663), царь Кахетии и Картли, поэт. Погиб в иранской тюрьме. Портрет XIX в. с прижизненного рисунка.

Царевич Ираклий (1637 или 1642–1709), занимал престол в Кахетии и в Картли, но возвращался в Россию. Портрет из Титулярника 1672 г., сделанный с натуры.

¹⁵ Бабулин И.Б. Битва под Конотопом. 28 июня 1659 года. М., 2009. С. 22, 39.

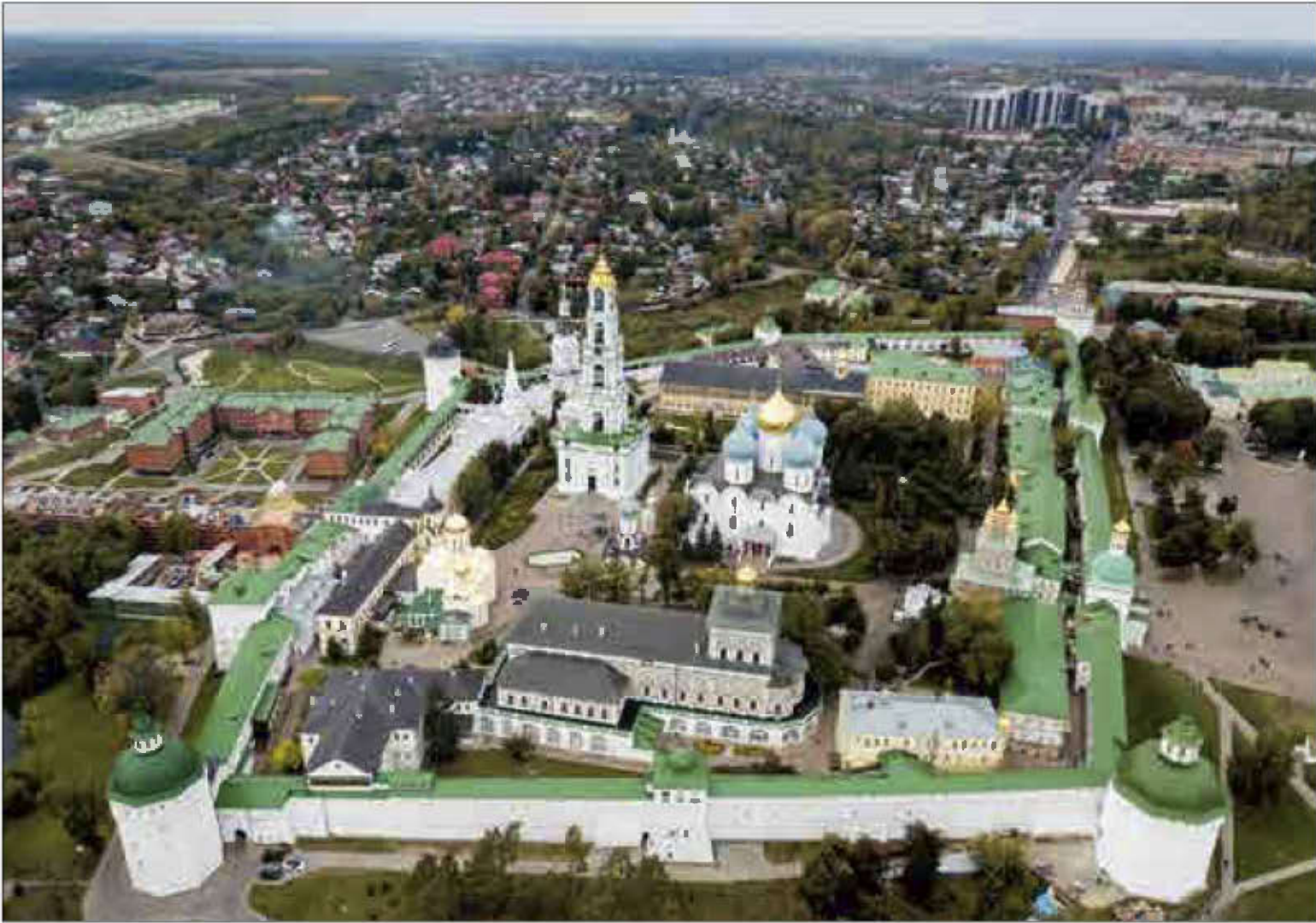

Икона-план Троице-Сергиева
монастыря Список XVIII–XIX вв.
с оригинала XVII в.

гетманом» Иваном Беспалым, остались верными московскому царю и напали на ногайские улусы, чем вынудили хана вернуться в Крым. Правление Выговского закончилось бесславно — он был казнен в Польше. Новым гетманом был избран сын Богдана Хмельницкого — Юрий.

Тяжелораненый **Д. В. Михалков**, очевидно, не дожидаясь роспуска армии князя Трубецкого, поехал в свои рязские или рязанские поместья. Возможно, к этому времени относится 6-й пункт в его челобитной, следующий после записи о конотопской службе: «*И в татарские приходы лошадыми граблен*». Такие грабежи лошадей — важнейшего имущества для служилых людей — случались, когда крымские отряды прорывались сквозь Засечную черту. Местные помещики со своим дворовыми и крестьянами объединялись в отряды и как могли отбивались от крымцев.

Оправившись от раны, **Д. В. Михалков** продолжил свою придворную службу. Еще в перерыве между походами, в июле 1658 г. — при торжественном приеме царем Алексеем Михайловичем грузинского царя Теймураза I Давыдовича — Дмитрий Васильевич, в числе стряпчих, «ставил есть перед бояры». А в мае

1660 г. он участвовал в не менее торжественном приеме в Кремле внука Теймураза I — царевича Ираклия, известного в России под именем царевича Николая Давыдовича. Причем в разряде указано, что и стольники, и стряпчие были в «золотой» одежде и в шапках «горлатных» (меховые высокие шапки, которые носила знать)¹⁶.

Следующую, седьмую, службу в своей челобитной **Д. В. Михалков** также указывает суммарно: *«Да за отцем твоим, государь, блаженные памяти за великим государем царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем ездил в московских походах четыре года».*

«Московскими походами» в то время назывались и поездки царя в его ближайшие села-резиденции — Коломенское, Покровское, Хорошово и др. Везжая туда, царь даже специально назначал бояр управлять Москвой. Многодневными «походами» были богомолья по подмосковным монастырям, вошедшие в царский обиход еще со времен Василия III. Царь Михаил Федорович со своей матерью, инокиней Марфой, а затем его сын Алексей Михайлович продолжили эту традицию.

Современный вид Троице-Сергиевой лавры с «птичьего полета».
Алексей Мальгавко/РИА Новости

¹⁶ Древн. Росс. Вивлиофика. М., 1789. Ч. 8. С 143; Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. III. С. 526.

Собор Рождества Богородицы (начало XV в.) Саввино-Сторожевского монастыря и дворец царя Алексея Михайловича (1652–1654 гг.). В обширном дворце было предусмотрено значительное помещение для размещения царской свиты. Как бы продолжением этого дворца стала построенная в те же годы огромная трапезная — размер ее столовой палаты превышал кремлевскую Грановитую. В палате было устроено особое царское место. В ней могли разместиться все прибывшие в монастырь чины Государева двора. К трапезной примыкал царский домовый храм.

Открытка нач. XX в.

Самым почитаемым на Руси был «игумен земли Русской» Сергей Радонежский, и царские походы в Троице-Сергиев монастырь для празднования Дня памяти святителя — 25 сентября — были регулярными. В Троицкий поход (это было его официальное название) царя Алексея Михайловича обычно сопровождала значительная часть Государева двора.

Вероятно, *стряпчий Д. В. Михалков* сопровождал Алексея Михайловича в Троицу уже в сентябре 1660 г. Эти походы отмечались в Дворцовых разрядах, указывалось, когда царь и двор ночевали в дворцовых селах Братовщине и Воздвиженском, но имена всех дворовых чинов не назывались¹⁷.

В Троице-Сергиевом монастыре **Дмитрий Васильевич** поминал своих предков — «деда **Федора Ивановича Михалкова во иноках Филарета**» (ум. 1615) и других родичей (в том числе там постриженных и похороненных), записанных для поминания в Синодики. Очевидно, именно в первый приход с царем Алексеем Михайловичем в Троицу в сентябре 1660 г. **Д. В. Михалков** мог видеть Синодик с поминанием его рода или даже принять участие в его создании как потомок активных вкладчиков монастыря еще с XVI в. (см. об этом главы 1 и 2).

Другим монастырем, в который царь Алексей Михайлович «ходил» в сопровождении многих чинов двора, был Саввино-Сторожевский монастырь под Звенигородом.

Царь Алексей Михайлович имел особое отношение к этому монастырю и его основателю. Считалось, что преподобный Савва Сторожевский (ум. 1407) совершил чудо и спас царя от медведя во время охоты. Предание относит это событие к началу 1650-х гг. В 1652 г. в монастыре началось строительство каменного царского дворца, затем были построены особые хоромы для царицы.

¹⁷ Дополнения к тому III-му Дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 243–244, 292–294, 354–355, 366–367 (январь 1663 г.). За 1664 г. Дворцовые разряды опубликованы не полностью.

Э. Лисснер. Медный бунт. 1662 г. (1938).

Бунт начался в Москве 25 июля. На Лубянке распространялись «подметные письма» с обвинением тестя царя— боярина И. Д. Милославского, других бояр и купца В. Шорина в тайных сношениях с Речью Посполитой. Действительной же причиной недовольства народа были обесцененные медные копейки, которые выпускались правительством во время продолжавшейся Русско-польской войны. Разгромив дом купца Шорина, многотысячная толпа двинулась в Коломенское. Царь был вынужден выйти к толпе и дать обещание разобраться в обвинениях. Но в это время подошла вторая толпа, требовавшая уже выдачи ей бояр на расправу. Положение стало критическим, но из Москвы начали подходить стрелецкие и солдатские полки. Конечно, поспешили в Коломенское и все члены двора. Бунт был жестко подавлен в тот же день.

Тогда же Саввино-Сторожевский монастырь первым на Руси получил статус Лавры.

В период с 1660 г. по 1663 г., когда **Д. М. Михалков** сопровождал в поездках царя Алексея Михайловича, «Дворцовые разряды» отмечают два выезда царского двора в Саввино-Сторожевский монастырь: на День памяти преподобного в январе 1662 г. и в январе 1663 г. (Т. 3. Стб. 306 и 366).

Конечно, царь Алексей Михайлович часто посещал и ближайшие к Москве Донской, Николо-Угрешский, Новодевичий и другие монастыри. Эти паломничества были кратковременными, и в них участвовали немногие придворные. Лето 1662 г. (когда **Д. В. Михалков** мог сопровождать царя), проведенное Алексеем Михайловичем в селе Коломенском, вошло в русскую историю как время «Медного бунта». В Дворцовых разрядах помещены записи, что «того же месяца июля в 16 день пошел государь в поход в село Коломенское и с государынею царицею». Большинство членов Государева двора отправилось вместе с ним. Даже если стряпчий **Д. В. Михалков** не был назначен в этот поход, то он должен был поспешить на защиту царской семьи в ходе произошедших вскоре чрезвычайных событий.

Царь Алексей Михайлович оставался в Коломенском до 10 августа. Очевидно, и Боярская дума, и главы важнейших приказов, и весь Государев двор (в том числе и **Д. В. Михалков**) переместились в это тревожное время в Коломенское. Выезжая из этой подмосковной резиденции в Новодевичий монастырь 28 июля и в саму Москву на Ильин день, царь назначал бояр оставаться в Коломенском для решения срочных дел. Очевидно, именно за нахождение рядом с царем в это время (1662–1663) *стряпчий* **Д. В. Михалков** и был пожалован в государевы *стольники* (см. с. 264).

Бой Степана Разина под Симбирском. Иллюстрация В.А. Фаворского к книге Н.П. Кончаловской «Наша древняя столица», в которой движению Разина посвящено много поэтических строк, в том числе эти:

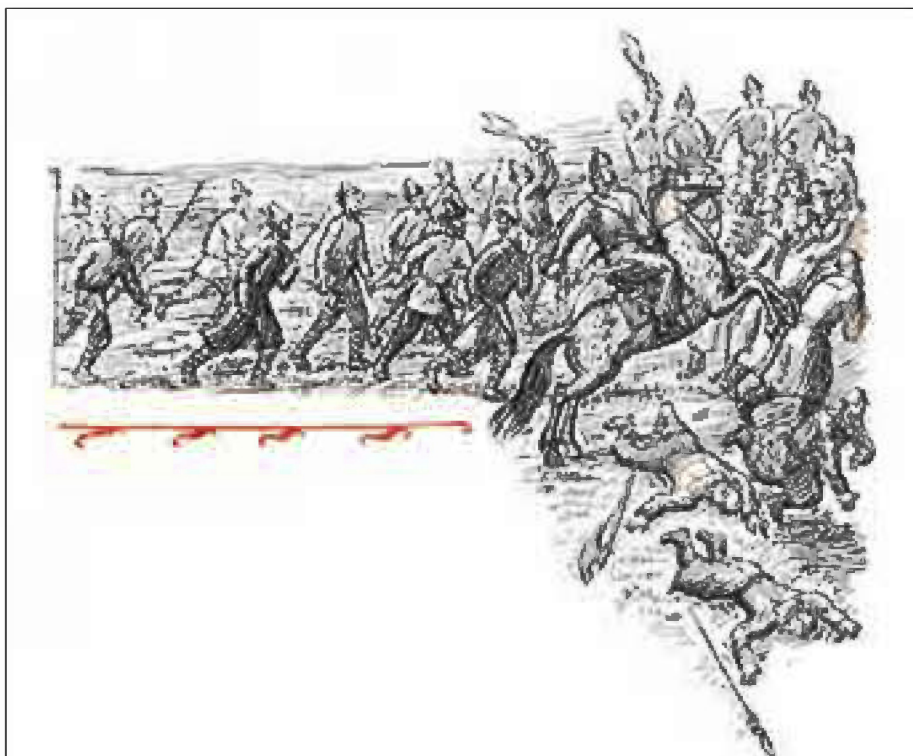
*Видит царь — дела бунтарские
И Москве уже грозят.
Приказал он войско царское
Двинуть тысяч в пятьдесят.
Ой, Симбирск, стена высокая,
Неприступная, широкая!
Двадцать восемь дней под стенами
Со своими неизменными
Силачами-атаманами,
С войском, с пушками, с таранами
Разин город осаждал,
Но Симбирска царь не сдал.*

Уже в этом придворном чине **Д. В. Михалков** мог сопровождать царя Алексея Михайловича в 1662 и 1663 гг. в походы в Троицу, к Савве Сторожевскому и в другие места.

Во второй половине 1660-х гг. известные нам источники не содержат сведений ни о придворной, ни о военной службе **Д. В. Михалкова**. Вероятно, тяжелые раны давали о себе знать, и Дмитрий Михайлович решил удалиться из Москвы в свое родовое романовское поместье. Итогом проживания в родных местах стала его женитьба в августе 1670 г. на дочери соседей — таких же романовских помещиков (но менее знатных и богатых) — **Маремьяне Ивановне Стениной**. Дмитрию Михайловичу — 45 лет, возраст для женитьбы весьма почтенный (о предыдущем его браке сведений нет, скорее всего, из-за частых походов его и не было). Но вскоре после свадьбы Дмитрий Васильевич вынужден отправиться в новый поход. Бунт Стеньки Разина достиг центральных уездов Московского государства...

Эту — восьмую — службу **Д. В. Михалков** отмечает так: «*Да в Орзамасе, в полку боярина и воеводы князь Юрия Алексеевича Долгорукого*».

Снаряжение армии под командованием опытного полководца было необходимо для противодействия восставшим казакам, которые, овладев Астраханью и Царицыном, двинулись выше по Волге, и в сентябре 1670 г. осадили Симбирск. В то же время взбунтовалось население Средней Волги (Саратов, Самара, Пенза), восстали местные народы: мордва, марийцы, чуваша. Полки князя Долгорукого деблокировали Симбирск и сами осадили основные силы Разина в их остроге. Острог через месяц пал, Разин бежал на Дон, где и был выдан московским властям.

Бой отряда Алёны Арзамасской с царскими войсками. Иллюстрация В.А. Фаворского к книге Н.П. Кончаловской.

Жизнь и смерть Алёны Арзамасской-Темниковской давно превратились в легенду, стали национальным эпосом мордовского народа (хотя ее мордовское происхождение не доказано). В театре Саранска о ней поставлен даже балет. С 1920-х гг. по настоящее время создаются все новые романы об «эрзянской Жанне Д'Арк» — ее осудили к сожжению в срубе как разбойницу и еретичку, подозреваемую в колдовстве. О ее «ведовстве» — лечении кореньями — записано в «расспросах» пленных повстанцев. Но основным источником рассказов о необыкновенном мужестве и физической силе атаманиши — беглой монахини остается свидетельство современника Иоганна Фриша, опубликованное в Германии в 1677 г. Интерес к восстанию Разина в Европе был очень велик.

Армия князя Долгорукого до конца 1670 г. боролась в Поволжье с отрядами местного населения, ставшими уже в конце бунта под знамена Степана Разина. Самым известным был отряд в несколько тысяч человек под предводительством атамана-монахини (по преданию, бывшей казачки) Алёны Арзамасской (Темниковской). Он действовал в районе городов Арзамаса, Шацка и Темникова. В декабре 1670 г. отряд Алёны был разгромлен (она была пленена) полком армии князя Долгорукова. Очевидно, именно в это время к полку присоединился **Д. В. Михалков** (иначе он бы отметил более значимые сражения под Симбирском).

Следующий (девятый) свой военный поход **Д. В. Михалков** в челобитной 1681 г. описал так: «*Да в Севску, в полку боярина и воеводы князь Володимера Алексеевича Долгорукого*». Почему-то Дмитрий Васильевич ошибся — боярина князя Владимира Алексеевича Долгорукого во второй половине XVII в. не было. Очевидно, речь идет о событиях 1673 г., когда во главе русской армии был назначен все тот же князь Юрий Алексеевич Долгорукий.

Сбор армии был связан с угрозой прихода на Украину армии турецкого султана, которому присягнул гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко. Причем о защите от турецкой опасности царя Алексея Михайловича просили послы Речи Посполитой, с которыми, как и со многими другими послами, вел переговоры сам князь Ю. А. Долгорукий.

Это была последняя служба **Д. В. Михалкова** под началом этого выдающегося государственного деятеля, вскоре удалившегося от руководства полками, но продолжавшего возглавлять московские приказы. А неверно назвать его имя **Д. В. Михалков** мог потому, что на смену главному воеводе в 1674 г. в Севск был по-

Эрик Пальмквист. Прием царем Алексеем Михайловичем шведского посольства в 1674 г. Слева от царя отвечает на приветствие посла боярин князь Ю.А. Долгорукий.

Осада Чигирина турками в 1678 г. Гравюра на основе рисунка из Летописи Самуила Величко. Начало XVIII в.

слан его племянник — князь Владимир Дмитриевич Долгорукий.

Прошло четыре года, и 53-летний стольник **Д. В. Михалков** в 1678 г., уже при новом царе Федоре Алексеевиче, принял участие в войне Российского государства с Османской империей (ее начало историки датируют по-разному — с 1672 по 1674 г. — но полномасштабные военные действия начались в 1677 г.). Эта война больше известна под названием Чигиринских походов, поскольку ее целью было сначала овладение, а затем оборона Чигирина — Ставки гетманов Правобережной Украины, которые придерживались протурецкой ориентации, но потом перешли на сторону Москвы.

Д. В. Михалков участвовал в последнем, наиболее насыщенном упорными сражениями Чигиринском походе против турецких войск. **Дмитрий Васильевич** разделил свой десятый поход на два этапа: «Да в прошлом 186-м году на твоей, великого государя, службе под Чигириным, в полку бояр и воевод князь

Григорья Григорьевича да князь Михаила Григорьевича Ромодановских. И в приход турских и крымских людей у Непра в осаде сидел и всякую нужду осадную терпел».

В отличие от похода 1677 г., когда турецкая армия была разбита воеводой князем Г.Г. Ромодановским и гетманом Самойловичем, кампания 1678 г. была неудачной для русских. 10 июля началась осада Чигирина огромной армией визиря Кара-Мустафы, куда входили и многочисленные отряды крымских татар. Сначала московские и казацкие полки успешно отбивали атаки турок и татар и контратаковали, но не смогли снять блокаду Чигирина. Турки вели массированную бомбардировку города, делали подкопы и, в конце концов, зажгли «нижнюю» и «новую верхнюю» крепости. Гарнизон вынужден был выйти из горящих укреплений и присоединиться к главным силам воевод князя Г.Г. Ромодановского и его сына М.Г. Ромодановского, стоявшим лагерем у города. Не выполнив свою главную задачу удержать Чигирин, русские отступили к Днепру, продолжая отбивать атаки татарской конницы. Турецкая армия повернула назад — собственно, так и закончилась эта Русско-турецкая война. Султан Магомед IV не имел сил воевать на два фронта (Турция вела войну с Австрийской империей), и в начале 1681 г. заключил в Бахчисарае мир с Россией, отказавшись от притязаний на Западную Украину. Участие же служилых людей в кровопролитных сражениях под Чигирином (как и в Котопской битве) рассматривалось московским правительством как особая заслуга и награждалось, о чем писал **Д. В. Михалков** в челобитной 1681 г.

В свой последний, 11-й, поход 1680–1681 гг. с полками боярина князя В. В. Голицына (ставшего через два года, в период регентства царевны Софьи Алексеевны, во главе московского правительства) **Д. В. Михалков** собирался уже с трудом. Он даже просил в челобитной освободить его от этой службы (см. с. 296). Заслуженному воину было уже 55 лет, но в его опыте все-таки нуждались, и он пошел в этот поход.

А сразу по возвращении из этого тяжелейшего похода он пишет челобитную, прося царя Федора Алексеевича о воеводском назначении: *«Вели, государь, мне быть на своей, великого государя, службе на Романове».* Но, как уже отмечалось выше, это назначение так и не состоялось, возможно, из-за его болезни. Романовским воеводой стал младший брат Дмитрия Васильевича — **Исайя Васильевич Михалков**.

Князь В. В. Голицын.
Гравюра Л. Тарасевича. Ранее 1689 г.

Царевна Софья Алексеевна.
Гравюра А. Блотелинга. Ок. 1688 г.

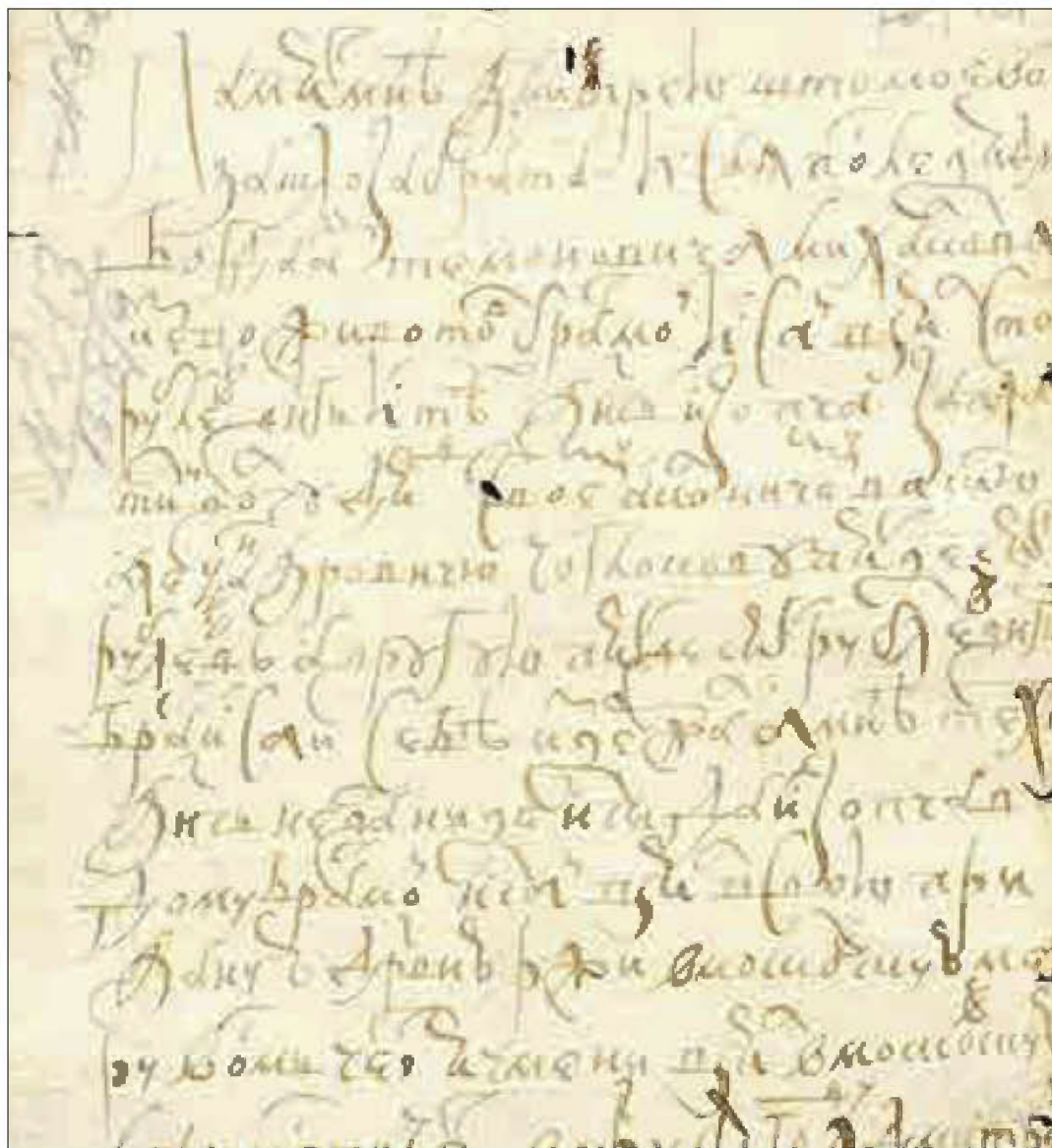
Д. В. Михалков во главе семьи и хозяйства

Об имущественном положении **Дмитрия Васильевича Михалкова** и образе его жизни у нас есть информация из разных источников. Из них можно выделить и привести тексты двух документов, отражающих разные аспекты его взаимоотношений с ближайшими родственниками. В 1660-е гг., которыми датируется первый из них — «память» (своего рода справка), к ним относились его мать **Анна Александровна** и брат **Исайя Васиильевич Михалков**.

Дмитрий Васильевич Михалков в этом примечательном документе, носящем не юридический, а своеобразный памятный характер, высказывает претензии к своему старшему брату Исае Васильевичу, которые образовались у него во время раздела наследства умершего в 1648 г. их троюродного дяди Богдана Артамоновича (Алаевича) Михалкова (о связях с ним см. с. 191), и во время раздела в 1660/1661 г. вотчин и поместий, доставшихся братьям от отца. В «памяти» приведены интересные бытовые подробности об их матери **Анне Александровне Михалковой**, которая осталась жить с Дмитрием Васильевичем и «*на прожиток себе не взяла ни одново крестьянина*» из деревень своего мужа, на что имела законное право. Для современного читателя может показаться странным, что Дмитрий Васильевич, имевший поместья и вотчины, напоминает брату, что на мать «*росход всякой лишней шел из моей половины*», а также на двух ее приживалок (многолетнее содержание этих вдов он рассчитал до каждой меры ржи). Но мы из рассмотренных выше его челобитных царю знаем, что его материальное положение действительно было весьма сложным, в том числе из-за необходимости постоянных сборов в дальние походы. Несмотря на это, он пишет в конце этой «памяти», что для удобства матери перестроил хоромы на своем дворе (возможно, на московском, но может и на сельском).

О том, что Анна Александровна Михалкова, живя в родовом селе Семеновском Романовского уезда, вела хозяйство, говорят три сохранившихся частных письма от нее сыну Дмитрию Васильевичу¹⁸. Письма написаны не собственноручно, а, очевидно, грамотным слугою. Но важно подчеркнуть, что и в дальнейшем собственно приказчиков в данном хозяйстве не было. Их роль,

¹⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 401 (В. С. Михалков).
№ 116. Л. 1–3.

во время походов хозяина выполняли женщины — сначала мать, а затем жена, Маремьяна Ивановна. О семейной переписке Д. В. Михалкова речь пойдет далее.

Второй важный семейно-имущественный документ — Духовная грамота — завещание написано **Дмитрием Васильевичем Михалковым** спустя ряд лет уже женатым человеком. Исходя из важности этого документа, также приводим его текст полностью:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа Святыя Живоначальная Троицы, се аз раб Божий многогрешный стольник Дмитрий Васильев сын Федоровича Михалкова пишу сию свою духовную своим целым умом и разумом, с Москвы едучи на государеву службу полковую под Киев.

Будет меня на бою убито или мне, Дмитрию, на государеве службе, волей Божией, смерть случится собою, и я, Дмитрий, приказываю стольнику Андрею Андреевичу Шестакову да отцу своему духовному Николы Божедомскаго священноерею Федору Панфильевичу после себя вотчину мою продать

«Память» Д. В. Михалкова о разделе с братом И. В. Михалковым наследства после Б. А. Михалкова, разделе отцовских поместий и вотчин и о других семейно-имущественных отношениях. После 1660/1661 г. РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 161.

«Память мне Дмитрею, што моево зашло за брата Исая. После дяди Богдана Артемоновича Михалкова из ево животов брат мой, Исая, взял сто рублей денег. И те деньги из опча заплатил долгу дяди своему акольничему (так!) Василью Александровичю Чоглокову пятьдесят рублей. А другую (так!) пятьдесят рублей денег брат Исая себе издержал. А мне тех денег не дал ни деньги. Да из опчава дому брат мой, Исая, взял в свою приданую деревню ржи в московскую меру восемь чети, ячмени взял в московскую меру шесть чети. Во 169 (1660/1661) году я, Дмитрий, з братом своим, Исаяем, поместье и вотчину раздели пополам. А матушка наша, Анна Александровна, ис поместья и из вотчины ни ис которой деревни на прожиток себе не взяла ни одна крестьянина. А изволила матушка жить у меня, Митьки, и расход всякой лишней шел из моей половины. Были у матушки на имяни две вдовы, и я их кормил по матушкину смерть. А изошло им, кроме платья и вологи*, ржи, одной бабе в шесть лет осмнатцет чети, другой бабе в пять лет пятнатцат чети, и тое ржи с моей половины тритцет три чети. Да для матушкина покою я, Дмитрий, на хоромах кровлю новую учинил, вновь пок[рыл] сени и переходы, вновь перебивал лежни под сеньми (так!) и под переходы новые».

* Волога — жидкая пища (похлебка, щи, или приправа к ней) — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975. С. 317.

в Рязанском уезде в Каменском стану жеребей села Перкина на реке на Проне, да в Рязанском же уезде в Старо-Рязанском стану половина пустоши Тимохинской на реке на Оке. А дана мне Дмитрию та вотчина по родству после дяди моего постельничаго и намесника трети Московские Костентина Ивановича Михалкова.

А крестьян в той вотчине: (в) [во дворе. — Б.М.] Левка Степанов сын Макаров с женою и с детьми, да с братом Гришкою; (в) Сенька Иванов сын Попков с женою, и с детьми, и с невестками, и со внучаты, и с детьми холостыми; (в) Спирка Иванов сын Попков с женою и с детьми; (в) Микитка Титов сын Новиков с детьми; (в) Симошка Богданов с женою, и снохою, и с племянники родными; (в) Митрошка Алексеев сын Оникина с матерью.

Да к той же вотчине и жеребью села Перкина продать крестьян с земли с женами, и с детьми, и с невестками, и со внучаты в Рязком уезде в Пехлецком стану из выслуженный вотчины сельца Высокаго: (в) Федька Пахомов с матерью... (и пр[очие])— Прим. графа С. Д. Шереметева).

Написать в той же вотчине к жеребью села Перкина тех рязских крестьян с женами, и с детьми, и со внучаты, которые писаны в сей духовной, в продаже в одной купчей с их крестьянским хлебом, что в земле стоячим орженным и яровым со всяким, и смолоченым орженным и яровым со всяким крестьянским хлебом, что у них в житницах, с лошадыми, и с коровами, и со всякою животиною, что у них есть и крупною и мелкою, и со всеми их крестьянскими животы.

А Рязанскую вотчину жеребий села Перкина продать с боярским хлебом со всяким и с их крестьянским хлебом стоячим, что в земле орженным и яровым со всяким, и с боярским орженным и яровым, что в земле, и смолоченым орженным и яровым со всяким, с боярским хлебом и с крестьянским хлебом, с лошадыми, и с коровами, и со всякою животиною, что у них, с крупною и мелкою и со всеми их крестьянскими животы.

А четвертные пашни в той вотчине в жеребью села Перкина по писцовым книгам 63 чети с половиною пустошью Тимохинскою, кроме распахной земли, что в поверстном лесу, с лесы и с санными покосы, со всеми угоды по старым межам.

А продать, как цена подымет. И теми деньгами в поместьи Романовском построить церковь деревянную во имя Спаса Вседержителя, теплую. А лесу купить на Волге доброво, красново. Образы, и всякое церковное строенье, и ризы построить вотчинными деньгами.

А остатки Рязкой вотчины 5 дворов крестьян и земли вотчинной Рязкой 150 чети брату моему Исаю Васильевичу Михалкову отдать. А вместо тое вотчины Рязкие, половины сельца Высокаго, вместо 5 дворов, брату моему Исаю не спрашивать из животов доли, потому животы мои небольшие, судов серебряных нет.

Теми же деньгами вотчинными выкупить серьги ягонты (рубины или сапфиры?) з зерны бурмицкими (жемчугами), да ожерелье мужское жемчужное, и долги платить кабальные и бескабальные, и душу мою грешную поминать, и на сорокоусты роздать, по скольку доведетца, на Москве и в деревнях. Отцу духовному на Москве — 10 рублей, у Козьмы Демьяна на Шубине (sic. — Прим. графа С. Д. Шереметева) на весь крылос — три рубли, отцу духовному на Романове Григорью — 4 рубли, своему попу дать — 3 рубли на весь крылос.

А остатки вотчинных денег дать жене моей Маремьяне, будет замуж после меня не пойдет. И теми вотчинными деньгами, што останетца у церковного строения и у долгов, жене моей Маремьяне век жить, и душу мою поминать. И людей кабальных, которых мошно, после меня отпустить на волю.

А сее духовную писал я, Дмитрий Михалков, свою рукою.

На обороте: К сей духовной Николаевский поп Федор сидел и слушал и вместо сына своего духовнаго Дмитрия руку приложил»¹⁹.

Завещание написано, как говорится в его начале, «с Москвы едучи на государеву службу полковую под Киев». Оно не имеет даты, но может быть датировано по ряду упомянутых в нем фактов. Во-первых, упомянута жена **Д. В. Михалкова Маремьяна** (женился в 1670 г.), но дети Прокофий и Петр не названы, значит, они еще не родились. Во-вторых, ряжское поместье было пожаловано ему в вотчину в 1678 г. Значит, речь может идти только об одном из двух походов Д. В. Михалкова — либо 10-м (по нашему счету) его походе — так называемом Третьем Чигиринском 1678 г., когда большое русское войско противостояло турецкой армии. Либо — о его последнем походе на Украину с армией князя В. В. Голицына 1680–1681 гг.

Главным пунктом завещания является продажа его вотчин в Рязанском и в Ряжском уездах и строительство на эти деньги церкви в родовом поместье Романовского уезда. Жене (детей пока нет) выделяются только оставшиеся от этой продажи деньги, и только в том случае, если она, после его возможной гибели в походе, не выйдет замуж. (Забегая вперед, скажем, что замуж она вышла за князя Ухтомского уже после смерти Дмитрия Васильевича в 1684 г., что привело к дальнейшим связям Михалковых с этим княжеским родом и к перемещению их родовой усадьбы в Рыбинский уезд).

В тексте завещания подчеркнута, что одна из этих вотчин — «жребий» (часть) в селе Перкино на реке Проне Каменского стана и половина Тимохинской пустоши на Оке в Старо-Рязанском стане Рязанского уезда «дана мне, Дмитрию, та вотчина по родству после дяди моего постельничего и намесника трети Московския Костентина Ивановича Михалкова». Здесь Дмитрий Васильевич упростил степень своего родства с влиятельным в прошлом родичем. Действительно, его отец находился в од-

¹⁹ РНБ. Ф. 546. № 22. Публ.: Из Архива Михалковых. XI/3.

ном колене с отцом К. И. Михалкова, но был ему братом четвероюродным. Ранее (с. 193) мы писали о том, что именно в архиве отца Д. В. Михалкова — Василия Федоровича — дальнего родича К. И. Михалкова — сохранились документы о пожаловании Константина Ивановича рязанскими землями погибшего Прокофия Ляпунова (в другой части села Перкина и в конце XVII в. продолжали жить его потомки).

Рязская («Ряская») же вотчина — сельцо Высокое — отмечалась как «выслуженная вотчина» (дана по царскому указу 1678 г. за военные заслуги) и завещалась младшему брату **Исайе Васильевичу Михалкову**. Причем оговаривалось условие, что Исайя Васильевич не будет претендовать на раздел родовых ценностей из имущества брата. Здесь Дмитрий Васильевич прямо пишет о том, что он небогат: *«Животы (движимое имущество) мои небольшие, судов (сосудов) серебряных нет»*. Собственно, и Рязанская вотчина была совсем небольшая — всего 6 крестьянских дворов и 63 четверти пахотной земли.

Очевидно, более значительными землями, дававшими **Д. В. Михалкову** средства для сборов в военные походы, были родовые романовские поместья. Центром их было село Рославлі с девятью деревнями Ильинского стана Романовского уезда (см. «Михалковы в Смутное время...». С. 200). Очевидно, именно в нем Дмитрий Васильевич наказывал своим душеприказчикам *«построить церковь деревянную во имя Спаса Вседержителя, теплую. А лесу купить на Волге доброво, красново. Образы, и всякое церковное строенье, и ризы построить вотчинными деньгами»*. Но церковь не была построена (по крайней мере, в существующем сейчас селе Рославлево Тутаевского района Ярославской области церкви никогда не было).

Бытовые подробности жизни небогатого служилого человека содержатся в следующей фразе его завещания: *«Теми же деньгами вотчинными выкупить серьги ягонты з зерны бурмицкими (заложенное украшение жены), да ожерелье мужское жемчужное, и долги платить кабальные и бескабальные, и душу мою грешную поминать, и на сорокоусты роздать, поскольку доведетца, на Москве и в деревнях»*. Имена кредиторов, которые обычны для духовных грамот (с формулой: «что у кого взять, и что кому дати»), не названы. Видимо, она составлялась с достаточной поспешностью, да и Дмитрий Васильевич, конечно, надеялся на благополучное возвращение из похода. Поэтому его завещание так отличается от завещания воеводы А. Т. Михалкова 1586/1587 г., в котором упомянуто много кредиторов и заемщиков, большинство из которых относилось к представителям первостепенной знати. Круг знакомых **Д. В. Михалкова**, был, наверное, не так широк, хотя он жил в это время в Москве. Собственно, из служилых людей в духовной **Д. В. Михалкова** упомянут только его душеприказчик — стольник Андрей Андреевич Шестаков. Шестаковы — ярославский дворянский род, восходящий к концу XVI в.

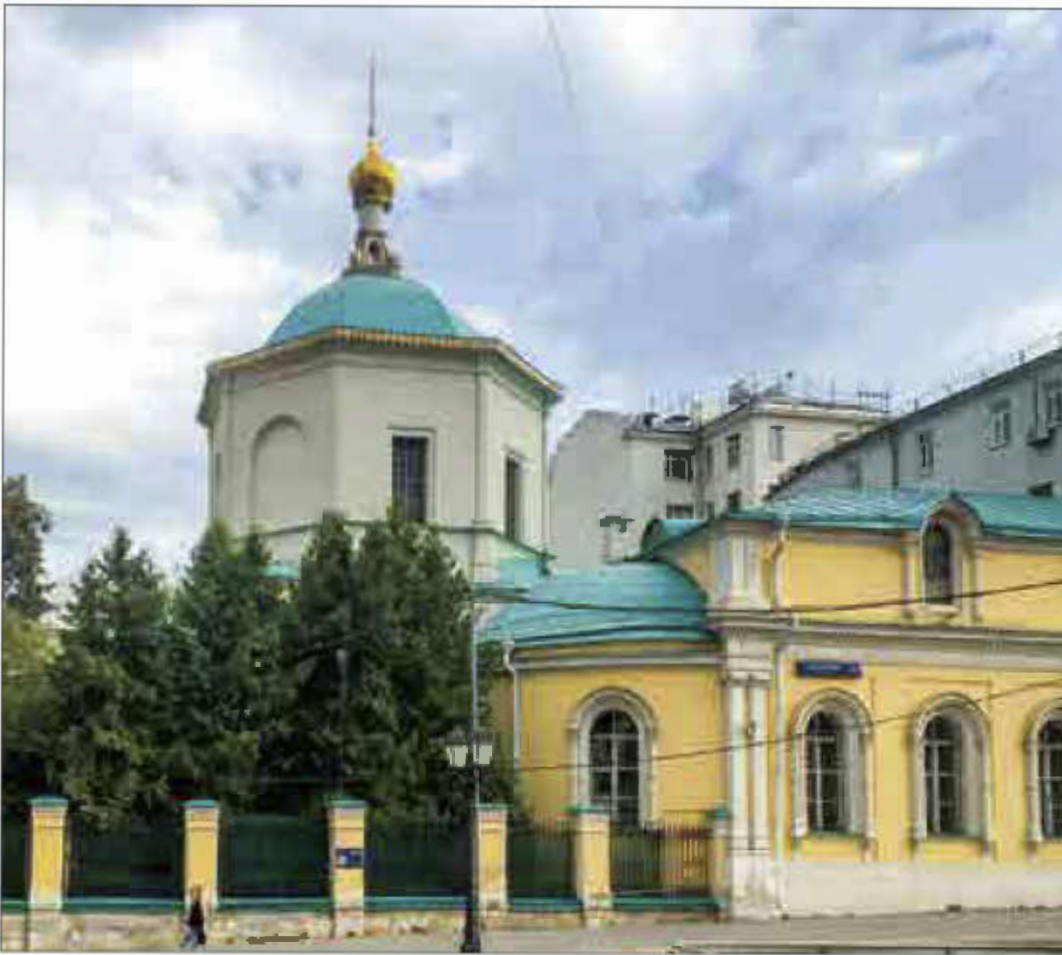
Церковь Николая Чудотворца
в Звонарях.
Фото Б.Н. Морозова, 2020 г.

Видимо, представители соседних Романовского и Ярославского уездов держались друг друга и в Москве.

Вторым душеприказчиком **Д. В. Михалкова** был его духовный отец – священник московской церкви Николая Божедомского Федор Панфильевич. Этот московский храм на Рождественской улице с конца XVII в. известен как «Николай Чудотворец в Звонарях». Сегодня он представлен постройкой в стиле барокко 1760–1781 гг. архитектора К. Бланка (специалисты считают, что в основе стен храма XVIII в. могли сохраниться части предыдущего каменного храма 1657 г.). **Д. В. Михалков** был прихожанином этого храма и жил рядом с ним в периоды своей придворной службы (но о принадлежности ему городского двора в завещании почему-то не указано²⁰, хотя «двор на Рождественке» отмечен в его челобитной ок. 1677 г. и в письмах 1682 г.).

Духовному отцу своему Федору Панфильевичу **Дмитрий Васильевич Михалков** завещает 10 рублей. Также он приказывает передать 3 рубля в церковь «Козьмы Демьяна на Шубине на весь

²⁰ Примечательно, что рядом с этим храмом в это же время имел двор и, вероятно, был прихожанином этого храма предок А. С. Пушкина — стольник Петр Иванович Пушкин (см.: Морозов Б.Н. Находки в архивах москвичей XVII в. // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 79).

Церковь Косьмы и Доминана в Шубине.
Фото Б.Н. Морозова, 2020 г.

крылос» (всем служащим в церкви). Значит, он был как-то связан и с этим храмом в Столешниковом переулке. Кроме того, традиционно несколько поколений Михалковых были связаны с одним из храмов города Романова, поэтому 4 рубля предназначались «отцу духовному на Романове Григорью». Также **Д. В. Михалков** приказывает передать 3 рубля «своему попу ... на весь крылос» — вероятно, в одном из его романовских поместий уже был храм или это была небольшая домовая церковь в его усадьбе.

О том, что русский человек XVI–XVII вв. заботился о своей душе, хорошо известно. Мы неоднократно упоминали о значительных вкладах Михалковых в их родовой Троице-Сергиев монастырь. Строительство же храма (о котором говорится в начале завещания) на средства от продажи единственной вотчины было, конечно, редким явлением. Здесь, безусловно, сыграли роль семейные обстоятельства **Д. В. Михалкова**.

Как уже упоминалось, в конце лета 1670 г. Дмитрий Васильевич женился на Маремьяне Ивановне Стениной. Стенины — соседи Михалковых по поместью — провинциальные романовские дворяне, никогда не служившие в Москве и не входившие в Государев двор. Приданое за невестой Дмитрий Васильевич получил небольшое. На момент написания **Д. В. Михалковым** завещания он был женат несколько лет, но детей у четы Михалковых не было (два сына у него родились только в конце жизни). У его же брата

Исайи Васильевича Михалкова был сын, и Дмитрий Васильевич завещает брату (а не жене) часть совместного владения вотчины в Рязском уезде (правда, выведя из нее крестьян на продажу вместе с рязанской вотчиной). Жене он завещает только деньги: *«вотчинными деньгами, что останетца у церковного строения и у долгов, жене моей Маремьяне век жить, и душу мою помянуть, и людей кабальных (холопов), которых можно, после меня отпустить на волю»*.

Но, конечно, вдова в случае гибели в походе мужа могла жить не одними *«деньгами, что останетца»*. У Маремьяны Михалковой оставалась ее приданная земля (правда, небольшая), а кроме того, было общее правило, что бездетной вдове служилого человека государство должно выделить из поместья мужа так называемое *«прожиточное поместье»*.

От женитьбы **Д. В. Михалкова** сохранились два традиционных документа, которые являются интересными источниками по частной юридической и бытовой истории второй половины XVII в. Первый документ — «сговорная» (или «рядная») запись от 26 июля 1670 г. — от имени матери невесты Варвары Стениной, вдовы романовского помещика Ивана Зиновьевича Стенина, и братьев невесты Михаила и Ивана Ивановичей Стениных. Они обязались («сговорили», «порядилсь») выдать замуж за стольника **Дмитрия Васильевича Михалкова** свою дочь и сестру до 15 сентября 1670 г. и обеспечить ее указанным в рядной записи приданным. В противном случае, они должны были выплатить жениху очень большую неустойку — 600 рублей²¹.

Второй свадебный документ, дополнявший первый, датирован 20 августа 1670 г. Его также можно назвать «сговорной» (или «данной») записью. Она касалась только передачи **Д. В. Михалкову** главного земельного приданого: *«поместной ...пустоши Ступино, Ступишино Большое тож, 15 четвертей с осминою в поле, а в дву потому же, с лесом, и санными покосы, и со всеми угодьями»*²². В ней отразились особые обстоятельства — Дмитрий Васильевич получил весть о походе против Разина. Срок свадьбы был перенесен на 21 августа 1670 г. То есть данный документ был составлен буквально накануне. Между тем передача пустоши, которая являлась частью поместья Стениных, оформлялась челобитной в уездную приказную избу, а уже оттуда дело отправлялось в московский Поместный приказ. Для этого требовалось время, до свадьбы и сборов Дмитрия Васильевича в поход процедура не могла быть закончена. Поэтому в данной записи, для гарантии получения женихом этого главного приданого, Стенины дают обязательство: *«мне, вдове Варваре, и нам, Михаилу да Ивану, дать ему Дмитрию за сестрою своею вместо тое пустоши на приданое восемьсот рублей денег»*. Это огромные деньги для рядовых помещиков, во много раз превышающие стоимость данной земли.

Кроме земли в приданое невесте давали дворовых людей (холопов) — *«парня Гришку Солуянова, да к ларцу (смотреть за ее ве-*

21 Из Архива Михалковых. XI/1.

22 Там же. XI/2.

щами) *девку Федорку Иванову дочь*». Их владение **Д. В. Михалковым** оформлялось еще одним специальным документом — «данной» записью (не сохранилась).

Интересно детальное описание вещей из приданого Маремьяны Ивановны Стениной в первой сговорной (рядной) записи от 26 июля 1670 г.

Особой частью приданого были семейные иконы, которыми благословили невесту мать и братья. Три из них — *«Образ Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да образ Иованна Преттечи на одной дцке» (доске)... да Образ Пречистые Богородицы Въведения, да Образ Пречистые Богородицы Казанския* были *«обложены серебром и позлачены»*. Четвертая икона была ее личная: *«Образ Чудотворца Тихона да мученицы Христовы Маремьяны на одной дцке на празелени»*.

Далее следует описание украшений и верхней одежды Маремьяны, часть которой также содержала драгоценные украшения:

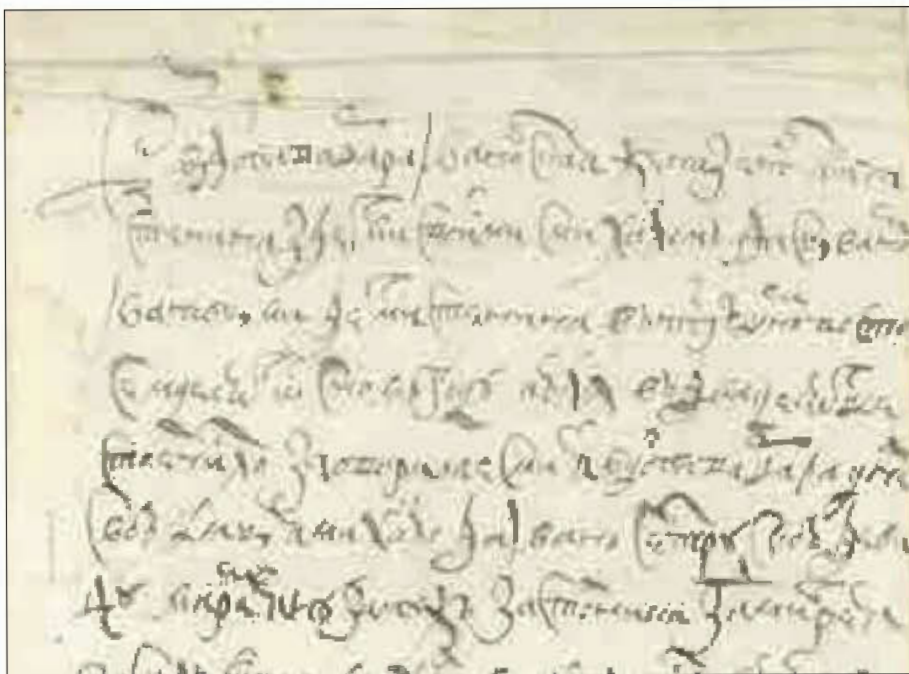
«Шапка низаная жемчужная, подух (подкладка) прямой бобровой; ожерелье жемчужное; манисто с крестами; чепочка серебряная, на ней 7 крестов позолочены; четверы серьги... четвертые двойчатки с жемчугами; да 15 перстней. Да платье — шуба камчатая (шелковая) черчатая (красная) на белках, пуговицы серебряные позолочены, кружево золотное; да шуба тавтяная жаркой цвет на белках же, пуговицы серебряныя, кружево серебряное; охабень дорогилной (шелковый) черчатой, пуговицы серебряныя с кружевом; шуба киндяшная (из хлопковой ткани) лазоревая на заецах; другая шуба киндяшная осинового цвет на заецах; да два охабня киндячных».

В Древней Руси дорогие шубы были важным символом богатства и престижа. Небогатые помещики Стенины постарались и приготовили для дочери четыре шубы (две — с украшениями) и три охабня (верхняя длиннополая одежда из сукна или шелка) — один с серебряными пуговицами.

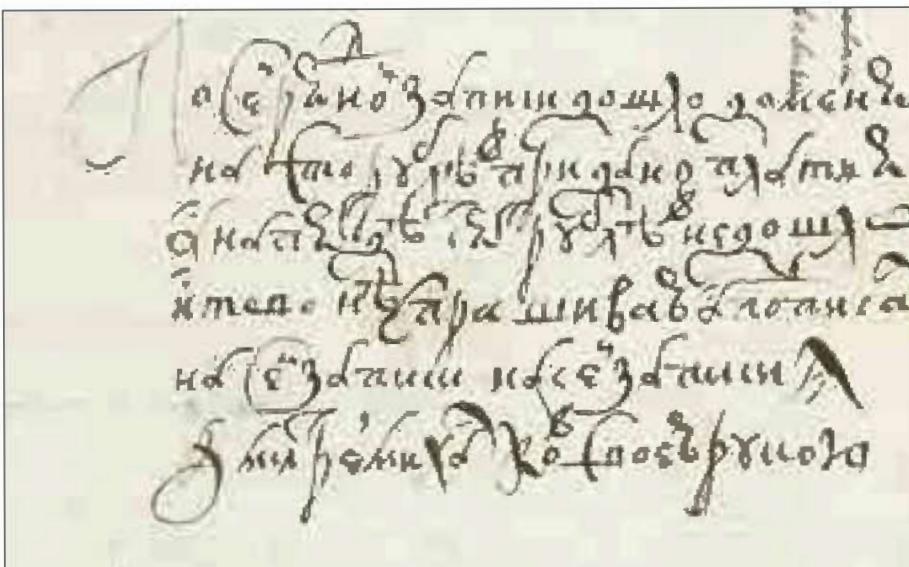
Но с этими вещами произошла не очень приятная история. На обороте этой «сговорной» записи написано: *«По сей рядной записи дошло до меня на 100 рублей придано[го] платья, а на 50 рублей не дошло, и тово не спрашиваю, а подписал на сей записи я, Дмитрий Михалков, своею рукою»*. То есть треть приданого по каким-то причинам не была собрана и передана жениху. Возможно, недостающее обещали передать после возвращения Дмитрия Васильевича из похода. Или он, записывая фразу *«и того не спрашиваю»*, не хотел обременять новых родственников, полагая, что ему, царскому стольнику, непозволительно позорить молодую невесту упреком в недостаточности приданого.

Эта запись **Д. В. Михалкова**, равно как и собственноручно написанное им завещание, говорит о довольно высоком уровне его грамотности. Читать (сначала Букварь, затем Псалтырь) учили всех детей служилого сословия, но далеко не все из них умели

1670 г. июля 26. Сговорная (рядная) запись Стениных о женитьбе Дмитрия Васильевича Михалкова на Маремьяне Ивановне Стениной, с перечнем ее приданого. РНБ. Ф. 546. № 21. Л. 1 — начало.

Запись Д. В. Михалкова на л. 4 об. сговорной о получении части приданого.

писать даже свое имя. Так, к этим двум сговорным записям «приложил руку» (написал свое имя) только один брат невесты — Иван Стенин, а вместо старшего брата Михаила и их матери Варвары Стениной расписался их духовный отец — «никольский поп Григорий Гаврилов».

В родовом архиве **Михалковых** сохранилось немало автографов Дмитрия Васильевича — текстов, написанных его рукой²³. Как и в других частных архивах помещиков XVII в., в основном это черновики и копии деловых и хозяйственных документов, касающихся землевладения. Для его увеличения (даже для получения причитавшегося по закону поместья) требовались значительные усилия, возникали частые споры и многолетние судебные тяжбы. Умение писать было насущно необходимо.

В случае **Д. В. Михалкова** со дня свадьбы в 1670 г. и практически до его смерти в 1684 г. длился процесс вокруг пустоши

Девушка XVII в. в охабне (опашне).
С картины 1896 г. А.П. Рябушкина.

Графиня Е.В. Мусина-Пушкина в стилизованном охабне XVII в. и жемчужной шапке. Бал в Зимнем дворце 1903 г.

Ступино Большое Романовского уезда. Чтобы добиться размежевания с соседями, стольниками князьями А. Д. Щербатовым и И. Г. Несвицким, **Д. В. Михалков** много лет вел дело в московском Поместном приказе, выписку из которого он также собственноручно скопировал²⁴. Какие-то проблемы были и с южными имениями. В 1676 г. он получил грамоту о размежевании его тогда еще поместной земли — сельца Высокое Пехлецкого стана Ряжского уезда — с соседями, помещиками и вотчинниками. Примечательно, что на обороте списка этой грамоты Дмитрий Васильевич писал черновик челобитной на имя царя Федора Алексеевича — также о размежевании его вотчины (жребия села Перкино Рязанского уезда) с землей окольничего М. Б. Милославского²⁵. В 1678 г. половина Ряжского поместья **Д. В. Михалкова** — сельца Высокое — была пожалована царем Федором Алексеевичем ему в вотчину за воинские заслуги (очевидно, за участие в походе 1673 г.). В настоящее время эта царская пожалованная грамота находится в ОПИ ГИМ (Ф. 388. № 100).

Она сохранялась в усадьбе Петровское и была включена в «Опись бумагам Петровского архива», составленную Владимиром Сергеевичем Михалковым в 1844 г.²⁶.

Пытался Дмитрий Васильевич получить и новые поместья, положенные ему по чину *стольника*. Еще при царе Алексее Михайловиче он просил дать ему за службу из «опальных поместий

²³ К сожалению, выявить их все довольно сложно. Дело в том, что достигший весьма значительного размера уже в XVIII в. архив Михалковых — владельцев села Петровского — включал части архивов XVII в. и их родственников по женским линиям и предков этих родственников: Коковинских, князей Ухтомских, Кузьминых, Языковых, Тихменевых и др. Сейчас этот архив разделен по разным хранилищам (РНБ, ГИМ, РГАЛИ, Архив СПб Института истории РАН), и документы разных владельцев, таким образом, перемешаны. В черновых записях не всегда фигурирует имя их автора, и по современным описям нельзя понять, какой фамилии они принадлежат.

²⁴ ГИМ. Отдел письменных источников. Фонд 401 (архив В. С. Михалкова). № 3/90, 4/91.

²⁵ Там же. № 10/98.

²⁶ Там же. № 62. Л. 7.

Никиты Зюзина»²⁷ село Гридино Нижегородского уезда. В челобитной он пишет, что, обладая наивысшим земельным окладом в 1000 четвертей, он владеет только 188 четвертями — «не дошло 802 чети». Примечательно, что в этой челобитной он упоминает и знатного родственника — постельничего **Константина Ивановича Михалкова**, от которого к нему, хотя и дальнему родственнику, но старшему в роде, перешла небольшая рязанская вотчина²⁸. Эта его просьба не была удовлетворена. Позднее **Д. В. Михалков** снова просил дать ему земли из «выморочных поместей» (служилый человек сам должен был искать себе землю) за «Троицкий поход» (участие в одной из царских поездок в Троице-Сергиев монастырь) и осенний поход 1682 г. во время событий Хованщины (о его письме из этого похода рассказ далее). Была ли получена им эта награда, неизвестно — через год после похода 1682 г. Дмитрий Васильевич скончался.

Любопытным образцом особой хозяйственной документации является собственноручно составленное Дмитрием Васильевичем описание его пахотных полей с указанием их размеров.

Как известно, служилые люди не платили налоги — в отличие от торговых, посадских людей и черносошных (государственных) крестьян, налоги с которых и шли на жалованье служилым людям (правда, помещикам платили его нерегулярно, обычно при сборах в поход). Однако вотчинные и помещичьи крестьяне (а с конца XVII в. — и холопы) также облагались налогами, за которые отвечал их хозяин, но гораздо меньшими, чем свободные люди. Важными документами, сохранявшимися в частных архивах XVII в., были «отписи» (квитанции) об уплате этих налогов (в последующую эпоху они уже были не нужны). В архиве **Д. В. Михалкова** сохранилось только две отписи об особых сборах. Первая — о сдаче «стрелецкого хлеба» с рязанской вотчины (трети села Перкина) за 1679 г. (тогда этой третью он владел вместе с братом Исайей, с которым вместе и заплатил этот сбор не зерном, а деньгами)²⁹.

Другая отпись, вероятно, является одним из последних сохранившихся документов **Д. В. Михалкова**³⁰. Она датирована 10 августа 1683 г. (1 января 1684 г. он скончался). Причина этого экстраординарного сбора «прогонных денег», да еще на весьма значительную сумму — 5 рублей 2 алтына, до конца непонятна. Эту отпись удостоверил своею печатью **романовский воевода Исая Васильевич Михалков** — брат Дмитрия Васильевича. К сожалению, этой печати мы не можем видеть, потому что отпись сохранилась не в подлиннике, а в «списке» — копии того же времени³¹. Почему же такая большая сумма? В тексте документа упомянуты «неты» — неявки на службу. Может, на крестьян **Д. В. Михалкова** была наложена повинность по перевозке каких-то государственных грузов, а они не смогли ее исполнить?

Проблемы своего хозяйства и тяжелое материальное положение **Д. В. Михалков** описывает в челобитной царю Федору Алексеевичу, которую можно датировать началом весны 1680 г.³² Цель

27 Зюзин Никита Алексеевич, боярин (с 1653 г.), в 1664 г был осужден за интригу с патриархом Никоном, его вотчины и поместья были конфискованы.

28 РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 165. См. с. 289.

29 ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 401. № 18/107.

30 Архив СПб Института истории РАН. Фонд 86 (Михалковы). № 62.

31 Личную печать И. В. Михалкова можно найти в архивах на документах, вышедших из Романовской приказной избы (это была обычная практика использования воеводами, наряду с приказной, своей перстневой печати). Но гербов у дворян тогда еще не было.

32 РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 163.

челобитной немолодого служилого человека — получить освобождение от очередного большого похода русской армии на Украину. Дмитрий Васильевич максимально сгущает краски (этого требовал и этикет подобный прошений), рисуя свое полное разорение (хотя ряд объективных причин для этого был, все же «великой бедности» не было). В первой части челобитной Дмитрий Васильевич подчеркивает, что начал служить еще при деде нынешнего государя — царе Михаиле Федоровиче — и служит «многие годы, тридцать лет, три годы». Далее он описывает свое участие в военных походах последних двух десятилетий (начиная с битвы под Конотопом) схожими фразами с челобитной 1681 г., рассмотренной выше:

«Да в Севской службе я, холоп твой, бедной и малопомесной одолжал великими долги и обеднял великою бедностью.

Да у меня ж, холопа твоего, у крестьянишек моих в прошлом, государь, во 183-м (1674/1675) году изволением Божиим в Романовском поместье хлеб оржаной и яровой побил весь без остатку.

Да в прошлом же, государь, во 184-м (1675/1676) году дворишко мой московской на Рождественке згорел весь без остатку, а пожар учинился в ночи.

Да у меня ж, холопа твоего, на одном году другой пожар учинился — твое царское жалованье в Романовском уезде сельцо Семеновское згорело все без остатку.

И что было всякого хлеба в житницах, и всякой служилой рухляди в обеих пожарах все пригорело без остатку и платишка ничего не осталось. Помираю голодную смертью и с людишками пропитатца нечем, тоскаюсь меж двор. И я, холоп твой, бедной от пожарного разорения и долгов и по готову (так!) погиб вконец и разорился без остатку».

В описание действительных несчастий включены, можно сказать, этикетные фразы — «Помираю голодную смертью...» и «Тоскаюсь меж двор». Они встречаются в других подобных челобитных служилых людей, просящих о поместьях. Далее Дмитрий Васильевич объясняет, почему не может собраться в поход:

«А ныне, государь, я, холоп твой, бедной и погорелой написан на твою, государеву, службу в Путимль з боярином и воеводою с князь Васильем Васильевичем Голицыным. И мне, холопу твоему, бедному, и разоренному, и должному, вновь ныне на себя платишка служивова и на людишек и всякой служивой рухляди завести нечим. И собратца мне, холопу твоему, на твою, великого государя, службу в Путимль невмочь. Потому, государь, что я, холоп твой, разорился з домишком своим и погиб вконец без остатку. И старова долгу заплатить нечем, не токмо нового занять».

Здесь он также преувеличил и, можно даже сказать, отчасти схитрил. Ведь после этих несчастий 1674–1676 гг. прошло три года, и он смог собраться в Чигиринский поход 1678 г., о котором в этой челобитной даже не упоминается. Также в завещании,

написанном перед Чигиринским походом, его имения вовсе не кажутся разоренными и запустевшими. Правда, в завещании совсем не упоминается московский двор, сгоревший в 1675/1676 г., но, как будет видно из писем Дмитрия Васильевича к жене 1680 г., двор продолжал функционировать. Кроме того, в случае удовлетворения его просьбы об освобождении от этого похода **Д. В. Михалков** обязался компенсировать свое отсутствие (как было тогда принято) «поворотными деньгами» или посылкой «даточного человека».

Возможно, реальной причиной, по которой **Д. В. Михалков** писал челобитную о трудности сборов в поход, было плохое здоровье — тяжелая рана, полученная в 1659 г. в Конотопском бою, могла напоминать о себе и через 20 лет. Сохранился черновик еще одной его челобитной, написанный, вероятно, перед предыдущим походом 1678 г. Там он прямо просил об отставке, ссылаясь на раны и недуги³³.

Можно предположить, что отказываться от дальних военных походов Дмитрий Васильевич мог по просьбам жены Маремьяны Ивановны. Они были женаты уже несколько лет, но детей еще не было. Естественно, Дмитрий Васильевич, как старший в роду Михалковых, думал о потомстве, надеялся, что его род продолжится...

Мы не знаем, каким был ответ московского Разрядного приказа на эти прошения об отставке³⁴ 1678 и 1680 гг., но в походах тогда **Д. В. Михалков** все-таки был. Видимо, служебный долг для него был превыше всего. Примечательно, что вернувшись из похода на Украину в 1681 г., **Д. В. Михалков** на особом смотре членов Государева двора выразил готовность служить и далее:

«189 (1681) году сказал стольник Дмитрий Васильев сын Михалков: Буду я на службе великого государя — сам я на коне, да сабля, да па[ра] пистолей. А люди за мною — против прежне[й] скаски. А мне против прежние скаски при[бавить] нечево. То моя и скаска»³⁵.

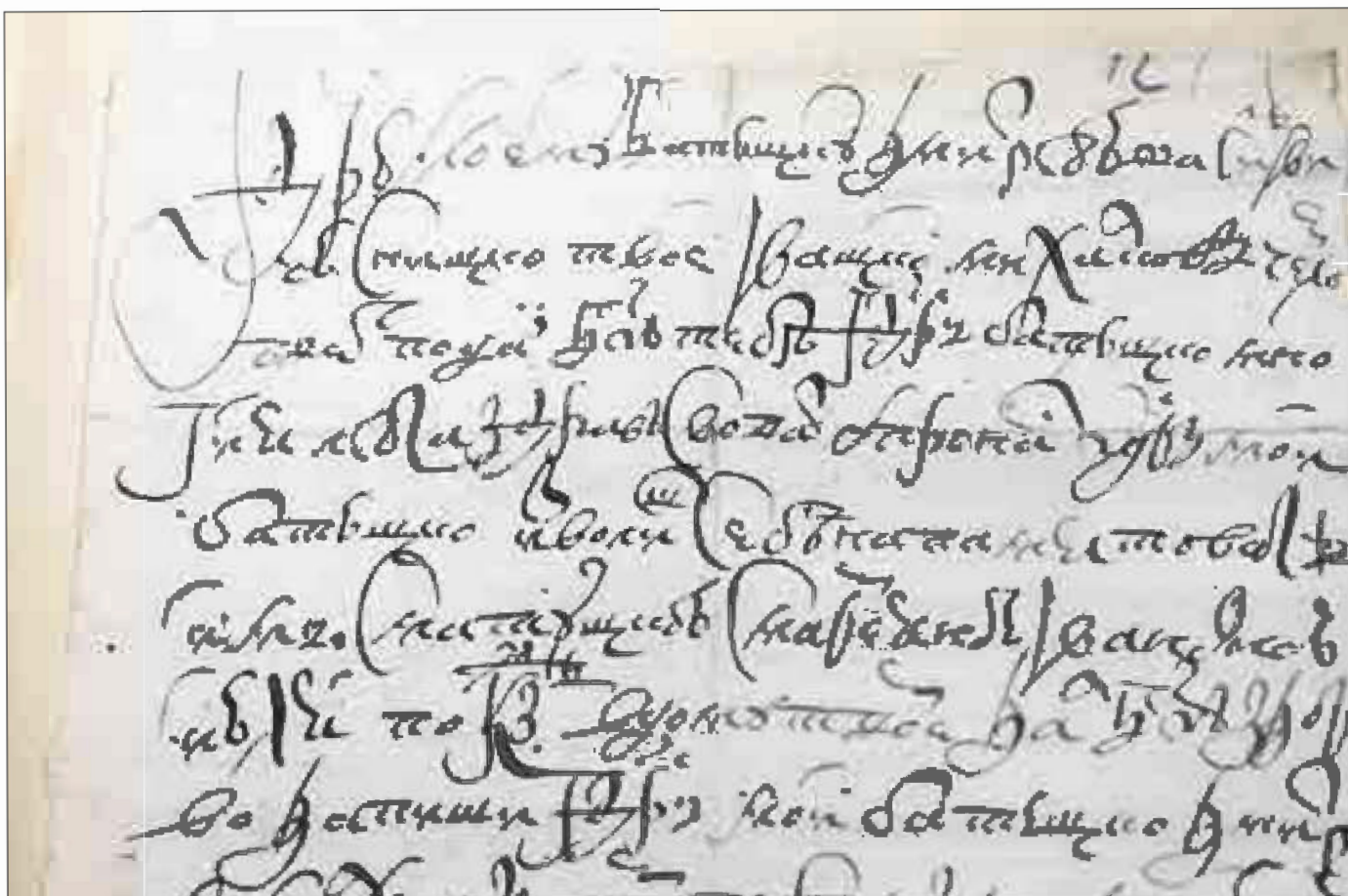
Дмитрий Васильевич находился в это время в особом приподнятом душевном состоянии — в этом походе не было сражений, он вернулся невредим. А главное — сбылись их с женой молитвы — у них родился сын **Прокофий Дмитриевич Михалков** (вероятно осенью 1681 г.). Мы узнаем об этом из письма Дмитрия Васильевича жене из Москвы 25 ноября 1681 г.

Но более раннее письмо — «грамотка» от жены **Д. В. Михалкова — Маремьяны Ивановны** (вероятно 1670-х гг.) говорит, что у них уже рождался сын — **Иван Дмитриевич Михалков**, очевидно, умерший в младенческом возрасте, поскольку не указан в родословиях, составлявшихся самим Дмитрием Васильевичем (см. с. 27). Однако, по некоей традиции, характерной для этой семьи, письмо это написано от имени сына (так же **Д. В. Михалков** будет обращаться к новорожденному сыну Прокофию — см. далее). Это единственное письмо Маремьяны Ивановны Михалковой мужу:

³³ РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 164.

³⁴ В XVII в. форма полного освобождения от службы была не совсем определенной — знать и придворные чины, к которым относился стольник **Д. В. Михалков**, числились в Боярских книгах и Боярских списках пожизненно, но там могли отмечать их тяжкие болезни, например — «слеп». Исключались из списков только постриженные в монастырь. Давали полное освобождение от службы провинциальным дворянам, если они были старые или сильно увечные.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 39.

Государю моему батюшку Дмитрию Васильевичу, сынишко твой, Ивашко Михалков, челом бьет. Подай Бог тебе, государь батюшко, многие лета здравствовать. А про нас, государь мой батюшко, изволишь себе напечатать, и мы с матушкой Маремьяной Ивановною июля по 27 день в дому твоём дал Бог здорово. Да отпиши, государь мой батюшко, Дмитрий Васильевич, к нам про свое здоровье. И нам бы, слыша о твоём здоровье, всегда рады (так!).

Да пиши ты, батюшко, к нам, что о грамоте межевой на челобитной помечено. И будет великий государь тебя пожалует, с тою межевою грамотою приедь к нам сам. А без тебя, государь батюшко, нам здесь учинить ничево невозможно. А приказал ты, государь батюшко, крестьяном ходить на сторожу, и отнять, государь, крестьяне не ходят на сторожу. А нам, государь батюшко, без тебя ходить опасно. А яровой хлеб обмочен (обмолочен?). А на Ступине, государь батюшко, покосили насильством по-прежнему, захватили против старого. И ты, государь мой батюшко, промышляй да грамоту бери, а они смеются да косят! А по сем тебе, государь батюшко Дмитрей Васильевич, челом бью.

На об. адрес: Отдать сее грамотка на Москве на Рожественъке в Кисельном переулке на дворе у Дмитрея Васильевича Михалкова. Ниже помета Д. В. Михалкова (?) в обратном расположении по отношению к адресу: Дело с Несвицким и Щербатовым.

1670-е гг. Письмо М.И Михалковой из романовского поместья мужу Д.В. Михалкову в Москву от имени их малолетнего сына Ивана. ГИМ ОПИ. Ф. 401 (В. С. Михалков). № 116. Л. 12 (начало).

36 *Московская деловая и бытовая письменность XVII века* (МДБП). М., 1968. С. 38–43.

37 Интересно, отметить, что все эти письма — грамотки XVII в. и одно, сходное по форме, письмо 1740 г. были специально оформлены в середине XIX в. В. С. Михалковым в своеобразный альбом — наклеены на листы бумаги, уже переплетенной в картон с кожаным корешком, с тисненым золотом орнаментом и надписью: «Михалкова. 1». (ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 116). Текст письма 1740 г. был переписан на л. 16 об. А на л. 18 об. тем же В. С. Михалковым была написана таблица «Родословие Рода Михалковых» от Марка Демидова до Владимира Сергеевича. Причем, им было решено противоречие родословных XVII в. (см. с. 94) — прозвище общего предка Михалковых XIX в. (соответственно и XXI в.) Ивана Меньшого Дмитриевича сначала было написано как прозвище его старшего брата — «Иван Шелпак», но затем исправлено на «Иван Ивашка».

38 Племянник Д. В. Михалкова — сын его младшего брата И. А. Михалкова Александр Исаевич Михалков (ум. 1711) — получил чин стряпчего в следующем 1681/1682 г. Вероятно, это был его первый военный поход.

39 Чоглоковы: Михаил Феоктистович — двоюродный брат Д. В. Михалкова, а Андрей Сергеевич — его троюродный брат (о родстве с Чоглоковыми см.: «Михалковы в Смутное время и в управлении страной при первом Романове». С. 154 и 155).

40 Вероятно, провинциальный помещик. Возможно, его сын — Василий Борисович Островский — стал в 1680/1681 г. дворянином московским (Иванов. Алфавитный указатель. С. 309).

Основное содержание данной «грамотки» — проблема со спорной с соседями пустоши Ступино (см. об споре выше). Марьяна Ивановна просит мужа скорее взять в Поместном приказе царскую грамоту, приехать и провести размежевание земли. Соседские крестьяне «смеются да косят» луга этой пустоши, считая их своими.

Сохранившиеся 7 «грамоток» Д. В. Михалкова — в основном его письма жене за 1680–1682 гг. — ценнейшие источники русского быта и русского разговорного языка XVII в. Люди этого времени писали частные письма тем языком, которым и разговаривали. Письма Д. В. Михалкова были опубликованы московскими лингвистами в 1968 г., но не были датированы и изучались только в аспекте истории языка³⁶. Не было отмечено, наличие в этом комплексе еще 9 писем других лиц XVII в. (они безусловно нуждаются в особой научной публикации)³⁷. Филологи не ставили задачи комментировать исторические реалии, отразившиеся в этих письмах. Форма публикации стремилась передать скорописное написание (все они написаны рукой Д. В. Михалкова) — сохранялись все старинные славянские буквы (отмененные реформой Петра I), сокращенные слова не раскрывались. Текст не был разделен на предложения и абзацы.

Конечно, «грамотки» Дмитрия Васильевича Михалкова нуждались в публикации по правилам издания исторических документов XVII в. и с соответствующими комментариями. Только теперь, после изучения его биографии, становятся понятны те нюансы его переписки, которые, как и в современные письма, зачастую понятны только адресату.

Вот как, нам представляется, должна выглядеть историческая публикация первого письма Д. В. Михалкова жене, написанного в первые недели его похода на Украину:

[1680 г.] мая 25. Письмо стольника Дмитрия Васильевича Михалкова жене Маремьяне Ивановне Михалковой из армии в Севске в Москву.

«От Дмитрея Васильевича жене моей Маремьяне Ивановне.

Пиши ко мне о своем здравье, как тебя Бог милует, и чтоб мне, о твоём здравье слыша, радостну быти. А я на государеве цареве и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца службе в Севеску, в полку боярина и воеводы князь Василья Васильевича Голицына мая в 25 день до воли Божии жив и дал Бог здорово, а впредь Бог волен.

А приехал я на государеву службу в Севеск з боярином и воеводою князь Васильем Васильевичем Голицыным вместе до сроку, за два дни Николина дни мая 8 число поутру, того же числа и в приезде имя свое записал. А Олександрюшко³⁸ до моего приезде приехал за два дни, а братья мои, Михайло да Ондрей Чоглоковы³⁹, приехали после первого сроку к другому сроку. На одном дворе с Олександрюшком и стою, с ним, да з братом Ондреем Чоглоковым, да с Борисом Островским⁴⁰, в одном стону (стане) и денничаем. А люди наши, и лошади, и телеги к нам пришли, дал

Бог здорово, маяя в 23 день, и посылку твою ко мне всю по грамотке и по росписи привезли. А наперед сее грамотки, до телег, послал я к тебе, Маремьянушка, грамотку с Олександрушковою грамоткою, вместе зашита. И ты спросить вели у брата Исяя на дворе, а иных грамоток вели спрашивать на дворе дьяка Бориса Корелкина⁴¹.

Да вели к себе пригнать бораны из вотчины Резанские — пять боранов, кроме Митрошки и Микитки. А из Рясские вотчины оброшних с недоборными Игнатовыми — сорок боранов // (л. 4 об.). Да с них же Рясских взять — тегловых боранов по прежнему окладу, сколько доведетьца, масла коровья пуд триста, шезтьдесят яиц. С Резанских — масла коровья полпуда, сто двадцеть яиц, с Левкиными недоборными. С Рязских взять с телегою ходока, а другова с них же взять ходока за боранами, а третьево человека в ходоки взять за боранами из Резанские вотчины. А велеть пригнать бораны до Успенъева дни за две недели, и с телегою ходока отпустить в вотчину. А пешим ходокам бораны кормить на Москве за городом до отпуску, покаместь им будет перемена. А в грамотке к ним отписать о ходоках подлинно для подмоги. А будет в Перкине⁴² овес продан, и пустошь, и сенные покосы отданы в наем, вели к себе прислать деньги хлебные, и пустошные, и луговые, и пустошёные ступинские⁴³ вели к себе прислать. Да людей у тебя мало на Москве, вели к себе людей прислать из деревни.

О сем, Маремьяна Ивановна, многолетно здравъсвтуй».

Адрес на л. 4 об. (было сложено конвертом):

«От Дмитрея Васильевича жене моей Маремъяне Ивановне».

ГИМ ОПИ. Ф. 401 (В. С. Михалков). № 116. Л. 4–4 об.;

Опубликовано: МДБП. С. 38–39.

Это письмо **Дмитрия Васильевича Михалкова** жене (как и другие его письма к ней) примечательно в нескольких отношениях. Вначале идут обычные для XVII в. этикетные приветствия и просьбы писать о здоровье (возможно, фраза *«штоб мне, о твоём здаровье слыша, радостну быти»* характерна именно для Дмитрия Васильевича). Далее следует сообщение, что жив такого-то числа *«до воли Божию»* на «государеве службе» (может быть, несколько пафосно для частного письма звучит полный царский титул). Но далее служилый человек сообщает жене подробности, казалось бы, важные скорее для его сослуживцев и начальников: что он приехал в армию утром, за два дня до назначенного срока, и успел записать свое имя в полковой канцелярии, а его племянник приехал раньше, родственники же Чоглоковы успели уже к другому сроку.

В семье **Дмитрия Васильевича Михалкова** жена играла огромную роль — от нее зависело обеспечение его всем необходимым в походе и на службе в Москве, да и, фактически, управление всем хозяйством Михалковых. Ясно, что никакого другого

⁴¹ Корелкин Борис Степанович, в 1680/1681 г. дьяк Судного приказа (Веселовский. Дьяки и подьячие. С. 261).

⁴² Перкино — село Рязанского уезда, треть которого была вотчиной Д. В. Михалкова.

⁴³ Деньги с пустоши Ступино Большое — приданого М. И. Михалковой.

управляющего (в отличие от таких же, как он, стольников, но более крупных землевладельцев) у него не было. Были доверенные дворовые люди (холопы), которым могло поручаться даже оформление земельных документов, денежные операции. Но сельские работы в вотчинах и поместьях в отсутствие мужа контролировала Маремьяна Ивановна (может, на первых порах ей помогали родственники, но это не было принято). В начале своего письма Дмитрий Васильевич сообщает о получении от жены «посылки» с разными припасами и вещами, которые она переписала в специальной «рописи» (все это доставили в армию их люди на телегах, а также пригнали лошадей). Он также сообщает, что еще до отправки данной «грамотки» уже была оказия у его племянника, и предыдущую его «грамотку» жена может получить на московском дворе у брата. Вся переписка происходит в течение первых недель нахождения **Д. В. Михалкова** в походе.

Вторая часть «грамотки» от 25 мая 1680 г. является подробной инструкцией Дмитрия Васильевича жене по хозяйству. Речь идет о доставке из южных вотчин баранов и продуктов в Москву (где в данный момент находится Маремьяна Ивановна) и о получении денег с вотчин и с романовского поместья. В конце письма муж предлагает ей для помощи в московском хозяйстве и, вероятно, для дальнейших посылок в армию, взять крестьян из деревни.

В следующем письме, написанном через месяц, Дмитрий Васильевич вначале просит жену писать ему, *«што в деревнях у нас деетца»*. Маремьяна Ивановна в это время как раз находится в одном из имений (как ясно из следующих писем, в романовском поместье сельце Семеновском). Далее он пишет, что получил от нее только две «грамотки» — одну с «посылкой», а другую через месяц. Сам же Дмитрий Васильевич послал за это время пять писем, в которых были, очевидно, и распоряжения по хозяйству, и какие-то подробности его похода (из Севска армия выступила к Путивлю и заняла позицию по реке Сейм). Жаль, что они до нас не дошли. В данной «грамотке» указан адрес московского двора **Д. В. Михалкова** на Рождественке, оттуда письмо отвезли в поместье.

[1680 г.] июня 30. Письмо стольника Дмитрия Васильевича Михалкова жене Маремьяне Ивановне Михалковой из армии на реке Сейме за Путивлем в Москву, для дальнейшей пересылки ей в поместье.

«От Дмитрея Васильевича жене моей Маремьяне Ивановне. Подай Бог тебе много лет здравствовать, неисчетные лета.

Да пиши ко мне о своем здоровье, как тебя Бог милует, и штоб мне, слыша о твоём здоровье, радосну быть. И што в деревнях у нас деетца, и каков хлеб, орженой и яровой в поле в поместье и в вотчинах, и о всем отпиши ко мне подлинно. А я на службе великого государя за Путимлем городом, на реке на Семе (так!), в полку боярина и воеводы князя Василья Василье-

веча Голицына июня в 30 день да воли Божьи жив, а впредь Бог волен.

А грамоток от тебя ко мне пришло — одна грамотка пришла с людьми, как приехали ко мне с телегами, а другая пришла июня в 20 день. А я к тебе послал из Севеска, да з дороги к Путимлю едучи, три грамотки, да з Бориском Соболевым послал к тебе две грамотки. Все ли до тебя дошли? А в тех грамотках, Маремьянушка, к тебе о всем писано. А я на службу великого государя в Севеск, в полк боярину и воеводе князю Василью Васильевичу Голицыну до срока первого за два дни приехал.

О сем, Маремьяна Ивановна, многолетно здравствуй».

Адрес на л. 5 об. (было сложено конвертом):

«Отдать грамотка на Москве, на Рожественке в приходе у Николы Божедомского, на дворе стольника Дмитрия Васильевича Михалкова, человеку ево Бориску или Петрушке Соболевым».

ГИМ ОПИ. Ф. 401 (В.С. Михалков). № 116. Л. 5–5 об.;

Опубликовано: МДБП. С. 39.

Наиболее примечательное из писем **Д. В. Михалкова** — его письмо жене из Москвы, написанное поздней осенью 1681 г., уже после возвращения из похода. В нем нежная забота о новорожденном сыне перемежается с заботами о хозяйстве и быте.

[1681] г. ноября 25. Письмо стольника Дмитрия Васильевича Михалкова жене Маремьяне Ивановне Михалковой из Москвы в Романовское поместье.

«От Дмитрея Васильевича жене моей Маремьяне Ивановне.

Я на Москве ноября в 25 день да воли Божьи жив, а впредь Бог волен. А ты, Маремьянушка, пиши ко мне о своем здоровье и о Прокофьеве здоровье Дмитриевича, как вас Бог милует.

Да вели вино сидеть неоплошно, не мешкав. Да писано к тебе, Маремьянушка, про пиво, сварив катлом, велел я привести. И будет мошно ево уберечь от морозов, а будет немошно убереч, ино то пиво отставить, к нам не возить. Ино больши (в рук. — «боши») солоду яшнова привести, и на Москве пиво сварят.

Да береги неоплошно, Маремьянушка, Прокофьюшка дома у себя и в дороге, как поедешь к Москве. И Онтониде прикажи ево беречь неоплошно. Не ознобите ево, крошиньки маленькой, в дороге.

А Демид Тарбеев⁴⁴ хотел мне на Москве займы денег дать три рубли и в тех деньгах солгал, не дал мне займы. А сказал мне — на те деньги купил он покупку и, с Москвы едучи, тое покупку в Братовшине⁴⁵ потерял. А на Москве живучи, сено и дрова покупаю дорогою ценою. А с Москвы в деревню лошадей сослать не сметь, опасаюсь государевых дальних походов. Да сена китного⁴⁶ привести к нам восемь возов, или сколько подвод сойдетца. Да солоду яшнова и орженова на квас привести и муки пшенишной. А в Ряской вотчине пшеница и семя конопляное

⁴⁴ Тарбеев Демид Семенович (ум. 1704), стольник с 1675/1676 г. (Иванов. Алфавитный указатель. С. 404; Захаров А. В. База данных «Боярские списки XVIII в.»).

⁴⁵ Братовщина — село по дороге в Троице-Сергиев монастырь с царским путевым дворцом.

⁴⁶ Кита — выюк сена.

не родилось. А на ситные хлебы и на решотные хлебы муки велел привести из вотчин, из Резанской да из Ряской, мукою и рожью тритцетъ пять четвертей, да овса тритцетъ четвертей. Да привести медведно⁴⁷, и сукно санное, и место санное, и завертѣки ременные больших саней, и ящик круглой кедровой, и в нем (л. 14 об.) положить зерколо мое и чюлки мои. Да люди бьют челом о чюлках — в сапоги обуватьца не с чим. Сапоги мои малы, а переменить нечим, просторных купить не на што, любое покупать и обуца не с чим. Чюлки твои у меня на ногах лехки, иных купить нечим.

А по сем тебе, Маремьянушка, великий поклон. А Прокофьюшку, буди милость Божья и от меня ему благословение, отныне и до веку.

И ключь тово ящика кедроваго не забыть послать».

Адрес на л. 14 об. (было сложено конвертом):

«От Дмитрея Васильевича жене моей Маремьяне Ивановне».

ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 116. Л. 14–14 об.;

Опубликовано: МДБП. С. 39–40.

После обычного приветствия, обращенного к жене, Дмитрий Васильевич спрашивает и о здоровье нового члена семьи — «и о Прокофьеве здоровье Дмитриевича». А в конце письма, после этикетного «великого поклона» жене, следует обращение к сыну с благословением. Но сильные отцовские чувства вдруг проявляются среди хозяйственных распоряжений, когда он пишет, чтобы Маремьяна Ивановна берегла «неоплошно» сына «дома у себя и в дороге, как поедешь к Москве» в зимнее время. И трогательно просит жену: «Не ознобите ево, крошиньки маленькой, в дороге» (очевидно, речь идет о младенце в несколько месяцев).

Хозяйственные распоряжения в этом письме весьма разнообразны. В самом начале письма — о «сидении вина» и варке пива. «Сидеть вино» означало изготавливать крепкий напиток путем перегонки зерновой браги. Трудно сказать, делалось ли это для продажи (для чего требовалась особое разрешение — «явка» изготовленного «вина») или для внутреннего потребления (впрочем, для этого также требовалась «явка»). Далее в письме — о присылке солода для кваса.

Показывает нехватку наличных денег у **Д. В. Михалкова** и рассказанная им в письме жене попытка займа трех рублей у такого же, как и он, стольника, Д. С. Тарбеева. Тот отказал, сказав, что эти деньги он потратил, а «покупку» якобы потерял в селе Братовщина, где стоял царский путевой дворец. Очевидно, Дмитрий Васильевич понимает, что его обманули, но не злится, а лишь смиренно излагает эту историю.

Примечательно также высказанное Дмитрием Васильевичем в этом письме сожаление, что он не может послать необходимых в его деревнях лошадей, так как может быть снова послан в «государевы дальние походы». Значит, несмотря на все проблемы и прежние челобитные, он был готов в них отправиться. После

47 Медведно — шкура медведя.

распоряжений о доставке в Москву хлеба и сена Дмитрий Васильевич переходит к личным нуждам: ему надо оборудовать сани для зимних поездок (для этого нужна медвежья шкура), нужны сапоги и теплые носки — «чюлки».

Следующее сохранившееся письмо Дмитрия Васильевича жене написано почти через год — 12 октября 1682 г. В это время в Москве и ее окрестностях происходили трагические события стрелецкого бунта, известного как Хованщина. Стольник **Д. В. Михалков** принимал в них непосредственное участие и пишет жене, находясь «за великими государи в походе Троецком». Обычная для русских царей ежегодная богомольная поездка в Троице-Сергиев монастырь в честь Дня памяти Сергия Радонежского (25 сентября) превратилась в опасную операцию с тайными маневрами и упреждающими ударами.

Собственно, Хованщиной называется период стрелецкого бунта (начавшегося с погрома и резни в Кремле в мае 1682 г.), когда назначенный Софьей во главе стрельцов, еще недавно верный ей, князь Иван Андреевич Хованский выступил против нее, желая захватить престол. Царской семье (и родичам царя Ивана — Милославским, и царя Петра — Нарышкиным, недавно враждовавшими между собой) нужно было спасать свою жизнь. Софья Алексеевна (опираясь на преданных советников — князя В. В. Голицына и др.) решила тайно покинуть Москву со всем двором. Под видом обычного крестного хода в Донской монастырь 19 августа 1682 г. цари и царевна неожиданно поехали в ближнюю резиденцию Коломенское, а оттуда окольными путями выехали на дорогу в Троице-Сергиев монастырь, на котором стояли царские путевые дворцы. Была объявлена общая мобилизация дворянского ополчения, но первоначально царский поезд (состоящий из ряда карет и возков) сопровождал только отряд стольников. Несомненно, что в составе этого отряда, спасавшего династию, находился и *стольник Дмитрий Васильевич Михалков*.

Князь И. А. Хованский в середине сентября поехал в царское село Воздвиженское близ Троице-Сергиева монастыря для переговоров с царевной Софьей, но был арестован в селе Пушкино, где остановился переночевать, и 17 сентября доставлен к Софье в Воздвиженское. Этот арест решил исход бунта. Вероятно, среди стольников, арестовывавших Хованского, был и опытный воин **Д. В. Михалков**.

Дальнейший ход событий известен — князь Иван Хованский с сыном Андреем были казнены в том же Воздвиженском по приговору бояр, обвинивших Хованских в государственной измене (якобы у них был план захватить трон, женив Андрея на одной из царевен). Царский двор в начале октября переехал в Троице-Сергиев монастырь, к которому уже стекались дворянские отряды. В это время и было написано письмо **Д. В. Михалкова** жене. Деморализованные потерей предводителя князя Хованского, стрельцы принесли повинную, но цари Иван и Петр

Воевода князь И.А. Хованский —
«Generale de Moscoviti».
Европейская гравюра периода Русско-
шведской войны 1656–1658 гг.

Село Пушкино на дороге в Троицу (ныне на старой Ярославке). Здесь были арестованы князья Хованские в 1682 г. Храм Николая Чудотворца, построен патриархом Иоакимом в 1692 г. Открытка нач. XX в. С тех пор вид не изменился.

и царевна Софья оставались в монастыре до начала ноября, после чего в окружении преданных войск торжественно въехали в Москву.

Но Дмитрий Васильевич в своем письме из «Троицкого похода» ничего не пишет об этих бурных событиях, тогда как ранее он сообщал жене даже детали своей службы. Может быть, на него произвела впечатление казнь Хованских? Ведь они были его родственники (это уже отмечалось — см. с. 190, 261) — за братом князя И. А. Хованского боярином князем С. А. Хованским была замужем его дальняя родственница (с. 313–315) — **Ирина Ивановна Михалкова**. Кто знает, как могли повернуться события, если бы царевна Софья вовремя не уехала из Москвы? Ведь ходили слухи, что князь Иван Хованский хотел женить сына князя Андрея именно на царевне Софье Алексеевне. Тогда, отстранив малолетних царей, он действительно мог бы основать новую династию (князья Хованские, как Голицыны и Трубецкие, — потомки великих князей Литовских и родичи королей Речи Посполитой). Княгиня **Ирина Ивановна Хованская-Михалкова** стала бы царской теткой и, наверное, не забыла бы и старшего в роде — своего, возможно, троюродного брата **Дмитрия Васильевича Михалкова**. Но Дмитрий Васильевич остался верен законным правителям (двум мальчикам и девице). Очевидно, не поддерживал брата и князь С. А. Хованский, не пострадавший после его падения (он и раньше особо не стремился к власти, только однажды, в 1675/1676 г., управлял Разбойным приказом).

Основное содержание письма **Д. В. Михалкова** жене, написанного в период «грозных потрясений», — новые хозяйственные распоряжения. Единственная, так сказать, посторонняя новость — рождение сына у двоюродного брата Тимофея Васильевича Чоголова.

Но удивляет форма обращения этого письма. Оно адресовано «сыну моему Прокофью Дмитриевичю». В нем годовалому ребенку предлагается писать отцу о здоровье матери и своем,

Въезд царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича в Кремль в ноябре 1682 г., после преодоления стрельцкого бунта и Хованщины. Миниатюра из лицевой рукописи середины XVIII в. сочинения П. Крекшина «Книга летописец или повествовательная гистория о его величестве Петре Первом».

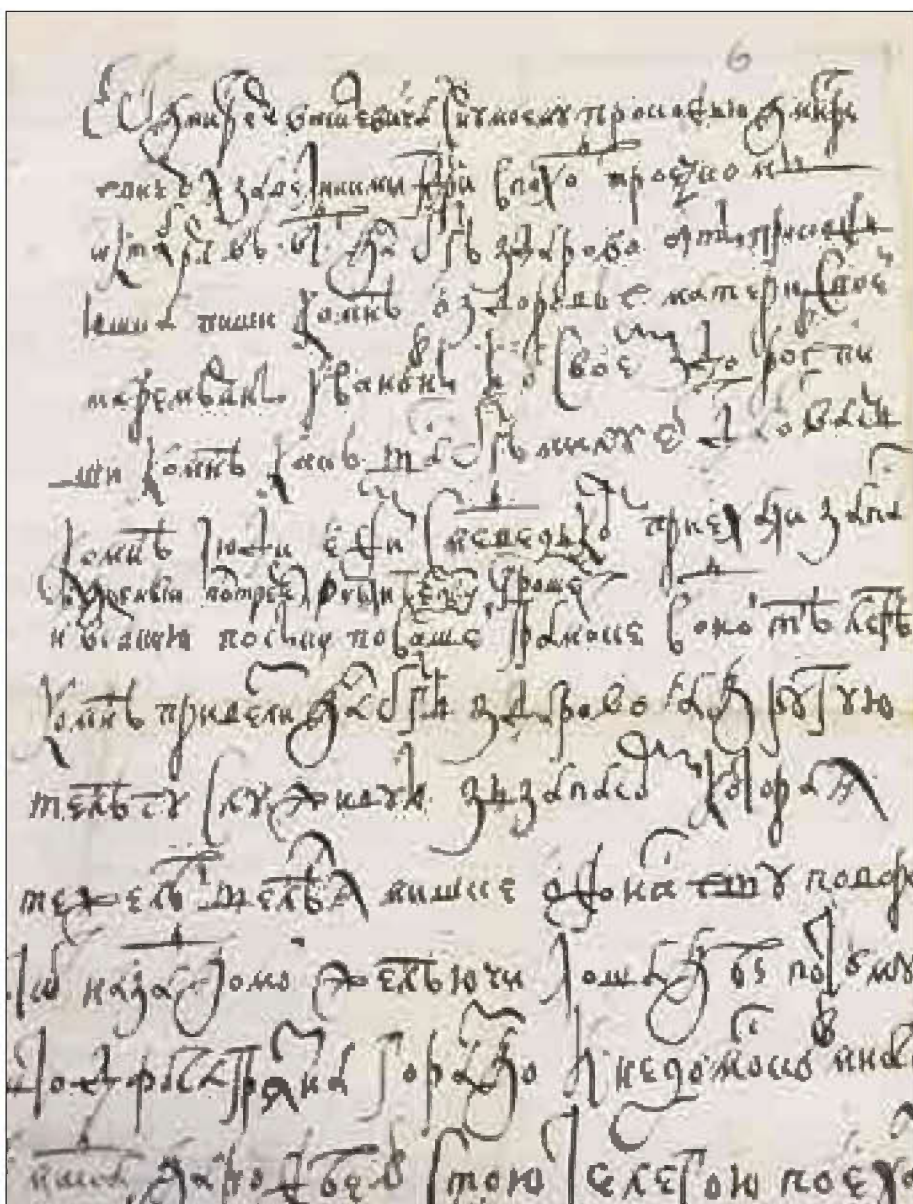
Среди сопровождающих всадников должен быть и Д. В. Михалков (миниатюра создана в древнерусской манере, но в другую эпоху, поэтому на головах всадников и возниц — треуголки и все лица без бород; одеты все в короткие одежды).

На нижнем уровне миниатюры — бочка и бутылки, иллюстрирующие текст о том, что по указу царей был открыт государев винный погреб для слуг придворных, сопровождавших своих господ в этом походе.

а также отдавать распоряжения по хозяйству. Ясно, что это просто некая игра, укрепляющая сознание домочадцев, что родился наследник. Подобные «грамотки» XVII в. известны, но, очевидно, весьма редки.

«От Дмитрея Васильевича сыну моему Прокофью Дмитриевичю.

А я за великими государи в походе Троецком октября в 12 день дал Бог здорово. А ты, Прокофьюшка, пиши ко мне о здо-

[1682 г.] октября 12. Письмо стольника Дмитрия Васильевича Михалкова, обращенное к сыну Прокофию Дмитриевичу Михалкову (сыну не более одного с половиной года, фактически письмо жене – Маремьяне Ивановне Михалковой), из царского Троицкого похода (в период Хованщины) в Романовское поместье сельцо Семеновское. ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 116. Л. 6 (начало).

ровье матери своей, Маремьяны Ивановны, и о своем здоровье пиши ко мне, как вас Бог милует.

Да от вас ко мне люди, Ефим с Медведьком, приехали, запас и деньги, полтретья⁴⁸ рубли без дву грошей, и всякую посылку по вашей грамотке в одной телеге ко мне привезли, дал Бог здорово. А другую телегу служивую з запасом, которая тяжелей, велел я Мишке Офонасьеву поворотить назад домой, желеючи лошадей, потому што дорога грязна гораздо и недомосков⁴⁹ много. И Мидька (так!) Дарофеев с тою телегою поехал в Семеновское. А Ефима Соболева з двумя меринами, которые с ним пришли, отпустил к тебе в Семеновское. А лошади с ним в целости, не осаднены.

Да вели, Пронюшка, молотить неоплошно кресьяном, штоб хлеб всякой во... (оборвано одно-два слова) молотить, покаместь не захватило ненастье. Да вели людем лошадей кормить и беречь неоплошно. Да вели, Пронюшка, солод яшной и орженой готовить неоплошно в сеннице, покаместь стужа не захватила, на вино и на пиво.

⁴⁸ Два с половиной.

⁴⁹ Обычно писали — «недомостков» — незамощенных мест.

*А у Тимофея брата Чоглокова жена родила сына Корнилья⁵⁰.
А по сем тебе, Маремьяна Ивановна, от меня великий поклон,
а тебе, Пронюшка, буди милость Божия и мое благословение
отныне и до веку.*

*А соседи наши рясские, Макарей Хирин и Ерофей да Иван
Трубниковы⁵¹, сказывали (л. 6 об.) мне — в вотчине нашей Рясской
в сельце Высоком хлеб орженной и яровой у нас, дал Бог, добр.
И я посылаю после сее грамотки вскоре в Ряскую вотчину Гриш-
ку Микитина, для челобитья о помесной земле с Ыльею Фро-
ловым⁵², или Офонку Назарова пошлю. А з запасом ему быть
на Москве к Рожеству Христову, и хлеб ему при себе готовить
на продажу. А люди бьют челом мне — Ефим о сапогах, Гришка
о штанах, Офонька да Медведка о онучех. Велеть сукна выт-
кать добрые, на торговую руку⁵³, штоб годилось на кафтаны
людем».*

Адрес на л. 6 об. (было сложено конвертом):

*«От Дмитрея Васильевича сыну моему Прокофью Дмитрие-
вичю».*

ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 116. Л. 6–6 об.; Опубликовано: МДБП. С. 40–41.

Дмитрий Васильевич сообщает сыну (то есть жене) о прибытии «посылки» с продовольственным и иным «запасом» на двух телегах. Причем вторую телегу с «запасом» он отправил обратно жене в поместье, посчитав, очевидно, что ему будет достаточно одной. Также были отправлены в сельцо Семеновское и лошади, так нужные в хозяйстве. Опять же, названная сумма присланных ему денег — два с половиной рубля — наглядно свидетельствует (как и рассказ о попытке занять три рубля в одном из предыдущих писем) о его денежных проблемах.

Уже закончив, но не отправив «грамотку», Дмитрий Васильевич получил известия из Рязской вотчины о хорошем урожае и не преминул распорядиться о продаже этого зерна. Также напомнил о просьбах дворовых людей прислать им новую обувь и одежду, которая изготовлялась деревенскими мастерами.

Второе письмо Дмитрия Васильевича, обращенное к сыну Прокофию, написано вскоре (через три недели) после его возвращения из триумфального Троицкого похода, окончательно утвердившего на престоле третье поколение Романовых — Ивана и Петра Алексеевичей, под регентством их сестры царевны Софьи Алексеевны.

Казалось бы, всех участников подавления Хованщины должны были щедро наградить, но материальное положение **Д. В. Михалкова** осталось прежним. В словах пожилого воина звучат грустные, даже трагические нотки. Видимо, в последний год жизни, несмотря на радость рождения сына, не только заботы, но и болезни омрачали его душевный настрой.

[1682 г.] ноября 26. Письмо стольника Дмитрия Васильевича Михалкова, обращенное к сыну Прокофию Дмитриевичу

⁵⁰ Чоглоков Тимофей Васильевич (ум. в 1710 г.), окольный брат Д. В. Михалкова. Этот его сын Корнилий не был включен в родословие Чоглоковых, очевидно, он умер в младенчестве.

⁵¹ Хирин Матвей, рязский городской дворянин; Трубниковы — Ерофей Васильевич и Иван Васильевич, дворяне московские с 1676 г. (Иванов. Алфавитный указатель. С. 419).

⁵² Фолов Илья, рязский городской дворянин, сосед по имению, с которым, вероятно, был земельный спор.

⁵³ То есть хорошего качества — пригодного для продажи.

Михалкову (фактически письмо жене Маремьяне Ивановне Михалковой), из Москвы в Романовское поместье [сельцо Семеновское].

«От Дмитрея Васильевича сыну моему Прокофью Дмитриевичу.

Я на Москве ноября в 26 день до воли Божии жив, а впредь Бог волен. А ты, Прокофьюшка, пиши ко мне о материне здаровье, Маремьяны Ивановны, и о своем здаровье, как вас Бог милует, и штоб мне, слыша о вашем здаровье, радостну быти.

Да скажи, Пронюшка, матушке своей штоб велела вина сидеть три браги, тотчас, не мешкав. Зечем по се число вина не сидели? А в вотчинах не сижено вино, ряские отымаютца дровами. А хлеб на вино в обеих вотчинах крестьяном роздан. А на Москве хлебу цена — ржи чети купят в полтину, овса чети в дватцет алтын. А будет подредитца нам у крестьян своих и у чюжих пехоте надворной⁵⁴ хлеб платить, ино у своих денег взять с полуосьминного жеребья по семи капеек, а у чюжих по гривне з двора взять. А меньши тово взять нельзе. И взять у них с прежних отписей список, против чево отписи новые взять. А деньги у всех, у своих и у чюжих, взять наперед. А запасу ис Перкина велел привести белые муки на ситные хлебы — пять чети, на люцкие хлебы муки — пятнатцет чети, да на прадажу ржи — пятнатцет чети, да овса — тритцет чети с лишком.

А живу на Москве, и с холодом, и с голодом, нет ни хлеба, ни дров. У Троицы в слободе⁵⁵ асмина муки, да солоду полосмины, да сена воза с полтора. И тово привести нельзе, потому бездорожица, колотли⁵⁶ во снегу нет. А кои час путь зимней уставитца, и ты (л. 7 об.), Прокофьюшка, скажи матушке своей, штобы, убрався со всеми и с тобою, ехала ко мне к Москве. А печь в подклете нынече стану делать, хоша заняв денег. А кирпичу сырцу сотня — по полугривне. Дядя твой Ондрей Сергеевич⁵⁷ живет у меня во дворе, дает мне денег взаймы двадцет алтын (1 рубль 20 копеек), чем печь зделать.

А вина браги, колько успеют усидеть при вас, то и взять с собою. Иные браги и после сидят за вином не мешкать. Да вели, Пронюшка, на Горинском купить коробью большую на люцкое платье и на всякую рухлядь (одежду), длинную, аршина в полтора. А кровлю у ней сделать на вертлюгах. Да два лукошка больших с кровлеми купить на крупы гречишные и на семя конопляное.

Да буди Прокофьюшко над тобою милость Божия и мое благословение, отныне и до века.

Бей челом Маремьяна, как будешь в церкви, брату Исаю на сене, приказал с человеком дать мне сена взаймы дватцет кит. Дьяк Семен Кудрявцев умер и брат ево умер. А сын ево Тимофей Кудрявцев⁵⁸ пустоши Макушкина не жедает (так!), а просит убытков своих. И те бы убытки ему поднесли Ельчаниновы,

⁵⁴ «Надворной пехотой» потребовали называть себя стрелецкие полки после фактического захвата власти Москве в мае 1682 г. Это было закреплено в царских грамотах от 6 июля того же года. Считалось, что после принесения повинной стрельцами в октябре это название было отменено. Грамотка Д. В. Михалкова — интересное свидетельство о сохранении термина для налога, называвшегося ранее «стрелецкий хлеб».

⁵⁵ См. подпись под илл. на с. 73.

⁵⁶ Очевидно, утрамбованной колеи. Этого слова нет в многотомном «Словаре русского языка XI–XVII вв.», но есть родственный термин «колот» — «приспособление, орудие для утрамбовывания» (М., 1980. С. 251).

⁵⁷ Чоглоков А. С. — см. выше, прим. 41.

⁵⁸ Кудрявцевы: Семен Степанович, в 1668–1680 гг. дьяк Приказа Большого дворца; у него несколько братьев, но умерший в это время неизвестен; Тимофей Семенович, стольник.

Тихон с племянником⁵⁹, и нас бы в купчей своей очищали. И о том деле брат Исай съездил бы говорить Тихону Ельчанинову, дать ему моих три мерина, которые постарее. А другая три лошади братни, и полно ему тех лошадей».

Адрес на л. 7 об. (было сложено конвертом):

«От Дмитрея Васильевича сыну моему Прокофью Дмитриевичю Михалкову».

Здесь же помета скорописью начала XVIII в., сделанная при разборе архива: *«Грамотку (так!) в сем пуже от Митрея к жене ... (далее утрачено несколько букв), к матери».*

ГИМ ОПИ. 401. № 11. Л. 7–7об.; Опубликовано: МДБП. С. 41.

Как и в предыдущем письме, главной хозяйственной заботой было винокурение, вероятно, все же дававшее определенный доход. **Д. В. Михалков** пишет, что рассчитывает получить деньги, взяв на себя официальные обязанности по сбору не только со своих крестьян, но и с крестьян соседей «надворного хлеба» — денежного налога, который всегда назывался «стрелецкий хлеб», то есть став откупщиком. Далее в письме он дает указание привезти к нему в Москву собранный и смолотый хлеб — для обеспечения жизни на городском дворе и для продажи.

Тревожно звучит в письме Дмитрия Васильевича фраза: *«А живу на Москве и с холодом, и с голодом, нет ни хлеба, ни дров».* Она отражает его внутреннее беспокойство, он просит жену и сына поскорее приехать (опять же обращаясь к годовалому ребенку: *«И ты, Прокофьюшка, скажи матушке своей, чтобы, убрався со всеми и с тобою, ехала ко мне к Москве».*) На самом деле продовольственные запасы **Д. В. Михалковых** были совсем недалеко от его двора на Рождественке — в Троицкой монастырской слободе (ныне она обозначена Троицким храмом 1696 г., возвышающимся над Олимпийским проспектом), но якобы до них нельзя добраться по снежному бездорожью. Насчет «холода» вопрос также решился — живший вместе с ним во дворе его двоюродный брат А. С. Чоглоков дал денег на строительство печи.

В конце письма, сделав ряд мелких распоряжений и благословив сына, Дмитрий Васильевич обратился прямо к жене Маремьяне Ивановне. Ей надо было с помощью брата Дмитрия Васильевича — Исая Васильевича уладить земельный спор, начатый с дьяками братьями Кудрявцевыми, а после их смерти продолженный сыном одного из них — стольником Тимофеем Кудрявцевым. Помочь Михалковым в этом споре (*«очистить купчую»*) мог романовский помещик Тихон Ельчанинов. Михалковы готовы за это передать ему шесть лошадей, но Дмитрий Васильевич пишет жене, чтобы дала тех, *«которые постарее».*

Это была последняя из сохранившихся семейных «грамоток» **Дмитрия Васильевича Михалкова**, содержащих бесценную информацию о повседневной жизни московского служилого чело-

⁵⁹ Ельчанинов Тихон — ярославский помещик, не входил в Государев двор.

Церковь Троицы Живоначальной, что в Троицкой слободе (современный адрес: Второй Троицкий переулок, 8, стр. 1). Слобода основана по указу царя Василия Шуйского 1609 г., пожаловавшего Троице-Сергиеву монастырю обширную землю села Напрудного. Храм построен в 1696 г. на месте старого деревянного и является образцом московского барокко конца XVII в. (нарышкинского стиля). То, что в слободе хранились запасы Д. В. Михалкова, привезенные из его вотчин и поместий, свидетельствует о древних связях рода с Троице-Сергиевым монастырем. Ныне церковь снова является храмом Троицкого монастырского подворья.

века конца XVII в. В его «повседневность» входили и дальние военные походы, и охрана царствующей фамилии во время бунтов и придворных смут, и, конечно, забота о своем хозяйстве на московском дворе, в вотчинах и поместьях.

Наиболее же поздняя по хронологии «грамотка» **Д. В. Михалкова** относится к деловым письмам, в ней почти нет этикетных формул.

В крупных боярских хозяйствах эту переписку с вотчинами вели московские приказчики (сохранились комплексы писем от имени боярина Б. И. Морозова, князей Одоевских, князей Черкасских и др.). Но, повторимся, Дмитрий Васильевич всю деловую переписку вел сам.

[1682 г.] декабря 6. Письмо стольника Дмитрия Васильевича Михалкова старосте Микеше Попкову и крестьянам его вотчины — трети села Перкина Рязанского уезда — из Москвы.

«От Дмитрея Васильевича в вотчину нашу Рязанскую в треть села Перкина стросте Микеше Попкову и всем крестьяном.

Мы на Москве декабря в 6 день дал Бог здорово.

Да которой час ся грамотка приедет к вам, велеть вино готовить тотчас, не мешкав по прежнему. Да велеть на белые хлебы отолочь на ядро, пять чети ржи, мясо свиное полтевое — по прежнему, и гуси, и утки, и поросенки, шерсть, и холсты, и хмель — по прежнему, яйца и масло коровье — по прежнему, да семени конопляного, што умолочено, все привести. А гречи, што умолочено, всю делать в крупы, чисто гораздо, на торговую руку, а на семена оставить шесть чети. Лыки и лапти, ужища и возжи — против прежнему вьдвое, и мочала. А вина, сколько по сю грамотку изготовлено, с тем вином и ехать к Москве, тотчас не мешка. У которых вино не поспеет, и тем на своих подводах недоборное вино вести.

И те луговые деньги все сполна собрав прислать. А пустошные Тимохинские недоборные, тово не зделай, што не взять достальных. Не давай во всех деньгах отписи, коли деньги не все на руку принел. Ино было, не во всех деньгах и отпись давать, своими деньгами дополнять тебе староста. Да сберите с сажени денег по пяти алтын, чем долг оплатить.

А на вино роздать хлеба на ведро по три четверика ржи, а овса то же — по три четверики. А вино имать с тое меры доброе. Пять чети ржи привести будет на перкинских подводах тое ржи, не то ино прибавить ряских подвод».

Адрес на л. 8 об. (было сложено конвертом):

«От Дмитрея Васильевича в вотчинну нашу в треть села Перкина, стросте Микеше Попъкову и всем крестьяном».

ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 116. Л. 8–8 об.; Опубликовано: МДБП. С. 42–43.

Дмитрий Васильевич Михалков пишет о своих распоряжениях иногда весьма жестко: кто не успеет изготовить в срок хлебное «вино», те должны его довозить в Москву сами; если староста не соберет все оброчные деньги со сдаваемых внаем пустошей, то должен дополнить своими деньгами. Но в целом никакого особого гнета на крестьян, кажется, нет, они, как обычно, сдают готовую продукцию для поддержания жизни своего господина, выполнения им возможной новой службы (ведь, как уже отмечалось, царское жалованье он получал крайне редко). Конечно, интересен список продуктов и вещей, которые были необходимы в Москве: *«белые хлебы... пять чети ржи, мясо свиное полтевое... и гуси, и утки, и поросенки, шерсть и холсты, и хмель... яйца и масло коровье... да семени конопляного... гречи... лыки и лапти, ужища и возжи... и мочала».*

Почему-то отложилась в архиве Михалковых «грамотка», адресованная Дмитрием Васильевичем дальним знатным родственникам. Может, она не была отправлена? Ведь время ее написания — разгар стрелецкого бунта, а ее адресаты были близкими родственниками зачинщиков Хованщины.

[1682 г.] июля 25. Письмо стольника Дмитрия Васильевича Михалкова дальней родственнице княгине Ирине Ивановне

Герб князей Хованских

Хованской (жене боярина князя Семена Андреевича Хованского) из поместья в Романовском уезде в Москву.

«Государыне моей милостивой, кормилице и матушке, кнеине Арине Ивановне, Мидька (так!) Михалков челом бьет. Поддай Бог тебе, государыня, множество лет здравствовати з государем моим Семеном Андреевичем. Да пожалуй, государыня, прикажи писать к нам о многолетном здравье государя моего милостивого кормильца князь Семена Андреевича и о своем многолетном здравье. Как вас Господь милует, штоб, государыня, слыша о вашем здравье, нам родостным быть. А изволишь, государыня, припамятовать про нас, и я у себя в деревне в романовской с Маремьяной и с робеночком, с Пронюшкой, июля в 28 день до воли Божии живы, а впредь уповаем на Ево ж, создавшего волю.»

Да милости прошу у тебя, государыня Арина Ивановна, прошу о шурьях своих, Михаиле и Иване Ивановых детех Степина⁶⁰. Дело, государыня, у них с романовскими посадцкими людьми в убойственном деле в Ыноземском приказе, а по челобитью посадцких людей дело в Розбойном приказе. А очищают шурей моих Иван Федоров сын Акинин⁶¹ с товарищи. Припомнятуй, государыня матушка, свою и батюшка моего родство. И о чем, государыня, мать моя вторая, кнеиня Арина Ивановна, шурина мой Иван станет у тебя милости просить, заложит милостивое слово князю Семену Андреевичю. Штоб пожаловал, милость свою над ними бедными удивил (так!), вступился в их бедность и разорение, от поклепного и напрасного иску их освободил. Штоб им бедным напрасно вконец на разоритца. И будет милостью своей заступишь, припомнятуй мое прошение, и за милость твою воздать мне будет нечим, и я бедной должен за тебя Бога молить.

О сем тебе, государыня, много челом бью до лица земного».

Адрес на л. 11 об. (было сложено конвертом):

«Отдать грамотка у боярина князь Семена Андреевича Хованского на дворе».

ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 116. Л. 11–11 об.; Опубликовано: МДБП. С. 42.

Уже отмечалось (с. 190, прим. 113, 306), что Дмитрия Васильевича — старшего в роде Михалковых — знала родственница, возможно, дочь убитого троюродного дяди Ивана Алаевича Ирина Ивановна (в письме особо отмечается: *«Припомнятуй, государыня матушка, свою и батюшка моего родство»*). Напомним, что Ирина Ивановна Михалкова была замужем за князем Семеном Андреевичем Хованским, родным братом князя Ивана Андреевича Хованского, захватившего власть в Москве как раз во время написания данного письма.

Д. В. Михалков решил обратиться с просьбой о помощи к своей тетке в четвертом колене именно в это время, зная, конечно, что ее муж-боярин сможет помочь братьям его жены — Миха-

⁶⁰ См. о них с. 280, 292.

⁶¹ Акинин Иван Федорович, вероятно, городской дворянин. В конце XVI в. Акинины служили по Мещере (см.: Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. Кн. 1. М., 1911).

илу и Ивану Стениным, обвиненным романовскими посадскими людьми «в убойственном деле». Мы не можем проверить справедливость этих обвинений, поскольку архивы рассматривавших это дело Иноземского приказа (значит, в этом деле были замешаны иностранцы — вероятно, купцы, которые бывали в волжских городах) и Разбойного приказа не сохранились. Любопытно, что та же просьба по делу Стениных содержится в письме Хованским жены брата **Дмитрия Васильевича — Исая Васильевича Михалкова — Агафьи**⁶² Возможно, Агафья поддерживала отношения с этими дальним знатными родственниками, через дочь Хованских — Настасью Семеновну, которая упомянута в письме, и брат ее мужа попросил ее помочь.

Вообще, подобные письма к важным персонам с просьбами о помощи и покровительстве — обычное дело в XVII в. Таких писем много в опубликованной рядом с «грамотками» Д. В. Михалкова переписке боярина князя В. В. Голицына⁶³.

Пройдет 10 лет, и князь Василий Васильевич Голицын после падения царевны Софьи в 1687 г. будет лишен боярства, всех вотчин и поместий, и вместе с сыном князем Алексеем Васильевичем отправится в северную ссылку, откуда не вернется. Внук его Михаил Алексеевич станет шутком императрицы Анны Ивановны (его свадьба описана в романе Ивана Лажечникова «Ледяной дом»).

Михалковы же путем браков в середине XIX в. породнятся с другими ветвями **князей Голицыных**, не утратившими славу рода.

Родственный **Михалковым** род князей Хованских сейчас представлен профессором математики Университета Торонто А. Г. Хованским и еще несколькими носителями этой громкой фамилии в России.

Главным событием последнего года жизни **Дмитрия Васильевича Михалкова** было, вероятно, рождение второго сына — **Петра Дмитриевича**. Волею судьбы именно он стал единственным продолжателем рода в XVIII в. Собственно, упоминания в источниках о его рождении в 1683 г. мы не имеем, и исходим из того, что в рассмотренных письмах до 26 ноября 1682 г. он не упоминается. Но он мог родиться и в самом начале 1684 г. или даже после смерти **Дмитрия Васильевича Михалкова**, наступившей 26 января 1684 г. Эту дату мы знаем только из Родословной Михалковых, опубликованной в 1898 г. и основанной на семейных записях, до нас не дошедших. Примечательно, что датой рождения **Петра Дмитриевича Михалкова** в этом родословии назван 1687 г. (с. 190). Это явная ошибка, ведь он упоминается в деловых документах уже с 1684/1685 г. (см. далее). Ошибка эта основана на неправильном указании на возраст П. Д. Михалкова — 45 лет — в указе императрицы Анны Ивановны о его отставке от 24 марта 1732 г. Возможно, он сам когда-то сознательно уменьшил свой возраст⁶⁴.

Дети **Дмитрия Михалкова** и его брата **Исайи** включены в семейные Родословия Михалковых середины XVII в. — у имени

Герб князей Голицыных

В основе гербов — всадник с мечем — герб Великого княжества Литовского. В герб Хованских добавлен также одноглавый орел — герб Речи Посполитой, королями которой были Гедиминовичи. Кресло в окружении двух медведей — герб Великого Новгорода, связь которого с князьями Голицыными и Трубецкими спорна.

⁶² ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 116. Л. 15.

⁶³ МДБП. С. 16–34.

⁶⁴ Ошибка, к сожалению, отразилась в описи наиболее важных документов рода Михалковых, хранящихся в РНБ (ф. 546). Дата рождения 1687 г. приводится в описании данного указа имп. Анны Ивановны (№ 24).

Василия Меньшого Федоровича Михалкова на полях сделана приписка почерком конца XVII в.: «*А у Меньшого Василия дети: Дмитрей да Исай. У Дмитрея детей — сын Прокофей. А у Исая детей — сын Александр*» (см. Главу 1. С. 23)

То есть второго сына **Д. В. Михалкова** автор этой приписки еще не знает. Но возможно, то же лицо, что делало эту приписку в конце XVII в., составляло другое родословие Михалковых, основанное на выписке из главы 46 «Род Коробовых и Киндиревых» старой родословной книги. В нем указано: «*А у Василья Меньшова дети Дмитрий да Исай. А у Дмитрия сын Прокофий да Петр (приписано более темными чернилами, другой рукой?). А у Исая сын Александр*» (см. там же с. 27)

Эти родословия Михалковых готовились для подачи в Разрядный приказ согласно указу царя Федора Алексеевича 1682 г. «Об отмене местничества и сборе родословий всех служилых фамилий, независимо от древности их происхождения». Но работа эта не была завершена. И созданная в 1688 г. книга, названная по переплету Бархатной, как и прежние родословные книги, включила только княжеские и боярские фамилии с дополнениями их поколений до конца XVII в.

Однако поданные другими родами в Разрядный приказ росписи были учтены, и число их известно. Далеко не все из них сохранились в подлинниках, но среди известных о росписях, подаваемых в 1680-х гг., родословия Михалковых нет. Возможно, это связано со смертью **Дмитрия Васильевича Михалкова** (почерк приписки и черновика росписи похож на его), а его брат **Исайя Васильевич** почему-то не продолжил эту работу.

Собственно, о последних годах жизни стряпчего **Исайи Васильевича Михалкова**, кроме того, что он был по заслугам брата назначен воеводой в Романов и был там еще в августе 1683 г. (см. с. 264), известно мало. Он получил чин *стряпчего* в 1661/1662 г., но дальше не продвинулся. О его участии в походах также сведений нет, но при царе Федоре Алексеевиче он получил прибавку к денежному окладу за какие-то заслуги⁶⁵. Исайя Васильевич, вероятно, достаточно рано женился и был женат два раза. Имена его жен приведены в Родословии 1898 г. (с. 49), но фамилии их неизвестны: 1-я — Степанида Ивановна, 2-я — Агафья. Про вторую жену в этом родословии ошибочно сказано, что она в 1630-е гг. получала приглашения в царский дворец на торжественные церемонии — крестины, именины и т.д. Но этого не могло быть, поскольку Исайя Михалков (род. около 1627 г.), тогда был еще ребенком и не мог иметь жены. Вероятно, это была жена одного из Михалковых, живших в первой половине XVII в. Жена Агафья была у Богдана Алаевича.

У **Исайи Васильевича Михалкова** был сын и три дочери. **Александр Исаевич Михалков** был вместе с дядей **Дмитрием Васильевичем** (тот по-домашнему называет племянника в письме «*Олександрушком*») в походе 1680 г. в армии, возглав-

⁶⁵ Описание документов и бумаг МАМЮ. Кн. 18 (Севский стол [Разрядного приказа]). М., 1913. Столбец № 253. Л. 68–70.

ляемой князем В. В. Голицыным (с. 300, прим. 38). После возвращения из похода **Александр Михалков** в 1681/1682 гг. получил придворный чин *стряпчего*, а в 1682 г., при формировании нового двора двух царей Ивана и Петра Алексеевичей, — чин *стольника*, став третьим *стольником* в роде (вслед за своим дедом **Василием Федоровичем** и дядей **Дмитрием Васильевичем Михалковыми**).

В эпоху Петра I **А. И. Михалков** продолжал записываться в Боярские списки *стольником*, и уже в 1700 г. числился владельцем 50 крестьянских дворов. Значит, его отец скончался до этого времени, и он унаследовал все его вотчины и поместья. В записи Боярского списка 1706 г. указано количество дворов и их местоположение: «В Переславле (имелся в виду Переславль-Рязанский), на Раманове, в Ряскомъ»⁶⁶. Детей у Александра Исаевича не было. Согласно Родословной 1898 г. (с. 190), **А. И. Михалков в 1711 г.** был убит «воровскими людьми». Его жена Анна Андреевна (ее девичья фамилия неизвестна) через год после гибели мужа вышла замуж за *стольника* Афанасия Ивановича Зиновьева (род выдвинулся в XVIII в., но линия А. И. Зиновьева угасла в начале XIX в.⁶⁷).

Из дочерей **Исайи Васильевича Михалкова** старшая — **Аграфена Исаевна** — была замужем за **Тимофеем Михайловичем Спасителевым**, в конце XVII в. имевшего чин *жилыца*, а в 1710-е гг. — *поручика*⁶⁸.

По легенде, попавшей даже в летопись, основателем рода Спасителей являлся итальянский капеллан Сальватор (Сальватор — «Спаситель» по-латыни), который прибыл в Москву в 1472 г. в свите Софьи Палеолог — будущей жены великого князя Московского Ивана III. Он перешел в православие и стал Иваном Спасителем⁶⁹. Род угас к началу XIX в. Единственная (?) дочь Тимофея Михайловича и Аграфены Исаевны Спасителей — Прасковья Тимофеевна была замужем за Василием Ивановичем Тутолминым (1710–1794), прокурором Ревизион-коллегии⁷⁰. Сейчас Спасителей вспоминают как первых владельцев подмосковного имения Верхние Горки, принадлежавшего в 1540-е гг. сыну основателя рода Гавриле Ивановичу Спасителю. Его потомки владели этим имением более 350 лет (это довольно редкое явление) и построили в конце XVIII в. первый каменный дом, на основе которого в начале XX в. вдова С. Т. Морозова — З. Г. Морозова-Рейнбот-Резвая создала замечательный ансамбль в стиле неоклассицизма, приглянувшийся семье В. И. Ульянова в 1918 г.

Вторая дочь **Исайи Васильевича Михалкова** — **Евдокия Исаевна** была замужем за **Львом Даниловичем Телепневым**, *стряпчим* с 1692 г., а затем в Боярских списках 1700–1721 гг. числившимся «стряпчим в начальных людях»⁷¹. У них были сын Михаил Львович и дочь Мария Львовна Телепневы. Сын не имел потомства, и его имения в Романовском уезде (вероятно, приданое

⁶⁶ Захаров А. В. База данных «Боярские списки XVIII в.».

⁶⁷ Лобанов-Ростовский А. Б. князь. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 213. № 99.

⁶⁸ Захаров А. В. База данных «Боярские списки XVIII в.».

⁶⁹ Морозов Б. Н., По М. 1) Греческие и итальянские дворянские роды в России в XVI–XVII вв. // Генеалогический вестник. СПб., 2002. № 10. С. 29; 2) Greek and Italian noble families in Russia in the 16th and 17th Century // Nobilita. Revista di Araldica, Genealogia, Ordini Cavallereschi. Milano, 2004. № 58. P. 71–76.

⁷⁰ Толмачев А. Л., Толмачев Н. А. Спасители // База данных «Российский Родословный Фонд» — <https://rgfond.ru/rod/208077>

⁷¹ Захаров А. В. База данных «Боярские списки XVIII в.».

Храмовый комплекс в Косино

матери, выделенное из родовых поместий Михалковых) перешли к его племянникам Бердяевым⁷². О замужестве дочери сведений нет.

В Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи (СПб., 1836. Т. V. С. 11) род Телепневых совершенно необоснованно был внесен с княжеским гербом — как происходящий от князей Телепневых-Оболенских. Между тем сами Телепневы, подавая в конце XVII в. родословную роспись в Разрядный приказ, указывали на свое происхождение от некоего польского выходца Степана Телепнева. В действительности все многочисленные Телепневы XVII–XVIII вв. происходят от братьев Ефима Григорьевича и Василия Григорьевича Телепневых, выдвинувшихся на приказной службе в Смутное время и ставших думными дьяками. Е. Г. Телепнев в начале 1613 г. управлял Печатным приказом и передал дела постельничему и печатнику **К. И. Михалкову**. Под началом К. И. Михалкова служили при царе Михаиле Федоровиче «стряпчими с платьем» дети Е. Г. Телепнева.

Отец Л. Д. Телепнева — мужа Е. И. Михалковой — владел частью подмосковного села Косино (ныне район Москвы), вероятно, он передал ее сыну. Думный дворянин в 1684–1687 гг., И. С. Телепнев (двоюродный брат Л. Д. Телепнева) построил в Косино деревянную церковь Николая Чудотворца. Она простояла до 1947 г. (!), когда частично сгорела, но была восстановлена в 1986 г.

Младшая дочь **Исаи Васильевича Михалкова — Анна Исаевна**, по сведениям Родословия 1898 г., умерла в младенчестве.

Как уже отмечалось в главе «Михалковы в Смутное время и в управлении страной при первом Романове» (с. 96, 205), потомство следующего в одном колене рода с **Дмитрием и Исайей Васильевичами** их троюродного брата — провинциального ко-

72 Родословная Телепневых, помещенная на форуме «Союза возрождения Родословных Традиций» <https://forum.svrt.ru/topic/10581-телепневы>.

73 Захаров. База данных «Боярские списки XVIII в.».

74 РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. № 6. Л. 81, 88, 89, 97, 97 а.

75 Иванов П. И. Алфавитный указатель. С. 429.

76 ГИМ ОПИ. Ф. 401. № 116. Л. 10.

77 РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. № 6. Л. 95.

стромского сына боярского **Гаврилы Богдановича Михалкова** и их четвероюродного брата **Федора Богдановича Михалкова** неизвестно. **Ф. Б. Михалков** участвовал в составлении писцовых книг Вяземского уезда в 1686 г., но в Боярские книги внесен с чином *стряпчего* только в 1692 г. В Боярских списках 1700–1704 гг. он числился «стряпчим полковой службы», но на смотр в 1703 г. не явился (указан в «нетях»), а в 1704 г. возле его имени стоит помета «умре»⁷³.

Опять, как и в прошлые века, род Михалковых сократился до одной линии — потомства **Дмитрия Васильевича Михалкова**. Следующие упоминания **Прокофия и Петра Дмитриевичей Михалковых** начинаются с середины 1680-х гг. 26 января 1684 г. умер их отец — заслуженный воин, ходивший в дальние походы до последних лет своей жизни. Их мать — Маремьяна Ивановна Михалкова, очевидно, уже в 1684 г., а также в 1685/1686 г. пишет челобитные царю об оформлении на сыновей вотчин и поместий умершего мужа, а также — своего прожиточного поместья. В 1686 г. и в 1692 г. были составлены «отказные книги» о переходе имений к новым владельцам — Прокофию Дмитриевичу и малолетнему Петру Дмитриевичу Михалковым⁷⁴.

От периода управления хозяйством Маремьяной Ивановной в вотчинном архиве Михалковых конца XVII в. сохранились три письма к ней старосты с хозяйственными отчетами.

Вскоре (в конце 1686 — начале 1687 г.) Маремьяна Ивановна Михалкова, еще молодая вдова, вторично вышла замуж — за **князя Михаила-Варфоломея Юрьевича Ухтомского**.

Но князь Михаил-Варфоломей Ухтомский, как и первый муж Маремьяны Михалковой, был уже в преклонных годах. Чин *стряпчего* он получил в 1658 г., т.е. почти сорок лет назад, еще при царе Алексее Михайловиче, но *стольником* стал лишь в 1686 г.⁷⁵ Через 10 лет, в начале 1696 г., князь скончался, детей у них с Маремьяной Ивановной не родилось. Сохранилось письмо сестры князя Михаила Ухтомского Маремьяне Ивановне, которое было ответом на просьбу невестки попросить брата приехать к ней⁷⁶.

От первого года нового брака Марьяны Ивановны в родовом архиве Михалковых сохранился любопытный документ. 1 октября 1687 г. от имени ее пятилетнего сына Прокофия Михалкова была составлена закладная кабала на весьма значительную сумму — 170 рублей, а обеспечением возврата этой суммы явилось семейное гнездо — московский двор Михалковых «со всяким дворовым и хоромным строением у Рождественского монастыря на углу»⁷⁷. Неясно, какую роль играл здесь отчим Прокофия Михалкова (был инициатором этой сделки с собственностью пасынка?), на обороте закладной князь Михаил Ухтомский подписывается за Прокофия в получении денег. Разумеется, без согласия матери этого не могло произойти. И очевидно, сопряжено с чрезвычайной нуждой в деньгах на тот момент.

Герб князей Ухтомских

Князья Ухтомские — отрасль удельных князей Белозерских, которые происходят от князей Ростовских — потомков великого князя Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — сына Юрия Долгорукого, князя Владимиро-Суздальского и великого князя Киевского. Фамилия Ухтомских образовалась от владения их предками Ухтомской волостью (на реке Ухтома).

Современные ученые отмечали, что и в XVI в. потомки различных Белозерских князей — Белосельские, Вадбольские, Сугорские, Ухтомские, Шелешпанские, не занимая важных должностей, сохранили части своего древнего землевладения (не видя в них оппозиции, их не трогал Иван Грозный). В XVII в. князья Ухтомские служили дворянами московскими, *стряпчими*, *стольниками*. Трагедией для рода стало Конотопское сражение 1660 г. (где был тяжело ранен Д. В. Михалков) — в нем было убито 7 князей Ухтомских, а один погиб в плену. Но род не пресекся, а возвысился в XVIII в., и продолжается поныне в России, Канаде и во Франции. Пошехонский уезд, где Михалковы получили земли князей Ухтомских, в древности также являлся частью Белозерского княжества. Исползованные в гербе Ухтомских (конец XVIII в.) скрещенные рыбы восходят к древнему символу Белозерского княжества, попавшему на государственную печать Ивана Грозного 1577 г. Они изображались то карпами, то осетрами.

1684/1685 г. Письмо старосты Василия Митрофанова (село не указано) Маремьяне Ивановне Михалковой, ее детям Прокофию Дмитриевичу и Петру Дмитриевичу Михалковым (Петру около года).

РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. Д. 6. Л. 85.

Ч. 1. Данные записи ужина — умолота сделаны впереди собственно письма. Подобные сведения о небольшом хозяйстве представляют особую ценность.

«Сто девяносто третьяго году (1684) сентября 2 день роспись ужину.

Ужал я, староста, ржи сто семьдесят копен. А молоту (так!) выходит с копны по три (далее зачеркнуто: копны) пол осмины (далее приписано над строкой и зачеркнуто: с верхком?). Да семенн коноплянова умогло[л]тил четверть. Осмину послал к Москве, асмину на семяна.

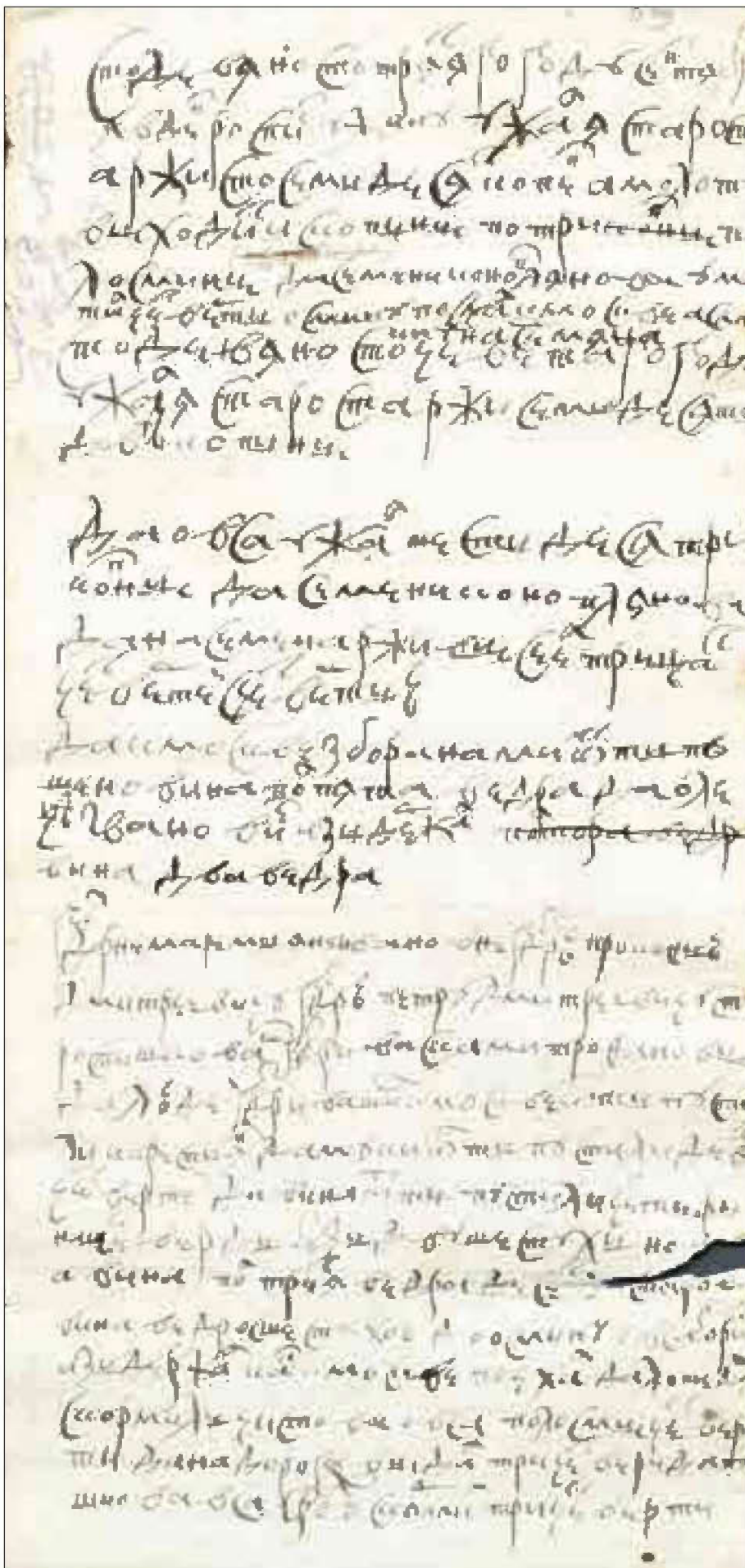
Сто девяносто четвертаго году (1685/1686) ужал я, староста, ржи семьдесят две копны. Да овса ужал шестьдеся три копны. Да семенн коноплянова. Да на семена ржи высеел тридцать четвертей с чевертью. Да к Москве з боранами отъпущено вина пол пяти ведра. Олексе(й) Иванович издержал (далее зачеркнуто: полтора ведра) вина два ведра.

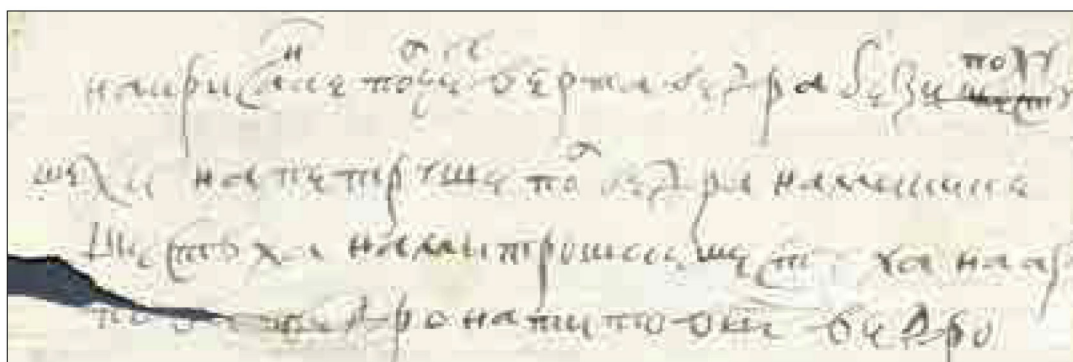
Государине Маремьяне Ивановне, государю Прокофию Дмитриевичу, государю Петру Дмитриевичу старостишко Ваш, государи, Васка Митрофанов (пропущена обязательная этикетная формула: челом бьет).

Да людей, государи, Ваших к Москве отпустили и крестьян, да муки отпустили девять четвертей, да вина отпустили четырнадцать ведр без дву шестухъ (так!), нов[ого], а вина пол третья ведра десети (?) старова вина, ведро с шестухою.

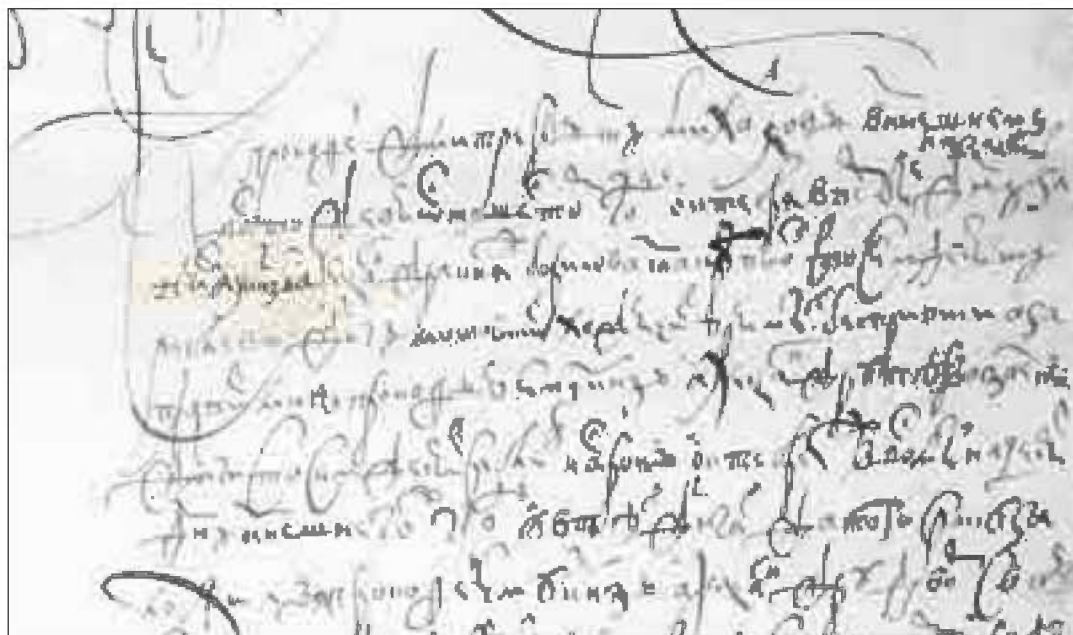
Да осмину овса Борис изъдержал, как к Москве поехал, да людям скормил чистова овса пол осми четверти, да на дорогу выдал три четвери (так?), да Пушнов (?) овса с рожью скормил три четверти. //

(л. 89 об.) На Крисанке — полчетверта овса, на Микике (так!) — шестуха, на Митрошке — шестуха, на Агапове — ведро, на Титовых — ведро».

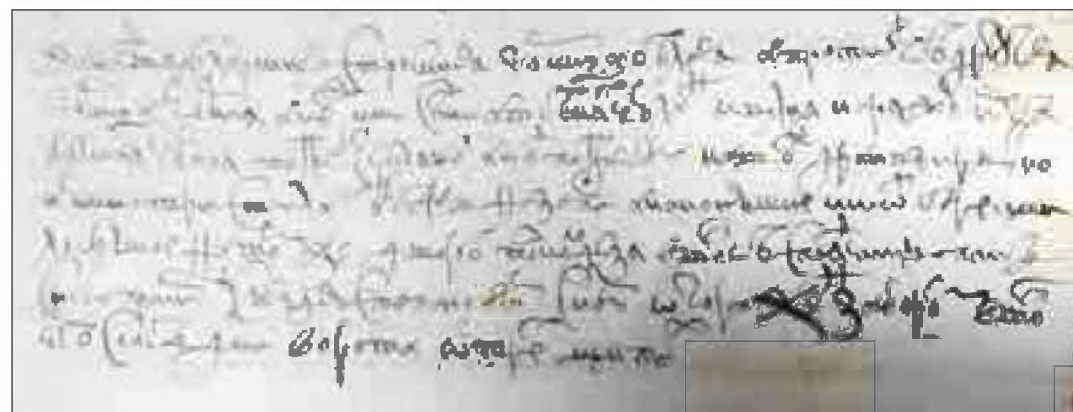

То же письмо. Ч. 2. Л. 85 об., 89 об.

1687 г. Закладная кабала
П. Д. Михалкова князю А. Б. Курбскому
на двор в Москве.
РГАЛИ. Ф. 1711. Оп. 5. № 6. Л. 95.
Черновик, начало.
Характерно исправление в третьей
строке фамилии «князя Александра
княж Борисова сына Курбского»,
первоначально написанной как
«Крупского».

Описание двора Михалковых на л. 95 об.:
«А на дворе хоромного строения: Гор-
ница белая, а против ее другая горница
черная, а меж ими сени, а в сенях чулан.
Мылня на ряж (?) их большая черная.
Погреб земляной, а над погребом навес,
дранью крыт. Конюшно (так!) три
стойла. Анбар на запас. А на конюшне
и на онбаре к...ло большое. На том же
дворе пол колодезя в волче с подъячим
Помесного приказу, с Юдою Степано-
вым, огорожен забором. В волче с сосед-
ми ворота о трех щитах».

Такая, обычная для того времени, сделка представляет для историков особый интерес. Ведь заложили двор Михалковы не состоятельному москвичу, а приехавшему год назад в Россию из Речи Посполитой авантюристу «князю Александру Борисовичу Курбскому», выдававшему себя за правнука русского воеводы XVI в. князя Андрея Михайловича Курбского, перебежавшего на сторону польского короля и прославившегося перепиской с Иваном Грозным (см. Главу 5. С. 250). Перешедший в православие Александр Курбский (к тому же его еще писали и «Крупским!») был принят на русскую службу, получил чин стольника и даже

деньги на приобретение двора, которые и получили Михалковы. Как известно, этот лже-Курбский, как и приехавший вместе с ним его брат — Яков Курбский-Крупский (вероятно, они и были просто Крупские — довольно знатная польско-литовская фамилия), как говорится, плохо кончили и умерли в заточении⁷⁸.

В феврале 1696 г. вдова княгиня Маремьяна Ивановна Ухтомская опять пытается оформить свои имения (в том числе доставшиеся от нового мужа?) за сыновьями Михалковыми, еще недорослями (Прокофию было 14, а Петру — около 12 лет). В 1699 г. **Прокофий Дмитриевич**, очевидно, уже записанный в службу, получает одно из имений в Романовском уезде. С этого времени единственная ветвь рода Михалковых перестает быть мелкопоместными дворянами. В Боярские списки 1700–1707 гг. **Прокофий Дмитриевич Михалков** записан как «стольник полковой службы», в 1706 г. владел уже 88 крестьянскими дворами: «*На Резани, на Романове, в Рязкомъ*»⁷⁹. Он умер в 1707 г. и потомства не оставил. Его земли перешли младшему брату **Петру Дмитриевичу**. Через год после смерти брата — в 1708 г. — **Петр Дмитриевич Михалков** женится на дочери князя Никиты Григорьевича Ухтомского (дальнего родственника своего покойного отчима) — княжне Александре Никитичне, и получает за ней большое приданое, в том числе и село Петровское Пошехонского уезда.

С этого момента началась новая эпоха в истории рода Михалковых.

78 Морозов Б. Н. Князья Курбские на службе в России в XVII в. // Историк во времени. Третьи Зиминские чтения. М., 2000. С. 165; Ерусалимский К. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 594–620 («Потомки и лже-Курбские»).

79 Захаров. База данных «Боярские списки XVIII в.».

Послесловие от автора

Книга эта выходит в свет благодаря энергии и энтузиазму двух представителей рода Михалковых — Сергея Владимировича и Никиты Сергеевича Михалковых.

В конце 1970-х гг. поэт и председатель правления Союза писателей РСФСР С. В. Михалков добился присоединения родового архива Михалковых из усадьбы Петровское, хранившегося в Рыбинском филиале Государственного архива Ярославской области, к своему личному творческому архиву в Центральном (ныне — Российском) архиве литературы и искусства. Сергей Владимирович задумал издать сборник старинных документов из этого архива¹ и привлек для его подготовки специалиста по генеалогии (которая в то время была фактически под запретом), сотрудника Государственной публичной (ныне Российской национальной) библиотеки И. В. Сахарова.

Мы познакомились с Игорем Васильевичем Сахаровым в начале 1980-х гг. Сидя за одним огромным старинным столом в Отделе письменных источников Исторического музея, мы поняли, что изучаем документы одного и того же архива Михалковых (эта часть архива была передана в музей еще в конце XIX в. владельцем усадьбы Петровское библиофилом В. С. Михалковым). И. В. Сахаров читал французские письма Михалковых начала XIX в., а я разбирал скоропись вотчинных актов XVII в. из этого архива. Начиная работу над диссертацией о русских частных архивах XVII в., я понял, что собрание древних документов рода Михалковых представляет особый интерес. Оно содержит не только уникальные грамоты XVI в. (их сохранили немногие служилые люди, пережившие Смуту в начале XVII столетия), но и показывает особое внимание представителей рода Михалковых к своей истории. На протяжении XVII в. они несколько раз составляли и дополняли свою родословную. Опубликовав в 1982 г. одно из этих родословий в оригинальной форме таблицы, я решил послать публикацию С. В. Михалкову. Вскоре И. В. Сахаров познакомил меня с Сергеем Владимировичем, и тот поручил мне копировать древние документы своих предков для издания будущего сборника. К сожалению, проект этот не получил своего продолжения (правда, одну из челобитных стольника Д. В. Михалкова о ране, полученной в Конотопской битве 1659 г., Сергей Владимирович цитировал в своих автобиографических книгах уже в 1990-е гг.).

Спустя годы генеалогия вышла из подполья — в 1990 г. было восстановлено «Историко-Родословное общество в Москве» (ИРО), а в 1991 г. в Санкт-Петербурге И. В. Сахаров возродил «Русское генеалогическое общество», и с тех пор является его прези-

¹ Очевидно, С. В. Михалков хотел продолжить работу графа С. Д. Шереметева, который в своем альманахе «Старина и Новизна» в 1914 г. (накануне «великих потрясений») издал наиболее ценную часть документов архива Михалковых XVI–XVIII вв. Она чудом сохранилась и ныне находится в РНБ. С. Д. Шереметев — последний председатель Императорской Археографической комиссии — скончался в своем доме на Воздвиженке в 1918 г. со словами: «Я умираю с глубокой верой в Россию. Она возродится». В 1956 г. Археографическая комиссия Академии наук была восстановлена, я служу в ней 35 лет.

дентом (но после выхода в конце 1980-х гг. двух статей² его работа над историей рода Михалковых, кажется, была прекращена).

В 1995 и 1997 гг. в «Летописи» ИРО вышли основанные на ранее неизвестных древних документах статьи О. В. Щербачева (ныне — предводителя Российского дворянского собрания) о происхождении рода Михалковых и их связи с династией Романовых³. В то же время в издаваемом Студией «ТРИТЭ» под руководством Н. С. Михалкова альманахе «Российский архив» был напечатан «Альбом фотографий семьи дворян Михалковых»⁴. В 2001 г. на 10-летнем юбилее этого замечательного издания (в котором была и моя публикация) я решил подарить Н. С. Михалкову экземпляры «Летописей» ИРО, но разговора о продолжении изучения истории его рода тогда не получилось.

Прошло еще 15 лет. В марте 2016 г. в Российской государственной библиотеке вручали Национальную премию «Лучшие книги и издательства 2015 года». В номинации «Художественная литература, публицистика» премия была присуждена Н. С. Михалкову за книгу «Территория моей любви», а в номинации «История» победил фундаментальный труд по генеалогии «Стржалковские герба Пулкозиц. Десять веков рыцарского рода» (издательство «Старая Басманная») — моего коллеги, председателя ИРО С. В. Думина. После вручения премии мы разговорились с Никитой Сергеевичем, и я напомнил ему о мечте его отца Сергея Владимировича издать книгу о древнем роде Михалковых. Со свойственной ему решительностью Никита Сергеевич тут же предложил мне начать работу над этой книгой.

Работа оказалась для меня чрезвычайно интересной. Во-первых, удалось решить одну сложность в генеалогической истории рода в XVI в. В упомянутых семейных родословиях XVII в. оказались два разных варианта происхождения (от двух родных братьев Иванов — Большого или Меньшого — «Ивашки») той ветви рода, которая продолжается до настоящего времени. В опубликованной в 1898 г. родословной росписи Михалковых и в созданных на ее основе родословных — в эмиграции в Париже в 1959 г. и в Санкт-Петербурге в 2013 г.⁵ — приведен вариант происхождения поколений рода Михалковых XVII–XX вв. от старшего брата — Ивана Большого. Но на основе анализа грамот и разрядных записей XVI — начала XVII в. мною было точно установлено, что общий предок нынешних поколений рода — воевода Федор Иванович Михалков — сын Ивана Меньшого (нашлась запись о нем: «сын Ивашкин»).

Во-вторых, мною установлено происхождение первого Михалкова от тверских бояр конца XIII — XIV в. Его потомки сохраняли до конца XVI в. вотчины в Переяславском уезде — бывшей территории древнего Переяславского княжества, из которого и выдвинулось Тверское. То есть существовавшая легенда о выезде предка рода из Литвы в Тверь удревняется, по крайней мере, на столетие.

Но в современной научной исторической литературе продолжает бытовать точка зрения академика С. Б. Веселовского,

- 2 Сахаров И. В. 1) Село Петровское и его обитатели // Верхневолжская правда. 1986. 11 и 12 октября; 2) Родовая библиотека Михалковых и ее собиратели // Книжное дело в России во второй половине XIX — нач. XX века. Л., 1988. Вып. 3. С. 112–119.
- 3 Щербачев О. В. 1) О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись ИРО. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 62–67; 2) К вопросу о происхождении рода Михалковых // Там же. М., 1997. Вып. 4–5 (48–49). С. 114–116.
- 4 Альбом фотографий семьи дворян Михалковых / Подгот. В. Н. Козлянов // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. VI. С. 543–544, вклейки.
- 5 Михалковы // Дворянский адрес-календарь на 1898 год. СПб., 1898. С. 181–192; Ikonnikov N. La noblesse de Russie. 2 ed. Tome J. Paris, 1959. P. 323–336; Шумков А. А. Михалковы // Дворянский календарь. Справочная родословная книга российского дворянства. Тетрадь 17. М.: Изд.: Старая Басманная, 2013. С. 179–196.

что Михалковы хотя и старый дворянский, но не земельно-аристократический, а дьяческий род⁶. Эта точка зрения была развита в вышедшей несколько лет назад объемной монографии А. Ю. Савосичева «Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования» (Орел, 2013). Проследив служебную деятельность Т. Ф. Михалкова — дьяка великого князя Василия III — и карьеру его детей А. Т. и П. Т. Михалковых при Иване Грозном, автор делает вывод, «что их служебные успехи нельзя не назвать выдающимися» (с. 334). А. Ю. Савосичев описал и старшую ветвь Михалковых, но общие древние переяславские корни рода им не изучались.

Преодолевать стереотипы, сложившиеся в классических описаниях истории России (С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова и др.), мне пришлось и в объемной 4-й главе, повествующей о деятельности Михалковых в Смутное время. В ней идет речь о роли Михалковых в обеспечении безопасности семьи Михаила Романова (соседей по костромским вотчинам), а затем — в организации царского вотчинного и дворцового хозяйства в разоренной стране. Здесь фамилия Михалковых представлена царским постельничим и печатником К. И. Михалковым и его двоюродными братьями Б. М. и М. М. Салтыковыми (все они — внуки воеводы XVI в. А. Т. Михалкова). В данной книге мне удалось опровергнуть штампы как о «захватившей власть» в первые годы царствования юного Михаила Федоровича «боярской группировке Салтыковых», так и о том, что за него правила мать — великая старица Марфа Ивановна. Во-первых, Салтыковы в начале своей дворцовой деятельности не были боярами и, по сути, противостояли членам старой Думы, которые на Земском соборе 1613 г. не поддерживали кандидатуру сына патриарха Филарета, а сами (в том числе родичи Романовых) стремились занять престол. Во-вторых, все влияние «группировки Салтыковых» определялось, прежде всего, давней дружбой их матери и тетки Константина Михалкова — старицы Евникии Михалковой-Салтыковой с царской матерью. Так что речь идет не о «боярской группировке», а о тесном семейно-дружеском кружке, без которого молодому царю трудно было бы укрепиться на престоле (память о быстрой смене кремлевских правителей в Смуту была еще свежа). Для укрепления этого «ближнего круга» был привлечен и еще один представитель рода из другой его ветви — опытный воевода Артамон-Алай Иванович Михалков, ставший дворецким — управляющим хозяйством инокини-царицы Марфы Ивановны.

В работе над книгой использованы мои исследования документальных источников XV–XVII вв., находки разных лет памятников древнерусской книжности (Повести о Земском соборе 1613 г., Переписки князя Курбского с Иваном Грозным, первых изданий печатных книг Кремлевской типографии 1610-х гг.). Причем изучение истории рода Михалковых в контексте русской истории и культуры позволило сделать новые наблюдения над литературной судьбой этих памятников. Наиболее неожиданным стал вывод о том, что найденный мною

⁶ Создается впечатление, что С. Б. Веселовский (1876–1952), половину своей жизни являвшийся саратовским помещиком, почему-то недолюбливал Михалковых, с которыми даже находился в свойстве через князей Голицыных.

в 2004 г. Травник-лечебник 1534 г. из Библиотеки Ивана Грозного стал основой «Благопрохладного вертограда здравью» — роскошной рукописи, созданной в Кремле в 1616 г. Эта рукопись была создана при непосредственном участии дворецкого Б. М. Салтыкова (авторитетного знатока книжности), кравчего и оружничего М. М. Салтыкова (он руководил мастерами Оружейной палаты, оформлявшими рукописные книги) и постельничего К. И. Михалкова (в «постельной казне» хранились личные царские книги).

Таким образом, история рода Михалковых до XVIII в. вылилась в самостоятельный том. О научной точности сведений его судить специалистам, а представленные в книге древние тексты и их фото, надеюсь, будут интересны потомкам этого замечательного рода и всем читателям, интересующимся историей отечества, понять которую без изучения истории родов, семей и личностей, по-моему, невозможно.

В следующем томе о не менее интересной истории Михалковых в XVIII — начале XX в., работа над которым уже идет, будет помещена полная роспись всех членов рода, указатели имен и родственных фамилий и др. справочные материалы.

Автор хотел бы выразить благодарность, в первую очередь, руководству хранилищ, которые предоставили безвозмездно (для изучения и иллюстрирования книги) высококачественные изображения рукописей, старопечатных изданий, документов и предметов: *Е. Ю. Гагариной* — Музеи Московского Кремля; *А. С. Петрухно*, *М. К. Рыбаковой* и *Е. В. Жилкиной* — Музей-заповедник «Александровская слобода»; *И. Н. Котылевой* и *М. Н. Кириченко* — Национальный музей Республики Коми; *А. В. Сиренову* — Санкт-Петербургский институт истории (Дом Н. П. Лихачева) РАН.

Также я благодарен за консультации и предоставление изображений некоторых миниатюр Лицевого летописного свода XVI в. руководителю «Издательского дома «Актеон» *Х. Х. Мустафину*.

Выражаю признательность моим друзьям и коллегам, с которыми на протяжении многих лет я обсуждал разные исторические и генеалогические вопросы, отразившиеся в данной книге: *А. И. Алексееву*, *Т. В. Анисимовой*, *Ю. С. Белянкину*, *А. П. Богданову*, *С. В. Думину*, *Н. А. Комочеву*, *О. Е. Кошелевой*, *Р. Мартину*, *Л. В. Мошковой*, *Н. А. Мудровой*, *А. П. Павлову*, *Ю. М. Эскину*.

Особая благодарность директору РГАДА *В. А. Аракчееву*, взявшему на себя труд ознакомиться с текстом книги и написать к ней предисловие.

Книга не могла бы выйти в свет без огромной работы по обсуждению и редактированию ее текста *Е. Е. Лазаревой* и *О. А. Михалковой*.

Борис Николаевич Морозов,
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института славяноведения РАН,
член Археографической комиссии РАН,
член правления Историко-родословного общества в Москве

Оглавление

Глава 1
Память рода МИХАЛКОВЫХ. XVI–XVII века
5

Глава 2
Корни рода МИХАЛКОВЫХ. XIII–XV века
31

Глава 3
МИХАЛКОВЫ в XVI веке
41

Глава 4
МИХАЛКОВЫ в Смутное время
и в управлении страной при первом Романове
97

Глава 5
Книжная культура Московского Кремля
в период управления им
Б.М. и М.М. Салтыковыми и К.Н. Михалковым
211

Глава 6
МИХАЛКОВЫ во второй половине XVII века
259

Послесловие
223

Борис Николаевич Морозов

История рода Михалковых XV–XVII века

Литературный редактор

Елена Евгеньевна Лазарева

Консультант

Ольга Александровна Михалкова

Дизайн

Кирилл Александрович Зубченко

Корректор

Елена Юрьевна Таскон

Издательство «Старая Басманная»

www.oldbasman.ru

e-mail: ulgavr@gmail.com

+7 (916) 164-85-26

ISBN-13: 978-5-907369-364

9 785907 169364

Сдано в набор 18.08.2020 г.

Подписано в печать 16.09.2020 г.

Формат 70 100/8.

Печать офсетная. 41 п. л.

Тираж 1000 экз.

Заказ №